

E 46
436

801-15
2062

ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯДЪ НА МІРЪ И ЧЕЛОВѢКА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ВНУКАМЪ).

КНИГА

ДЛЯ НАРОДА И УЧЕНИКОВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ,
ДОСТИГШИХЪ СОЗНАТЕЛЬНОГО ЧТЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ЯКОВА ТЯГУНОВА.

Приидите чада, послушайте мене, стражу Господню научу васъ (Пс. 33, ст. 12).

Чада моя, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дьломъ и истиною (Іоан. 3, 18).

*Въ Темъ животь бѣ, и животь бѣ свѣтъ чело-
вѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ сѣтитсѣ, и тма его не обгьтъ
(Іоан. 1, 4, 5).*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать дозволяется.
С.-Петербургъ. 23 Декабря 1875 г.
Цензоръ, протоіерей *Василій Гречулевичъ*.

2014142730

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 линія, № 45).

Дѣтушки, милыя дѣтушки! Люблю я васъ, очень люблю, а любя, сердечно желаю, чтобы вы были счастливы: нашли сладость въ жизни и благодарили Творца за нее. Но счастья никто изъ людей дать намъ не можетъ. Намъ самимъ необходимо обдумать: гдѣ, въ чемъ счастье и какъ до него достигнуть. Въ этомъ намъ много помогутъ опыты другихъ людей.

Всѣ люди жаждутъ и ищутъ счастья — и это естественно: мы созданы для блаженства. Но много, въ особенности въ настоящее время, есть людей, которые смотрятъ на жизнь какъ на тяжелое бремя, достиженіе счастья считаютъ невозможнымъ, рошутъ на своего Создателя и даже такіе не рѣдко, которые самоубійствомъ прекращаютъ жизнь. Понятно: эти несчастные сбились съ пути жизни — заблудились и идутъ путемъ пагубы. Не у нихъ учиться счастью. Нужно поискать для примѣра такихъ людей, которые сознаютъ себя счастливыми и благодарятъ Бога за жизнь, и у нихъ поучиться, какъ должно жить.

Слава Богу, такіе люди всегда были и есть. Они всѣ свидѣтельствуютъ одно: счастье въ Богѣ — въ покорности Его святой волѣ. Оно и естественно: кому же и знать, въ чемъ счастье человѣка, какъ не Творцу его? Кто же можетъ и надѣлать истинными благами, какъ не Онъ? И можетъ ли быть воля Творца въ отношеніи человѣка иная, какъ не ко благу его?

*

Потому-то и я повѣрилъ этимъ свидѣтелямъ, по ихъ указанію сталъ искать счастья, напелъ и благодарю постоянно Творца за жизнь, Имъ дарованную.

Истину говорю вамъ и тѣмъ хвалюсь предъ вами какъ самымъ драгоценнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ. О, какъ желаю я, чтобы и вы избрали этотъ же путь жизни! Потому-то, испрося у Господа благословенія и помощи, я принялъ написать эту книгу, чтобы указать вамъ какъ познать своего Творца, пріобрѣсть духъ благочестія и утвердиться въ волѣ Божіей. Вотъ мои труды предъ вами — прочтите. Начните, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, такъ:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Господи благослови!

Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной.

Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея.

Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь

ХРИСТИАНСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА МІРЪ И ЧЕЛОВѢКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Р томъ, что проповѣдуетъ намъ вселенная.

I.

Богъ Творецъ нашъ. Ему мы обязаны своимъ бытіемъ и потому первый, священный долгъ нашъ — стараться познать Его. Но кто опишетъ Его, кто изобразитъ Его величіе? Слово человѣческое безсильно и тѣнь Его начертать. Но намъ необходимо, для нашего блага, знать своего Господа, и Онъ Самъ изобразилъ Себя въ сотворенной Имъ вселенной. Своимъ перстомъ начерталъ Онъ эту чудную книгу и раскрылъ ее предъ нами такъ, что письмена ея постоянно предъ нашими очами, и было бы только у насъ желаніе читать ихъ, мы имѣемъ полную на то возможность, и работая, и отдыхая. Никто не можетъ сказать, что они для него непонятны, — нѣтъ, они начертаны столь внятно, столь доступно для каждаго, что всякій простакъ, ничему неученый, взглянувъ на нихъ внимательно, прочтетъ ихъ и невольно скажетъ: «*великій еси Господи, чудны дѣла Твоя и разума Твоего нѣсть числа!*» (Псал. 146, 5). Вмѣстѣ съ тѣмъ письмена эти такъ глубоки, что человѣкъ самаго обширнаго ума и самой тщательной, долготѣней учености, углубясь въ нихъ, сознаетъ, что недостаточно жизни человѣка, если бы она продолжалась даже нѣсколько тысячелѣтій, чтобы изучить ихъ, и скажетъ: «*о бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ*

непостижимы судьбы Его, и неисповѣдимы пути Его! Кто позналъ умъ Господень? Или кто былъ совѣтникомъ Его? Или кто далъ Ему напередъ, чтобы Онъ долженъ былъ воздать?» (Рим. 11, 33—35). Такъ мы видимъ, что мужъ, прославившійся своимъ умомъ, ученостію и великими открытіями въ наукѣ, знаменитый Ньютонъ, всю жизнь свою занимавшійся изслѣдованіемъ природы, умирая, говорилъ: «не знаю, что подумаетъ міръ о моихъ трудахъ, но мнѣ кажется, что я, какъ дитя, забавляющееся по берегу моря, находилъ то гладкій камушекъ, то блестящую раковину, тогда какъ неизвѣданный океанъ истины простирался предо мною.» А другой, столь же славный мужъ—Линней, восхищенный своими ботаническими открытіями, восклицалъ: «и я, подобно Моисею, видѣлъ Бога! Я видѣлъ Его и онѣмѣлъ отъ удивленія! Я видѣлъ слѣды Его стопы въ дѣлахъ творенія, и въ самыхъ малѣйшихъ, ничтожными кажущихся вещахъ, какое вижу всемогущество, какую мудрость, сколько невыразимаго совершенства!»

Къ сожалѣнію множество людей, предавшись суетѣ, не хотятъ читать этой книги Божіей, и потому не знаютъ своего Творца и предаются нечестію и неправдѣ.

Апостолъ Павелъ пишетъ: *открывается инъязъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду человековъ, подавляющихъ истину неправдою. Ибо, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ сотворенія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны. Поелику они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствозанія своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце. Называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человеку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся: потому и предалъ ихъ Богъ, въ похотѣхъ сердецъ ихъ, нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла. Они замѣнили истину Божію ложью, и покланялись, и служили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки, аминь. Потому предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ. И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумъ; то предалъ ихъ Богъ превратному уму, дѣлать непотребства. Такъ что они исполнены всякой*

неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злонавія, злоречивы, клеветники, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знаютъ, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти; однако не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ. Рим. 1, 18—32.

И такъ, чтобы не быть таковыми, постараемся познать Бога и для сего будемъ читать книгу Божію. Вотъ страницы этой книги, всегда передъ нами раскрытыя:

II.

Во первыхъ — небо. Оно всегда предъ нашими очами. Изъ всего нами видимаго есть ли что величественнѣе и красивѣе его? Какой огромный и великолѣпный сводъ, какъ-бы чудный шатеръ, раскинутъ надъ всѣмъ видимымъ нами пространствомъ! Какъ восхитительна эта голубая лазурь его! Какъ милы эти обѣленные и позлащенные солнцемъ облака, то бѣгущія по его лазури, то воздымающіяся на окраинѣ его, какъ дымъ оиміама! И какъ чудно это дѣло Божіей силы и премудрости: все прочее, нами видимое, подлежитъ различнымъ измѣненіямъ и имѣетъ свое начало и конецъ, одно небо всегда одно и тоже и нѣтъ ему предѣловъ. Вотъ, кажется, за дальней горой оно уже сошлось съ землей, — перейдешь гору, тотъ же небесный сводъ надъ тобой и край его какъ-бы уже тамъ за дальнымъ лѣсомъ, — перейдешь лѣсъ, опять тоже небо надъ тобою и слилось уже съ моремъ; пойдешь моремъ, небо какъ бы перенеслось съ тобою и какъ бы покрыло тебя на необъятныхъ пространствахъ моря—ты не видишь болѣе земли и со всѣхъ сторонъ море сошлось съ небомъ.

Вездѣ небо надъ нами и все въ одной дали отъ насъ. Оно объемлетъ насъ и какъ-бы манитъ насъ въ свои обители. Грустно намъ, когда туманъ земныхъ испареній закрываетъ его отъ нашихъ глазъ, страшно намъ, когда черная туча разстелется подъ нимъ.

Не менѣе великолѣпія и красоты представляется нашимъ взорамъ, когда востокъ неба зарумянится зарею, и царь

свѣтилъ — солнце выйдетъ какъ бы изъ края земли и рассыплется повсюду свѣтоносные лучи свои. О, какъ спокойно, ровно, величественно шествуетъ этотъ исполинъ отъ края до края небесъ! Какъ щедро надѣляетъ онъ свѣтомъ и теплотой всѣ концы земли! Никто не укроетъ и не укроется отъ этого источника жизни. Всѣхъ даромъ надѣляетъ онъ сими, самыми необходимыми для жизни и самыми непостижимыми для нашего ума благами. И, чудно, никогда не оскудѣваетъ и не умалается въ немъ ни свѣтъ, ни теплота!

Но вотъ благодѣтельное свѣтило совершило свое шествіе и скрылось за небосклономъ; еще нѣкоторое время румяная заря поддерживаетъ оставленный имъ свѣтъ, но по мѣрѣ того, какъ свѣтъ мало по малу блекнетъ и тма разливается надъ землею, на небѣ начинаютъ сверкать звѣзды и потомъ все небо покрывается безчисленнымъ множествомъ этихъ малыхъ, но не менѣе восхитительныхъ свѣтилъ; какъ будто миллионы свѣчей затеплились тамъ, какъ будто миллионы чудныхъ алмазовъ на царственной одеждѣ засверкали. Но вотъ взошла луна — царица ночи, и разлила свой серебристый свѣтъ. Какъ великолѣпно плыветъ она по небу, какъ мило серебрить облака, какъ прелестно лучами своими играетъ въ струяхъ водъ!

А какое величественное зрѣлище представляетъ намъ сѣверное сіяніе, когда на сѣверѣ, изъ царства мрака и хлада, невѣдомо откуда и какъ, среди мглы ночной, возстаютъ, какъ исполины, свѣтоносные, разныхъ цвѣтовъ, столпы; они то сходятся, то раздвигаются, то раздѣляются, то сливаются, и зарями огненными уясняютъ тму ночную.

Все это манитъ къ себѣ наши взоры, приковываетъ наше вниманіе, восхищаетъ душу своею красотою, стройностію, величіемъ, и говоритъ намъ: «какъ долженъ быть прекрасенъ, могущъ, премудръ, величественъ Тотъ, Кто все это содѣлалъ!» и вмѣстѣ съ тѣмъ задаетъ намъ множество вопросовъ — какъ бы говорить: «ну, вотъ разрѣши: велика ли земля? гдѣ ей предѣлы? на чемъ она утверждена? изъ чего сводъ небесный? гдѣ и его предѣлы? что такое солнце? откуда оно выходитъ? куда заходитъ? гдѣ скрывается во время ночи? какими путями проходить съ запада на востокъ? что такое луна, звѣзды?» и такимъ образомъ побуждаетъ нашъ умъ не

оставаться въ бездѣятельности, но болѣе и болѣе развиваться, усовершенствоваться и возноситься горѣ.

И вотъ люди, непогубившіе своего разума въ суетѣ и ложныхъ мудрствованіяхъ, изъ одного только созерцанія неба, постигаютъ славу и великолѣпіе Творца, убѣждаются, что и законъ Его долженъ быть совершенъ и святъ; на опытъ дознаютъ, что онъ вождельнъ и сладокъ, и вмѣстѣ съ пророкомъ-царемъ Давидомъ поютъ:

Небеса проповѣдуютъ славу Божию, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь. День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи открываетъ знаніе. Нѣтъ языка, и нѣтъ нарѣчія, идъ не слышался бы голосъ ихъ. По всей землѣ проходитъ звукъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ. Онъ поставилъ въ нихъ жилище солнцу. И оно выходитъ, какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего, радуется, какъ исполинъ, пробѣжать поприще. Отъ края небесъ исходитъ его, и шествіе его до края ихъ, и ничто не укрыто отъ теплоты его. Законъ Господень совершенъ, укрѣпляетъ душу; откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыя. Повелѣнія Господа праведны, веселятъ сердце; заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи. Страхъ Господень чистъ, пребываетъ во вѣкъ. Суды Господни истина, всѣ праведны. Они вождельныи золота и даже множества золота чистаго, слаще меда и капель сота. И рабъ Твой охраняется ими; въ соблюденіи ихъ великая награда. Кто усмотритъ погрѣшности свои? Отъ тайныхъ моихъ очисти меня, и отъ умышленныхъ удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непороченъ и чистъ отъ великаго развращенія. Да будутъ слова устъ моихъ и помысленіе сердца моего благоугодны предъ Тобою, Господи, твердыня моя и избавитель мой!» (Псал. 18).

III.

А люди, посвятившіе себя изслѣдованію представляющихъ уму каждаго мыслящаго человѣка задачъ, вотъ что открыли:

Земля, наше жилище, подобна шару. Господь чудною силою тяготѣнія соединилъ, сплотилъ и скрѣпилъ вещество, изъ котораго она составлена, въ шарообразное тѣло; тою же силою, такъ сказать, привязалъ къ ней все на ней жи-

вущее. Такъ что, что бы мы ни бросили вверхъ, оно, повинаясь той силѣ тяготѣнія, стремится опять на землю же, а не въ пустыя пространства вселенной.

О величинѣ земли можно судить по тому: чтобы обойти ее вокругъ, т. е. если отправиться съ своего мѣста и все идти на востокъ въ одномъ направленіи, пока не придешь на тоже мѣсто съ противной стороны — съ запада, надобно пройти слишкомъ 37,000 верстъ.

Сотворивъ этотъ земной шаръ для жилища человѣку, Господь, какъ ризою, одѣлъ его атмосферою — воздухомъ, который облекаетъ землю на пространствѣ, по мнѣнію однихъ, на 60, а по мнѣнію другихъ, на 150 верстъ въ высоту. — выше пустота, — или эфиръ, самое тончайшее, никакимъ изслѣдованіямъ не подлежащее тѣло.

Воздухомъ мы дышемъ, и имъ же дышетъ все живущее и прозябающее на землѣ: всѣ звѣри, птицы, гады, насѣкомыя, деревья, травы, мхи. Безъ него ничто бы это существовать не могло. Но воздухъ, насъ окружающій, по своей тонкости и прозрачности почти не замѣтенъ для нашихъ чувствъ: впрочемъ мы его ощущаемъ въ дыханіи, въ вѣяніи вѣтра и въ сопротивленіи при сильномъ и скоромъ движеніи, напримѣръ: когда скоро бѣжимъ, или машемъ чѣмъ нибудь плоскимъ. А такъ какъ воздухъ голубаго цвѣта и взоръ нашъ во всѣ стороны простирается на одинакія воздушныя пространства, то онъ представляется намъ круглымъ лазуревымъ сводомъ, великолѣпнымъ шатромъ, распростертымъ надъ землею — небомъ. Вотъ это и есть видимое нами, лазуревое небо.

Воздухъ состоитъ изъ газовъ, называемыхъ азотомъ, кислородомъ и углеродомъ. Чудно то, что ни въ одномъ изъ этихъ газовъ, отдѣльно взятомъ, не можетъ жить никакое живое существо, ни расти какое либо растеніе, но между тѣмъ каждый изъ нихъ необходимъ для жизни населяющихъ землю существъ. Вотъ Господь въ составъ воздуха и влилъ столько каждаго изъ нихъ, сколько нужно для жизни.

☐ Солнце такъ же шарообразное тѣло, но оно въ 1,400,000 разъ болѣе земли, хотя и кажется намъ небольшимъ кругомъ потому, что отстоитъ отъ земли слишкомъ на 143 милліона верстъ.

Господь заключилъ въ немъ источникъ свѣта и теплоты и повелѣлъ ему лучами своими освѣщать и согрѣвать нашъ міръ.

Чудною, невѣдомою для насъ силою онъ утвердилъ солнце въ пространствахъ вселенной, и силою тяготѣнія, тою же, какою скрѣпилъ составъ земли и которую мы испытываемъ въ паденіи брошеннаго вверхъ камня на землю, привязалъ къ нему нашу землю и повелѣлъ ей обращаться около солнца подобно тому, какъ мячъ, привязанный къ нитѣ, мы заставляемъ обращаться вокругъ нашего пальца.

Сверхъ того Господь устроилъ такъ, что земля, въ то время, какъ она пробѣгаетъ небесныя пространства вокругъ солнца, обращается и около себя, подобно тому, какъ колесо вокругъ своей оси, какъ кубарь или волчекъ, спущенный со шнура.

Въ продолженіи сутокъ, т. е. 24 часовъ, земля совершаетъ оборотъ около себя и въ тѣхъ мѣстахъ земли, которыя во время этого оборота около себя, освѣщаются солнцемъ — день, а въ мѣстахъ противоположныхъ, куда не достигають солнечныя лучи — ночь.

Когда солнечныя лучи начнутъ проникать въ видимыя нами воздушныя пространства и освѣтятъ ихъ, тогда востокъ начинаетъ бѣлѣть, потомъ болѣе и болѣе краснѣть — румяниться, это — разсвѣтъ и утренняя заря.

Потомъ, когда лучи солнца станутъ достигать той мѣстности, гдѣ мы находимся, и намъ станетъ видимо солнце, тогда намъ представляется солнце выходящимъ изъ-за края земли.

Земля продолжаетъ вращаться и солнце намъ представляется все выше и выше восходящимъ, пока та мѣстность, гдѣ мы находимся, не станетъ прямо противъ солнца, — тогда настанетъ полдень; послѣ того при непрерывно продолжающемся обращеніи земли, солнце уже кажется намъ опускающимся къ западу и наконецъ, заходящимъ за край земли.

Такимъ образомъ взорамъ нашимъ представляется, что могучее, блестящее, всюду разсѣивающее свѣтъ и теплоту свѣтило величественно шествуетъ по небосклону отъ одного до другаго края неба.

Въ продолженіи года земля совершаетъ свой кругъ около солнца.

Земля несовсѣмъ правильный шаръ, а нѣсколько сплю-

ценный и стоит къ солнцу въ наклонномъ положеніи, а именно такъ, что съ какой бы стороны солнца она ни находилась, прямые — отвѣсныя лучи солнца упадаютъ всегда на середину земли (экваторъ); а потому и болѣе ее грѣютъ, а на южное и сѣверное ея полушарія упадаютъ только косвенные лучи солнца, и тѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ косвеннѣе бываютъ достигающіе туда лучи солнца, и потому менѣе грѣютъ. Отъ этого на землѣ разные климаты: есть страны теплыя, есть умѣренныя, есть и холодныя. А отъ разности въ климатахъ происходитъ то, что въ одной странѣ земля производитъ одно, а въ другой другое; въ одной странѣ живутъ одни животныя; а въ другой другія.

Кромѣ того, отъ наклоннаго положенія земли происходитъ то, что когда земля находится на одной сторонѣ отъ солнца, то болѣе освѣщается и согрѣвается одно изъ полушарій земли, напримѣръ южное; а когда земля переходитъ въ противоположную сторону отъ солнца, то болѣе освѣщается и согрѣвается лучами солнца другое полушаріе — сѣверное. Потому-то, когда на южномъ полушаріи лѣто, у насъ на сѣверномъ зима, а когда у насъ лѣто, на южномъ полушаріи зима. На срединѣ же земли зимы не бываетъ; тѣ страны называются тропическими. И все это происходитъ отъ того, что земля именно находится въ такомъ наклонномъ положеніи къ солнцу какъ есть; если бы она находилась въ прямомъ положеніи къ солнцу, тогда въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ постоянно было бы равноденствіе, какъ бываетъ у насъ 10 Марта и 10 Сентября, слѣдовательно и теплота атмосферы не восходила бы выше того, какъ бываетъ въ то время, и слѣдовательно ничто не могло бы произрастать, или по крайней мѣрѣ созрѣвать; въ тропическихъ же, срединныхъ странахъ, было бы такъ жарко, что едва ли могло бы что расти и жить тамъ. А если бы земля была въ болѣе наклонномъ положеніи къ солнцу, то на каждомъ изъ полушарій земли шесть мѣсяцевъ была бы ночь, а другіе шесть мѣсяцевъ день; слѣдовательно и было бы невозможно здѣсь жить, подобно тому, какъ теперь на самыхъ полюсахъ, гдѣ тоже происходитъ.

Вотъ какъ премудро устроилъ Господь, чтобы на землѣ были день и ночь, и разнообразіе въ климатахъ.

Луна, такъ же какъ и земля, шарообразное тѣло, только гораздо менѣе земли.

Какъ земля силою тяготѣнія привязана къ солнцу, такъ луна тою же силою привязана къ землѣ и обращается вокругъ нея, почему и называется *спутникомъ* земли.

Она сама по себѣ такое же темное тѣло, какъ и земля, и сама не свѣтитъ, а отражаетъ только солнечный свѣтъ, на нее падающій, почему и свѣтъ отъ нея не такъ яркъ, какъ отъ солнца, и не имѣетъ теплоты.

Вокругъ нея нѣтъ атмосферы подобно той, которая окружаетъ землю, а пустота, почему теплота падающихъ на ея поверхность солнечныхъ лучей мгновенно улетучивается въ небесныя пространства и на ней вѣчный холодъ и ничто живое существовать не можетъ.

Она не вращается около себя, какъ земля, и всегда одной только стороною обращена къ солнцу, а потому одна только ея половина освѣщается солнцемъ.

Вотъ, когда она, при обращеніи своемъ около земли, станетъ къ намъ своей освѣщенной половиной, мы видимъ полный ея дискъ — кругъ. Когда же она станетъ къ намъ своей темной стороною, она намъ совсѣмъ не видна. А въ прочее время, смотря по тому, какая часть освѣщенной половины луны видна намъ съ земли, она намъ представляется то большимъ, то меньшимъ отрѣзкомъ круга.

Такъ какъ полнолуніе бываетъ въ годъ 12 разъ, то по этому годъ раздѣляется на 12 мѣсяцевъ. А такъ какъ луна обращается около земли въ $29\frac{1}{2}$ сутокъ, и въ теченіе сего времени совершаются перемѣны вида луны, то это время дѣлится на четыре четверти луннаго мѣсяца, все равно — на четыре недѣли.

Такимъ образомъ Господь создалъ солнце въ *область* дня, и луну въ *область* ночи, для освѣщенія земли, для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменія времени, чтобы человѣкъ могъ исчислять дни и годы.

Что же такое звѣзды? Астрономы, т. е. ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ небесныхъ явленій, открыли и доказали, что нѣкоторыя звѣзды такія же, какъ наша земля, темныя, обращающіяся около солнца по начертаннымъ для нихъ путямъ тѣла, и какъ луна, свѣтящаяся отражающимся отъ нихъ солнечнымъ свѣтомъ. Эти звѣзды перемѣняютъ свое

положеніе на видимомъ небѣ, т. е. не всегда бываютъ видимы на одномъ мѣстѣ, — онѣ называются *планетами*.

Другія звѣзды такія же свѣтила, какъ солнце, еще превосходящія его величиною, свѣтящіяся собственнымъ свѣтомъ. Эти звѣзды не перемѣняютъ своего положенія на видимомъ небѣ и всегда видимы на опредѣленномъ мѣстѣ, — ихъ называютъ *неподвижными звѣздами*. Чтобы исчислить разстояніе ихъ отъ земли, ученые принимаютъ за мѣрку — за версту — разстояніе земли отъ солнца, и насчитываютъ такихъ разстояній для каждой звѣзды миллионы, а для нѣкоторыхъ звѣздъ даже тысячи миллионовъ.

Есть еще звѣзды, которыя рѣдко являются на небѣ, — онѣ какъ бы блуждаютъ въ пространствахъ вселенной. При нихъ видимъ бываетъ блестящій хвостъ. Эти звѣзды называются *кометами*.

Безчисленно количество видимыхъ нами звѣздъ, но астрономы, въ устроенные ими телескопы — зрительныя трубы, открываютъ въ замѣчаемыхъ на небѣ ночью какъ бы туманныхъ пятнахъ еще такое же множество звѣздъ, простыми глазами невидимыхъ. И вотъ все это Богомъ созданныя міры!

IV.

Пока мы не знали, что земля есть шаръ, а видимое небо — воздухъ, и представляли себѣ землю необъятною плоскостью, а небо какъ бы безпредѣльнымъ кристалльнымъ сводомъ съ утвержденными на немъ, подобно блесткамъ, звѣздами, и не могли постигнуть: на чемъ могла быть утверждена страшная земная масса и какимъ образомъ солнце — это величественное свѣтило — совершаетъ свое шествіе, мы безъотчетно благоговѣли предъ непостижимою, чудною силою Творца, какъ бы на одной длани держащаго необъятно тяготящую землю, а другою проводящаго солнце. Когда же мы дознали, что земля — шарообразное тѣло, а видимое небо — воздухъ, предъ нами какъ бы раздралась завѣса и взорамъ нашимъ представала дѣйствительно необъятная вселенная съ безчисленнымъ множествомъ ужасающихъ своимъ размѣромъ міровъ и уму нашему открылось еще обширнѣйшее поприще для изслѣдованій. И чѣмъ болѣе умъ нашъ углубляется въ нихъ, тѣмъ

болѣе и болѣе дивится онъ тѣмъ чуднымъ силамъ, которыми создались, держатся, движутся и сохраняются эти міры, — тѣмъ мудрымъ законамъ, по которымъ каждому изъ нихъ начертанъ опредѣленный путь и чинъ служенія, — той гармоніи, въ которой каждый изъ нихъ благотѣльно содѣйствуетъ къ сохраненію порядка въ общемъ составѣ вселенной и къ отправленію каждымъ чина своего служенія.

Теперь мы знаемъ, что наша земля, по своей относительно къ прочимъ мірамъ величинѣ, не что иное, какъ пылинка среди ихъ. И вотъ эта пылинка назначена жилищемъ человѣку — существу одаренному умомъ — и помѣщена какъ бы въ средоточіи вселенной, чтобы мы отсюда удобно созерцали величіе дѣлъ Божіихъ — читали книгу, перстомъ Божіимъ начертанную, и поучались законамъ вѣчной жизни.

Если земля пылинка предъ вселенной, то что же ты, человѣкъ, предъ своимъ Творцемъ? — Смирись же и преклонись предъ Нимъ и внимай, что возвѣстилъ Онъ намъ.

Смотри: сила тяготѣнія есть главная зиждущая сила во вселенной — она сплавливаетъ вещество въ огромные міры, связываетъ ихъ одни съ другими и соблюдаетъ ихъ въ стройномъ чинѣ. Пойми же, что и любовь есть основа міра духовнаго — она средоточіе всѣхъ разумныхъ существъ — сила, связывающая ихъ въ союзы и устанавливающая порядокъ въ ихъ отношеніяхъ между собою.

Вотъ сила тяготѣнія связала и скрѣпила вещество земли въ твердый шаръ и не даетъ веществу разсыпаться въ пространствахъ вселенной, и тою же силою земля привязалась къ солнцу — источнику свѣта и теплоты, и солнце въ своихъ лучахъ льетъ на нее свѣтъ и теплоту, а отъ нихъ жизнь повсюду кипитъ на землѣ.

Такъ и любовь другъ къ другу должна связывать и скрѣплять насъ въ семью, общество, государство. Такъ и любовь къ Богу должна соединять насъ съ Нимъ и сохранять отъ темной бездны заблужденій. Такъ и любящіе Бога просвѣщаются свѣтомъ истины, согреваются теплотою Св. Духа и вкушаютъ утѣхи благодатной жизни.

Вотъ, луна силою тяготѣнія привязана къ землѣ, одна только сторона ея освѣщена, блѣденъ ея свѣтъ, на ней холодъ, нѣтъ около ней воздуха и никакого признака жизни.

Такъ бываетъ и съ людьми, привязавшимися любовію къ

земнымъ благамъ, а не къ Богу. Свѣтъ истины не согрѣваетъ ихъ душъ, а свѣтъ заимствованныхъ ими знаній одностороненъ, слабъ, бесплоденъ; холодны они ко всѣмъ своимъ ближнимъ, нигдѣ не ощущаютъ они присутствія славы Божіей, даже не понимаютъ, что такое благодатная жизнь — миръ души, радость духа.

Вотъ, воздухъ, насъ окружающій, невидимъ и не осязаемъ, но мы дышемъ имъ, ощущаемъ присутствіе его въ вѣянніи вѣтра и видимъ въ лазуревомъ небесномъ сводѣ. И Богъ есть духъ вездѣсущій, и хотя мы не ощущаемъ Его нашими тѣлесными чувствами, но Онъ источникъ жизни и мы чувствуемъ Его присутствіе, когда благодать Св. Духа повѣетъ на нашу душу и когда мы, углубляясь въ созерцаніе мудраго устройства окружающаго насъ міра и красоты созданія, удивляемся могуществу, премудрости и благодати Творца.

Всмотритесь въ видимое нами небо; не есть ли это образъ тѣхъ превысшихъ невещественныхъ небесъ, гдѣ постоянно Господь являетъ Свое присутствіе, гдѣ обитаютъ Ангелы, Архангелы, Херувимы, Серафимы, Начала, Власти, Силы, и гдѣ души праведныхъ людей сіяютъ какъ свѣтила, и куда мы, по какому-то непонятному для насъ внутреннему, врожденному влеченію вперяемъ свой молитвенный взоръ и воздѣваемъ руки, когда, обремененные скорбію, ищемъ спасенія отъ тревоженій міра, или когда въ избыткѣ чистой радости благодаримъ Создателя? Не для того ли это прекрасное, величественное небо всегда предъ нашими очами и всегда насъ объемлетъ, чтобы постоянно напоминать объ уготованномъ намъ вѣчномъ, мирномъ жилищѣ, звать насъ и побуждать возноситься туда духомъ, подобно этимъ прелестнымъ облачкамъ, плывущимъ по лазури, обѣленнымъ и позлащеннымъ солнечными лучами.

И не такъ ли наши земныя привязанности, возникающія отъ нихъ страсти и пожеланія и наши горделивыя утешенія не въ свѣтѣ откровенія, а по однимъ стихіямъ міра, заслоняютъ отъ насъ небесное царство Христа, затемняютъ въ насъ вѣру и разрушаютъ надежду на жизнь вѣчную, какъ и эти воздымающіеся отъ земли туманы, наплывающія на небо черныя тучи и поражаемые ими вихри и бури закрываютъ отъ нашихъ глазъ видимое небо и уничтожаютъ наше достоинствѣ и жилища?

Вотъ красота вообще не есть ли чувственное изображеніе благодати—доброты? Какъ по самой природѣ привлекательна и мила она для насъ, и какъ непріятно и отвратительно безобразіе! Не учить ли это насъ любить доброе и стараться быть самимъ добрыми, ненавидѣть все злое и отвращаться отъ него?

Вотъ Господь устроилъ такъ землю, что на ней разные климаты, и потому на одной мѣстности земля производитъ одно, а на другой другое; одна мѣстность изобилуетъ однимъ, другая другимъ. Не видна ли изъ этого цѣль Творца, чтобы людей, разлученныхъ разстояніемъ и раздѣленныхъ по племенамъ и народамъ, соединяли взаимныя ихъ нужды, чтобы не вражду и ненависть они имѣли одинъ къ другому, но помнили бы, что они братья одной плоти и крови и уразумѣли, что миръ между ними и взаимныя услуги служатъ къ счастію и благосостоянію ихъ?

И такъ, славьте Господа; ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Бога боговъ; ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Господа господствующихъ; ибо во вѣкъ милость Его; Того, который одинъ творитъ чудеса великія: ибо во вѣкъ милость Его; который сотворилъ небеса премудро; ибо во вѣкъ милость Его; утвердилъ землю на водахъ; ибо во вѣкъ милость Его; сотворилъ свѣтила великія; ибо во вѣкъ милость Его; солнце — для управленія днемъ; ибо во вѣкъ милость Его; луну и звѣзды — для управленія ночью; ибо во вѣкъ милость Его. Псал. 135, 1 — 10.

V.

Теперь опустимъ взоръ долу, взглянемъ на землю — наше настоящее жилище. Обратимъ сначала вниманіе на составъ ея, на то, что постоянно предъ нами, или, лучше, подъ нашими ногами. Это: песокъ, глина, известь, черноземъ. Вотъ, въ противоположность небу, гдѣ все красота и великолѣпіе, откуда свѣтъ и теплота, намъ на землѣ представляются предметы, не имѣющіе ни вида, ни красоты, — сами собою темные и холодные.

Но изъ нихъ зиждется все произрастающее и живущее на землѣ, — изъ нихъ Господь сотворилъ самаго человѣка. Онъ установилъ законы, по которымъ слуги Его: свѣтъ,

теплота и вода готовятъ изъ этихъ невзрачныхъ, темныхъ и холодныхъ предметовъ пищу растеніямъ, и та пища обращается не только въ плоть всего произрастающаго, но и въ плоды травъ, злаковъ, кустовъ и деревьевъ, слѣдовательно въ пищу и въ плоть населяющихъ землю живыхъ тварей и самаго человѣка. И такъ, изъ земли же Господь продолжаетъ творить все произрастающее и живущее на ней, и тѣло самого владыки земли—человѣка. Въ землю же, по Его закону, обращаются и всѣ они.

Не внятно ли начертано на этой страницѣ Божіей книги: «человѣкъ! тебя Господь надѣлилъ душею разумною—даромъ, по истинѣ божественнымъ, и ты можешь возгордиться этимъ даромъ, возмечтать о себѣ болѣе чѣмъ ты есть; тебѣ же необходимо смиреніе, помни же: ты земля и пепель... Для тебя Господь, чтобы ты уразумѣлъ благодать Его, наполнилъ землю множествомъ разнообразныхъ благъ, но ты можешь пристраститься къ нимъ и изъ за нихъ забыть своего Господа—источникъ истинныхъ благъ и самой жизни; помни же: все это изъ безжизненной, темной и холодной грязи и въ грязь обращается. Смотри: земля сама по себѣ мертва, невзрачна, а съ неба льется жизнь и виждется красота—туда стремись, оттуда почерпай жизнь, тамъ ищи красоты и радости.

Эта страница книги Божіей раскрыта предъ всѣми и понятна для всякаго, а кто поглубже смотритъ на вещи, тотъ не оставитъ безъ вниманія и валяющійся на поляхъ булыжникъ. Эти камни разныхъ величинъ, почти повсюду, какъ бы разбросаны на поверхности земли. Одного рода съ ними каменные груды въ иныхъ мѣстахъ выходятъ изъ земли цѣлыми пригорками и холмами, въ горахъ же воздымаются огромнѣйшія утесы, скалы и вершины горъ. Горы во многихъ мѣстахъ земли занимаютъ огромныя пространства: они то тянутся грядями или хребтами на тысячи верстъ, то группами, возвышаясь однѣ надъ другими, занимаютъ цѣлыя области и даже обширныя государства. Многія изъ нихъ возносятъ свои вершины далеко за облака, и нѣкоторыя достигаютъ 5, 6 и даже 8 верстъ вышины. Тщательныя изслѣдованія и наблюденія ученыхъ удостовѣряютъ, что составъ всѣхъ этихъ горъ есть тотъ же камень и что эти ужасающія своимъ размѣромъ глыбы камня когда-то страшною силою огня подняты и выдвинуты изъ нѣдръ земли.

Все это и многія другія изслѣдованія ученыхъ убѣждаютъ, что и вся оболочка земнаго шара устроена Господомъ изъ этого камня и что изъ этого же камня Онъ посредствомъ огня и воды произвелъ песокъ, глину и известь и покрылъ ими ту каменную оболочку, образовавъ изъ нихъ и плодородную почву—нашу кормилицу, мать сыру землю, и множество другихъ нужныхъ для человѣка минераловъ: песчаникъ, плитнякъ, гипсъ, мѣль, точильный камень, графитъ, мраморъ и другіе, и расположилъ все это пластами по мѣстамъ.

А какъ для растеній необходимъ еще черноземъ, и для человѣка соль, и какъ Онъ всевѣдущій провидѣлъ также, что съ размноженіемъ рода человѣческаго люди мѣстами истребятъ лѣса и будетъ имъ крайняя нужда въ топливѣ и освѣтительныхъ матеріалахъ, то Онъ всеблагій—премудрый, особымъ своимъ промысломъ заготовилъ огромные запасы чернозему, соли, каменнаго угля и нефти; черноземъ смѣшалъ съ плодородною почвой, а соль, уголь и нефть размѣстилъ въ разныхъ странахъ въ особыхъ хранилищахъ, болѣею частію прикрытыхъ для ихъ сохраненія слоемъ земли, а индѣ выходящихъ на ея поверхность, чтобы облегчить человѣку пріисканіе ихъ.

Когда каменные глыбы, образующія горы, выворачивались и подымались изъ нѣдръ земныхъ, онѣ трескались и давали разсѣлины и образовали пропасти—пустоты во внутрь земли. Господь эти пустоты наполнилъ и какъ бы запаялъ рудою разныхъ металловъ: желѣза, олова, свинца, мѣди, платины, серебра, золота и другихъ. И вотъ эти руды, какъ жилы, протягиваются въ глубь земли, а между ними Господь рассыпалъ множество разноцвѣтныхъ красивыхъ камней, называемыхъ драгоценными: алмазь, изумрудъ, топазь, сердоликъ, порфиръ, халкедонъ, яшму, ониксъ и другіе.

Все это на верхнемъ слоѣ земли, но что же тамъ внутри, въ самой серединѣ земнаго шара? Не правда ли: вѣдь хорошо бы узнать? Тамъ, можетъ быть, все серебро да золото, да драгоценныя камни!... Опытомъ этого дознать невозможно, потому что люди, копая землю для извлеченія скрытыхъ въ нѣдрѣ ея сокровищъ, не проникли глубже 500 сажень, толщину же земнаго шара въ поперечникѣ ученые исчисляютъ въ 12 т. верстъ. Но изъ сопоставленія нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ явленій легко убѣдиться, что тамъ—внутри зем-

наго шара такой жаръ, что всѣ руды и минералы находятся въ расплавленномъ—жидкомъ состояніи. Такъ намъ извѣстно во 1-хъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ добывая руду, роютъ землю на большую глубину, извѣдано, что чѣмъ глубже спускаешься, тѣмъ дѣлается теплѣе, а наконецъ становится жарко; во 2-хъ, что при иныхъ горахъ бьютъ изъ земли ключи воды, какъ кипятокъ, горячей, и въ 3-хъ, что на землѣ много горъ, называемыхъ огнедышащими, на которыхъ есть провалы или пустоты, называемыя кратерами, изъ которыхъ постоянно выходитъ паръ въ видѣ дыма, а иногда послѣ землетрясенія и подземныхъ громовъ, выбрасываются въ ужасающемъ количествѣ пепелъ и камни и текутъ огненные рѣки расплавленныхъ и раскаленныхъ рудъ. И такъ, подъ нами огненный океанъ, и мы надъ нимъ строимъ свои дома!

Истина сего предположенія подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ: если мы сильно тремъ твердую тѣлу одно объ другое, то они разгорячаются; также если бить большимъ молотомъ объ наковальню, то они оба также сдѣлаются горячи, а если свалить въ огромную кучу какое нибудь вещество, то въ нижнихъ слояхъ его отъ гнета верхнихъ будетъ теплѣе, и даже если это вещество легко воспламеняется, какъ напримѣръ уголь, хлопчатая бумага, то оно можетъ само собою загорѣться. Теперь, если предположить, что сила тяготѣнія, связывающая вещество въ земной шаръ, находится въ центрѣ этого шара, то понятно какой долженъ быть страшный гнетъ во внутреннихъ пластахъ земли отъ верхнихъ пластовъ, а при такомъ сильномъ гнетѣ не можетъ быть безъ тренія одного вещества объ другое, слѣдовательно по этому уже надо заключать, что чѣмъ ближе къ центру земли, тѣмъ сильнѣе долженъ быть жаръ.

И такъ, сила тяготѣнія, сплотившая вещество въ земной шаръ и привязавшая землю къ солнцу, есть также и причина внутренней теплоты земнаго шара.

Теплота солнечныхъ лучей дѣйствуетъ только на поверхность земли и не можетъ проникать внутрь—много, много если она и теперь, при внутренней теплотѣ, обогрѣетъ землю на два аршина въ толщину при самыхъ жаркихъ и продолжительныхъ дняхъ лѣта. Слѣдовательно, если бы земля не имѣла внутренней теплоты, то въ нѣдрахъ ея былъ бы постоянный холодъ—морозъ, и чѣмъ глубже, тѣмъ сильнѣе. И какъ

дѣйствіе холода изнутри было бы всегда постоянно, непрерывно, а дѣйствіе теплоты солнечныхъ лучей извнѣ прерывалось бы наступленіемъ ночей и зимъ, и теплота въ эти промежутки улетучивалась бы въ небесныя пространства, то естественнымъ слѣдствіемъ этого должно бы быть то, что холодъ поборолъ бы теплоту и земля сдѣлалась бы какъ замерзлый комъ. Тогда не только что на ней ничто не могло бы произрастать, но не могло бы даже образоваться песку, глины и извести, т. е. плодородной почвы, потому что въ такомъ положеніи земли на ней не могло быть ни огненныхъ, ни водныхъ переворотовъ, обратившихъ оболочку земли—гранитъ въ песокъ, глину и известь.

Вотъ и въ нравственномъ—духовномъ мірѣ разумныхъ существъ мы замѣчаемъ подобное же: человекъ, проникнутый закономъ любви истинной, сосредоточенъ въ самомъ себѣ: наблюдаетъ за своими чувствами, вникаетъ въ пришедшія извнѣ впечатлѣнія и въ возрождающіяся мысли, подвергаетъ все это суду ума—ищетъ истины, и такимъ образомъ занятый явленіями внутренней жизни, не только не нуждается во внѣшнихъ развлеченіяхъ, но убѣгаетъ ихъ; онъ теплъ душою, пламенно желаетъ одного добра и разжигаемый такимъ желаніемъ, готовъ для добраго дѣла на самоотверженіе и самопожертвованіе, а потому жизнь такого человека благодѣтельна и приноситъ обильный плодъ. Напротивъ: человекъ, непроникнутый любовію, не находитъ ничего привлекательнаго въ самомъ себѣ, живетъ внѣшнею жизнью: постоянно ищетъ развлеченія во внѣшнихъ предметахъ, предавъ земнымъ наслажденіямъ и занятіямъ, и потому самолюбивъ; онъ холоденъ душою, благо ближнихъ его не занимаетъ; онъ неспособенъ ни на какое самоотверженіе и самопожертвованіе, а потому и жизнь такого человека не только неблагодѣтельна, но исполнена зла.

Изъ всего этого мы видимъ, что Господь по премудрому своему устроенію въ 1-хъ для поддержанія необходимой на землѣ для живыхъ тварей теплоты заключилъ въ нѣдрахъ ея огненный океанъ; въ 2-хъ этотъ огненный океанъ Онъ оградилъ каменною оболочкой, подобно тому, какъ яйцо скорлупой; въ 3-хъ эту оболочку, какъ обручами, скрѣпилъ хребтами горъ; въ 4-хъ трещины, образовавшіяся на ней, наполнилъ разнообразными рудами металловъ, какъ бы запаялъ ими; въ 5-хъ чтобъ избытокъ огненной силы, заключенной внутри

земли, не былъ опасенъ для ней, и имѣлъ возможность выходить оттуда, устроилъ ему исходяща — огнедышашія горы, подобно тому, какъ человѣкъ устрояетъ клапаны въ паровомъ котлѣ; въ 6-хъ изъ каменныхъ глыбъ образовалъ плодородный слой и покрылъ имъ каменную оболочку земли, подобно тому, какъ плоть наша покрываетъ костяной составъ нашъ; въ 7-хъ изъ составныхъ частей этого слоя: песку, глины и извести образовалъ множество разнообразныхъ минераловъ; въ 8-хъ заготовилъ огромные запасы чернозема, соли, каменнаго угля и нефти; въ 9-хъ всѣ эти разнообразные предметы, необходимые для разнообразныхъ потребностей человѣка, размѣстилъ такъ, что тѣ изъ нихъ, которые составляютъ насущную потребность его, какъ напримѣръ: песокъ, глина, известь, желѣзо, соль находятся въ изобиліи и добыть ихъ легко; напротивъ: тѣ предметы, которые не составляютъ существенной нужды, а служатъ для украшенія жилищъ и одежды, какъ напримѣръ, алмазъ, золото, серебро, составляютъ рѣдкость, съ трудомъ отыскиваются и еще съ большимъ трудомъ добываются; въ 10-хъ въ устройствѣ земли — жилища для разумныхъ нравственныхъ своихъ твореній выразилъ и запечатлѣлъ вѣчный законъ міра духовнаго — законъ жизни существъ разумныхъ — любовь, и начерталъ для владыки земли разительный урокъ противъ превозношенія и гордыни, и въ 11-хъ явилъ во всемъ этомъ свое всемогущество, премудрость, всевѣдѣніе и благодать.

Размышляя обо всемъ этомъ, будемъ пѣть вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ:

Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царю мой, и благословлять имя Твое во вѣки и вѣки. Всякій день буду благословлять Тебя и восхвалять имя Твое во вѣки и вѣки. Великъ Господь и достохваленъ, и величіе Его неизсчислимо. Родъ роду будетъ восхвалять о могуществѣ Твоемъ. А я буду размышлять о высокой слави величія Твоего и о дивныхъ дѣлахъ Твоихъ. Будутъ говорить о могуществѣ страшныхъ дѣлъ Твоихъ, и я буду возвыщать о величій Твоемъ. Будутъ провозглашать память великой благодати Твоей и восхвалять правду Твою. Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Благи Господь ко всемъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его. Да славятъ Тебя, Господи, всѣ дѣла Твои, и да благословляютъ Тебя святые Твои. Да проповѣдуютъ славу царства Твоего, и да повѣстуютъ о могуществѣ

Твоемъ и о славномъ величій царства Твоего. Царство Твое — царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Твое во всѣ роды. (Вѣренъ Господь во всѣхъ словахъ Своихъ и святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ). Господь поддерживаетъ всѣхъ падающихъ, и возставляетъ всѣхъ низверженныхъ. Очи всѣхъ уповаютъ на Тебя, и Ты даешь имъ пищу ихъ въ свое время. Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволенію. Проведенъ Господь во всѣхъ путяхъ Своихъ и благъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ. Близокъ Господь ко всемъ призывающимъ Его, ко всемъ призывающимъ Его въ истинѣ. Желаніе боящихся Его Онъ исполняетъ, вопль ихъ слышитъ и спасаетъ ихъ. Хранитъ Господь всѣхъ любящихъ Его, а всѣхъ нечестивыхъ истребитъ. Уста мои изрекнутъ хвалу Господню, и да благословляетъ всякая плоть святое имя Его во вѣки и вѣки.
Пс. 144.

VI.

И такъ земля освѣщена и согрѣта солнцемъ, одѣта воздухомъ, покрыта слоемъ плодородной почвы и наполнена сокровищами минераловъ и металловъ. Но могло ли бы на ней не только жить, даже прозябать что либо живое, если бы она оставалась безъ воды или имѣла въ ней недостатокъ? И вотъ Господь обильно снабдилъ ее водою.

Смотрите: здѣсь ключи бьютъ изъ нѣдръ земныхъ, тамъ потоки стремятся съ высокихъ горъ, водопады съ шумомъ свержаются со скалъ; повсюду ручьи бѣгутъ, извиваясь, по долинамъ, сливаются одни съ другими и образуютъ рѣки; рѣки, изгибаясь какъ змѣи, мирно текутъ и, оплодотворяя цѣлыя области и государства, вливаютъ свои воды, какъ опредѣленную дань, въ моря и океаны; моря и океаны со всѣхъ сторонъ окружаютъ сушу; озера, какъ огромныя зеркала, блестятъ то среди горъ въ долинахъ, то среди низменностей въ углубленіяхъ. Животнымъ и человѣку легко утолить свою жажду и удовлетворить другія нужды, но какъ добудутъ воду растенія? Они неподвижны и прикрѣплены къ одному мѣсту. И вотъ Господь устроилъ такъ, что имъ нѣтъ и надобности искать и добывать самимъ себѣ воды: Онъ на высотахъ воздушныхъ учредилъ особые хранилища водъ и оттуда изъ облаковъ дождемъ окропляетъ ихъ, смываетъ съ нихъ пыль, освѣжаетъ ихъ листья, наполяетъ сухую землю, раство-

рять земляныя частицы и приготовляетъ имъ пищу, и корни ихъ, впитывая ее, питаютъ растенія. Но настаетъ зима: трава поблекла, деревья скинули съ себя зеленую одежду, царство растеній какъ бы заснуло — какъ бы умерло, ему уже нѣтъ болѣе нужды въ пищѣ; морозъ окаменилъ землю. Но онъ своею страшною силою можетъ повредить корни растеній и вышпавшіяся на землю сѣмена — и вотъ, чтобы сберечь ихъ отъ этой враждебной имъ силы, облака уже не дождятъ, а сыплотъ снѣгъ и какъ шубою покрываютъ имъ земную поверхность.

Такъ-то Господь явилъ, что чѣмъ меньше какое-либо Его твореніе можетъ промышлять само о себѣ, тѣмъ болѣе Онъ Самъ печется о немъ. Но что могло бы быть и не такъ, если бы не было Его благого промысла о твореніи Его, то мы видимъ, когда вдругъ небольшое облако обращается въ страшную черную тучу и она заволакиваетъ небо, мракъ налегаетъ на землю, изъ тучи начинаютъ блистать сверкающія молніи, и удары грома слѣдуютъ за ними то съ оглушительнымъ трескомъ, какъ бы отъ разрушившагося свода небесъ, то съ продолжительными перекатами, подобными стуку колесъ огромной колесницы, катящейся по небу, и полетѣя дождь ливнемъ, какъ бы изъ опрокинутого моря. Тогда молніею тутъ сокрушаетъ вѣковое дерево, тамъ зажигаетъ зданіе; здѣсь ливнемъ уничтожаетъ хлѣбъ на поляхъ и губитъ трудъ человека, тамъ отъ этого ливня малые ручейки обращаются въ огромныя рѣки, затопляютъ долины, уничтожаютъ сады, разрушаютъ селенія и города, уносятъ цѣлыя стада и потопляютъ множество людей. Или такая же туча разрѣшается градомъ: иногда цѣлыя льдины падаютъ на землю и покрываютъ ее толстымъ слоемъ — тутъ опять пагуба и бѣдствіе.

Но такіе ливни и грады бываютъ рѣдко и только кое-гдѣ, въ напоминаніе намъ того, какъ страшно лишиться милости Божіей; но они не бываютъ повсемѣстны. Только однажды ливень былъ Господомъ допущенъ повсемѣстно, чтобы всемірнымъ потопомъ смыть съ лица земли людей, сдѣлавшихся привязанностію своею къ земнымъ наслажденіямъ — плотію и потерявшихъ способность жить духомъ; но послѣ того спасенному промысломъ Божиимъ отъ потопленія праведному Ною, въ вѣчный завѣтъ милости Божіей къ роду человѣческому, Господь указалъ на раду. Вглядитесь въ нее и смотрите: верхъ ея касается небесъ, а края ея нисходятъ до

земли; у ней семь прелестныхъ цвѣтовъ, каждый изъ нихъ постепенно переходитъ въ другой и сливается съ нимъ. Это символъ чудной лѣстницы съ семью ступенями — лѣстницы снисхожденія Божія къ людямъ на землю и восхожденія людей съ земли на небо. Ступени ея: правда, судъ, благодать, человеколюбіе, милость, долготерпѣніе и спасеніе, по которымъ Сынъ Божій снисшелъ на землю и низвелъ на людей семь даровъ Св. Духа: духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія и духъ страха Божія. Ступени ея: смиреніе, сокрушеніе, кротость, правдолюбіе, милосердіе, миролюбіе, чистота и терпѣніе, по которымъ Христосъ восшелъ на небеса и ведетъ за собою всѣхъ вѣрующихъ въ Него, сообщая имъ дары Св. Духа чрезъ установленныя Имъ семь таинствъ: крещеніе, миропомазаніе, покаяніе, причащеніе, священство, бракъ и елеосвященіе.

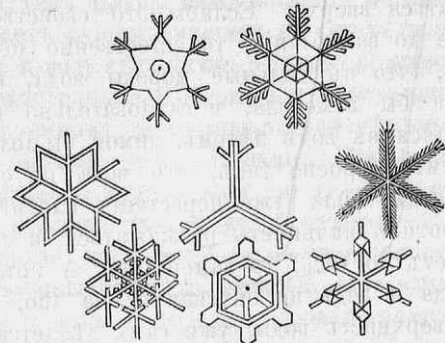
И такъ, источники воды и въ землѣ, и на горахъ, и въ облакахъ, проносимыхъ надъ землею то съ запада, то съ востока, то съ юга, то съ сѣвера. Но кромѣ того самый окружающій насъ воздухъ всюду и всегда пропитанъ водою, иначе самый воздухъ былъ бы тяжелъ и небезвреденъ для нашего дыханія. Что онъ пропитанъ водою это видно изъ того во 1-хъ что иногда въ самое тихое время, на самомъ чистомъ небѣ вдругъ образуется само собою облачко, сперва небольшое, потомъ оно быстро разрастается и скоро собою закрываетъ все небо и проливается дождемъ; во 2-хъ часто послѣ самаго ведренаго теплаго дня къ вечеру образуется въ воздухѣ, кажется совершенно сухомъ, сырой туманъ и скопляется въ низменностяхъ и надъ водами; и въ 3-хъ лѣтомъ по утру, послѣ безоблачной ночи мы видимъ на травѣ и всѣхъ растеніяхъ росу, какъ капельки слезинокъ, покрывающую листья и блестящую, какъ алмазъ, радужными цвѣтами; зимой же иногда всѣ деревья покрываются инеемъ и кажутся какъ бы облачившимися въ самую бѣлую одежду, скованную изъ серебра и усыпанную брилліантами, и тогда не знаешь чему дать преимущество: лѣтней или зимней одеждѣ растеній. Ничего подобнаго не могло бы быть, если бы въ воздухѣ не заключалось воды.

Какъ-же это такъ устроилъ Господь, что изъ земли вѣчно бьютъ ключи, изъ горъ льются потоки и изъ облаковъ сѣется дождь, и источники водные тамъ не иссякаютъ; рѣки вѣчно несутъ свои воды въ моря и океанъ и тѣ не переполняются?

Онъ устроилъ на поверхности земнаго шара ужасающія глубину и обширностію своею впадины, заключивъ въ нихъ главные хранилища воды: это моря и океаны, занимающіе двѣ трети земной поверхности; а чтобы заключенная въ нихъ вода, оставаясь здѣсь безъ движенія, не подвергалась порчѣ отъ воздуха и теплоты, какъ мы замѣчаемъ въ стоячихъ водахъ прудовъ и болотъ, Онъ смѣшалъ ее съ солью — разсолилъ, почему тамъ вода горько-соленая. Отсюда теплота солнечныхъ лучей отдѣляетъ прѣсную воду въ видѣ пара. Этотъ паръ, такъ какъ онъ легче воздуха, подымается вверхъ на высоту. Чѣмъ выше, тѣмъ воздухъ рѣже и холоднѣе, почему паръ, поднявшись, на высотѣ отъ холода сгущается и обращается въ туманъ. Этотъ-то туманъ и есть видимыя нами облака. Вѣтры носятъ облака надъ сушею. Между тѣмъ водяные пузырьки, составляющіе туманъ или облака, соединяясь другъ съ другомъ, сливаются вмѣстѣ, дѣлаются все больше и больше, пока не обратятся въ капли или снѣжинки или градины, и тѣ, сдѣлавшись тяжелѣе воздуха, падаютъ на землю въ видѣ дождя, снѣга, града. Образовавшаяся изъ нихъ прѣсная вода частію поглощается растеніями, частію испаряется и пропитываетъ воздухъ, а остальная идетъ въ особыя устроения Божіею премудростію хранилища. На земной поверхности она скопляется въ углубленіяхъ и образуетъ болота и озера. На верхахъ горъ, отъ сильнаго тамъ холода, эта вода обращается въ снѣгъ и ледъ, которые тамъ покрываютъ огромныя пространства и представляются какъ-бы обратившимися въ ледяныя моря — они называются *ледниками* (глетчерами). Изъ подъ нихъ струится множество потоковъ, которые то падаютъ съ высоты водопадами, то бѣгутъ между расщелинами горъ и соединяясь потомъ вмѣстѣ, составляютъ рѣки. На плоскихъ ровныхъ пространствахъ земли вода эта просачивается внутрь земли и, встрѣтивъ непроницаемыя для нея пласты глины или каменистыхъ породъ, скопляется въ подземные источники и по тѣмъ пластамъ вновь выходитъ на поверхность земли и бьетъ ключами, и потомъ извиваясь ручьями по долинамъ, соединяется и здѣсь въ рѣки. Рѣки же, пробѣгая въ разныхъ направленіяхъ по лицу земли, впадаютъ въ моря и океаны и возвращаютъ воду въ ея первыя хранилища. Такимъ образомъ то количество воды, которое рѣки занимаютъ у источниковъ земныхъ, и вливаютъ въ моря

и океаны, — моря и океаны возвращаютъ опять земнымъ источникамъ посредствомъ облаковъ, и вотъ въ источникахъ вода не изсякаетъ, а моря и океаны не переполняются.

Посмотрите на эти цвѣтки и узоры — это снимки со снѣжинокъ въ увеличительномъ видѣ. Если разсматривать снѣжинки въ увеличительныя стекла, то увидимъ, что каждая изъ снѣжинокъ имѣетъ видъ подобнаго цвѣтка или узора. Это потому, что по премудрому устройству Творца, водяные атомы или пузырьки, составляющіе пары, соединяются другъ съ другомъ не какънибудь случайно, но по закону Творцемъ данному и въ нихъ, такъ сказать, вложенному. Такъ что премудрость Творца проявляется въ красотѣ и правильности устройства самой снѣжинки.

Вотъ изъ подобныхъ же цвѣтковъ или снѣжинокъ состоитъ ледъ. Сначала холодъ — морозъ куетъ изъ воды такіе цвѣтки, потомъ спаяваетъ ихъ одну съ другой, и наконецъ сковываетъ ими всю поверхность рѣкъ, озеръ и морскихъ заливовъ въ крѣпкій, несокрушимый мостъ, но эта страшная сила не можетъ перейти установленной Творцемъ границы и обратитъ всю воду въ глыбу льда, а только до извѣстной глубины можетъ простирать свое могущество.

Извѣстно, что когда вода въ котлѣ начинаетъ нагреваться, то начинается въ ней движеніе, и если котелъ совершенно полонъ, то вода, нагреваясь болѣе и болѣе, станетъ литься чрезъ край и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ выходить изъ воды паръ; а если поставить надъ паромъ холодный стаканъ, онъ тотчасъ покроется водяными каплями. Это потому, что вода теплая легче и занимаетъ больше мѣста, чѣмъ вода холодная, и какъ на днѣ котла она разогрѣвается прежде, то дѣлается легче, подымается вверхъ, болѣе начинаетъ занимать мѣста, а потомъ разлагаясь въ пары, дѣлается даже легче воздуха и подымается въ самый воздухъ, а пары, прикасаясь къ холод-

ному стакану, охлаждаются, сгущаются и обращаются опять въ воду. По этому-то лѣтомъ вода въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ на поверхности теплѣе, а чѣмъ глубже, тѣмъ прохладнѣе, а когда настанетъ осеннее, холодное время, то вода на поверхности охлаждаясь и дѣлаясь холоднѣе находящейся на днѣ, сверху начинаетъ осѣдать на дно, а со дна подыматься вверхъ. Еслибы это свойство воды оставалось тѣмъ же до замерзанія, то естественно должно бы было произойти то, что въ сильные морозы вода, охладясь до замерзанія, вся бы замерзла, и слѣдовательно всякая жизнь, зародившаяся въ водѣ лѣтомъ, зимой бы должна погибать. Но Творцемъ устроено такъ, что вода по охлажденіи до 4½ градуса тепла, уже перестаетъ плотнѣть и тяжелѣть, но напротивъ начинаетъ разжижаться и легчать, а когда достигаетъ до 0°, то замерзаетъ. А потому слишкомъ охладѣлая вода и ледъ не опускаются на дно, и самый ледъ, покрывая поверхность воды, уже самъ дѣлается охранителемъ водныхъ обитателей отъ страшнаго врага ихъ — мороза.

Вотъ какъ устроила премудрость Божія!

Водою мы омываемся отъ нечистоты тѣлесной, и вода въ святомъ Таинствѣ крещенія есть символъ и средство какъ очищенія души вѣрующаго отъ скверны грѣховной, такъ и новаго рожденія въ жизнь вѣчную въ чистотѣ праведности. — Вода сама собою представляется намъ какъ бы имѣющею жизнь, и когда мы любуемся какою нибудь мѣстностью, то невольно говоримъ: какъ этотъ ручей, рѣка или озеро оживаетъ видъ! И дѣйствительно: безъ нея не можетъ ни начинаться, ни продолжаться жизнь: зерно, положенное въ сухую землю, не дастъ ростка, растеніе въ высохшей почвѣ вянетъ и блекнетъ, а какъ только будетъ полито, сейчасъ же оживляется. Животное и человѣкъ, не имѣя возможности утолить жажду, умираетъ. Жизнь человѣка лѣниваго, нерадиваго и порочнаго мы сравниваемъ съ болотомъ зловоннымъ и вредоноснымъ, а жизнь человѣка дѣятельнаго и добродѣтельнаго съ рѣкою, катящею чистую воду, оплодотворяющею и обогащающею прибрежныя области. И Господь Іисусъ Христосъ Жизнеподателя — Духа истины называлъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную (Іоан. 4, 14) и возглашалъ: кто

жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣчки воды живою (Іоан. VII, 37—38). Какъ для жизни земной, стихійной, необходима вода, такъ для жизни духовной, небесной, необходимъ Духъ истины. И какъ все, имѣющее жизнь стихійную, жаждетъ воды, такъ и душа наша жаждетъ истины. И Сама Истина предлагаетъ душамъ нашимъ живую воду въ такомъ же изобиліи, какъ и воду стихійную. Рѣчки этой живою воды истекли изъ устъ вдохновенныхъ Пророковъ и Апостоловъ, протекли по всему лицу земному и составили неизмѣримый и неисчерпаемый океанъ истины — Св. Писаніе. Изъ этого океана Св. Церковь извлекаетъ живую воду и дождитъ ею на всѣхъ вѣрующихъ и утоляетъ жажду душъ ихъ.

Не напрасно Духъ Божій въ началѣ творенія *ношавшеся надъ водою* (Быт. 1), какъ повѣствуетъ св. Моисей. Онъ влилъ въ нее источники жизни и вотъ доселѣ гласъ Божій гремитъ надъ водами многими, возвѣщая неприступную славу Жизнодавца и святые законы Его. Этотъ гласъ всегда слышали внимательные къ дѣламъ Божиимъ люди и вотъ въ самой древней изъ книгъ мы видимъ, что Іовъ, когда начиналъ уже изнемогать подъ бременемъ постигшихъ его бѣдствій, былъ вразумленъ такимъ глаголомъ Божиимъ:

И отвѣчалъ Іегова Іову изъ бури и сказалъ: *иди былъ ты, когда я основалъ землю? Научи если обладаешь вѣдніемъ! Кто положилъ мѣру ея, когда знаешь? Или кто протянулъ по ней шнуръ? Во что водружены столпы ея? Или кто положилъ красуольный камень ея, при всеобщемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда торжествовали всѣ сыны Божіи? Кто заключилъ во вратахъ море, когда оно, исторщившись изъ чрева, выступило? Я облака назначилъ одеждою его и мѣлу пеленою его и провелъ вокругъ его черту Мою, и поставилъ запоры и врата, и сказалъ: „доселѣ доходи и не далѣе, и здѣсь должна сокрушаться гордость волнъ твоихъ!“ Съ того времени, какъ ты живешь, давалъ ли ты повелѣнія утру и указывалъ ли зорь мѣсто ея, чтобы она обхватила края земли и стряхнула злодѣевъ съ нея? Тогда земля измѣняется, какъ лина подъ печатью, и становится какъ одежда; тогда отземлется отъ нечестивыхъ святъ ихъ и мышца высокомерная сокрушается. Доходилъ ли ты до источниковъ моря и спускался ли на дно бездны? Отверзались ли для*

тебя врата смерти, и врата смертной тьмы видѣлъ ли ты? Гдѣ путь къ жилищу свѣта? И гдѣ мѣсто тьмы? Ты конечно дошелъ до границы ея и замѣтилъ стези къ ея дому? Ты это знаешь; ибо тогда уже родился ты и число дней твоихъ весьма велико! Ходилъ ли ты къ сокровищницамъ снѣга и видѣлъ ли сокровищницы града, которыя берегу. Я на время нужды, на день битвы и войны? Гдѣ дорога, по которой дробится свѣтъ, разносимый восточнымъ вѣтромъ по землѣ? Кто проводитъ струи водамъ воздушнымъ и путь стрѣль промовъ, чтобы орошать землю безплодную, пустыню, гдѣ нѣтъ человѣковъ, чтобы насыщать пустую степь и произращать стебли травныя? Есть ли у дождя отецъ или кто рождаетъ капли росы? Изъ чьего чрева выходитъ ледъ и инею небесному кто родитель, когда воды скрываются, какъ подъ камнемъ, и лице бездны твердѣетъ? Возносишь ли къ облаку голосъ свой, и покроетъ ли оно тебя обиліемъ воды? Пошлешь ли молніи, и пойдутъ онѣ, и скажутъ ли тебѣ: „вотъ мы?“ Кто вложилъ мудрость въ тучи, или кто далъ разумъ воздушнымъ явленіямъ? Кто разчисляетъ премудростію облака и кто опорожняетъ небесныя сосуды, такъ что прахъ течетъ, какъ расплавленная лѣдь, и слипаются глыбы? Иова гл. 38.

Господь, поетъ св. Давидъ, посылаетъ слово Свое на землю; быстро течетъ слово Его. Даетъ снѣгъ какъ волну; сыплетъ иней, какъ пепелъ. Бросаетъ градъ Свой кусками; предъ морозомъ Его кто устоитъ! Пошлетъ слово Свое, и все растаетъ; подуетъ вѣтромъ, и потекутъ воды. Пс. 147.

Будемъ же пѣть и мы вмѣстѣ съ нимъ: Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ. Хвалите Его все Ангелы Его, хвалите Его все воинства Его. Хвалите Его солнце и луна, хвалите Его все звѣзды свѣта. Хвалите Его небеса небесъ и воды, которыя выше небесъ. Да хвалятъ имя Господа, ибо Онъ сказалъ и онѣ сдѣлались, повелѣлъ, и сотворились. Поставилъ ихъ на вѣки и вѣки; далъ уставъ, который не преидетъ. Хвалите Господа отъ земли великія рыбы и все бездны, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, бурный вѣтеръ, исполняющій слово Его, горы и все холмы, дерева плодоносныя и все кедры, звѣри и всякій скотъ, пресмыкающіяся и птицы крылатыя, цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и дѣвицы, старцы и

отроки. Да хвалятъ имя Господа; ибо имя Его единого превознесенно, слава Его на земли и на небесахъ. Онъ возвысилъ рогъ народа Своего, славу всехъ святыхъ Своихъ, сыновъ Израилевыхъ, народа близкаго къ Нему. Пс. 148.

VII.

И такъ, вещество, изъ котораго состоитъ земля, темно, холодно, недвижно, однимъ словомъ: безжизненно и неспособно само собою порождать или производить что либо изъ себя; только дѣйствіемъ на него свѣта, теплоты и воды получаетъ оно способность произращенія. И потому какъ только одна изъ сторонъ земли станетъ отвращать лице свое отъ солнца и дѣйствіе на нее свѣта и теплоты солнечныхъ лучей умалится, на ней травы начинаютъ блекнуть и засыхать, деревья скидаютъ съ себя зеленую свою одежду, ростъ ихъ прекращается и они цѣпенѣютъ; птицы отлетаютъ отсюда, остаются одни дикіе звѣри и, выходя изъ лѣсныхъ трущобъ, рыщутъ, ища себѣ добычи; морозъ—врагъ жизни—эмблема смерти, сковываетъ своими узами всю земную поверхность; снѣгъ, какъ саванъ, покрываетъ ее. Повсюду въ природѣ настаетъ безмолвіе могилы — кажется, погасла уже всякая жизнь, и только вода, эмблема жизни, закрывъ себя ледянымъ щитомъ, остается недоступною для врага, — она же, покрывъ пушистымъ снѣговымъ одѣяломъ сѣмена и корни растений, охраняетъ въ нихъ зачатки жизни. По временамъ врагъ усиливается разметать эти охраны, воздвигая бури и воздымая вьюги и метели, чтобы вконецъ истребить всякій зачатокъ жизни, но тщетно. И вотъ какъ только земля охладѣлой—мертвенной стороною обратилась опять къ солнцу — солнце начинаетъ болѣе и болѣе согрѣвать и освѣщать, а вѣшній вѣтерокъ ласкать ее, и тогда зачало жизни — вода первая обнаружить жизнь: ручьи побѣгутъ и запрядаютъ съ горъ и холмовъ; явятся стаи птичекъ и какъ трубы Архангеловъ повсюду начнутъ возвѣщать наступающее воскресеніе природы. И вотъ: снѣговой саванъ сдернуть — поля и луга открылись; узы, которыми была скована поверхность земли и водъ, расторгнуты—онѣ обратились въ живительную влагу и плодоносная почва спѣшитъ зацѣлиться ею; рѣки и озера окончательно сокрушаютъ, какъ уже болѣе не нужные, покрыв-

вающіе ихъ лдяные щиты и весело струясь, здороваются съ старинными своими сосѣдами: селеніями, холмами и деревьями, а тѣ, радостно ихъ привѣтствуя, толпятся къ нимъ, чтобы посмотрѣться въ ихъ зеркальныя поверхности. Рыбы, почуввъ свѣтъ солнечный, выплываютъ изъ глубины на верхъ, рѣютъ тамъ, сверкая своими серебристыми и золотистыми чешуями и всплескомъ своимъ рисуя на гладкой водной равнинѣ ряды правильныхъ волнообразно расходящихся круговъ. Вотъ уже поля и луга обратились въ великолѣпные ковры, деревья одѣлись въ нарядную свѣтло-зеленую, лоснящуюся одежду, зацвѣли и заблагоухали: это жертва благодаренія воскресшихъ — воня благоуханія, и воздухъ наполнился благовоиємъ; лѣсъ, сады, поля населились птичками. Весело порхаютъ онѣ, отыскивая себѣ пищу и собирая матеріалы для своихъ построекъ; щебетанье и радостная пѣснь ихъ раздаются вездѣ: между тѣмъ лебеди, гуси и журавли тянутся стройными рядами по высотѣ къ сѣверу за своими полководцами и команда тѣхъ далеко раздается въ воздухѣ. Бабочки, одна другой красивѣе, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, пчелки жужжатъ вокругъ цвѣтущихъ кустовъ, муравьи хлопчутъ въ своихъ муравейникахъ. Вотъ куры съ шумомъ высыпали изъ своего зимняго заключенія: однѣ взапуски другъ предъ другомъ спѣшатъ поймать муху или какую-нибудь букашку, другія усердно начинаютъ разрывать землю, чтобы отыскать давно желанное лакомство — дождевика, а между тѣмъ пѣтухъ открывъ дорожную находку, громко сзываетъ своихъ подругъ на угощеніе. Коровы, тѣсняясь въ растворенныхъ воротахъ скотнаго двора, порываются скорѣе выбѣжать оттуда и вырвавшись на свободу, мычаніемъ, прыжками и заигрываніемъ одна съ другой изъясняютъ свою радость. Вся тварь веселится: вездѣ жизнь, вездѣ торжество. Вотъ и человекъ вышелъ въ поле съ своимъ помощникомъ — лошадкой, на дѣло свое, на воздѣлываніе земли, чтобы она приносила болѣе полезнаго плода для питанія его самого, его ближнихъ, и служащихъ ему животныхъ.

Не побѣду ли жизни надъ смертію, не торжество ли этой побѣды живописалъ Господь на этой страницѣ своей книги?

Въ одинъ прекрасный весенній день, подвечеръ я сидѣлъ въ саду на берегу озера; было совершенно тихо. Воздухъ

благоухалъ березой и топодемъ. Невдалекѣ пѣлъ соловей и ему вторилъ хоръ другихъ птичекъ. На противоположномъ берегу красовалась деревня съ прилегающими къ ней полями и лугами; оттуда доносились ко мнѣ мычаніе телятъ и блеяніе овецъ возвращавшагося съ пастбы стада и веселые голоса женщинъ и дѣтей, встрѣчающихъ своихъ питомцевъ и кормилицъ. Заходящее солнце послѣдними своими лучами золотило деревню и прибрежные холмы съ купами деревьевъ, и тѣ, какъ въ зеркалѣ отражались въ гладкой поверхности озера; рыбы плескались и играли. Надъ всѣмъ этимъ высился и тоже отражался въ озерѣ чистый лазуревый сводъ неба, только на небосклонѣ за деревнею бѣлое съ позлащенными краями облако воздымалось отъ земли, какъ дымъ курящагося на жертвенникѣ оиміама.

Я былъ въ самомъ благодатномъ настроеніи духа: невозмутимый миръ и благоговѣйный восторгъ обнимали душу, чистая радость и святое чувство любви къ Жизнодавцу наполняли ее и порождали сладкія слезы умиленія и благоговѣйныя мысли. Вотъ, думалъ я, недавно Церковь оглашала насъ радостнымъ: Христосъ воскрес! теперь вся природа отвѣчаетъ ей: воистинну воскрес! Недавно Церковь напоминала намъ обътованіе Христа, что воскреснуть мертвые и всѣ земнородные возрадуются, теперь вся природа подтверждаетъ, что *не изнеможетъ у Богъ всякъ глаголъ* (Лук. 1, 37). Да, намъ обѣщаны новое небо и новая земля, несравненно лучшія этихъ. Но и эта земля прекрасна, и это настоящій великолѣпный храмъ Твой. Господи! Ты въ немъ поставилъ человека священникомъ Себѣ, чтобы онъ возглашалъ Тебѣ хвалу, благодарилъ и славилъ Тебя. Зачѣмъ онъ временный только здѣсь житель? Зачѣмъ смерть? Здѣсь такъ хорошо! Ты обѣщаешь еще лучшее жилище, но мое воображеніе безсильно представить себѣ что либо лучшее. Мнѣ жаль земли — грустно разставаться съ нею!

Въ это время подходитъ ко мнѣ другъ и родной мой, съ которымъ мы давно, почти съ дѣтства, жили, какъ говорится, душа въ душу, дѣлили радость и горе. Видѣ его не весель, даже мраченъ; на лицѣ его досада и неудовольствіе и онъ начинается съ горечью упрекать меня, что я, должно быть, не люблю его, не плачу взаимностью за его любовь и заботы обо мнѣ, невнимателенъ къ нему, не сдѣлалъ для

него даже вотъ и такой-то бездѣлицы. Его упрёки и недовольный видъ волнуютъ меня, оставляютъ горечь въ душѣ, заражаютъ досаду на него, и вотъ внутренній миръ возмущенъ, блаженство, которое доселѣ ощущала душа отъ чистаго наслажденія благами Творца, разрушено — съ одной стороны моею невнимательностію къ другу, съ другой — излишнею притязательностію друга. Хорошо еще, что мы настолько обладали благоразуміемъ, чтобы задуть начинавшія разрастаться страсти, забыть взаимное огорченіе и возстановить прежнее мирное, дружеское отношеніе одного къ другому; но часто между людьми бываетъ не такъ: слово за слово, укоръ за укоръ, и вражда разгорается и воспламеняетъ гнѣвъ, гнѣвъ омрачаетъ разсудокъ и переходитъ въ злобу. И вотъ, многолѣтнія дружескія, братскія, супружескія, исполненные любви, связи порваны, миръ жизни возмущенъ, установившійся было житейскій порядокъ, доставлявшій столько удовольствій, опрокинутъ, и вмѣсто прежнихъ радостей воцаряется тоска, недовольство самимъ собою и другими; уже ничто не веселитъ, на душѣ какъ бы лежитъ что-то, какъ камень, тяжелое, и тогда самая жизнь представляется тяжкимъ и невыносимымъ бременемъ.

Такъ-то страсти наши возмущаютъ потокъ мирной жизни, разрушаютъ ея блаженство и даже дѣлаютъ насъ неспособными пользоваться тѣми благами, которыми надѣлилъ насъ Творецъ.

Но откуда же эти страсти? Неужели онѣ составляютъ неотъемлемую принадлежность нашей природы? Неужели онѣ прирождены ей отначала? Нѣтъ! Намъ прирождены отначала: чувство любви и желаніе блаженства и славы. Если чувство любви прежде всего обращено, какъ подобаетъ по истой правдѣ, къ Богу: то мы находимъ уже блаженство въ самомъ чувствѣ любви: за любовь Богъ платитъ взаимно любовью — ею согрѣваетъ любящаго, свѣтомъ Слова Своего просвѣщаетъ его, дарами Духа Своего Святаго оживотворяетъ его, дѣлаетъ способнымъ къ истинной жизни, и вотъ въ этомъ основной залогъ блаженства. Всякъ просвѣщенный Словомъ Божиимъ ясно представляетъ себѣ величія Божіи, а представленіе совершенствъ Божіихъ наполняетъ душу благоговѣйнымъ восторгомъ; всякъ, почувствовавшій въ себѣ задатки любви Божіей — благодатные дары Св. Духа, проникается

сознаніемъ милостиваго вниманія къ нему столь высочайшаго существа, а это умиляетъ душу и побуждаетъ духъ смиренно склоняться подъ Его святую волю, благодарить Его и стараться быть достойнымъ Его благоволенія. Для такихъ людей — получить похвалу отъ Бога — есть самая высшая награда — величайшая слава. Что для нихъ мнѣніе людское, когда они знаютъ, что похвалить ихъ Богъ? Потому-то ни людскія почести, ни мірская слава не прельщаетъ ихъ, и они тѣхъ не ищутъ.

Любящій Бога можетъ ли не любить ближнихъ своихъ — такихъ же созданий Его, какъ и онъ самъ, тѣмъ болѣе, что всякъ долженъ сознавать ту истину, что *не хорошо человеку быти одному*. А кто любитъ своихъ ближнихъ, тотъ имѣетъ новый источникъ благъ: онъ радуется радости ближняго — да и вообще любить кого-либо и быть любимымъ составляетъ прелесть жизни. Любить же ближняго значитъ: желать ему всякаго добра и содѣйствовать его счастью; въ духѣ кротости, терпѣнія и мира ограждать его отъ всякихъ несприятностей жизни и въ духѣ милосердія заботиться о предупрежденіи его нуждъ. Какъ сладко бываетъ въ душѣ, когда можешь сказать въ самомъ себѣ: я не тяготилъ собою земли, былъ полезенъ, содѣйствовалъ счастью другихъ!

Тому, кто любитъ Бога, блага міра дороги не сами по себѣ, но потому, что они суть проявленіе богатства Божіей благодати. Потому-то онъ и не обладая ими, а только видя ихъ, возноситъ благодареніе Всеблагому, и въ твердой увѣренности, что Премилосердый не оставитъ Своего творенія и дастъ ему все нужное для жизни, проситъ только дать ему хлѣбъ насущный на текущій день. Онъ не только не ищетъ богатства, но и не желаетъ его, даже жаждетъ нищеты, потому что въ одномъ Богѣ ищетъ опоры, и боится, чтобы опираясь на что либо другое, не ослабла его сладкая надежда на Крѣпкаго.

Такимъ образомъ подобно тому, какъ на той сторонѣ земли, которая обращена къ солнцу, отъ солнечныхъ лучей и воды произрастаетъ множество красивыхъ травъ и деревьевъ, и въ человѣкѣ, когда онъ чувствомъ любви обращенъ къ Богу, при содѣйствіи божественнаго свѣта истины и даровъ Св. Духа, проявляется великолѣпный хоръ прекраснѣйшихъ и благодѣлнѣйшихъ добродѣтелей — наслѣдницъ неба.

Еслибы всё люди слѣдовали этому указанію книги Божіей, они были бы безпристрастны, потому что у нихъ не было бы и предлога къ страстямъ, — они были бы блаженны, потому что въ любви, правильно направленной, они бы нашли источникъ блаженства, и не было бы смерти, подобно тому, какъ нѣтъ зимы въ тѣхъ странахъ земли, которыя постоянно обращены къ солнцу, ибо тогда люди были бы всегда при источникѣ жизни и пили бы воду живую.

Къ несчастію люди отъ начала своего бытія чувство любви обращаютъ не къ Богу, а къ самимъ себѣ и земнымъ благамъ, и вотъ отъ того возникаютъ страсти, ибо когда человѣкъ врожденное ему чувство любви обращаетъ не къ Богу, а къ самому себѣ или чему либо земному, то естественно происходитъ то, что онъ любуясь своими мнимыми совершенствами или услаждаясь мыслию о плѣнившемъ его предметѣ, мало думаетъ о своемъ Творцѣ, а прочихъ людей начинаетъ считать какъ бы твореніями низшей отъ него степени, всё же блага земныя изведенными изъ земли только на его потребу — тутъ начало гордыни. Онъ думаетъ только о себѣ, домогается только того, что можетъ доставить ему, по его мнѣнію, наибольшее удовольствіе — тутъ начало сластолюбія, сладострастія, сребролюбія, честолюбія, властолюбія. Много мечтая о себѣ и земныхъ благахъ, онъ въ одномъ себѣ и земныхъ только благахъ думаетъ найти опору жизни и такимъ образомъ погрязаетъ въ житейскихъ заботахъ. Занятый постоянно такими заботами, онъ вовсе забываетъ о Богѣ и ближнихъ, потому-то ему не понятны возвышенныя чувства благочестія — восторгъ и умиленіе предъ величіемъ Божиимъ; онъ глухъ и слѣпъ къ стонамъ и слезамъ ближнихъ. Что ему за нужда, что ближнія его отъ его безопасности о нихъ, или отъ жадности его къ богатству, или отъ расточительности, или отъ несправедливости его терпятъ нужду, огорченія, боль — плачутъ, стонутъ, — ему дорого то, что онъ удовлетворилъ своей прихоти. Но вотъ если кто осмѣлится напомнить ему о его долгѣ, назвать его поступки дурными, не исполнить его желанія, или дерзнетъ стать ему на дорогѣ — станетъ препятствовать ему къ достиженію желаемаго, тогда досада, гнѣвъ, ненависть, злоба овладѣваютъ имъ и онъ готовъ на всякое зло ближнему.

Такъ-то врожденное намъ чувство любви дѣлается источ-

никомъ гибельныхъ страстей, и подобно тому какъ растенія, закрытыя отъ солнечныхъ лучей и лишеныя воды гибнутъ безплодно и обращаются въ грязь, а сторона земли отвратясь отъ солнца, коченѣетъ отъ мороза и дѣлается достояніемъ бурь, мятелей, вьюговъ, и лютыхъ звѣрей, такъ безъ любви къ Богу и безъ содѣйствія Св. Духа хладѣетъ наша душа. гибнутъ въ ней зачатки добра, жизнь грязнится порочными дѣлами, каменѣетъ сердце и дѣлается обиталищемъ страстей.

Мы всё болѣе или менѣе страстны. Страсти, какъ зараза, перешли къ намъ еще отъ праотцевъ, потому что люди отъ начала своего бытія прилѣпясь сердцемъ къ земному, отвратились отъ Бога, не соблюли Божественнаго завѣта — того непремѣннаго условія, подъ которымъ единственно возможна истинная, блаженная, вѣчная жизнь, — любви къ Богу, сдѣлались нарушителями самыхъ законовъ естества и тѣмъ самымъ внесли порчу въ самую свою природу и эту порчу передали естественнымъ порядкомъ рожденія своему потомству, и такимъ образомъ люди сдѣлавшись не способными къ жизни вѣчной, подверглись законамъ смерти.

Но вотъ мы видимъ, что какъ скоро земля охладѣлою своей стороною обратится къ солнцу, солнце льетъ на нее свои благодѣтельные лучи и тѣ изъ погибшихъ растеній, которыя въ землѣ сохранили свои корни и сѣмена, вновь воскресаютъ въ прежней своей, даже лучшей красотѣ.

Не говорить ли это намъ: «обратитесь къ Господу Богу своему, возлюбите Его всею душею вашею, всѣмъ помышленіемъ своимъ, и Онъ просвѣтитъ васъ свѣтомъ истины, согрѣетъ любовію Своею и оживотворитъ Духомъ Святымъ. Сохраните въ себѣ сѣмена Слова Божія и укорените въ себѣ зарождающіяся отъ нихъ благія желанія и намѣренія, и Господь возстановитъ васъ не только въ прежнее достояніе, но воскреситъ васъ во славу чадъ Божіихъ».

«Блаженъ мужъ, который не ходитъ на советъ нечестивыхъ и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей; но въ законъ Господа воля его, и о законъ Его размышляетъ онъ день и ночь! И будетъ онъ какъ дерево, посаженное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и листъ котораго не вянетъ; и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣетъ. Не такъ — нечестивые, не такъ; но они какъ прахъ, возметаемый вѣ-

тромъ съ лица земли. Потому не устоятъ нечестивые на судъ, и грѣшники — въ собраніи праведныхъ, ибо знаетъ Господь путь праведныхъ, а путь нечестивыхъ погибнетъ. Псал. 1.

«Приидите, воспоемъ Господу, воскликнемъ Богу, твердынь спасенія нашего. Предстанемъ лицу Его съ славословіемъ, въ пѣсняхъ воскликнемъ Ему. Ибо Господь есть Богъ великій и царь великій надъ всеми богами. Въ Его рукъ глубины земли, и вершины горъ — Его же. Его море, и Онъ создалъ его, и сушу образовали руки Его. Приидите, поклонимся, и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицемъ Господа, Творца нашего. Ибо Онъ есть Богъ нашъ, и мы — народъ паствы Его и овцы руки Его. О, еслибы вы нынѣ послушали гласа Его: «не ожесточите сердца вашего, какъ въ Меривъ, какъ въ день искушенія въ пустынь. Гдѣ искушамъ Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видѣли дѣло Моё. Сорокъ лѣтъ Я былъ раздражаемъ родомъ симъ, и сказалъ: это народъ, заблуждающій сердцемъ, они не познали путей Моихъ; и потому Я поклялся въ гнѣвъ Моёму, что они не войдутъ въ покой Мой.» Пс. 94.

VIII.

Теперь взглянемъ на царство растений. Какое здѣсь множество и изобиліе разнообразнѣйшихъ предметов!

Вотъ многочисленные разныхъ породъ мхи — они растутъ на бесплодныхъ мѣстахъ: на камняхъ, пескѣ, глинѣ, болотахъ. Изъ ихъ остатковъ, когда они поблекнутъ, заготавливается въ болотахъ торфъ — топливо въ странахъ безлѣсныхъ, а въ прочихъ мѣстахъ черноземъ — пища для травъ, злаковъ и деревьевъ. Этотъ черноземъ или перемѣшивается съ пескомъ и глиною, на которыхъ растутъ, и обращаетъ бесплодное мѣсто въ плодородное, или смывается водою отъ дождей и снѣговъ въ ложбины и тамъ удобряетъ луга и поля. Однѣ изъ породъ мха служатъ пищею оленямъ, другія — лѣкарствомъ человѣку, а нѣкоторыя употребляются при постройкахъ и иныхъ производствахъ.

Вотъ разные роды грибовъ — они служатъ пищею человѣку, скотамъ и звѣрямъ.

Вотъ безчисленные породы травъ: однѣ сочныя и пита-

тельные, ими кормятся многія виды животныхъ, другія лѣкарственные служатъ человѣку для возстановленія его здоровья, иныя красующіяся своими цвѣтами, или благоухающія, или приносящія вкусныя ягоды — онѣ веселятъ взоръ, улаждаютъ обоняніе и вкусъ человѣка.

Вотъ разнообразныя овощи — онѣ служатъ приправой пищи.

Вотъ хлѣбныя злаки; изъ нихъ готовится хлѣбъ.

Вотъ разныхъ породъ деревья: однѣ плодовые, приносящія вкусныя и питательныя плоды, другія строевыя и дровяныя, необходимыя для постройки нашихъ жилищъ и для отопленія ихъ, третьи подблочныя, пригодныя для изготовленія разныхъ нужныхъ намъ вещей.

Вотъ разнообразные кусты: на однихъ растутъ ягоды, на другихъ — роскошныя и благовонныя цвѣты, иныя же въ густой своей листвѣ даютъ убѣжище птицамъ и насѣкомымъ, и любя расти на берегахъ озеръ и рѣкъ и купаться вѣтвями своими въ ихъ водахъ, платятъ за это удовольствіе тѣмъ, что обитателямъ ихъ, рыбамъ и ракамъ, сыплютъ съ своихъ вѣтвей червячковъ, мошекъ, личинокъ, бабочекъ.

Вотъ множество растений, доставляющихъ масло для приправы въ пищу и для освѣщенія, и волокно для изготовленія одежды.

Вотъ виноградныя лозы, дающія виноградъ, изъ котораго источаются различныя вкусныя вина, что далъ намъ Господь, чтобы ими человѣкъ въ трудахъ своихъ подкрѣплялъ свои силы и веселилъ сердце, а не для того, чтобы мы, какъ это дѣлаютъ безумцы, излишнимъ употребленіемъ ихъ губили свои силы, пропивали достояніе своего семейства и превращали данный намъ Творцемъ образъ Божій въ образъ скота безсмысленнаго.

Всякое изъ этихъ произрастеній имѣетъ опредѣленное назначеніе и удовлетворяетъ извѣстную потребность человѣка или животныхъ. Вотъ опять свидѣтельство, что Господь прежде созданія живыхъ тварей и человѣка, провидѣлъ всѣ ихъ нужды, всѣ ихъ потребности и сообразно этому извелъ изъ земли эти безчисленные роды мховъ, грибовъ, травъ, злаковъ, кустовъ и деревьевъ.

А какъ премудро, изящно и въ полномъ совершенствѣ

устроено каждое из растений и во всей его цѣлости и въ самыхъ мельчайшихъ частяхъ!

Кто, напримѣръ, любясь цвѣткомъ, не удивлялся нѣжности его лепестковъ, красивой ихъ формѣ, правильности ихъ расположенія и не вспоминалъ словъ Христа-Господа: «и царь Соломонъ, во всей славѣ своей, не одѣвался такъ, какъ каждый изъ нихъ»?

Всмотритесь въ первый попавшійся на ваши глаза листокъ, поглядите: какая правильность въ его формѣ, сколько здѣсь жилочекъ, одна другой мельче и тоньше, перекрещиваются въ разныхъ направленіяхъ и какая нѣжная ткань связываетъ ихъ между собою!

О, сколько здѣсь чудесъ, непостижимыхъ уму человѣческому! Возьмемъ, напримѣръ, три сѣмечка: маковое, капустное и рѣпное. Всѣ они крохотныя и мало-мало чѣмъ одно отъ другаго отличаются по виду. Посадимъ ихъ на одной грядкѣ. Для всѣхъ ихъ земля одинаковая, одинъ и тотъ же воздухъ ихъ окружаетъ, одинаково на нихъ дѣйствуетъ теплота и влага. Но отъ нихъ вырастутъ совершенно разнаго вида растенія и дадутъ совершенно различные плоды: одно маковку, другое качанъ, третье рѣпу.

Отъ чего же это? Отъ силы, скрытой въ этихъ крохотныхъ сѣмечкахъ. Вложила въ нихъ эту силу непостижимая премудрость Божія.

Эта же дивная сила производитъ то, что мертвое сѣмя, похороненное въ землѣ, при содѣйствіи влаги и теплоты, пускаетъ сначала корешки, потомъ ростокъ. Корешки углубляются въ почву, распускаются тамъ на множество другихъ корешковъ, отыскиваютъ тамъ нужные для растенія соки и всасываютъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ укрѣпляются въ землѣ, чтобы растеніе, какой бы оно ни было величины, могло, опираясь на нихъ, твердо стоять и противиться бурямъ. Ростокъ же идетъ вверхъ, наружу, на свѣтъ Божій, даетъ сначала листки и почку, потомъ изъ почки стебель, стебель выпускаетъ вѣтки съ листьями. Сокъ, всосанный корешками, подымается вверхъ и наполняетъ жилки листьевъ и мякоть — ткань ихъ соединяющую; листья, выдыхая изъ себя ненужный для дерева, а необходимый для животныхъ газъ — кислородъ, вдыхаютъ въ себя изъ воздуха необходимый для растенія, но вредный, при излишествѣ, для животныхъ газъ —

углеродъ, чрезъ него, при посредствѣ впитываемыхъ листьями лучей солнечныхъ, перерабатываютъ наполняющій ихъ сокъ въ вещество, нужное для растенія и его плода и возвращаютъ въ растеніе, а тамъ оно, размѣщаясь по частямъ растенія, утощаетъ его и даетъ матеріалъ для новыхъ побѣговъ.

Эта же дивная сила превращаетъ почку растенія, изъ которой должна бы выдти новая вѣтка съ листьями, въ цвѣтокъ, каждому растенію свойственный и устраиваетъ его такъ, что онъ зараждаетъ плодъ съ сѣмечками.

Какъ все это дѣлается? Богъ вѣсть.

И много, много есть вещей въ мірѣ, непостижимыхъ уму человѣческому. Потому-то человѣкъ долженъ сознаться, что есть предѣлы его вѣдѣнію, что умъ его ограниченъ, бѣденъ, нищъ предъ безпредѣльною мудростію Божіею, смирится предъ Нимъ и помнитъ изреченіе Господа Иисуса Христа: «блаженны нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное», и взывать благоговѣнно: *«чудны дѣла Твоя, Господи! Вся премудростію сотворилъ еси!»*

Господи! Ты испыталъ меня, и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь, и когда встаю; Ты разумѣешь помысленія мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и все пути мои извѣстны Тебѣ. Еще нѣтъ слова на языкъ моему. Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты объемишь меня, и полагаешь на мнѣ руку Твою. Дивно для меня вѣдѣніе Твое, — высоко, не могу постигнуть Его! Куда пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо, Ты тамъ, сойду ли въ преисподнюю и тамъ Ты. Возьму ли крылья зари, и переселюсь на край моря; и тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: можетъ быть, тѣма сокроетъ меня, и свѣтъ вокругъ меня сдѣлается ночью. Но и тѣма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день; какъ тѣма, такъ и свѣтъ. Ибо Ты устроилъ внутренности моя, и соткалъ меня во чревъ матери моея. Славлю Тебя, потому что я дивно устроенъ. Дивны дѣла Твоя, и душа моя вполне сознаетъ это. Не сокрыты были отъ Тебя кости мои, когда я созидаемъ былъ въ тайнѣ, образуемъ былъ во глубинѣ утробы. Зародыши мои видѣли очи Твои; въ Твоей книгѣ записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было. Какъ возвышенны для меня по-

мышленія Твои, Боже, и какъ велико число ихъ! Стану ли исчислять ихъ, но они многочисленныя песка; когда я пробуждаюсь, я все еще съ Тобою. О, если бы Ты, Боже, порази́л нечестиваго! Удалитесь отъ меня кровожадные! Они говорятъ противъ Тебя нечестиво; суетное замышляютъ враги Твои. Мнѣ ли не возненавидѣть ненавидящихъ Тебя, Господи, и не возмущаться возстающими на Тебя. Полною нечистию ненавижу ихъ; враги они мнѣ. Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое: испытай меня и узнай помышленія мои. И зри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь спасенный. Пс. 138.

IX.

Кинемъ бѣглый взглядъ на царство живыхъ обитателей воды, воздуха и суши.

Здѣсь видимъ, что океаны, моря, рѣки наполнены такимъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ животныхъ, рыбъ, гадовъ и насѣкомыхъ, что даже невозможно исчислить всѣ виды ихъ.

Одни изъ нихъ (напримѣръ — биты) такъ огромны, что величиной своей будутъ съ крестьянское гумно съ ригой, другіе (инфузоріи) такъ малы, что простыми глазами разсмотрѣть ихъ нельзя.

Одни изъ нихъ плаваютъ съ быстротою молніи въ водѣ, другіе ползаютъ по тинистому дну, иные скрываются въ вырытыхъ въ берегу порахъ.

Говорить о пользѣ, приносимой ими человѣку, было бы излишне — она всякому извѣстна. Обратимъ вниманіе на устройство ихъ тѣла.

Всмотримся въ самую обыкновенную рыбку — плотичку: всѣ части ея тѣла устроены такъ, чтобы ей быстро и свободно плавать.

Она плоска и овальна, головка ея нѣсколько къ ея рту заострена, чтобы ей легко было разрѣзать воду, когда плыветъ.

У ней съ боковъ и на спинкѣ плавни, сзади хвостъ: это у ней весельцы и рульки, которыми она гребетъ и управляетъ своимъ бѣгомъ.

У ней кости тонки и гибки, чтобы ей свободно производить движеніе.

Внутри ея пузырь, наполненный воздухомъ, чтобы она легко могла подыматься съ низу на верхъ.

Она покрыта слизистою одеждою, чтобы вода треніемъ не представляла ей затрудненія въ ея бѣгѣ.

Какъ красива она въ этой серебристой своей одеждѣ!

Эта одежда сдѣлана изъ самыхъ тонкихъ чешуекъ, одна на другую сложенныхъ, и, какъ броня, плотно все ея тѣло покрывающихъ, почему нисколько не стѣсняетъ ее во всѣхъ ея движеніяхъ.

Какъ красивы каждая изъ этихъ чешуекъ и какъ искусно прилажены онѣ одна къ другой. Въ состояніи ли сдѣлать что либо такое въ такомъ совершенствѣ руки самаго искуснаго мастера?

Посмотрите на рака: въ какія латы одѣтъ онъ, чтобы защитить его вкусное мясо отъ хищныхъ рыбъ, и какими клешнями вооруженъ онъ, чтобы защищаться отъ непріятелей и доставать себѣ пищу.

Еслибы эти латы оставались у него постоянно однѣ и тѣже, онъ не могъ бы расти, и вотъ Господь устроилъ такъ, что ежегодно онъ скидываетъ свою старую одежду, и при рода изготовляетъ ему новую, по его росту.

Ему легко потерять свои клешни, а безъ нихъ онъ не могъ бы доставать себѣ пищи и защищать себя, и вотъ Творецъ устроилъ такъ, что если онъ, по какому либо случаю, лишится клешни, вырастаетъ новая.

Такъ мудро промышляетъ Богъ о всякомъ Своемъ твореніи, даже и о самомъ, по нашему понятію, ничтожномъ насѣкомомъ.

X.

А сколько разнообразныхъ породъ птицъ!

Однѣ веселятъ нашъ взоръ красотою своихъ перьевъ, другія улаживаютъ нашъ слухъ своимъ пѣніемъ, иныя удивляютъ насъ своимъ могучимъ полетомъ, а иныя искусствомъ плавать и нырять.

Съ какою важностію выступаетъ павлинъ, развертывая свой огромный, радужными узорами украшенный хвостъ! Онъ какъ бы говоритъ намъ: смотрите, какую чудную красоту создалъ Богъ и славьте Его премудрость!

Вотъ запѣлъ жаворонокъ. Смотрите: онъ все выше и выше подымается къ небу, и все веселѣе и звучнѣе, пріятнѣе его пѣснь. Онъ поетъ хвалу Творцу и намъ говоритъ: чѣмъ болѣе будете возноситься мыслію отъ земнаго къ небесному и славить Творца своего, тѣмъ болѣе найдете радости въ жизни.

А кто не заслушивался соловья? Какъ громко онъ щелкаетъ, какъ сильно и чисто свиститъ, какія выдѣлываетъ трели! Какими искусными переливами голоса онъ связываетъ свое щелканье, свистъ, трели, то нѣжно ослабѣвая, то какъ бы свирѣло раздаваясь вдалекѣ. А между тѣмъ какая это маленькая и неказистая птичка! Ее не вдругъ отличишь отъ воробья. Отъ чего же у ней такой громкій и отличный голосъ? Отъ того, что такъ искусно Богъ устроилъ его горлышко, носокъ и язычекъ.

Посмотрите — паритъ орелъ. Сильными мышцами, крѣпкими перьями, острыми когтями, твердымъ крючковатымъ клювомъ, зоркими глазами, смѣлымъ взглядомъ одарилъ его Господь. Какъ широко распустилъ онъ свои могучія крылья! Онъ изрѣдка, тихо, едва замѣтно ими движетъ и какъ бы плыветъ въ воздухѣ. Плавно онъ дѣлаетъ круги и все выше и выше вздымается, Зорко и грозно осматриваетъ онъ окрестности и какъ бы говоритъ: «кто выше меня? кто противъ меня?» Всѣ птицы въ страхѣ замолкли, притаились, кто припавъ къ землѣ, кто забившись въ чащѣ листьевъ. А онъ все выше и выше; вотъ уже подъ облаками, едва можно разсмотрѣть его. Кажется, онъ въ своей дерзости хочетъ достичь солнца. Вотъ уже видится одна только черная точка, наконецъ даль совсемъ скрываетъ его отъ нашихъ глазъ. Птички вновь зачирикали, стали выпархивать изъ своихъ убѣжищъ. Вдругъ орелъ, какъ брошенный камень, падаетъ съ высоты на высмотрѣнную имъ добычу, вонзаетъ въ нее свои когти и несется съ нею въ даль, но пуля стрѣлка поражаетъ его и онъ падаетъ мертвымъ.

Не такъ ли иные изъ людей, одаренные отъ Бога великимъ умомъ, быстрымъ соображеніемъ, могучею волею, вмѣсто того, что бы высокія свои способности употребить на пользу роду человѣческому и облагодѣтельствовать народы, обращаютъ ихъ на осуществленіе своихъ честолюбивыхъ и властолюбивыхъ плановъ, и достигнувъ власти, страхомъ своей

силы владѣютъ надъ людьми и угнетаютъ слабыхъ. Не мало было и такихъ, которые, сокрушивъ сопротивлявшіеся имъ народы и царства, покоряли почти весь міръ и когда уже считали себя непобѣдимыми и въ гордости сердца своего говорили: «выше облакъ поставлю престолъ мой, буду равенъ Вседержителю», мгновенно, по волѣ Провидѣнія падали съ своей высоты и обращались въ ничтожество.

А вотъ посмотрите на бѣлоснѣжную лебедь — это украшеніе прудовъ въ царскихъ садахъ. Какъ прекрасна она! Что бы ей легко было держаться на водѣ и удобнѣе плавать, Господь одѣлъ ее густымъ, мягкимъ пухомъ и далъ ей широкія плавни. Какъ величаво плыветъ она, загнувъ назадъ свою прекрасную шею. Кротка она въ своемъ величїи, скромнѣе, ласковѣе ея взглядъ. За то, какъ она любима всѣми!

Не такъ ли любимы и тѣ люди, которыхъ хотя Господь возвысилъ надъ другими властію и дарованіями, но они остаются кроткими и обходительными съ низшими ихъ званіемъ и способностями.

А вотъ это обладатель болотъ — журавль. Чтобы ходить ему по болотамъ и ловить въ тинѣ и въ лужахъ лягушекъ и змѣй, ему даны высокія ноги и длинный носъ. Не трогайте его — пусть дѣлаетъ свое дѣло и истребляетъ вредныхъ гадинъ.

Вотъ и милыя птички — голуби. Онѣ примѣръ чистоты, незлобія и супружеской вѣрности. Какъ мило онѣ воркуютъ и кормятъ изъ своего рта своихъ птенцовъ.

Но возможно ли перечестъ всѣхъ? помянемъ еще о нашей сожительницѣ курочкѣ — кудахтушкѣ, и о пѣтухѣ — нашемъ будильникѣ.

Вкусное ихъ мясо любятъ хищные ястребы и орлы, а они почти беззащитны: нѣтъ у нихъ ни быстрого полета, какъ у голубя, чтобы уйти отъ нихъ, ни искусства вить гнѣзда въ сокрытыхъ отъ взора мѣстахъ, какъ у иволги и другихъ птичекъ. Ихъ назначеніе быть сожителями человѣка и у него искать защиты, и Богъ одарилъ самокъ способностью нести почти круглый годъ вкусныя и питательныя яйца, а самца возвѣщать своимъ голосомъ время ночи. Эти способности дали этой породѣ птицъ покровителя — человѣка. Онъ далъ ей пріютъ у себя, охраняетъ ее и кормитъ.

Какъ въ устройствѣ тѣла рыбы все приспособлено, чтобы

имъ плавать въ водѣ, такъ все въ устройствѣ тѣла птицъ приспособлено къ тому, чтобы имъ летать въ воздухѣ. У птицы небольшая голова съ острымъ клювомъ на длинной шеѣ, которую она при полетѣ вытягиваетъ впередъ, а тѣло ихъ какъ овальный шаръ. Все это для того, что бы имъ при полетѣ легче разсѣкать воздухъ и менѣе встрѣчать препятствія въ сопротивленіи воздуха.

Кости у нихъ плоски, тонки и по большей части имѣютъ пустоту, такъ же какъ и всякое перо, которымъ они одѣты. Это для того, что бы онѣ были легче и больше вмѣщали въ себѣ воздуха, и что бы этотъ воздухъ, нагрѣтый жизненною теплотою птицы, какъ паръ, стремяся вверхъ, помогалъ птицѣ подыматься и держаться въ воздушномъ пространствѣ.

Съ боковъ птицы мудро-премудро приложены крылья и снабжены такими мышцами, что посредствомъ ихъ птица, по своему произволу, можетъ распускать свои крылья, какъ вѣеръ, и сильно махать ими, и такимъ образомъ ударяя ими по воздуху, подыматься вверхъ.

Сзади у птицы хвостъ, который она также можетъ распускать. Онъ у ней, какъ руль въ лодкѣ, чтобы направлять свой полетъ туда, куда она хочетъ.

Впрочемъ, чтобы подивиться премудрости Божіей, достаточно поднять выпавшее у птицы перо и внимательно всмотрѣться въ него. Оно составлено изъ такого же вещества какъ рогъ, волосъ, шерсть. Но какъ это вещество здѣсь измѣнилось въ своемъ видѣ и какія новыя приняло свойства. Стволъ покрытъ тонкою глянцевитою оболочкою. Въ основаніи эта оболочка пола, а къ верху наполнена бѣлою легкою мякотью; по сторонамъ ея съ боковъ выросла опушка, состоящая изъ множества тончайшихъ пластинокъ; каждая изъ нихъ имѣетъ съ обѣихъ сторонъ еще тончайшія, едва замѣтныя для зрѣнія, насѣчки, и въ такомъ правильномъ отношеніи къ насѣчкамъ сосѣднихъ пластинокъ, что насѣчки каждой пластинки входятъ между насѣчками сосѣднихъ пластинокъ, и чрезъ то всѣ пластинки, соединяясь между собою, скрѣпляются и составляютъ легчайшую и плотнѣйшую ткань, не пропускаемую ни для воды, ни для воздуха. Замѣчательно свойства этой ткани: если въ какомъ либо мѣстѣ она разорвется, то стоитъ только соединить разорванныя части и онѣ срastутся, и ткань явится въ прежнемъ цѣлостномъ видѣ.

Что бы сдѣлать такое перо, сколько нужно премудрости и искусства, а такихъ перьевъ для каждой птицы нужно тысячи. И все это изготовляется, вырастаетъ само собою по таинственнымъ законамъ, установленнымъ Творцемъ отначала. Не диво ли это?

А кто научилъ этихъ пернатыхъ съ наступленіемъ сильныхъ жаровъ въ тропическихъ странахъ, переселяться отсюда къ намъ въ умѣренныя и холодныя страны, когда у насъ здѣсь начинается весна, а съ наступленіемъ у насъ зимы вновь улетать въ тропическія страны, когда тамъ минуютъ жары и настанетъ прохлада?

Кто же могъ надѣлать ихъ такимъ самознаніемъ, какъ не тотъ же премудрый и всеблагій Устроитель, который и въ сѣмячко вложилъ силу производить извѣстное растение и въ свое время давать плодъ?

Посмотрите, какъ искусно ласточка слѣпила свое гнѣздышко изъ глины и прикрѣпила къ углу окна, или къ стропилу сарая; овсянка и малиновка свили свои изъ волосковъ и мха между вѣтками густаго кустика, а иволга сплела изъ травинки и повѣсила на вѣточкѣ дерева, какъ колыбель! Посмотрите какъ они искусно внутри каждого изъ этихъ домиковъ изъ мелкихъ перышковъ и пуха устроили мягкія и теплыя постельки для своихъ птенцовъ!

Кто изъ мыслящихъ людей, увидѣвъ птичье гнѣздо, не остановится предъ нимъ, и не задастъ себѣ вопроса: откуда въ безсловесномъ этомъ животномъ такое умѣнье и искусство? и не скажетъ: чудно, Господи, Ты умудрилъ это Твое твореніе, и въ этомъ маломъ существѣ явилъ Свою, недостижимую человѣческимъ умомъ премудрость! И такимъ образомъ, какъ предъ алтаремъ, пожретъ жертву хвалы.

Да, это олтари Твои, Господи, Царю и Боже мой! Олтари, которые Ты Самъ воздвигаешь предъ нашими очами, что бы мы возносили Тебѣ жертву хвалы, что бы на всякомъ мѣстѣ славилось пресвятое имя Твое. А между тѣмъ находятся же между людьми такіе безсердечные невѣжды, которые безъ нужды, даже для одной глупой забавы дерзаютъ безжалостно разорять эти олтари Твои, Господи. Но не думайте вы, дерзкіе невѣжды, что такое злое дѣло ваше пройдетъ безнаказаннымъ. Рука, безжалостно посягнувшая на трудъ и искусство малыхъ пернатыхъ тружениковъ, на олтарь,

Самимъ Богомъ воздвигнутый, можетъ ли ожидать благословенія Божія въ своихъ трудахъ. Злой человѣкъ! Если не трогаетъ твое зачерствѣлое сердце жалобный плачь летающей около тебя пташки, то знай, что жалобу ея слышитъ Творецъ и за разоренное нами гнѣздышко пташки, можетъ быть, допускаетъ огни испепелить нашъ домъ, за замученнаго безъ пользы и нужды звѣрька — терпѣть жестокую болѣзнь, сносить тяжкую несправедливость или жестокую обиду людей.

«Комъ возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ. Желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастся о Богъ живъ. Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, и дѣже положитъ птенцы своя, олтари Твоя, Господи силъ, Царю мой и Боже мой. Блаженъ живущій въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхваляетъ Тя. Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его у Тебе, Пс. 83.

Утверждаютъ, что ласточки предъ наступленіемъ зимы скрываются въ будкахъ или въ глубинѣ морей и тамъ ожидаютъ, а съ наступленіемъ весны оживаютъ и такимъ образомъ являютъ намъ образъ воскресенія изъ мертвыхъ. Это прекрасно изобразилъ поэтъ Державинъ въ своемъ стихотвореніи.

Ласточка.

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, косаточка,
Лѣтняя гостя, пѣвучка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движенъ, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, прострися, плывешь,
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь своей.
Ты часто, какъ молнія, рѣшешь
Мгновенно туды и сюды;

Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ винцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленный,
Тамъ мошки толкуются столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природѣ,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучный приходъ.
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна;
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ мертваго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
И сизы расправа косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостя ты міра:
Не ты ли перната сія?
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я.

XI.

Теперь взглянемъ на звѣрей и скотовъ.

Здѣсь опять удивительное разнообразіе видовъ, но тѣло каждого животнаго устроено такъ, чтобы имъ жить на сушѣ: ходить, бѣгать, прыгать, отыскивать сродную каждому изъ нихъ пищу, добывать ее и защищаться отъ враговъ. Всѣ они снабжены отъ природы одеждою, сообразною климату, въ которомъ имъ предназначено жить: чѣмъ холоднѣе страны, тѣмъ пушистѣе и теплѣе мѣха живущихъ тамъ звѣрей.

Посмотрите на слона: онъ огромнѣе и дебелѣе всѣхъ земныхъ животныхъ. Чтобы поддерживать такое тяжелое тѣло, даны ему толстыя ноги — сгибать ихъ ему неудобно, го-

лова его высоко отъ земли, и утверждена на короткой толстой шеѣ, — наклоняться ему къ землѣ нельзя. Какъ же онъ будетъ щипать траву и пить воду, чтобы ему ѣсть и пить? И вотъ ему данъ хоботъ, онъ имъ какъ рукою беретъ пищу и вкладываетъ въ ротъ, натягиваетъ, какъ насосомъ, воду и выливаетъ ее такъ же въ ротъ.

Посмотрите на зайца: чѣмъ ему защищаться отъ враговъ? У него нѣтъ роговъ, когти его малы и не остры, — самъ онъ безсиленъ. За то даны ему чуткій слухъ, быстрый бѣгъ и способность мѣнять цвѣтъ шерсти: лѣтомъ онъ сѣрый, чтобы скрываться за камнемъ, зимою бѣлый, чтобы нельзя было отличить его отъ снѣга, когда онъ скроется за сугробомъ.

Всѣ животныя были покорные слуги человѣка, пока онъ самъ былъ покоренъ своему Владыкѣ — Богу, но какъ скоро человѣкъ вышелъ изъ повиновенія своему Господу и страсти забушевали въ его душѣ, тогда и большинство этихъ слугъ, сдѣлавшись олицетвореніемъ страстей человѣка, отступились отъ него и стали враждебны ему. Только немногія изъ нихъ, самыя необходимыя для человѣка, по самому устройству своего состава нуждающіяся въ попеченіяхъ и защитѣ человѣка, остались вѣрны и покорны ему.

Это наши сожители: кормилица — коровка, рабочицекъ — лошадка, одеженька — кроткая овечка, другъ и сторожъ — собака, крысодавъ и наша забава — котъ.

Безропотно отдаетъ намъ коровка и своего теленка и свое вкусное, питательное молоко въ благодарность за то, что мы приютили ее на зиму въ тепломъ хлѣву, приготовили ей сѣнца и соломы, поимъ ее пойлицемъ. И чѣмъ лучше за нею ухаживать, чѣмъ болѣе и лучше кормить и поимъ ее, тѣмъ болѣе она даетъ намъ молока. Не хочетъ оставаться въ долгу, и за добро платитъ добромъ.

Вотъ она будетъ на праведномъ Божиѣмъ судѣ уликою противъ всѣхъ неблагодарныхъ людей: противъ тѣхъ, которые забыли своихъ благодѣтелей, призрѣвшихъ ихъ въ сиротствѣ, или выручившихъ въ нуждѣ; противъ тѣхъ неблагодарныхъ дѣтей, которые за заботы родителей о ихъ воспитаніи заплатили имъ непочтительностію и непослушаніемъ, огорчили ихъ своимъ дурнымъ поведеніемъ; противъ всѣхъ тѣхъ людей, которые не прославили Бога своею жизнію за всѣ Его благодѣянія къ намъ людямъ.

Но я слышу: кто-то говоритъ: не всякая корова даетъ теленка и молоко, инныя остаются яловыми, а другія, какъ ни корми ихъ, молока даютъ мало. Ну, скажи же, что дѣлаютъ съ такими коровами? Вѣдь ихъ убиваютъ, или продаютъ на убой. Помни же это!

Лошадка!.. Это Богомъ данный намъ рабъ-работникъ.

Устройство всѣхъ частей лошади приспособлено къ тому, чтобы помогать намъ пахать землю, возить тяжести, ускорять наше передвиженіе съ одного мѣста на другое — облегчать наши путешествія и сообщенія другъ съ другомъ.

Довольно всмотрѣться въ устройство копыта, чтобы уразумѣть, что Богъ, при сотвореніи этого животнаго, провидѣлъ, на что и какъ будетъ употреблять его человѣкъ. Не далъ же Онъ, Всевѣдущій, ему ни ногтей, ни когтей, ни раздвоеннаго копыта, а далъ копыто широкое, толстое, крѣпкое, удобное для прикрѣпленія къ нему подковы, чтобы оно, напрягая силы при возкѣ тяжестей, имѣло болѣе твердую опору, чтобы нога не такъ легко вязала въ мягкой почвѣ и чтобы ни крѣпкій каменистый грунтъ, ни острые на дорогѣ камни не вредили ногъ.

Какъ красиво это животное! Какой кроткій, покорный у него взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой благородный у него видъ! Оно какъ бы сознаетъ, что оно первый лучший слуга царя земли — человѣка!

Оно смѣло выступаетъ на полѣ брани и, покорное своему всаднику, не обращая вниманія ни на громъ пушекъ и трескъ ружей, ни на свистъ летящихъ вокругъ его ядеръ, картечъ и пуль, то стоитъ неподвижно, то стремится въ ряды враговъ, защищая грудью своего повелителя.

Громкимъ ржаніемъ своимъ оно издали извѣщаетъ свою радость при видѣ добраго своего хозяина, или своихъ вѣрныхъ товарищей; но не дано ему способности голосомъ выражать свою боль, свою печаль, и когда бьетъ его хозяинъ, оно молчитъ и только иногда слезы струятся изъ его глазъ.

Вотъ образъ вѣрнаго раба и слуги!

Какъ безсердеченъ, жестокъ долженъ быть тотъ человѣкъ, который не бережетъ такого, даннаго ему Богомъ, помощника: не кормитъ его вдоволь, обременяетъ его непосильными работами и безжалостно бьетъ его! Какой онъ самъ можетъ

ожидать отъ Бога милости, когда такъ не милосердъ къ такому прекрасному, такому полезному для насъ созданію Его!

Блаженъ и скоты милуяй, говоритъ Писаніе.

Говоря о лошади, нельзя не вспомнить объ ослѣ, верблюдѣ и оленѣ.

Есть страны сплошь покрытыя горами: онѣ, громоздясь одна на другую, вершины свои возносятъ подъ облака, и, даже, за облака. Во многихъ мѣстахъ то отвѣсныя скалы, то мрачныя пропасти, то бурные потоки преграждаютъ путь страннику. Обитатели такихъ странъ, при своихъ путешествіяхъ, должны карабкаться по крутымъ склонамъ горъ, или осторожно пробираться по узкимъ тропинкамъ, по краю пропасти, или по берегу пѣнящейся рѣки. Здѣсь не замѣнимъ осель: онъ терпѣливо несетъ свою ношу на крутизну и хотя медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ лѣзится по покрытой обломками камней, едва замѣтной тропѣ.

Есть на землѣ такія жаркія страны, гдѣ дождей почти не знаютъ, а солнце палитъ страшно. Тамъ нѣтъ ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни колодцевъ; изсушенная земля обратилась въ сыпучій песокъ, который при вѣтрѣ волнуется какъ море; нѣтъ тамъ ни травы, ни деревца, ни кустика. Изрѣдка, кое-гдѣ попадется колючее, какъ дѣдовникъ, растеніе. Эти страны называются пустынями, и онѣ такъ обширны, что нужно нѣсколько дней, даже недѣль, чтобы перейти чрезъ нихъ.

Здѣсь выручаетъ человѣка верблюдъ.

У него голова небольшая, на длинной шеѣ, ноги тонки и длинны, на спинѣ два или одинъ горбъ.

Онъ легокъ на ходу и дѣлаетъ большіе шаги. Головой своей, какъ птица, онъ легко разсѣкаетъ предъ собою воздухъ; тонкія и высокія его ноги легко справляются съ пескомъ, а горбы его замѣняютъ человѣку и сѣдло и телѣгу: онъ на нихъ сидитъ и складываетъ свою поклажу.

Сверхъ того верблюдъ ѣстъ какъ лакомство тѣ колючія растенія и всякую засохшую траву, какія попадаютъ изрѣдка въ пустынь.

А главное: верблюдъ нѣсколько дней можетъ обойтись безъ питья. Внутри его есть запасный желудокъ, какъ мѣшокъ, въ который онъ набираетъ себѣ воду на нѣсколько дней, такъ, что когда у человѣка выдетъ весь запасъ воды и ему

предстоитъ смерть отъ жажды, онъ убиваетъ верблюда и добываетъ изъ его желудка себѣ воду.

На верблюдѣ-то люди, какъ на кораблѣ, переправляются чрезъ пустыни, почему верблюда и называютъ *кораблемъ пустыни*.

Есть на землѣ и такія холодныя страны, гдѣ зима длинная, лѣто короткое, такъ, что тамъ ни травы, ни деревьевъ не растетъ, а только мохъ покрываетъ необозримыя тундры. Жители этихъ странъ хлѣба нашего не знаютъ, а питаются, вмѣсто него, рыбою, которой тамъ въ рѣкахъ, и при берегахъ океана множество. Они ея запасаются въ короткое лѣто на зиму, вялятъ ее и сохраняютъ въ ямахъ, какъ мы хлѣбъ въ анбарахъ. Здѣсь ни корова, ни лошадь жить не могутъ, а замѣняютъ ихъ человѣку олень.

Олени кормятся мхомъ, не нуждаются ни въ хлѣбѣ, ни въ изгороди: живутъ стадами, на свободѣ, и даже зимой добываютъ сами свой кормъ, разрывая копытами сугробы снѣга.

Они, запряженные гуськомъ въ легкія, длинныя сани, быстро мчатъ человѣка по снѣжнымъ пустынямъ, — легкія ихъ ноги не вязнутъ въ снѣгу.

Самки ихъ, какъ наши коровы, даютъ обильно вкусное и здоровье молоко.

Мясо ихъ вкусно, какъ дорогая дичина.

Шкуры ихъ даютъ самый теплый мѣхъ, и изъ нихъ сѣверные обыватели не только дѣлаютъ всю свою одежду, но покрываютъ ими свои юрты — ихъ кровъ — жилище.

Надобно замѣтить, что по неимѣнію тамъ лѣсовъ, жители не могутъ строить домовъ или избъ, а принуждены жить въ шалашахъ. Эти шалаши и называются юртами.

Даже нитки, чтобы спить свою одежду, тамошніе жители выдѣлываютъ изъ жилъ оленьихъ.

Вотъ какихъ чудныхъ животныхъ создалъ Господь, предвидя, что въ такихъ мѣстахъ человѣкъ будетъ имѣть въ нихъ нужду.

Овечка! Какое это милое, кроткое животное! Недаромъ она нашла пріютъ и защиту у человѣка. Она даетъ ему за это свое тонкое руно на одежду, свое мясо, а въ иныхъ странахъ и молоко на его харчъ, свою шкурку на тулупъ и обувь. Она примѣръ беззащитной по своей природѣ кро-

тости и незлобія, а между тѣмъ есть ли какое другое племя изъ царства животныхъ столь многочисленное и повсюду распространенное? Не напоминаетъ ли это намъ изреченія Христа: *«блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю»*?

Собака!... Это вѣрный другъ и сторожъ человѣка. За бросаемый ему объѣдокъ и устроенную тѣсную кануру, онъ даннй ему Творцемъ даръ: чуткій слухъ и тончайшее обоняніе употребляетъ на сохраненіе жизни и достоянія своего хозяина и на указаніе искомой имъ добычи. Почуя врага своему хозяину, онъ громкимъ лаемъ возбуждаетъ его къ осторожности, и для защиты его бросается на врага съ полною готовностію жертвовать за него своею жизнію, и послушный ему, по одному его мановенію, исполняетъ его волю. Какъ радуютъ его ласки хозяйина, какъ грустенъ его видъ, когда хозяйинъ наказываетъ его.

Котъ! Это еще сожитель и охранитель достоянія человѣка отъ мелкихъ, но многочисленныхъ враговъ его — мышей и крысъ. Какъ бы чувствуя назначеніе свое жить вмѣстѣ съ человѣкомъ, онъ всегда опрятенъ, вѣжливъ. Какъ мило онъ ласкается, какъ забавно играетъ!

Напомню вновь, что отъ всякаго изъ сихъ животныхъ мы требуемъ, чтобы оно поступало по своему назначенію; когда же оно поступаетъ не такъ, мы наказываемъ его, и даже убиваемъ. Слѣдовательно, тѣмъ самымъ обязываемъ и самихъ себя поступать и жить сообразно своему человѣческому назначенію.

ХІІ.

Въ царствѣ животныхъ мы взглянули на рыбъ, птицъ, звѣрей, скотовъ; остается еще область этого царства самая обильная разнообразіемъ и количествомъ твореній Божіихъ, — это область *насъкомыхъ*.

Какое ихъ множество! Кто перечислить одни только виды ихъ! И всѣ они имѣютъ *душу живу* — пользуются жизнію, имѣютъ свои радости, свои удовольствія. Всѣ сообразно цѣли, назначенной имъ Творцемъ, имѣютъ своеобразное устройство тѣла. Всякое изъ сихъ малыхъ являетъ разумному наблюдателю мудрость и благость Творца.

Мы взглянемъ только на трехъ существъ изъ этой области: бабочку, муравья и пчелу.

Бабочка! Вѣдь она была прежде червемъ — гусеницей, ползала по растеніямъ, ѣла жадно листья, потомъ завернулась, какъ въ саванъ, въ выпущенныя изъ себя нити, облила ихъ какимъ-то клейкимъ сокомъ, и сдѣлала изъ своего савана гробикъ, потомъ и умерла. Прошло нѣсколько дней — гробикъ раскрылся и вышла оттуда бабочка, расправила крылышки и вотъ летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, любитъ красоту ихъ и выбираетъ изъ нихъ своимъ тонкимъ хоботкомъ, въ свое наслажденіе, сладкій нектаръ.

Внемлите! Она громче всякаго проповѣдника всѣмъ намъ проповѣдуетъ: не страшитесь смерти и гроба! Господь воскреситъ и васъ, такъ же какъ и меня, и преобразитъ ваше земное, бренное тѣло въ небесное — духовное. Но замѣчайте такъ же: мы бабочки разныхъ видовъ, однѣ изъ насъ дневныя: онѣ красивѣе одна другой, разукрашены разными цвѣтами и узорами, любятъ дневной свѣтъ и весело порхаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, выбирая изъ нихъ тонкимъ хоботкомъ сладкій сокъ. Но есть и бабочки ночныя; некрасивы онѣ: темнаго, сѣраго цвѣта, угрюмы — мрачны видомъ, боятся свѣта Божія, прячутся въ тѣни, гдѣ помрачнѣе, и, какъ летучія мыши и совы, летаютъ только ночью. Такъ будетъ и въ воскресеніе мертвыхъ: кто любилъ здѣсь *сіяніе славы Отчей* (Евр. 1, 3) Христа Сына Божія и жилъ во свѣтѣ Его заповѣдей, творилъ дѣла Божіи, тотъ преобразится въ подобіе свѣтла Ангела и будетъ въ свѣтѣ лица Божія, радоваться, созерцая чудныя дѣла Его. А кто не любилъ свѣта Божія и жилъ въ тѣмѣ лжи и лукавства, творилъ дѣла діавола, тотъ преобразится въ подобіе духа тмы и извержется во тму крошечную, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Посмотрите на муравьевъ. Какія они крошки! А между тѣмъ, смотрите, какія они для своего жилища устраиваютъ пирамиды. Бываютъ, почти, въ сажень вышиною. Если сравнить по величинѣ муравья съ человѣкомъ и задать людямъ, для примѣра въ воображеніи, задачу, чтобы они выстроили пирамиду въ столько разъ болѣе роста человѣческаго, во сколько муравейникъ болѣе муравьевъ, то, пожалуй, пришлось бы строить высотой до облакъ.

Въ муравейникѣ подѣланы во всѣхъ направленіяхъ ходы и переходы, комнатки для жилья зимой, разные кладовыя, куда муравьи собираютъ запасы на зиму. Цѣлое лѣто они

трудятся: вотъ одни разсыпались въ разныя стороны и ищутъ пригоднаго для ихъ постройки матеріала, или съѣдобной для себя пищи, другіе, по продѣланнымъ дорожкамъ, тащатъ кто песчинку, кто прутикъ, кто найденную личинку или букашку. Третьи, сложивши свою ношу, торопятся опять идти на промыселъ. Пошевели только кто нибудь ихъ муравейникъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ они сбѣгаются туда, гдѣ грозитъ опасность, на общую защиту.

Вотъ за то, какъ придетъ зима, муха, комаръ, скачекъ погибаютъ, а муравей остается живъ и спокойно отдыхаетъ отъ своихъ трудовъ.

Не говорятъ ли муравьи намъ: «живите дружны между собою, помогайте другъ другу, соединяйтесь въ общества, трудитесь на пользу общую, и будетъ всѣмъ вамъ хорошо, не будете знать нужды и будете въ безопасности».

Премудрый царь Соломонъ говоритъ: *„иди по мравію, о лънвиве, и по ревнуи, видѣвъ пути еію, и буди онаго мудрый: онъ бо, не сушу ему земледѣлію, ниже нудящаго еію имущій, ниже подѣ владыкою сый, іотовитъ въ жатву пищу, и многое въ лѣто творитъ уготованіе. Или иди ко пчелѣ, и увѣждѣ, когдѣ дѣлательница естъ, дѣланіе же когдѣ честное творитъ: ея же трудовъ царствіе и простіи во здравіе употребляютъ, любима же естъ всѣми и славна, аще сілою немошна сущи, но премудростію почитаена произведеса. Доколы, о лънвиве, лежущи; когда же отъ сна встанеши; мало же убо спшиши, мало же спдиши, мало же дремлеши, мало же обземлеши перси руками: потомъ же найдешъ тебѣ аки золь пущикъ убожество: скудость же аки блгій течецъ. Аще же не лънвивъ будеши, придеши яко источникъ жатва твоя, скудость же аки зльи течецъ отъ тебе отбѣжитъ“*. Притч. Солом. 6, 6—12.

Соломонъ здѣсь упоминаетъ и о пчелѣ: чудная эта мушка! Боже, Боже мой! Какъ Ты умудрилъ ее извлекать изъ растеній и кормъ для своихъ куколокъ, и воскъ для своихъ сотовъ, и медъ для своей пищи? Какъ Ты научилъ ее искусству дѣлать соты — эти дивныя хранилища этой душистой, сладкой пищи? Сколько здѣсь боченочковъ: каждый изъ нихъ правильный шестигранникъ, сплоченный съ другими такъ, что каждая изъ шести сторонъ одного служитъ одною стороною другому. Какой тутъ экономическій расчетъ въ матеріалѣ!

Какая тонкая и чистая отдѣлка во всемъ! До какихъ хитростей ни дошелъ человѣкъ, а до такой мудрости и искусства ему никогда не дойти. Не сдумѣтъ ему изъ цвѣтка собрать воскъ, извлечь медъ и сдѣлать такой сотъ. Пусть же смирится онъ въ своей гордынѣ и не превозносится, а сознаетъ все свое ничтожество предъ Премудрымъ своимъ Творцемъ, такъ умудрившимъ такое малое насѣкомое, и пусть, подражая пчелѣ, посвятитъ дарованныя ему Творцемъ высокія силы ума и воли на собираніе съ духовныхъ цвѣтовъ проповѣдуемыхъ природою и откровеніемъ истинъ, этой духовной, сладчайшей меда, пищи въ жизнь вѣчную, и на созиданіе изъ себя храма Святому Духу, на что Господь умудритъ и каждаго изъ насъ также, какъ умудрилъ и пчелу въ составленіи сотовъ, только бы съ нашей стороны было искреннее желаніе достигъ того.

Но все ли это, чему человѣкъ долженъ дивиться и учиться у пчелки? Каждый пчелиный рой составляетъ какъ бы особое царство. Въ немъ царица — матка, въ немъ пчелы — работницы. Каждой изъ нихъ назначено дѣло: одні наблюдаютъ чистоту въ ульѣ, другія сторожатъ у летковъ, чтобы не забрался въ улей врагъ-хищникъ, инны собираютъ воскъ, инны медъ, инны строятъ соты.

Какъ только приблизится къ улью человѣкъ или животное и пчелы увидятъ, что настаетъ опасность ихъ жилищу, всѣ слетаются, бросаются на врага и вонзаютъ въ него свои жалы, хотя извѣстно, что послѣ того онъ уже жить не могутъ и должны умереть.

Въ ульѣ есть и *трутни*, они только шумятъ, да дородствомъ своимъ хвалятся. Но надъ ними исполняются слова Апостола: *„кто не трудился, тотъ и не ѣшь“* (2 Сол. 3, 10). Приходитъ осень, и всѣхъ ихъ рабочія пчелы побиваютъ, чтобы не ѣли зимой чужаго труда.

Не можетъ рой существовать безъ царицы. Какъ только какимъ либо случаемъ рой лишится своей царицы, весь порядокъ въ немъ разстраивается: соръ и умершія пчелы остаются въ ульѣ — никто ихъ не выноситъ; сторожа не стоятъ на своихъ мѣстахъ и въ улей свободно влетаютъ хищники — чужія пчелы, шмели и мухи, даже заползаютъ жуки и черви, и разхищаютъ медъ; пчелы перестаютъ строить новыя соты

и всякая изъ нихъ собираетъ медь только для себя, и летитъ куда вздумается. Приходитъ зима—и всѣ погибаютъ.

Сколько во всемъ этомъ поучительнаго для человѣка!

Не отъ начала міра эти, повсюду жужжащія и около насъ летающія мушки проповѣдуютъ: «читите Царя—Божіаго Помазанника; повинуйтесь властямъ, отъ него поставленнымъ; трудитесь честно, исполняйте каждый свое дѣло совѣстно; собирайте не для одного себя, но и на пользу общую; соблюдайте во всемъ порядокъ и чистоту; не щадите жизни для защиты общаго отечества; нѣтъ бѣдствія для людей столь страшнаго, какъ безначаліе, отъ него рушатся царства и погибаютъ цѣлыя народы.

Вотъ какихъ *буиныхъ* избралъ Господь, чтобы посрамить считающихъ себя премудрыми, и сдѣлалъ ихъ проповѣдниками своихъ истинъ.

Такъ-то все въ созданномъ Богомъ мірѣ возвѣщаетъ премудрость и благодать Его и проповѣдуетъ вѣчные его законы правды и любви. Вездѣ, на каждомъ шагу, при каждомъ нашемъ взглядѣ предстоятъ намъ эти проповѣдники. И это не то, что слова человѣка, которыя могутъ слышать и понимать только нѣсколько человѣкъ, а множество другихъ людей не услышать и не поймутъ, — это глаголы Божіи, гремящія во вселенной: отъ нихъ не можетъ укрыться ни одинъ человѣкъ и всѣмъ они понятны.

Не суть рѣчи, ниже словеса, ихъ же не слышатся глаголы ихъ. Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ. (Пс. 18, 4, 5).

XIII.

Но вотъ, слышу, вы говорите: а ядовитые змѣи? а отвратительныя жабы? а гнусныя пауки?

Вы боитесь змѣя, вамъ онъ внушаетъ невольный страхъ, и какъ только завидите его, или бѣжите отъ него, или, если имѣете въ рукахъ палку, поражаете его по головѣ, и не хотите смотрѣть какъ блещетъ его узорчатая, переливающаяся перломутромъ, кожа, и какъ онъ, будучи безъ ногъ, ухищряется, изгибаясь и извиваясь, довольно быстро ползти и даже дѣлать значительныя прыжки, потому что знаете, что при

первой возможности онъ ужалитъ и впуститъ въ васъ свой смертоносный ядъ.

Еще болѣе бойтесь и берегитесь, когда діаволь или развращенный человѣкъ внушаетъ вамъ, подъ разными хитростями, изворотами умствованій съ обольстительными приманками для вашей чувственности и страстей, мысли противъ правды и закона Божіа: онъ смертоноснѣе и опаснѣе змѣинаго яда; бѣгите отъ нихъ подъ сѣнь церкви, или бейте ихъ словомъ Божіимъ.

Вамъ отвратительна пресмыкающаяся жаба. Пусть же она вамъ напоминаетъ, что такъ же отвратительны тѣ люди, которые какъ лягушки валяются въ тинѣ невѣжества, страстей и пороковъ, и жизнь которыхъ проходитъ въ одномъ насыщеніи чѣмъ либо своего чрева, и которые въ лѣнивомъ бездѣйствіи ума не только не размышляютъ о путяхъ Божіихъ, свѣтѣ жизни и о просвѣщеніи души, но не думаютъ ни объ опрятности, ни объ удобствахъ жизни.

Вы гнушаетесь паукомъ! Помните жъ, что такъ же гнусенъ тотъ человѣкъ, который данный ему Богомъ разумъ употребляетъ на уготовленіе сѣтей и кововъ къ гибели ближняго.

А не то тѣ же жаба и паукъ станутъ предъ Господомъ вашими обличителями и скажутъ: «вы гнушались нами, а въ сущности вы были* такими же, какъ мы, только мы были такими по волѣ Творца для вашего вразумленія, а вы, не смотря на то, стали такими по своей развращенной волѣ».

И сколько явится такихъ обличителей, и какъ безотвѣтны мы явимся предъ своимъ Творцемъ, когда на страшномъ Его судѣ будемъ говорить: «мы не видѣли въ мірѣ ни премудрости, ни благодати Творца, мы не слышали законовъ Его, мы не знали Его воли, или: мы знали, да не могли соблюдать заповѣдей Его.»

XIV.

Воздайте же Господу, (сыны Божіи), воздайте Господу славу и честь. Воздайте Господу славу имени Его; поклонитесь Господу въ благомъ святыни Его. Гласъ Господень надъ водами; Богъ славы возрремъ, Господь надъ водами многими. Гласъ Господень силенъ; гласъ Господа ве-

личественъ. Гласъ Господа сокрушаетъ кедры; Господь сокрушаетъ кедры Ливанскіе и заставляетъ ихъ скакать, подобно телу, Ливанъ и Сиріонъ, подобно молодому единорогу. Гласъ Господа высклываетъ пламень огня. Гласъ Господа потрясаетъ пустыню; потрясаетъ Господь пустыню Кадесъ. Гласъ Господа разрываетъ отъ бремени ланей, и обнажаетъ лѣса; и во храмъ Его все возвѣщаетъ о Его славу. Господь возсѣдалъ надъ потокомъ, и будетъ возсѣдать Господа царемъ во вѣки. Господь дастъ силу народу Своему; Господь благословитъ народъ Свой миромъ. (Пс. 28).

Благослови душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ. Ты одѣваешь свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ; устрояешь надъ водами юртіе чертоги Своя, дѣлаешь облака Своею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра. Ты творилъ ангелами Своими духовъ, служителями Своими огонь пылающий. Ты поставилъ землю на твердыхъ основаніяхъ: не поколеблется она въ вѣки и вѣки. Бездною, какъ одѣніемъ, покрылъ ты ее; на горахъ стоятъ воды. Отъ прещенія Твоего бѣгутъ огонь: отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ. Ты положилъ предѣлъ, котораго не прейдутъ, и не возвратятся покрыть землю. Ты послалъ источники въ долины: между горами текутъ (воды). Поятъ всѣхъ полевыхъ звѣрей; дикіе ослы утоляютъ жажду свою. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ. Ты наполняешь горы съ высотъ Своихъ, плодами Твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвести изъ земли пищу. И вино, которое веселитъ сердце человека, и елей, отъ котораго блистаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человека. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ. На нихъ нѣздятся птицы: ели — жилище аисту, высокія горы — сернамъ; каменные утесы — убѣжище зайцамъ. Онъ сотворилъ луну для указанія временъ, солнце знаетъ свой закатъ. Ты простираешь тму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ всѣ лѣсные звѣри; львы рыкаютъ о добычу, и просятъ у Бога пищу себѣ. Восходитъ солнце, (и) они собираются и ложатся въ свои логовища. Выходитъ человекъ на дѣло свое и на работу

свою до вечера. Какъ многочисленны дѣла Твоя, Господи! Все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которыми нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левиафанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Дашь имъ, принимаютъ: отвергаешь руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, мрутъ; отнимешь духъ ихъ, умираютъ, и въ персть свою возвращаются; пошлешь духъ Твой, создаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ! Призываетъ на землю и она трясется, прикасается къ горамъ, и дымится. Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь. Да будетъ благопріятна Ему пѣсня моя; буду веселиться о Господѣ. Да исчезнутъ грѣшники съ земли, и незаконныхъ да не будетъ болѣе. Благослови, душа моя, Господа! (Пс. 103).

О Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокий,
Сочестъ пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенные,
Отъ свѣта Твоего рожденные,
Исслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ, —
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности протекшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,

Въ Себѣ Самомъ ты основалъ.
Себя Собою составляя.
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавши все единымъ словомъ,
Въ твореніи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь въ-вѣкъ!

Ты цѣль существъ въ Себѣ вмѣщаешь
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнца отъ Тебя рождаются;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки иней сверкаютъ.
Вратятся, зыблются, сіяютъ
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ миллионы
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ....
Но огненны сіи лампы,
Иль лдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипяцій сонмъ,
Или горящіе эиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящіе міры —
Предъ Тобой какъ ночь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія....
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ.
Стократъ другихъ міровъ, — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною, —
А я передъ Тобой — ничто....

Ничто! Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ пѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты,

Тебя душа моя быть чаеъ,
Вникаеъ, мыслить, разсуждаеъ:
Я есмь, — конечно еси и Ты!

Ты еси — природы чинъ вѣщаетъ,
Гласить мое мнѣ сердце то:
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты еси, — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончили тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайняя степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю....
Я — царь, я — рабъ; я — червь, я — богъ...
Но, будучи я столь чудесенъ, —
Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ, —
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое!

Неизъяснимый, Непостижный!...
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!...
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться..
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Р томъ, что намъ говоритъ здравый смыслъ, возвыщаютъ св. пророки и свидѣтельствуя опытъ и исторія древняго міра.

I.

Вотъ мы видѣли, что Богъ, чтобы устроить человѣку жилище, холодное и мертвенное само по себѣ вещество совокушилъ въ земной шаръ; для согрѣванія этого вещества изнутри заключилъ въ нѣдрахъ шара огненный океанъ, а для освѣщенія и согрѣванія его извнѣ поставилъ въ небесныхъ пространствахъ солнце, и, привязавъ къ нему землю, установилъ ей такое обращеніе около себя самой и солнца, чтобы чрезъ то были на ней попеременно ночь и день, лѣто и зима; одѣлъ ее воздухомъ, чтобы могли дышать имъ и жить на землѣ живыя существа; обильно надѣлилъ ее водою и посредствомъ воды, теплоты и свѣта сначала обратилъ вещество въ плодосносный слой и въ многочисленные породы металловъ и минераловъ, потомъ украсилъ поверхность земли безчисленнымъ множествомъ разнообразнѣйшихъ, служащихъ на пользу человѣка, растений; наконецъ населивъ ее такимъ же множествомъ живыхъ твореній, сотворилъ человѣка и надъ всѣмъ этимъ поставилъ его владыкою и царемъ.

Теперь взглянемъ на этого царя земли и владыку всѣхъ ея богатствъ.

Вникая въ одинъ тѣлесный составъ его, мы видимъ, что усматриваемая нами въ устройствѣ міровъ премудрость Божія отразилась здѣсь вся какъ бы въ средоточіи, потому люди, посвятившіе себя на изученіе этого предмета, называютъ человѣка *малымъ міромъ* и не знаютъ, чему болѣе удивляться: тому ли какъ въ остовѣ — скелетѣ человѣческомъ кости приспособлены одна къ другой и къ извѣстному ихъ назначенію; тому ли какъ скрѣплены онѣ связками и жилами; тому ли какъ чудно протянуты мускулы, чтобы чрезъ нихъ мы, по

волѣ своей, дѣйствовали членами своего тѣла; тому ли, какъ мудро развѣтвлены по всей нашей плоти артеріи, по которымъ кровь струится отъ сердца къ оконечностямъ тѣла и питаетъ нашу плоть и кости; *вены*, по которымъ кровь обратнo бѣжитъ въ сердце и оттуда въ легкія, чтобы тамъ освѣжиться вдыхаемымъ нами воздухомъ; *нервы* — *чувствующие*, передающіе чрезъ мозгъ душѣ получаемыя нами, чрезъ органы чувствъ, впечатлѣнія: *нервы* — *дѣйствующие*, передающіе нашу волю мускуламъ и повелѣвающіе имъ производить желаемыя движенія въ нашихъ членахъ; тому ли, какъ устроена наша кожа, на столько твердая, чтобы охранять все это, и настолько нѣжная, чтобы она была органомъ осязанія; тому ли, какъ устроены прочіе органы чувствъ: зрѣнія, слуха, вкуса и обонянія, или тому, какъ въ тѣсномъ пространствѣ нашей внутренности размѣщены и устроены: *желудокъ* — этотъ чудный химическій аппаратъ, превращающій всякую съѣдомую пищу въ питательный млечный сокъ; разные *желѣзы* и *печень*, снабжающія для сего желудокъ приготовляемыми въ нихъ и необходимыми для пищеваренія: слюною, желудочнымъ сокомъ и желчью; *млечные сосуды*, всасывающіе млечный сокъ и доставляющіе его въ сердце; *сердце*, превращающее этотъ сокъ въ кровь и отправляющее ее сначала въ легкія, а потомъ въ артеріи; *легкія*, очищающія кровь вдыхаемымъ нами воздухомъ и выдыхающія вредный для человѣка газъ, углеродъ; тому ли, какъ приспособлены составъ ноги для передвиженія человѣка, и составъ руки и ея кисти съ пальцами ко всякому дѣлу человѣческому.

Чтобы подивиться премудрости Божіей въ устройствѣ человеческого тѣла, довольно присмотрѣться къ устройству глаза. Оно, во-первыхъ, въ совершенствѣ приспособлено къ законамъ свѣта: для этого въ самой передней части глаза, какъ бы вдѣлана, роговая, совершенно прозрачная *выпуклая пластинка*; между нею и радужною (цвѣтною, по которой мы судимъ о цвѣтѣ глазъ) оболочкою, или перегородкою, заключена *водяная жидкость*, совершенно тоже прозрачная; въ радужной оболочкѣ, на ея срединѣ, находится круглое отверстіе — *зрачокъ*; за зрачкомъ находится въ перепончатой прозрачной сумочкѣ прозрачное же чечевицеобразное тѣло, называемое *хрусталикомъ*; позади хрусталика лежитъ студенистая и прозрачная масса, называемая *стекловидною влагою*.

Она заключена въ чрезвычайно тонкой перепонкѣ, называемой *стекловидною сумочкою*. Затѣмъ эта влага окружена мягкой и бѣловатою перепонкою, называемою *сптчатой*, которая есть тончайшее развѣтвление или разширеніе зрительнаго нерва, который изъ задней части глаза проходитъ въ мозгъ. Наконецъ дно глаза покрыто еще особою тонкою перепонкою, называемою — *сосудистою*, которая покрыта чернымъ веществомъ и дѣлаетъ дно глаза темнымъ.

Вотъ лучи свѣта, отражаемые отъ видимыхъ нами предметовъ, проходя чрезъ выпуклую роговую пластинку и водяную жидкость, по законамъ свѣта переломляются такъ, что достигаютъ зрачка—входятъ въ него, затѣмъ, проходя чрезъ *хрусталикъ* и *стекловидную влагу*, вновь переломляются и, падая на темное дно глаза, рисуютъ тамъ всѣ видимые нами предметы, какъ въ камерѣ-обскуръ у фотографа, а нервы *сптчатой перепонки*, приѣмля это впечатлѣніе, передаютъ чрезъ мозгъ нашей душѣ.

Не говоря о множествѣ мышцъ и нервовъ, чудно размѣщенныхъ въ полостяхъ глаза, для того, чтобы мы посредствомъ ихъ могли обращать глаза въ разныя стороны, или посредствомъ которыхъ зрачекъ, при сильномъ свѣтѣ, сжимается, а въ темнотѣ разширяется, скажемъ о тѣхъ частяхъ глаза, которыя мудрымъ Творцемъ устроены для сохраненія въ цѣлости этого нѣжнаго и драгоценнаго органа. Для сего глазной шаръ помѣщенъ въ глубокую *костяную полость* и отдѣленъ отъ костяныхъ стѣнокъ глазными мышцами, и большимъ количествомъ *жирно-клетчатой ткани*, окружающей его на подобіе эластическаго покрова. Спереди глаза защищаются *бровями* и *вѣками*. *Брови* защищаютъ глаза отъ вѣшнихъ вредныхъ вліяній, препятствуютъ поту стекать со лба на вѣшнюю поверхность этого органа и умѣряютъ дѣйствіе весьма сильнаго свѣта, особенно когда онъ падаетъ съ высоты. *Вѣки* препятствуютъ дѣйствовать свѣту на глаза во время сна, а во время бодрствованія они сближаются или удаляются одно отъ другаго такимъ образомъ, что пропускаютъ только такое количество свѣта, какое необходимо для зрѣнія; преграждаютъ путь къ глазамъ постороннимъ тѣламъ (пыли), плавающимъ въ воздухѣ; закрывая глаза въ одно мгновеніе, онѣ защищаютъ глаза отъ ударовъ и толчковъ. и наконецъ, находясь въ безпрестанномъ движеніи, предохраняютъ этотъ

органъ отъ продолжительнаго дѣйствія на него воздуха. Внутренняя поверхность вѣкъ выстлана *слизистой гладкою перепонкою*, которою мы, мигая, какъ бы самою нѣжною губкою, протираемъ и очищаемъ *роговую прозрачную пластинку*, принимающую лучи свѣта; эта *слизистая перепонка* выделяетъ изъ себя влагу, которая увеличиваетъ гладкость ея поверхности, по чему отъ безпрестаннаго тренія, производимаго вѣками по глазу, не происходитъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но какъ этой влаги недостаточно, чтобы безпрестанно увлажнять глазъ и, такъ сказать, промывать его, то подъ сводомъ глазной впадины, сверху глазнаго шара, находится *слезная желѣза*, которая безпрестанно понемногу источаетъ слезы, которыя тотчасъ же расходятся по всей поверхности означенной перепонки и увлажняютъ глазъ, отъ чего и зависитъ гладкость и блескъ нашихъ глазъ. Слезы, которыя не испаряются и остаются на глазѣ лишними, идутъ въ особые каналцы и вливаются въ носовой каналъ. Вѣки вооружены *ресницами*, которыя отбѣгая глазъ, защищаютъ его отъ сильнаго дѣйствія свѣта. Однимъ словомъ, Устроитель глаза все предусмотрѣлъ, сообразилъ и предупредилъ всѣ случайности.

II.

Безспорно, устройство человѣческаго тѣла несравненно превосходить устройство тѣлъ всѣхъ земныхъ существъ, и человѣкъ по одному только тѣлесному своему составу есть совершеннѣйшее изъ нихъ; но не въ этомъ еще главное достоинство человѣка. Важнѣе всего въ человѣкѣ способность представлять себѣ передаваемые ему чувствами предметы, понимать ихъ связь, заключать о слѣдствіяхъ, поставлять цѣль для извѣстной дѣятельности, придумывать пригодныя къ тому средства, сознавать себя, свои права и свои обязанности, такъ же права и обязанности другихъ людей, судить что добро, что прекрасно, что зло, что безобразно, и свободно избирать лучшее изъ представляющихся желаній, чувствовать внутреннее услажденіе отъ добраго, прекраснаго, или отъ исполненія долга, равно внутреннее неудовольствіе отъ злаго, безобразнаго, или отъ нарушенія своего долга, любить доброе и выражать свои мысли, чувства и желанія раздѣльными звуками — словами — говорить.

Для поясненія всего этого приведемъ самые простые примѣры. Человѣкъ представляетъ себѣ, на примѣръ, слѣдующее: огонь согрѣваетъ, дерево стареюстью своею поддерживаетъ и усиливаетъ огонь, камень не стареетъ, а нагревается и удерживаетъ въ себѣ теплоту, глина и известь липки и могутъ связать камни. И вотъ человѣкъ поставляетъ себѣ цѣль: согрѣть свое жилище, и для того складываетъ изъ камней и глины печь, разгнѣваетъ въ ней огонь, поддерживаетъ и усиливаетъ его дровами и такимъ образомъ нагреваетъ камни и удерживаетъ теплоту въ своей избѣ.

Ваня четыре дня работалъ у сосѣдняго помѣщика на сѣнокосѣ, каждый день отъ восхода до заката солнца трудился и заработалъ рубль. Весело ему: сидя въ углу избы, онъ смотритъ на деньги, считаетъ и пересчитываетъ и думаетъ: «вотъ въ Петровъ день въ селѣ ярмарка, пойду туда, куплю приниковъ, булку, книжку или картинку; пойду теперь къ Васѣ, покажу ему свою заработку». Приходитъ. Вася сидитъ у постели своей больной матери, и унимаетъ маленькую плачущую сестру. Мать охаетъ и стонетъ... Они третій день уже ничего не ѣли, у нихъ нѣтъ ни кусочка хлѣба. Ваня быстро уходитъ изъ избы, бѣжитъ къ торговцу, покупаетъ на свой рубль хлѣба и еще кое-какого съѣстнаго и приноситъ къ голоднымъ. «Вотъ вамъ Отецъ прислалъ», сказалъ и вышелъ. И не жалко Ванѣ денегъ — ему весело на душѣ, онъ чувствуетъ, что сдѣлалъ доброе дѣло, его какъ бы хвалить кто-то — добрый предобрый, и ему веселѣе, чѣмъ еслибы онъ былъ на ярмаркѣ и ѣлъ тамъ пряники и булки. И всякій, кто услышитъ, что сдѣлалъ Ваня, умилится и скажетъ: «добрый онъ мальчикъ, доброе у него сердце — Богъ его не оставитъ».

Максимъ работникъ хорошій: цѣлое лѣто былъ въ работахъ, трудился что было силы, на лакомство и хмѣль не потратилъ ни копейки; заработанными деньгами уплатилъ всѣ подати и повинности и прокормилъ семью, на остальные бунилъ шубу, любитъ ея и думаетъ: «вотъ она трудовая копейка! Слава Богу, теперь я зимы не боюсь, не буду дрогнуть, какъ прошедшій годъ». А гуляка Семенъ смотритъ и думаетъ: «вотъ бы подтибрить; славно бы погулять.» И въ ту же минуту разсуждаетъ: «это скверно, вѣдь это его кровный трудъ. Что еслибы со мной кто такъ поступилъ?

Какъ бы мнѣ горько было! Да вѣдь есть и Богъ!... Пропалъ ты проклятая мысль — дьявольское навожденіе.» И стало ему самому легко и сладостно въ душѣ. А сдѣлай онъ этотъ грѣхъ, его стала бы мучить совѣсть, — горе и слезы Максима отразились бы и на душѣ Семена.

Пахому въ первый разъ случилось быть въ городѣ. Подѣхалъ онъ къ соборной великолѣпной церкви и остановился: впился въ нее глазами и дивится; соразмѣрность всѣхъ частей зданія, стройность колоннъ въ портикахъ, изящество украшеній, величіе возносящихся къ небу куполовъ, блескъ сіяющихъ на нихъ крестовъ поражаютъ его, и онъ невольно произноситъ: «какъ это хорошо! какъ прекрасно! Все бы смотрѣлъ и не насмотрѣлся.»

Сидоръ родился въ Питерѣ и съ самаго дѣтства жилъ все у портнаго въ ученѣ. Кончилъ онъ ученье и пошелъ въ деревню къ роднымъ. Подходить къ рѣкѣ: слышитъ необыкновенный шумъ, видитъ недалеко какое-то строеніе: при немъ запруда, и вода оттуда стремится съ пѣною. Пошелъ Сидоръ посмотрѣть поближе, видитъ: вода, встрѣчая въ своемъ бѣгѣ колесо, ворочаетъ его; это колесо, внутри строенія, поворачиваетъ другое, а это заставляетъ вертѣться шестерню, шестерни же кружатъ жерновъ, жерновъ мелетъ рожь и мука течетъ въ мѣшокъ. «Вотъ что! говорить онъ: это мельница. Экъ умно придумано: поймали водицу, взнуздали ее какъ коня, да заставили работать — жерновъ вертѣть. Нуженъ умъ, да умъ, чтобы все это придумать, да такъ устроить».

Сидитъ у избы на завалинѣ старуха Матрена; у ней на колѣняхъ внучка ея Аксюша. Матрена нѣжно смотритъ на внучку, гладитъ ее по головкѣ и изрѣдка цѣлуетъ. Аксюша прижалась къ ея груди, взяла своею рученкой другую ея костлявую — покрытую морщинами руку и крѣпко прижимаетъ къ своимъ губкамъ. Старуха говоритъ: «ты моя милая внученька», а внучка: «ты моя голубынька бабенка». И имъ сладко-сладко въ душѣ, — каждая готова за другую жизнь свою отдать.

Ничего подобнаго не измыслить, ни подумаетъ, ни сдѣлаетъ, ни почувствуетъ ни одно изъ животныхъ земныхъ. Одинъ только человѣкъ изъ всѣхъ живыхъ земныхъ существъ одаренъ умомъ, мыслию и свободною волею, отъ которыхъ происходитъ все это. Но ума, мысли, воли не могли дать ни

кости, ни плоть, ни кровь, ни мозгъ. Въ нихъ нѣтъ ни жизни, ни ума, а могло ли мертвое произвести живое, безумное умъ? Эта способность человѣка выше всего земнаго — вещественнаго, и дѣлаетъ человѣка обладателемъ и владыкою всего сущаго на землѣ. Умомъ своимъ онъ сдѣлалъ однихъ животныхъ своими работниками, другихъ данниками; умомъ онъ извлекаетъ сокровища изъ нѣдръ земли и обдѣлываетъ ихъ на свои potreбы, — умомъ заставляетъ землю производить тѣ растенія, какія ему нужны, — умомъ онъ подчиняетъ себѣ самыя силы природы и заставляетъ ихъ работать на себя.

Откуда же этотъ чудный даръ?

На это отвѣчаетъ намъ слово Божіе:

«И рече Богъ: сотворимъ человека по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и змѣями, и скотами и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по землѣ. И сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ.» (Бытія 26 — 28).

«И созда Богъ человека, персть (вземъ) отъ земли, и одуну въ лице его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ душу живу.» (Быт. 2. 7).

И такъ: тѣло отъ земли, душа отъ Бога; тѣломъ мы прикрѣплены къ землѣ, душою вознесены къ Богу; по тѣлу мы вещественны, по душѣ духовны.

Будемъ же пѣть съ Давидомъ:

Господи, Боже нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Слава Твоя простирается превъше небесъ! Изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу, ради враговъ Твоихъ, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и истинителя. Когда взираю я на небеса Твои, дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то что есть человекъ, что Ты помнишь его, и сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его? Не много Ты умалилъ его предъ Ангелами; славою и честію увѣнчалъ его; поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ; все положилъ подъ ноги его. Овецъ и воловъ всѣхъ, и такъ же полевыхъ змѣей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, все переходящее морскими стезями. Господи Боже нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! (Пс. 8).

Хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его на тверди

силы Его. Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величія Его. Хвалите Его со звукомъ трубнымъ, хвалите Его на псалтири и усяхъ. Хвалите Его съ тимпаномъ и ликами, хвалите Его на струнахъ и органѣ. Хвалите его на звучныхъ кимвалахъ, хвалите Его на кимвалахъ громогласныхъ. Все дышащее да хвалитъ Господа! (Пс. 150).

III.

«Что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми, чашу спасенія прииму, и имя Господне призову. (Пс. 115, 3. 4).

Звѣри и прочія животныя твари, одаренныя чувственною только жизнію, а не разумною, имѣютъ способность находить себѣ пищу, рождать себѣ подобныхъ, сохранять свою жизнь, и не знаютъ другаго блага, какъ питать свою плоть и удовлетворять своимъ тѣлеснымъ потребностямъ; почему они, какъ земные, имѣютъ станъ свой и голову согбенные къ землѣ, и съ прекращеніемъ жизни обращаются въ землю и перестаютъ существовать.

Напротивъ: человекъ, сообразно своей высокой духовной природѣ, имѣетъ станъ прямой и голову поднятую вверхъ къ небу. Онъ своимъ взоромъ свободно проникаетъ воздушныя пространства, или объемлетъ на дальнее разстояніе лежація вокругъ него окрестности, созерцая раскинувшійся надъ нимъ лазуревый шатеръ, бѣгущія облака, величественно шествующія отъ края небесе до края небесе свѣтила, мерцающія звѣзды, разстилающіяся предъ нимъ поля и дуга, окаймляющій ихъ лѣсъ, возносящія вдали къ облакамъ свои вершины горы, извивающіеся ручьи, мирно текущія рѣки, зеркалоподобныя озера и безбрежное море, — дарованнымъ ему разумомъ способенъ понимать красоту и премудрое устройство міра, постигать величіе Творца въ Его дѣлахъ и въ разности въ Его промыслѣ, уразумѣть законы жизни и въ мышленіи объ этомъ находить высокое удовольствіе и чувствовать чистую духовную радость, благоговѣніе и любовь — къ Своему Создателю.

Не ясно ли все это показываетъ, что человекъ не къ землѣ долженъ прилѣпляться, а стремиться къ небу — къ Богу и въ Немъ искать истинной — вѣчной жизни и блаженства.

Кромѣ того кто изъ разумныхъ существъ не сознаетъ долга благодѣтельствованнаго — быть благодарнымъ благодѣтелю? Богъ истинный нашъ благодѣтель. Онъ, по присущей Ему правдѣ, ожидаетъ отъ насъ исполненія этого долга. Какъ же намъ благодарить Его? Чѣмъ воздать Ему, чѣмъ выразить свою благодарность? — Любить Его. Онъ Самъ — любовь, и требуетъ отъ насъ любви — только любви, и для того сдѣлалъ присущимъ нашему естеству — любить доброе. А Онъ — высочайшее добро. Какъ же намъ не любить Его?

Но, собственно, Богъ не нуждается ни въ нашей любви, ни въ нашей благодарности: требуетъ же этого отъ насъ по присущей Ему правдѣ для нашего же блага, такъ какъ безъ этой любви не можетъ быть и мыслима истинная жизнь — блаженство.

Намъ присуще любить добро. Если эта потребность души обращена не къ Богу, то человѣкъ удовлетворяетъ ей привязанностію къ тому, что почитаетъ добромъ. Такимъ образомъ одинъ считаетъ добромъ сладко ѣсть и пить, удовлетворять чувственнымъ пожеланіямъ, другой — копить богатство, третій — властвовать и т. д. А есть и такіе люди, которые не находя во всемъ этомъ удовлетворенія алчбы своей души, находятъ удовольствіе, подобно діаволу, дѣлать зло другимъ и совращать ихъ съ пути къ истинному благу.

Избравшій своимъ кумиромъ деньги — богатство — употребляетъ всѣ свои силы и труды, чтобы сохранить пріобрѣтенное и чтобы добыть денегъ и имѣнія болѣе и болѣе. Здѣсь ему приходится на каждомъ шагѣ сталкиваться съ подобными ему почитателями этого кумира: одни изъ нихъ улучаютъ время какъ бы добраться до его сундуковъ, другіе жуютъ черпать изъ того же источника, откуда и онъ черпаетъ. Душа его ежечасно возмущается опасеніями, подозрѣніями, завистію, досадою, враждою. Онъ на всѣхъ, даже самыхъ близкихъ ему людей, смотритъ, какъ на посягателей на его достояніе и всѣ кажутся ему врагами. Мало того: огонь пожираетъ его домъ, буря поглощаетъ его корабль, засуха губитъ посѣвъ, дождь мѣшаетъ убрать урожай, болѣзнь мѣшаетъ ему начать или кончить прибыльное дѣло, и онъ теряетъ вѣру въ благость и примудрость Творца, видитъ въ Немъ вражду къ себѣ, и устройство міра кажется ему несовершеннымъ, а Творецъ не премудрымъ. Онъ поклоняется Ему и прино-

ситъ жертвы, только какъ сильному владыкѣ, чтобы отелонить Его гнѣвъ.

Возлюбившіе власть и почести всѣ свои силы и всю свою дѣятельность употребляютъ на то, чтобы властвовать надъ другими, и получить отъ всѣхъ внѣшнія почести и отличія. Они знаютъ, что покоряться не по любви, а по принужденію и силѣ для всякаго человѣка крайне тяжело, что всякій желаетъ освободиться отъ такой власти и многіе только кажутся покорными, а сами ищутъ власти и ждуть только случая низвергнуть честолюбца съ высоты его величія, чтобы занять самимъ его мѣсто. А потому, естественно, въ душѣ честолюбца рождается и подозрительность, постоянное опасеніе за свою власть, даже за жизнь. Все это побуждаетъ его болѣе и болѣе стѣснять свободу покоренныхъ или подчиненныхъ, преслѣдовать подозрѣваемыхъ, совершать одну несправедливость за другою, лишать свободы и жизни невинныхъ. А все это ведетъ къ тому, что ненависть другихъ къ нему увеличивается, опасность для него усиливается, совѣсть болѣе и болѣе преслѣдуетъ его и мучитъ его напоминаніемъ жертвъ его несправедливости. Такимъ людямъ всегда сопутствуетъ его гордость, самолюбіе, киченіе, презрѣніе ко всѣмъ другимъ людямъ. Они мнятъ себя существами выше человѣческой природы, а всѣхъ прочихъ считаютъ низшими тварями. Нѣкоторые доходили до такого безумія, что считали себя богами и принуждали покоренныхъ поклоняться и приносить жертвы своему изображенію — идолу.

Не радостна земная жизнь корыстолюбцевъ и властолюбцевъ: забота, трудъ, опасенія, бессонница, угрызеніе совѣсти не даютъ имъ минуты покоя; въ семьѣ, въ обществѣ они одиноки: они никому не сочувствуютъ, ихъ никто не любитъ, и они всѣмъ въ тягость. Одно обладаніе богатствомъ или властію тѣшитъ ихъ. Но приходитъ смерть: богатство раздѣлять другіе; покоренные, освободившись отъ тирана, произнесутъ на него проклятіе. Наги, одиноки явятся они въ день суда. Найдется ли для нихъ въ новыхъ обителяхъ мѣсто или что либо пріятное? Тамъ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни камней драгоценныхъ, чѣмъ привыкъ утѣшаться корыстолюбецъ. Тамъ нѣтъ никого, надъ кѣмъ бы властвовать, ни тѣхъ отличій и почестей, которые составляли наслажденіе властолюбца и честолюбца. Тамъ они увидятъ превознесенными тѣхъ без-

винныхъ страдальцевъ, которыхъ они презирали, лишали имъ принадлежащаго, которымъ наносили обиды, которыхъ притѣсняли, лишали свободы и жизни. Трудовой потъ, слезы, кровь всѣхъ сихъ обратились здѣсь въ сіяющіе знаки ихъ добродѣтелей; кротости, безропотнаго терпѣнія, прощенія обидъ и пр. Каково имѣть предъ глазами такія улики? Между тѣмъ они не вынесли изъ жизни никакихъ представлений о премудрыхъ и благихъ судьбахъ Творца, никакого сочувствія къ высокимъ подвигамъ любви, которые казались имъ въ жизни глупостію. Для нихъ молитва была самою тяжелою работою. А здѣсь созерцаніе судебъ Божіихъ, заслугъ Христа и Его друзей и славословіе Творца составляютъ неизмѣнно вѣчныя утѣхи и занятіе обитателей. Для нихъ же это страшный трудъ — скучно, невыносимо. Да, если бы оставить ихъ тутъ, сродныя имъ — зависть, злоба, гордость возмутили бы миръ самыхъ небожителей. Не мѣсто имъ здѣсь, а другаго нѣтъ, кромѣ тѣмъ кромѣшной.

Тѣ же, для которыхъ *чрево* — *богъ* (Фил. 3, 19), т. е. предавшіеся сластолюбію и сладострастію, не любя труда и заботъ, необходимыхъ для приобрѣтенія средствъ къ удовлетворенію ихъ пожеланій, помышляютъ только о томъ, какъ бы на счетъ труда другихъ бражничать, веселиться и развратничать. Всякій, имѣющій собственность, кажется имъ присвоителемъ ихъ достоинства, ихъ грабителемъ, и они считаютъ себя вправѣ обманомъ, хищеніемъ и даже убійствомъ отнимать достоиніе ближняго.

Законы и учрежденія государственныя, полагающія имъ къ тому преграды, они считаютъ зломъ — стѣсненіемъ свободы человѣка, и проповѣдуя, будто бы все это установлено сильными и богатыми, чтобы властвовать надъ слабыми и бѣдными, стараются смутить умъ легкомысленныхъ, составляютъ заговоры, и производятъ бунты, чтобы разрушить основы государства и привести все къ безначалію. Религія и всѣ ея установленія, клонящіяся къ насажденію въ людяхъ благочестія и доброй — мирной жизни, къ утвержденію брачныхъ узъ, къ почитанію родителей, къ огражденію правъ собственности и къ повиновенію властямъ — имъ ненавистны, и они силятся увѣрить себя и другихъ, что все это будто бы предразсудки и суевѣріе невѣжества. Проповѣдуя безбожіе, они смотрятъ съ презрѣніемъ и ненавистію на всѣхъ

поклоняющихся Божеству, и въ тоже время презираютъ другъ друга и не опускаютъ случая обижать одинъ другого. Обжорство, пьянство и развратъ разстроиваютъ ихъ тѣлесныя и умственные силы, поражаютъ болѣзни. Наконецъ, когда они лишаются или способностей, или средствъ удовлетворять своимъ обычнымъ пожеланіямъ, ими овладѣваетъ чувство страшной пустоты — тоска, скука; все ихъ окружающее и весь міръ кажется имъ отвратительнымъ, самая жизнь несносною, отъ того-то многіе изъ нихъ кончаютъ ее сумасшествіемъ или самоубійствомъ. Они не вѣрятъ въ безсмертіе души, даже не признаютъ, чтобы было что духовное въ человѣкѣ, и потому смерть считаютъ концемъ бытія — благодѣтельнымъ исходомъ мучительной для нихъ жизни. Несчастные! Дѣйствительно, прекращеніе бытія — совершенное уничтоженіе было бы для васъ благодѣніемъ. Но развѣ могло то Существо, Которое произвело изъ небытія этотъ необятный въ своемъ пространствѣ и разнообразіи міръ, привело въ немъ безчисленные разнообразныя предметы во взаимную связь, устроило во всемъ порядокъ и направление къ извѣстнымъ цѣлямъ, развѣ могло Оно сотворить человѣка, одно устройство тѣла котораго представляетъ диво премудрости и искусства, — для одной Своей только потѣхи и забавы, на краткій срокъ земной жизни, не имѣя высшей, разумной, сообразной съ Его величіемъ цѣли? Нѣтъ. Онъ одарилъ человѣка подобнымъ Себѣ духовнымъ существомъ — душою разумною и свободною для вѣчной жизни; и дары Его непреложны, слѣдовательно душа человѣка, съ разрушеніемъ тѣла, не можетъ прекратить своего бытія. Онъ и возвѣстилъ, что видимый міръ преидетъ, а человѣкъ возстанетъ изъ тлѣнія съ духовнымъ тѣломъ для жизни въ новыхъ, уготованныхъ для него обителяхъ. Тамъ чрево, и что для чрева, упразднится, тамъ свѣтомъ будетъ — сіяніе образа славы Божіей — Христа Его, пищею — представленіе чудныхъ премудрыхъ судебъ Божіихъ и высокихъ добродѣтелей Сына Его Единороднаго и Святыхъ Его, питіемъ — благодать Св. Духа, утѣхою — радостію жизни — любовь всѣхъ обдерживающая. Сластолюбцы! Что вы найдете пригоднаго для себя въ этомъ новомъ мірѣ? Тамъ нѣтъ ни вкусныхъ яствъ, ни изящныхъ винъ, ни другихъ предметовъ чувственности. въ чемъ вы находили все благо жизни и что единственно признавали достойнымъ любви. Тамъ Христосъ,

котораго вы возненавидѣли. Тамъ други Его, надъ которыми вы глумились. Тамъ невыносимый для васъ свѣтъ правды Божіей. Чтобы скрыться отъ него, одно убѣжище — тѣма кромѣшная, — то состояніе стихій, которое было до явленія вызваннаго словомъ Божиимъ свѣта, и въ которое вновь обратится видимый міръ. Тамъ придется вамъ ожидать, когда, по вашему ученію, тѣма родитъ свѣтъ, хаосъ произведетъ порядокъ, мертвое изведетъ живое, безумное — разумъ.

Говорить ли о людяхъ такъ извратившихъ свою природу, что зло имъ кажется добромъ, добро зломъ, истина ложью, ложь истиною, и находящихъ удовольствіе дѣлать зло и сплетать ложь? Они — воинство дьявола и часть ихъ съ нимъ!

Любящій же Бога имѣетъ предметомъ своей любви безпредѣльное величіе, совершеннѣйшую красоту и всесильную благодать. Нѣтъ у него соперниковъ, которые могли бы отнять его отъ любимаго, нѣтъ враговъ, которые могли бы отнять оный. Напротивъ, всѣ любящіе Бога ему самые искренніе други — братья. Да, и на всѣхъ прочихъ онъ смотритъ какъ на сыновъ одного съ нимъ Отца: счастливы они, онъ радуется и благодаритъ, страдаютъ они, онъ о нихъ печалуетъ и молить за нихъ того же общаго всѣмъ Отца, вѣруя, что Онъ одинъ владыка и распредѣлитель благъ. Предметъ его любви такъ великъ, такъ драгоцѣненъ, что все въ этомъ мірѣ онъ вмѣняетъ въ уметы — соръ, за ничто, и ему они милы только въ соединенномъ съ ними представленіи премудрости и благодати Творца. А потому онъ равно благословляетъ Бога за черствый кусокъ чернаго хлѣба и полевою землянику, какъ и за изящный бѣлый калачъ и дорогой ананасъ. Если несчастье постигнетъ его отъ стихій ли, отъ разстройства ли здоровья, отъ злобы ли людской, отъ разлуки или смерти близкихъ ему людей, онъ сносить это терпѣливо и благодушно, ибо вѣритъ, что никакое бѣдствіе не можетъ постигнуть его безъ воли или поущенія всеблагаго Отца, и что Онъ всеблагій не можетъ допустить испытанія выше силъ испытуемаго, и что все происходящее отъ Всепремудраго направлено къ истинному благу, хотя мы иногда не можемъ въ настоящее время постигнуть всѣхъ путей Его. А потому, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Святаго Провидѣнія, онъ повергается въ прахъ предъ своимъ Господомъ и въ такой смиренной молитвѣ находитъ истинное успокоеніе и

утѣшеніе. Міръ свыше. — міръ съ Богомъ, съ самимъ собою и съ ближними сопутствуетъ ему и веселитъ духъ его. Не страшна ему смерть, — онъ вѣруетъ, что у любвеобильнаго Отца уготованъ для любящихъ Его лучшій міръ и лучшая жизнь, гдѣ владыкою — Единородный Сынъ Его — Царь Христосъ и сожители — други Христовы. Одно уже то, чтобы созерцать ихъ славу и сіяніе ихъ добродѣтелей, внимать ихъ бесѣдамъ и ихъ славословію составляетъ для него исполненіе всѣхъ его желаній.

IV.

И такъ неопровержимый долгъ человѣка быть благодарнымъ своему Творцу и любить Его, и эту благодарность и любовь засвидѣтельствовать совершенною преданностію Его волѣ.

Въ этомъ состоитъ долгъ, въ этомъ же заключается и единственный путь къ блаженству, потому что человѣкъ только исполненіемъ этого долга можетъ содѣлаться достойнымъ любви Творца, получить взаимно отъ Него свидѣтельство Его любви — помазаніе Св. Духа — благодать, сдѣлаться истинно благимъ — едино въ любви съ Богомъ, слѣдовательно совершенно блаженнымъ.

Но человѣкъ въ самомъ началѣ пошелъ не по этому пути. Онъ, вмѣсто того, чтобы въ радостяхъ, доставляемыхъ обильно дарами природы, видѣть благодать Творца, полюбить Его, и благодарнымъ сердцемъ преклониться предъ Нимъ, въ самыхъ дарахъ природы думалъ найти блаженство, пристрастился сердцемъ къ нимъ, и когда тѣ оказались неудовлетворяющими потребности души, жаждущей блаженства, онъ началъ искать его въ предметахъ заповѣданныхъ, — въ нарушеніи самыхъ законовъ естества. Вмѣсто того, чтобы чрезъ вниманіе и разумное вниканіе въ окружающіе его предметы понять связь вещей и законы естества, уразумѣть премудрое устройство міра и величіе Устроителя, и вознестись мыслію къ Нему, человѣкъ захотѣлъ прямо знанія для удовлетворенія своего любопытства. Въ той мѣрѣ, какъ человѣкъ отклонялся отъ пути истинной жизни и такимъ образомъ удалялся отъ своего Творца, слабѣлъ его умъ, увеличивались чувственные пожеланія и обращались въ похотѣнія. Въ такомъ положеніи

человѣкъ легко поддается внушеніямъ извнѣ — помысламъ, приходящимъ въ него отъ діавола или отъ другихъ людей о томъ, что заповѣдь не нужна и стѣсняетъ только нашу свободу, что въ заповѣданномъ наше блаженство, и что въ веществѣ находится Божественная сила, дающая знаніе, счастье и разнообразныя силы. Подъ вліяніемъ такихъ-то внушеній человѣкъ отменяетъ заповѣди Божіи и предаётся своимъ страстямъ и похотѣніямъ, впадаетъ въ суетвѣріе и идолопоклонство, дѣлается противникомъ Божіимъ, вноситъ порчу въ свое естество, подчиняется діаволу и теряетъ даже сознаніе о истинной жизни въ любви къ Богу.

Такъ впади въ грѣхъ наши прародители, такъ падаемъ въ него и всѣ мы, и порчу, внесенную грѣхомъ въ естество, передаемъ своимъ дѣтямъ.

Мы знаемъ, что нельзя никому идти противъ законовъ видимой природы, — зная эти законы и соображаясь съ ними, мы дѣлаемъ самыя силы природы своими слугами и работниками. Но горе, если мы посягнемъ не соблюдать этихъ законовъ: огонь испепелитъ наше достояніе и сожжётъ самихъ насъ, вода поглотитъ въ своей безднѣ, воздухъ обратится въ язву.

Но законы правды и любви Божіей — законы нравственные непреложныя законовъ физическихъ — законовъ видимой природы и нарушеніе первыхъ пагубнѣе нарушенія послѣднихъ уже потому, что чрезъ то мы дѣлаемся скверною — предъ лицомъ Святости, ложью предъ истиною, злобою предъ любовію, дерзкими бунтовщиками предъ Всесильнымъ, безумными поругателями щедротъ Всеблагаго — однимъ словомъ — сами отвергаемся источника жизни и добра, слѣдовательно обрекаемъ себя смерти. И вотъ смерть — эта страшная казнь, предвѣщенная въ началѣ Творцемъ, какъ необходимое слѣдствіе нарушенія Его воли, стала царить надъ людьми.

Кромѣ того міръ созданъ для *человѣка по мысли Божіей* — для существа нравственнаго-совершеннаго, и съ нимъ согласованы силы и законы природы міра. По чему человѣкъ, нарушая законы нравственные, нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ законовъ физическихъ и вноситъ въ міръ разстройство и безпорядокъ. Такъ невольность разстраиваетъ организмъ человѣческаго тѣла и оттуда происходятъ разнообразныя болѣзни; зависть, корысть и злоба вносятъ разстройство въ

общество людей и нарушаютъ ихъ миръ и благосостояніе; нравственное неряшество порождаетъ неряшество физическое, а это зарождаетъ въ воздухѣ вредныя міазмы, отъ которыхъ свирѣпствуютъ повальные болѣзни и язвы.

Такимъ образомъ грѣхъ удалилъ насъ отъ Бога, лишилъ истинно блаженной жизни, внесъ зло въ самихъ насъ, въ общество людей и въ самый міръ, и обрекъ насъ смерти.

Теперь извѣдавъ опытомъ горечь грѣха — зла, человѣкъ долженъ узнать цѣну добра. И дѣйствительно: всегда были люди, которые понявъ, что истинное добро есть Богъ, и только въ немъ одномъ истинная жизнь — блаженство, и что источникъ зла и смерти — грѣхъ, усиливались подавить въ себѣ пристрастіе къ земнымъ благамъ и искоренить посябанное въ нашу душу сѣмя — лукавые помыслы, выдти изъ власти діавола и вознестись умомъ къ Богу. Но немного было такихъ подвижниковъ: огромное большинство людей, прильпясь къ землѣ, только въ удовлетвореніи чувственности думали найти блаженство, и на изысканіе къ тому средствъ употребляли свой умъ и всѣ свои силы. Обремененный земными заботами помыслъ ихъ не могъ вознестись выше земнаго — къ Богу и они испытываемое на землѣ зло считали присущимъ міру и человѣку. Не умѣя объяснить себѣ силъ природы, приносящихъ пользу или вредъ, одни изъ нихъ олицетворяли эти силы своимъ воображеніемъ въ образы высшихъ невидимыхъ существъ, другіе приписывали сотвореніе міра и человѣка двумъ богамъ — доброму и злему, третьи обоготворяли самое вещество міра и живущихъ на немъ тварей. Всѣмъ имъ кажутся смѣшны и глупы чтители истиннаго Бога и они не преминутъ случая нанести имъ обиду и вредъ. Такъ *человѣкоубійца искони* (Іоан. 8, 44) — діаволъ умѣлъ посредствомъ Божіихъ же даровъ отклонить людей отъ Бога, подчинить себѣ и заставить ихъ, подобно образу своему — змѣю, ползать чревомъ по землѣ, питаться земнымъ прахомъ и жалить непокорныхъ ему.

Но Богомъ этой враждѣ опредѣленъ конецъ и не напрасно обѣщана побѣда *чрезъ Рожденнаго отъ жены*.

V.

Такъ какъ люди стали искать своихъ путей къ блаженству, то Провидѣніемъ было предоставлено роду человѣче-

своему ходить своими путями и опытом убедиться, надежны ли эти пути. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ силы физической природы премудро были направлены къ вразумленію людей на путь правды. Такъ неповиновеніе человѣка Богу освободило и прочихъ земныхъ тварей отъ покорности человѣку и онѣ сдѣлались враждебны ему, такъ сказать, олицетворили въ себѣ забунтовавшія въ человѣкѣ скотскія страсти; богатство даровъ природы, которое послужило человѣку не къ наученію его величію и благодати Творца, а на вредную праздность и самоуслажденіе, отъ него отнято, земля стала безплодна въ трудахъ его, и правда Божія опредѣлила ему въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой; человѣкъ невинность и чистоту свою помрачилъ нечистыми мыслями и желаніями, и земля произвела ему плевелы и тернія, а неумѣренность въ употребленіи даровъ природы произвела болѣзни и язвы.

Но все напрасно: родъ человѣческій все болѣе и болѣе погружался въ развратъ и нечестіе, и хотя долголѣтіе, которымъ сначала пользовались люди, должно бы служить къ тому, чтобы чрезъ долговременный опытъ придти къ познанію истины, но напротивъ, оно послужило къ тому, что люди, надѣясь на долголѣтіе, вовсе не помышляли о смерти и забывали Бога, а вслѣдствіе того пришли въ такое состояніе, что Богъ сказалъ о нихъ: *«они одна плоть, а духа нѣтъ въ нихъ»* и потопъ истребилъ ихъ съ лица земли, какъ потерявшихъ свойства къ жизни по духу.

Послѣ того произошло новое поколѣніе людей отъ благочестиваго Ноя. Но когда и оно пошло тѣми же своими путями, то враждебность стихій и болѣзни стали болѣе и болѣе усиливаться и тѣмъ побуждать человѣка прибѣгать къ Творцу о помощи и покровительствѣ; жизнь человѣка сократилась и смерть въ своихъ жертвахъ начала чаще и чаще напоминать о грозномъ приговорѣ Творца за уклоненіе отъ Его воли, а память о потопѣ возвышала Его — Всемогущимъ — Праведнымъ судіею надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ — Судьею, который не щадилъ дѣла рукъ Своихъ, если оно не исполняетъ своего назначенія. Но тщетно. Любовь страхомъ Своего Всемоущества и Правосудія старалась отвратить Свое любимое созданіе отъ пагубнаго пути и обратить къ Себѣ — источнику жизни и блаженства. Люди, какъ и до потопа, возлюбили только чувственность и страсти, боялись только сти-

хій и обоготворили ихъ, создали имъ вумиры и ихъ стали умолять о ниспосланіи благъ и избавленіи отъ бѣдствій. Къ чему же привело все это? Нашли ли люди блаженство? Исторія представляетъ намъ множество людей, достигшихъ возможныхъ на землѣ могущества и славы, и силы, обладавшихъ несмѣтными сокровищами и имѣвшихъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ чувственнымъ вождѣлѣніямъ, но ни одинъ изъ нихъ не называлъ себя достигшимъ блаженства и никто не назоветъ ихъ блаженными. До конца жизни они были мучениками страстей и болѣзней. Образъ всѣхъ ихъ Иродъ (Великій). Исторія его есть исторія всѣхъ подобныхъ людей.

Онъ 34 года царствовалъ въ Іудеѣ, пользовался неограниченною властію, — имѣлъ несмѣтныя богатства и удовлетворялъ всѣмъ своимъ похотѣніямъ чувственности, но не имѣлъ никогда спокойствія, и только терзался опасеніями, ревностію, подозрѣніями. Онъ принужденъ былъ то вести войны съ своими соперниками, то ласкательствомъ и подарками заискивать милости и покровительства владыкъ Рима, то безчеловѣчными казнями укрощать заговоры и бунты, то изъ подозрительности и ревности совершать страшныя злодѣйства. Такъ онъ велѣлъ избить младенцевъ въ Вифлеемѣ и его окрестностяхъ; умертвилъ сына тещи своей — Аристовула, — мужа сестры своей — Іосифа, двухъ своихъ женъ — Маріамну и Александру. Во время его старости раздоры, коварства и клеветы, поселившіяся въ его семействѣ и его собственная склонность къ подозрѣнію довели его до того, что онъ ни къ кому не имѣлъ довѣренности и предалъ смерти двухъ своихъ сыновей: Александра и Аристовула. Наконецъ, во время послѣдней своей болѣзни, въ которой онъ мучился непрестаннымъ голодомъ и самъ былъ пожираемъ червями, сожегъ нѣсколько человѣкъ за сокрушеніе золотого орла, поставленнаго имъ на вратахъ Іерусалимскаго храма; покушался въ отчаяніи на собственную жизнь; казнилъ любимого своего сына Антипатра, и собравъ къ себѣ въ Іерихонъ знатнѣйшихъ Іудеевъ, далъ своей сестрѣ и зятю повелѣніе умертвить ихъ въ минуту своей смерти, чтобы она не была безъ плача.

Что же сказать о простомъ народѣ, который эти исполны губили милліонами, какъ мухъ, изнуряли работами и рабствомъ, уродовали, лишая носовъ, или ушей, или глазъ,

или рукъ, или ногъ, и разоряли грабежемъ и поборами, и въ которомъ погасло всякое нравственное чувство долга и добра, и когда умъ человѣка изощрялся только надъ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ предметовъ роскоши, надъ составленіемъ козней своему ближнему, или заговоровъ противъ честолюбцевъ и тирановъ? когда, казалось, умъ человѣка потерялъ способность понимать красоту и стройность природы и унижился до того, что идола—дѣло рукъ своихъ, считалъ Богомъ и народъ, взывая къ нему: «ты родилъ меня» приносилъ въ жертву дѣтей своихъ.

Долго, болѣе 3200 лѣтъ послѣ потопа, длилось это темное время. Наконецъ въ одномъ уголкѣ земли, въ Греціи, стали появляться мужи, которые умъ свой вознесли горѣ изъ мрака, ихъ окружавшаго, увидѣли красоту природы, стройность и цѣлесообразность ея силъ и явленій, и отсюда пришли къ убѣжденію, что виновникомъ всего существующаго долженъ быть одинъ высочайшій Умъ, полный благодати; что только одно доброе можетъ быть угодно Ему; что на этомъ основаніи должно быть установлено отношеніе людей къ Нему и между собою, и что многобожіе и идолопоклонство есть заблужденіе.

Такъ зажегся свѣточъ во мракѣ язычества и свѣтъ его, хотя очень слабый, не могъ не обратить на себя вниманія многихъ людей, погрязшихъ во мракѣ. При свѣтѣ его они стали болѣе и болѣе всматриваться въ природу и человѣка и усмотрѣли много предметовъ, казалось, несогласныхъ одинъ съ другимъ, какъ на примѣръ: съ одной стороны всемогущество, премудрость и благодать Творца, съ другой пагубныя дѣйствія стихій и страстей, бренность, тяжкая участь и смерть человѣка. Какъ все это согласить?

Преданія Патріарховъ, которыя могли бы разъяснить все это между язычниками, одни совершенно утратились, другіе замѣнены были нелѣпыми баснями. Начали разсуждать, — искать умомъ своимъ истины. Одинъ объяснялъ такъ, другой иначе. Начались споры и состязанія. При этомъ многіе явили удивительную силу ума. По чему людей, занимавшихся изысканіемъ истины, назвали мудрецами—любителями мудрости—*философами*, а науку о такихъ предметахъ — *философіею*. Но, при всемъ напряженіи ума человѣческаго, истина осталась недостигнутою. Это привело, наконецъ, однихъ мысли-

телей къ безбожію и сомнѣнію, чтобы когда-нибудь могла быть узнана людьми истина, а другихъ къ увѣренности, что истина должна быть открыта человѣку Самимъ всеблагимъ Творцемъ. Отсюда родилось у нихъ чаяніе Божественнаго откровенія человѣку.

Между тѣмъ и преданіе объ обѣщанномъ Побѣдителейъ зла, хотя тоже уже затемненное языческими баснями, еще жило въ народѣ, и чѣмъ болѣе возрастали бѣдствія рода человѣческаго, тѣмъ болѣе и болѣе возражалось и въ народѣ чаяніе избавленія отъ тѣхъ бѣдствій.

VI.

Во все это время, люди, хранившіе въ чистотѣ преданіе отцевъ, и старавшіеся идти путемъ Господнимъ, были свѣше просвѣщаемы Божественнымъ откровеніемъ и соблюдаемы Провидѣніемъ. Это свидѣтельствуетъ исторія Патріарховъ и Іова. Такъ друзья Іова, бѣдствія претерпѣваемыя людьми, приписывали наказанію Божию за грѣхи, а Іовъ засвидѣтельствовалъ своимъ терпѣніемъ полную преданность неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, и исповѣдывалъ: «но я знаю, *Искупитель мой живъ, и въ послѣдній день возстанетъ надъ прахомъ. И послѣ кожи моей, когда разрушится сія (тѣло), я изъ плоти моей узрю Бога*». Аврааму и Іакову-Израилю Господь, сообразно простотѣ ихъ души и понятій, являлся неоднократно въ человѣческомъ образѣ, укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, испытывалъ твердость ихъ въ ней, вразумлялъ о судьбахъ Своихъ, охранялъ ихъ отъ бѣдствій и благословлялъ ихъ земными благами.

Да и было бы несогласно съ правдою Божіею оставлять ихъ на произволъ случайностей и тѣсноты временъ, допущенной для непокорныхъ.

Мы даже знаемъ, что два мужа, постоянно ходившіе въ любви Божіей—Енохъ и Ілія, не испытали смерти.

VII.

Наконецъ, когда съ размноженіемъ рода человѣческаго, стали возникать государства, Господь Своимъ промысломъ

образовалъ особый народъ еврейскій въ хранилище и въ свидѣтеля истиннаго преданія о Богѣ, началѣ міра, судьбахъ человѣка и обѣтованномъ Спасителѣ.

Здѣсь Онъ, въ противоположность заблужденіямъ язычества, обоготворявшаго стихіи и силы природы, далъ разительнѣйшія доказательства, что Онъ Творецъ природы и Господь силъ, давшій законы стихіямъ.

Такъ, по всесильному повелѣнію Божію, съ маніемъ жезла Моисеева вѣтры раздвинули волны Чермнаго моря, поставили ихъ стѣнами и осушили дно моря, чтобы проложить путь избранному народу; съ ударомъ того же жезла камень источилъ воду, чтобы утолить его жажду; манна и стада крастелей покрывали бесплодную пустыню, чтобы напитать его; такъ, едва несшіе кивотъ завѣта левиты омочили ноги въ водахъ Иордана, теченіе воды сверху рѣки остановилось, нижняя вода стекла и израильтяне перешли по обсохшему дну рѣки; такъ, отъ звука трубъ израильскаго воинства, разрушились стѣны Іерихона, и по слову Іисуса Навина солнце остановило теченіе свое, пока не совершилась побѣда; такъ, по молитвѣ пророка Іліи, спадшій съ неба огонь пожралъ жертву и наполнявшую окружавшіе ее рвы воду; такъ по волѣ Вседержителя, огонь оставилъ невредимыми вверженныхъ въ печь Вавилонскую благочестивыхъ отроковъ, а челюсти голодныхъ львовъ не коснулись отданнаго имъ на свѣденіе пророка Даниила.

И много другихъ подобныхъ чудесъ и знаменій совершилъ Господь, и свидѣтелемъ всего этого поставилъ цѣлый народъ Израильскій, который, по сему, вслухъ всего міра пѣлъ:

Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа, стоящіи во храмѣ Господни, во дворѣхъ дому Бога нашего. Хвалите Господа яко благъ Господь: пойте имени Его, яко добро. Яко Іакова избра себѣ Господь, Израиля въ достояніе себѣ. Яко азъ познахъ, яко великъ Господь, и Господь нашихъ надъ всеми боги: Вся елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ. Возводя облаки отъ послѣднихъ земли, молніи и дождь сотвори: изводя вѣтры отъ сокровищъ своихъ. Иже порази первенцы Египетскія, отъ человѣка до скота: Посла знаменія и чудеса посредѣ тебе Египте, на Фараона и на вся рабы его. Иже порази языки многи, и изби цари крѣпки: Сиона царя Амморейска

и Оа царя Васанска, и вся царствія Ханаанска: И даде землю ихъ достояніе, достояніе Израилю людемъ своимъ. Господи, имя твое въ вѣкъ, и память твоя въ родъ и родъ: Яко судити имать Господь людемъ своимъ, и о рабѣхъ своихъ умолятся. Идоми языкъ сребро и золото, дѣла рукъ человѣческихъ: уста имутъ, и не возлагаютъ: очи имутъ, и не узрятъ. Уши имутъ, и не услышатъ: ниже бо есть духъ во устѣхъ ихъ. Подобни имъ да будутъ творящіи я, и вси надѣющіися на нѣ. Доме Израилевъ, благословите Господа: доме Ааронъ, благословите Господа: доме Левитовъ, благословите Господа; боящіися Господа, благословите Господа. Благословенъ Господь отъ Сиона, живый во Іерусалимѣ.» (Псал. 134).

«Исповѣдайтесь Господеву... поразившему Египта съ первенцы его, яко въ вѣкъ милость его. Изведшему Израиля отъ среды ихъ, яко въ вѣкъ милость его: рукою крѣпкою и мышцею высокою, яко въ вѣкъ милость его: раздѣлившему Чермное море въ раздѣленія, яко въ вѣкъ милость его. И проводившему Израиля посреди его, яко въ вѣкъ милость его. И истрясавшему Фараона и силу его въ море Чермное, яко въ вѣкъ милость его. И убившему цари крѣпкія, яко въ вѣкъ милость его. И давшему землю ихъ достояніе, яко въ вѣкъ милость его. Достояніе Израилю рабу своему, яко въ вѣкъ милость его. Яко во смиреніи нашемъ помяну ны Господь, яко въ вѣкъ милость его. И избавилъ ны есть отъ враговъ нашихъ, яко въ вѣкъ милость его. Даяи пищу всякой плоти, яко въ вѣкъ милость его. Исповѣдайтесь Богу небесному, яко въ вѣкъ милость его.» (Пс. 135, 1, 10 — 27).

VIII.

Люди, поникнувъ взоромъ долу, углубясь въ исканіе благъ земныхъ и окаменѣвъ сердцемъ, не могли уже ни созерцать величія Божія, явленнаго въ дѣлахъ творенія, ни внимать глаголу Божію о путяхъ жизни, гремѣвшему повсюду въ природѣ, ни уразумѣть закона любви, начертаннаго въ сердцѣ каждаго, и вотъ Господь являетъ Свое величіе непосредственно предъ взорами народа Своего при горѣ Синаѣ, изрекаетъ человѣческою, всѣмъ понятною, рѣчью законъ любви и на-

чертывасть его челоѣческими письменами на каменныхъ скрижаляхъ. Когда Израильтяне были у горы Синайской, Онъ повелѣлъ чрезъ Моисея очиститься имъ и стать предъ горою. При наступленіи утра загрохотали громы, засверкали молніи надъ горою, послышался весьма сильный трубный гласъ, вся гора задымилась и сильно заколебалась, Господь сошелъ на нее въ огнѣ, гора горѣла пламенемъ до самыхъ небесъ, звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе, и Господь среди огня вѣщалъ:

«Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя отъ земли египетскія, отъ дому работы. Да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене.

Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горъ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ, подъ землею: да не поклонишися имъ, да не послужиши имъ: азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель. отдай грѣхи отецъ на чада до третіаго и четвертаго рода ненавидящимъ мене, и творай милость въ тысящахъ любящимъ мя и хранящимъ повелѣнія Моя.

Не возмещи имене Господа Бога твоего всуе: не очиститъ бо Господь приѣмлющаго имя его всуе.

Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвори въ нихъ дѣла твоя: въ день же седьмый, суббота Господу Богу твоему: зане въ шести днейъ сотвори Господь небо и землю, море, и вся яже въ нихъ, и почи въ день седьмый: сего ради благослови Господь день седьмый, и осяяти его.

Чти Отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да дополътенъ будиши на земли блазъ, юже Господь Богъ даетъ тебѣ.

Не убій.

Не прелюбы сотвори.

Не укради.

Не послушествоуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика сущаго ближняго твоего.»

Потомъ Господь эти заповѣди, начертанныя на двухъ каменныхъ скрижаляхъ, вручилъ Моисею, и Моисей, по Боже-

ственному вдохновенію, для вразумленія людей къ исполненію сихъ заповѣдей, написалъ самыя подробныя правила жизни — въ семейномъ и общественномъ быту, по отношенію къ соблюденію чистоты душевной и тѣлесной, къ правамъ и обязанностямъ ближнихъ, къ пользованію дарами природы и даже — къ обхожденію съ животными. Все это проникнуто было любовію и истиною и вело къ любви и истинѣ. Такъ онъ наставлялъ:

«Если будетъ нищій кто либо изъ братьевъ твоихъ, на землю твою, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоея предъ нищимъ братомъ твоимъ. Но открой ему руку твою и дай ему взаимны, смотря по его нуждѣ, въ чемъ онъ нуждается (Вт. отоз XV, 7, 8).

«Не извращай закона, не смотри на лицо и не бери даровъ, ибо дары ослѣпляютъ глаза мудрыхъ и превращаютъ дѣло правыхъ. Правды, правды ищи, дабы ты былъ живъ и владѣлъ землею, которую Господь Богъ даетъ тебѣ.» (XVI, 19, 20).

«Когда увидишь вола брата твоего, или овицу его, заблуждающихся, не оставляй ихъ, но возврати брату твоему. Такъ поступай и съ осломъ его, такъ поступай съ одеждой его, такъ поступай со всякою потерянною вещію брата твоего, которую ты найдешь. Когда увидишь осла брата твоего или вола его упавшихъ на пути, не оставляй ихъ, но подними ихъ съ нимъ вмѣстѣ.» (XXII, 1, 3, 4).

«Не должно быть блудницы изъ дочерей Израилевыхъ, и не должно быть блудника изъ сыновъ Израилевыхъ.» (XXIII, 17).

«Что вышло изъ устъ твоихъ, соблюдай и исполняй, какъ ты говорилъ Господу Богу.» (XXIII, 23).

«Если должникъ твой будетъ челоѣкъ бѣдный, то ты не ложишься спать, имѣя у себя залогъ его; возврати ему залогъ при захожденіи солнца, чтобы онъ легъ спать въ одежду своей, и благословилъ тебя: и тебѣ поставится сіе въ праведность предъ Господомъ Богомъ твоимъ.» (XXIV, 12, 13).

«Не обижай наемника, бѣднаго и нищаго, изъ братьевъ твоихъ или изъ пришельцевъ твоихъ, которые на землю твою, въ жилищахъ твоихъ. Въ тотъ же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо онъ бѣденъ, и ждетъ ея душа его; чтобы онъ не возопилъ на тебя ко Господу, и не было на тебѣ грѣха.» (XXIV, 14, 15).

«Когда будешь жать на полъ твою, и забудешь сногъ на полъ; то не возвращайся взять его; пусть онъ остается пришельцу нищему, сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ.» (XXIV, 19).

«Въ кистъ твоей не должны быть двоякія ири, большія и меньшія. Въ домъ твой не должна быть двоякая ефа (мѣра), большая и меньшая. Гири у тебя должны быть точная и правильная, и ефа у тебя должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на землѣ, которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ въ удѣлъ. Ибо мерзокъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, всякій дѣлающій неправду.» (XXV, 25, 13 — 16).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Моисей опредѣлилъ порядоки богослуженія, въ обрядахъ, которые прообразовали великое дѣло Божіе о спасеніи рода человѣческаго; сочинилъ пѣсни и установилъ праздники въ воспоминаніе великихъ дѣлъ, явленныхъ Богомъ для народа; установилъ еще разнообразныя обряды въ житейскомъ быту, которые всегда напоминали каждому о законѣ Божіемъ и, такъ сказать, нудили соблюдать законъ; до конца жизни своей поучалъ и убѣждалъ Израилѣянъ быть вѣрными слугами Божіими, и въ самыхъ сильныхъ словахъ возвѣщалъ проклятіе и страшныя наказанія за нарушеніе Завѣта, благословеніе и величайшія блага за вѣрность ему. — Наконецъ онъ возгласилъ: «Слушай, Израиль, Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть. И любви Господа, Бога твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣми силами твоими. И да будутъ слова сіи, которыя я заповѣдаю тебѣ сегодня, — въ сердце твоемъ и въ душѣ твоей. И внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори объ нихъ, сидя въ домѣ своемъ и идя дорогою, и лежа и вставая. И навязки ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими, и напиши ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ.» (Вт. VI, 4, 9).

Въ заключеніе Моисей объявилъ: «И сказалъ мнѣ Господь: Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ, такого какъ ты, и вложу слова Мои въ уста Его, и Онъ будетъ говорить имъ все, что Я повелю Ему; а кто не послушаетъ словъ Моихъ, которыхъ пророкъ тотъ будетъ говорить Моимъ именемъ, съ того Я взыщу.» (Вт. XVIII, 10 — 13).

«Если ты (Израиль) будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, тщательно исполнять всѣ заповѣди Его, которыми заповѣдаю тебѣ сегодня: то Господь, Богъ твой, поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ земли. И придутъ на тебя всѣ благословенія сіи и исполнятся на тебѣ, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего. Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, которыми я заповѣдаю тебѣ сегодня; то придутъ на тебя всѣ проклятія сіи и постигнутъ тебя. И разсѣетъ тебя Господь, Богъ твой, по всѣмъ народамъ, отъ края земли, до края земли. Но и между этими народами не успокоишься, и не будетъ мѣста покоя для ночи твоей, и Господь дастъ тебѣ тамъ трепещущее сердце, иставаніе очей и изнываніе души. Жизнь твоя будетъ висѣть предъ тобою и будешь трепетать ночью и днемъ, и не будешь увѣренъ въ жизни твоей. Отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь обхваченъ, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами своими, утромъ ты скажешь: о, еслибы пришелъ вечеръ! а вечеромъ скажешь: о, еслибы наступило утро!» (Втор. XXVIII, 12, 15, 64—67).

IX.

А чтобы этотъ, возвѣщенный Моисеемъ Великій Посланикъ Божій не остался неизслѣданнымъ, Господь, чрезъ вдохновенныхъ Имъ пророковъ предсказалъ: когда, гдѣ, и отъ кого Онъ родится, каковъ Онъ будетъ и что совершить. Такъ, пророки предсказали:

Іаковъ-Израиль: — что Примиритель, который покоритъ всѣ народы, явится, когда прекратятся правители отъ Іуды. (Быт. XLIX, 10).

Даніиль: — что отъ исхода слова о дозволеніи Іудеямъ возвратиться изъ плѣна Вавилонскаго въ свою землю, до Христа Старѣйшины, и до утвержденія завѣта, и прекращенія жертвы и приношенія 70 седмиць, т. е. 490 лѣтъ. (Дан. IX, 24 — 27).

Михей: — что Вождь, который упасетъ Израиля, изыдетъ изъ Вилеема, исходъ же Его отъ начала дней вѣка (М. 5, 2).

Исаія:—что Дѣва родить Сына и имя ему: *Еммануилъ* (съ нами Богъ), *великаго совета Ангелъ, чуденъ Советникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь міра, Отецъ будущаго вѣка* (Ис. IX, 6); что Онъ произойдетъ отъ корня Иессеева (т. е. праотца царя Давида) и *почиетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совета и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, и исполнитъ Его Духъ страха Божія* (XI, 3, 4, 10); что Онъ не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ гласа Его на распутіяхъ; *трусости надломленной не преломитъ, и льна курящагося не уласитъ, доколе правда Его не одержитъ побѣды и на имя Его уповаютъ будутъ народы*; (LXII. 2—5) — что Онъ придетъ и спасетъ насъ; что *тогда отверзнутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ, тогда вскоичитъ хромоу, какъ олень, и асенъ будетъ языкъ косноязычныхъ* (XXXV, 5, 6); что Онъ *явленъ будетъ нищущимъ Его,—обрънется невопрошающимъ о Немъ и тщетно будетъ простираетъ руки къ людямъ непокорнымъ и противулагающимъ Ему, которые не ходили путемъ истиннымъ, но во сльдѣ грѣховъ своихъ* (LXV, 12); что *ужаснутся о Немъ многіе, такъ обезславится отъ чело-вѣкъ видъ Его и слава Его отъ сыновъ человеческихъ: Онъ будетъ какъ корень въ землѣ жаждущей, безъ вида, безъ красоты, но будетъ видъ Его умаленъ и безчестенъ, паче всѣхъ сыновъ человеческихъ,—какъ челоука въ язвъ сущаго и вѣдущаго терпѣть бользнь; всѣ отвратятъ лице свое отъ Него; Онъ будетъ поруганъ и вмѣненъ въ ничто; что Онъ грѣхи наши понесетъ и о насъ будетъ болѣзновать, а люди будутъ думать, что Онъ наказанъ отъ Бога язвою и трудомъ; что Онъ будетъ мучимъ за грѣхи наши и за беззаконія наши терзаемъ, наказаніе нашего міра на Немъ, язвою Его мы исцѣляемъ; что всѣ люди, какъ овцы, заблудились, совратились съ пути своего, и ради нашихъ грѣховъ предалъ Его Господь, а Онъ, посреди оскорбленій, не отверзаетъ устъ Своихъ; какъ овца поведется на заколеніе безгласенъ, какъ агнецъ предъ стригущими; что въ униженіи Его совершится судъ, родъ же Его кто изъяснитъ?* (LII, 13 — 15. LIII, 1—9); что Онъ *вмѣненъ будетъ съ беззаконными, плечи Свои дастъ на раны, и ланиты на заушеніе, лица же Своего не отвертитъ отъ стыда заплеваній* (I, 6, 7); но что о Немъ такъ говоритъ Господь: *се Я дамъ Тебя въ завітъ*

рода, въ свѣтъ языкамъ, дабы Ты былъ имъ во спасеніе даже до послѣднихъ земли. (XLIX, 6, 7).

Богоотецъ Давидъ въ своемъ Божественномъ потомкѣ провидѣлъ Господа прежде денницы рожденнаго Богомъ, вмѣсто жертвы и даровъ приносившаго тѣло, чтобы исполнить волю Божію (Пс. 11. XXXIX. LIX) и въ то же время, какъ бы въ своей собственной плоти чувствовалъ всѣ крестныя Его страданія (Пс. LXVIII).

Онъ же провидѣлъ, что Господь *не оставитъ души Его во адъ, ниже дастъ Праведнику Своему видѣть истинныя*, и что Онъ откроетъ имя Божіе братіи Своей, и въ церкви великой исповѣдаетъ Его, и обратятся ко Господу всѣ концы земли, и поклонятся предъ Нимъ *всѣ отечества языкъ* (Пс. XV, 10. XXI, 26. 28), и потому взывалъ: *«воскресни Боже, суди земли, яко Ты насльдшии во всѣхъ языкахъ.»* (Пс. 81, 8) и: *вознесися на небеса Боже, и по всей земли слава Твоя.»* (Пс. 56, 6).

Кромѣ того разными прообразованіями изображены величіе и благодѣтельность дѣлъ Его. Такъ, въ прообразованіе спасительной смерти Христа-Спасителя — нашей пасхи, кровь заколаннаго пасхальнаго агнца спасла евреевъ отъ меча Ангела смерти предъ выходомъ ихъ изъ Египта; въ прообразованіе улаждающаго всѣ наши земные кресты Креста Христова, уладило горькія воды Мерры вложенное въ нихъ Моисеемъ дерево; въ прообразованіе силы крестной молитвы распятаго Христа, доставившей намъ побѣду надъ діаволомъ, молитва Моисея съ распростертыми и поддерживаемыми руками подала побѣду Израильтянамъ надъ Амаликитами; — въ прообразованіе принятаго на Себя Сыномъ Божіимъ во образъ грѣха челоуческаго естества, вознесеннаго на крестъ, для исцѣленія нашихъ грѣховныхъ язвъ, исцѣляло въ пустынѣ уязвленныхъ змїями воззрѣніе на мѣдное изображеніе змїа, повѣшеннаго на шестѣ; въ прообразованіе очищающей отъ грѣховъ силы воды крещенія, воды Иордана исцѣлили Сиріянина Неемана отъ проказы; въ прообразованіе воскресенія Христа, по молитвѣ Пророковъ Іліи и Елисея, воскресали мертвецы и ожилъ мертвецъ, прикоснувшійся къ праху Пророка Елисея; а пророкъ Іона, послѣ трехдневнаго пребыванія въ чревѣ китовомъ, изшелъ оттуда невредимъ для проповѣди Невевитянамъ.

Х.

Не взирая на все это, въ самомъ Израильскомъ народѣ только малая часть людей уразумѣла Творца и путь, Имъ начертанный; всѣ же прочіе, подобно кивоту завѣта, были только хранилищами буквъ слова, Богомъ людямъ изглаголаннаго чрезъ Своихъ посланниковъ—пророковъ. Самая оскобенная къ этому народу милость Божія возродила въ нихъ не чувство смиренія, благодарности и преданности къ Нему, но гордость, по которой они возмнили имѣть неотъемлемое право на такую милость по одному только происхожденію своему отъ Авраама, а Бога обязаннымъ спасти только ихъ однихъ. Свои же обязанности къ Богу они заключили только въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ богослуженія и жизни, и самое ожидаемое спасеніе ограничили только земными благами, думая, что Мессія—Христосъ явится царемъ завоевателемъ, который возвеличитъ ихъ народъ покореніемъ всѣхъ другихъ народовъ, и чрезъ то доставитъ имъ средства владѣть и обладать неизсякаемыми богатствами. Внутренно же, въ душѣ, они оставились, какъ и язычники, полными коварства, лжи, хищенія, лихоимства, блуда, злобы и всякихъ неправдъ.

Такимъ образомъ, подъ конецъ опредѣленныхъ временъ, всѣ блуждали, всѣ бѣдствовали и всѣ ожидали спасенія. Опытъ тысячелѣтій доказалъ, что пути и измышленія человѣческія къ блаженству не приводятъ и умъ человѣскій самъ совершенной истины не отыщетъ. Между тѣмъ пробужденіе отъ усыпленія ума, возродившееся отъ того сознаніе, окружавшей лжи и жажды истины и спасенія показывали, что родъ человѣскій довольно уже созрѣлъ, чтобы принять истину и Спасителя.

Промыслъ же Божій устроилъ такъ, что евреи, вслѣдствіе войнъ сначала съ ассирійцами, потомъ съ вавилонянами и наконецъ съ греками, разбѣяны были по всему лицу земли, повсюду понесли свои Священные книги Моисея и пророковъ и сдѣлались исповѣдниками вѣры во Единого Бога и обѣтованнаго Мессію. Между тѣмъ греки, вслѣдствіе славныхъ побѣдъ и завоеваній царя ихъ Александра Македонскаго, прославились, повсемѣстно распространили свою образованность

и свой языкъ, перевели на него всѣ Священные книги евреевъ и тѣмъ сдѣлали ихъ доступными всѣмъ народамъ. Наконецъ побѣдоносные римляне покорили всѣ царства, и самый народъ іудейскій принужденъ былъ такъ же покориться имъ. Почему къ концу временъ образовалась всемірная Римская Имперія и всѣ люди соединились подъ одну властію, чтобы благовѣстіе о великомъ дѣлѣ любви Божіей для спасенія рода человѣческаго не могло встрѣтить ни границъ, ни заставъ.

Такимъ образомъ премудрымъ Промысломъ Божіимъ приготовленъ міръ къ принятію обѣтованнаго Мессіи и настало время, опредѣленное пророчествами Іакова и Даніила: прекратились у Іудеевъ правители изъ ихъ племени и истекали уже 70 седмицъ, опредѣленныхъ Даніиломъ.

И вотъ, согласно пророчествамъ Михея и Исаи, въ Виолеемѣ раждается отъ пречистой Дѣвы Маріи — вѣтви отъ корени Іессеева, обрученной, тоже потомку царя Давида — Іосифу, — отроча — Сынъ, и нарекли они Ему имя Іисусъ — Спаситель.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О томъ, чему учить Христосъ.

I.

Въ бѣдности и нуждѣ родился Господь Иисусъ Христосъ. Праведный Иосифъ, св. обручникъ благодатной Матери Его, былъ бѣденъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, ремесломъ плотникъ, и старческими руками зарабатывалъ насущный хлѣбъ, а благословенная Марія руководила своими помогала ему содержать семейство. Когда приближалось время родить Ей, по требованію начальства, для народной переписи, они должны были идти изъ города Назарета, въ которомъ проживали, въ отечественный свой городъ — Вифлеемъ. Они тамъ по скудости и по множеству стекшагося туда народа, не имѣли возможности найти себѣ помѣщенія, и остановились въ одной пещерѣ близъ города, куда пастухи въ ненастное время загоняли свое стадо. Здѣсь Марія родила младенца, спеленала и положила въ ясли.

Такъ Божественный нашъ Учитель, съ первымъ явленіемъ Своимъ на землю, далъ намъ вразумленіе, что для достиженія блаженства, по указанному Богомъ пути, потребно не богатство, не знаменитость, не измышляемая людьми удобства и роскошь жизни, но смиренная покорность Промыслу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Премудрый Промыслитель не преминулъ явить, что Онъ знаетъ впередъ Своихъ истинныхъ чтиелей, въ какой бы они ни были убогой долѣ, — не оставитъ ихъ безъ прославленія на небѣ и на землѣ, и дастъ имъ все необходимое для жизни, и что Онъ готовъ открыть истину всякому, ищущему ее, будь онъ простъ, какъ пастухъ, будь онъ ученъ, какъ волхвъ — каждому доступнымъ для него образомъ. Онъ чрезъ ангела Своего указалъ Вифлеемскимъ пастухамъ въ повитомъ пеленами, лежащемъ въ ясляхъ младенцѣ — Спасе — Пастыря всѣхъ овецъ Божіихъ, и далъ имъ слышать хвалебныя пѣсни небожителей за ниспосылаемые свыше ради

Его миръ и благоволеніе человѣкамъ (Лук. II, 8—12); Онъ чудною звѣздой привелъ волхвовъ съ далекаго востока поклониться безвѣстному младенцу — Солнцу правды, какъ Царю всѣхъ, и почтить Его богатыми и знаменательными дарами, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ тѣ дары избавилъ отъ нужды Иосифа и Марію, и далъ имъ средства укрыть младенца въ Египтъ отъ злобы Ирода. (Мѡ. 2, 1—14). Онъ праведнымъ и благочестивымъ Сусеону и Аннѣ, чающимъ утѣхи Израилеви, Духомъ Своимъ Святымъ открылъ Христа Господни и привелъ ихъ встрѣтить Владыку всѣхъ во храмѣ, когда Онъ вступалъ туда несомый честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею Серафимъ, и возвѣститъ *всѣмъ чающимъ избавленія*, что настало наконецъ спасеніе, уготованное Владыкою всѣмъ народамъ, возсіалъ свѣтъ къ просвѣщенію языковъ и открылась слава народа Его — Израиля; но что вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ младенецъ *лежитъ на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ предметъ пререканій*, и что Самой Матери Его *оружіе пройдетъ душу, да откроются помысленія многихъ сердецъ* (Лук. II, 22 — 38).

II.

Остановимъ теперь вниманіе на благодатной Маріи и праведномъ Иосифѣ. Пресв. Дѣва Марія своими родителями посвящена была Богу въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, оставлена при храмѣ и тамъ воспитывалась до 14-лѣтняго возраста. Въ продолженіи этого времени родители ея умерли и она осталась сиротою. Какъ по достиженіи совершеннолѣтія долѣе нельзя было оставлять ее при храмѣ, и по мѣстнымъ Гудейскимъ обычаямъ надлежало выдать ее въ замужество, то начавшующіе при храмѣ стали ей искать мужа. Но она всею душею своею возлюбила Бога, Ему съ самаго дѣтства предала себя и взаимно отъ Бога щедренная благодатными дарами — сладостью молитвы и умиленія, дала необычайный въ то время обѣтъ дѣвства. Когда она открыла это своимъ воспитателямъ, они, призвавъ престарѣлаго уже родственника ея — чловѣка праведной жизни — вдовца Иосифа, и объявивъ ему о данномъ Маріею обѣтѣ, убѣдили его взять ее въ свое семейство подъ видомъ жены, для чего и обручили ихъ. Въ

домъ Іосифа получила она благовѣстіе Архангела Гавріила, что она зачнетъ и родить Сына, обѣтованнаго Мессію, и приняла это благовѣстіе не со слѣпою, а съ разумною вѣрою, когда убѣдилась изъ отвѣтовъ Архангела на свои вопросы, что для Всемоущаго Бога нѣтъ невозможнаго—во чревѣ незнающей мужа, чрезъ наитіе Св. Духа и осѣненіе силою Всевышняго, зародить и возрастить плодъ, — приняла и съ полною преданностію въ волю Божию, не разсуждая о томъ, что подумасть о ней Іосифъ, и какъ поступить съ нею, когда узнаетъ о ея беремености. Но какъ Архангелъ при благовѣстіи упомянулъ и о зачатіи сына родственницею ея — престарѣлою Елизаветою, которая уже считалась неплодною, то Марія поспѣшила къ ней въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ, чтобы въ дружеской родственной бесѣдѣ раздѣлить съ нею, волновавшія ее отъ чуднаго явленія и благовѣстія, чувства и мысли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, ея смиреніе и скромность представляли ей всю затруднительность того, какъ ей сказать Елизаветѣ о такомъ высокомъ своемъ назначеніи быть матерью ожидаемаго Мессіи, и какъ та приметъ ея разсказъ: она жаждетъ раздѣлить съ нею радость свою и излить предъ нею наполнявшія ее благоговѣйныя чувства, но, вѣдь, та можетъ не повѣрить ей и сочестъ все разсказанное за выдуманную баснь, чтобы скрыть стыдъ проступка. Эти мысли, а отъ нихъ недоумѣніе и опасенія, должны были возрастать съ каждымъ шагомъ къ дому Елизаветы. Вотъ она уже видитъ Елизавету и робко ее привѣтствуетъ, но та въ ту же минуту исполняется Духа Святаго и отвѣчаетъ ей громогласнымъ благословеніемъ, называя ее благословенною между женами, матерью Господа, блаженною за свою вѣру, и увѣряя, что совершится сказанное ей отъ Господа. Какою радостію должно было разыграть сердце Маріи, слыша все это! И вотъ изъ устъ ея излилась величественная, благодарственная, хвалебная пѣснь Богу—украшеніе нашего богослуженія:

„Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы своей: се бо отъ нынѣ ублажатъ мя вси роди: яко сотвори мнѣ величіе Сильный и свято имя его; и милость его въ роды родовъ боящимся его. Сотвори державу мышцею своею: расточи гордыя мыслию сердца ихъ. Низложи сильныя со престолъ, и

вознесе смиренныя. Алчущія исполни благъ, и богатящіяся отпусти тищи. Воспріятъ Израиля отрока своего, помянуты милости, якоже глагола ко отцемъ нашимъ, Аврааму и сѣмени его до вѣка“. (Лук. I, 46 — 55).

Три мѣсяца Марія гостила у Елизаветы, потомъ возвратилась въ домъ Іосифа. Но каково было состояніе духа этого праведнаго человѣка, когда онъ узналъ, что давшая обѣтъ дѣвства и врученная ему для храненія этого обѣта, непраздна. Когда онъ недоумѣвалъ, и по добротѣ сердца своего, не рѣшался поступить съ нею жестоко, обдумывалъ, какъ бы тайно отпустить ее, во снѣ явился ему Ангелъ Господень и отбрылъ, что имѣющій родиться отъ нея сынъ есть отъ Духа Свята, и что все это произошло во исполненіе возвѣщеннаго Господомъ чрезъ пророка слова: *„се, двѣя во чревѣ прииметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ“*, что значить: *съ нами Богъ*. Такъ Господь утишилъ волны мыслей и сомнѣній, обуревавшія душу праведнаго.

Вотъ примѣръ, какъ Господь хранить уповающихъ на Него, и Ангеловъ Своихъ посылаетъ сохранять ихъ во всѣхъ путяхъ ихъ, и какъ вѣрно слово пророка: *„возверзи на Господа печаль твою и Той тя пропитаетъ. Не дастъ въ вѣкъ мольбы праведнику“*.

Живущій подъ кровомъ Всевышняго подъ спѣнію Всемоущаго покоится. Говоритъ Господу: приближище мое и защита моя, Богъ мой, на котораго я уповаю! Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловца, отъ губельной язвы. Перьями своими оспитъ тебя, и подъ крыльями Его будешь безопасенъ: щитъ и огражденіе — истина Его. Не убоишься ужасовъ въ ночи, стрѣлы, летящей днемъ. Язвы, ходящей въ мракъ, заразы, опустошающей въ полдень. Падутъ подлѣ тебя тысяча и десять тысячъ одесную тебя; но къ тебѣ не приблизится. Только смотрѣть будешь очами твоими и видѣть возмездіе нечестивымъ: ибо ты сказалъ: Господь упованіе мое; Всевышняго избралъ ты приближищемъ своимъ; не приключится тебѣ зло, и язва не приблизится къ жилищу твоему. Ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ — охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспидѣ и василискѣ наступитъ, попираетъ будешь льва и дракона. „За то, что онъ возлюбилъ Меня, избавлю его; защищу его, потому что

онъ позналъ имя Мое. Воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его; съ нимъ Я въ скорби; избавлю его, и прослаблю его; домотою дней насыщу его, и явлю ему спасеніе Мое“. (Пс. 90).

III.

Кромѣ того немногія, сохраненныя Евангелистами и преданіемъ черты изъ жизни Богоматери и ея обручника представляютъ намъ вполне высоту нравственного ихъ достоинства и прекрасный примѣръ для нашего поученія.

Какъ много людей, которыхъ великіе дары Божіей благодати привели къ духовной гордости и душевной пагубѣ: они, возмнивъ себя святыми и паче всѣхъ прочихъ людей заслужившими Божіе благоволеніе, потеряли духъ смиренномудрія, сами себя вознесли на степень учителей и осудителей, — отпали отъ церкви и другихъ за собою увлекли, сдѣлались раскольниками и еретиками. Но не то представляютъ намъ благодатная Марія и праведный Іосифъ. Никто изъ людей не удостоился того обилія благодатныхъ даровъ и не возвеличенъ такъ, какъ преблагословенная Марія, удостоившаяся быть матерію Бога-Слова; но это послужило ей только къ большому и большому смиренію и къ возвышенію любви, благодарности и благоговѣйной преданности Творцу своему. Во всю ея земную жизнь не слышится отъ Ней ни похвалы, ни учительнаго голоса, ни посягательства на какое нибудь начальство или почестъ, но только: «се раба Господня; буди мнѣ по глаголу твоему»... «Величитъ душа моя Господа».... «Сыне и Боже мой, прими духъ мой».

Великое дѣло ввѣрено было Самимъ Богомъ Іосифу: хранить благословенную въ женахъ и ея Божественнаго Сына, но ни предъ кѣмъ не похвалился онъ этимъ и не ждалъ за это никакихъ земныхъ преимуществъ, но оставался въ скромной долѣ простаго плотника и трудами рукъ своихъ питалъ свое семейство, въ томъ числѣ и Подателя всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ — Богомладенца.

О, какъ прекрасно воспѣлъ Тебя, Преподобная, праотецъ твой Давидъ, въ 44 псалмѣ: *„стала царица одесную Тебя въ Офирскомъ золотѣ. Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народъ твой и домъ отца*

твоего. И возжелаетъ Царь красоты твоей; ибо Онъ Господь твой, и ты поклонись Ему. И дочь Тира съ дарами, и богатѣйшіе изъ народа будутъ умолять лице твое. Вся слава дочери Царя внутри; одежда ея шита золотомъ. Въ испещренной одеждѣ ведется она къ Царю: за нею ведутся къ Тебѣ дѣвы, подруги ея. Приводятся съ весемѣмъ и ликованіемъ, входятъ въ чертогъ Царя“.

IV.

Сынъ Божій — истинный Богъ явился на землѣ совершеннымъ человѣкомъ.

Вся земная жизнь втораго Адама — Богочеловѣка Іисуса Христа была совершенная любовь и полная преданность волѣ Божіей.

Отъ имени Его говоритъ Давидъ: *„Ты еси упованіе мое отъ сосца матери моея. Къ Тебѣ приверженъ есмь отъ ложеснаго, отъ чрева матери моея, Богъ мой еси Ты.“* (Пс. 21, 10, 11).

Исполненіе воли Божіей — это Его пища, Его единственный помысль. Его единственная радость, Его жизнь.

Все это Онъ проявилъ въ полнотѣ смиренія и кротости: Онъ остается, до явленія въ міръ Мессією, бѣднымъ плотникомъ, трудами Своими достаетъ пропитаніе Себѣ и Своей Матери; обладая во всемъ совершенствѣ, премудростію и знаніемъ, проявляетъ ихъ, до явленія Своего Мессією, только въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ указаніе истины (Лук. 2, 40—47), но не ищетъ ни похвалы, ни почестей, ни богатства, ни власти, подчиняется безпрекословно всѣмъ установленіямъ подлежащей власти, исполняетъ всѣ требованія закона и всѣ добрыя и полезныя для души установленія.

Безпредѣльно любя Бога Отца, могъ ли воплощенный Сынъ Божій не возлюбить вѣнецъ Его творенія — человѣка? И Онъ возлюбилъ сущихъ въ мірѣ братій Своихъ по плоти, явилъ на дѣлѣ, что возлюбилъ ихъ до конца. (Іоанн. 13, 1).

Царь Давидъ въ псалмѣ 52 ст. 3 и 4 говоритъ: *„Богъ съ небесе приниче на сыны человеческія, видѣти, аще есть разумѣвая или въская Бога; вси уклонишася, вкутъ непо требни быша: нѣсть творая благо, нѣсть до единого.“*

И дѣйствительно приниче Богъ на сыны человеческія:

(Пс. 13, 2; 101, 14, 20, 21; 52, 3) Самъ Сынъ Божій снисшелъ съ высоты величія Своего и содѣлался человѣкомъ, и съ *человѣки поживе*. Близко, очень близко Онъ увидѣлъ и уже, какъ человѣкъ, на Себѣ самомъ испыталъ всѣ немощи ихъ, кромѣ грѣха. Оказалось, что *весь міръ лежитъ во злѣ* (Іоан. 5, 19), что всѣ люди такъ упали нравственно, что сдѣлались неспособными къ предназначенной имъ жизни и такъ стали скверны, мерзки своими грѣхами, что уже недостойны милости предъ Божественною правдою. Но Онъ такъ же увидѣлъ, что люди по легкомыслію вдалились въ суету и чрезъ суету сбились съ истиннаго пути, зашли во тьму и блуждаютъ какъ овцы безъ пастыря.

Подлинно, совершенная суета — всякій человѣкъ живущій. Подлинно, человѣкъ ходитъ подобно призраку; напрасно онъ суетится, собираетъ и не знаетъ, кому достанется то. Если Ты, Боже, обличеніями будешь наказывать человѣка за преступленія, то разсыплется, какъ отъ моли, краса его. Такъ суетенъ всякій человѣкъ (Пс. 38).

И вотъ Онъ, какъ человѣкъ, пожалѣлъ о своихъ по плоти братіяхъ. Любовь объемлетъ сердце Его жалостію къ погибающимъ братіямъ, та любовь, которая соединяетъ въ одно любящаго съ любимыми, дѣлаетъ ихъ какъ бы членами своего тѣла, смотреть на ихъ бѣдствія, какъ на свои собственные и жаждетъ раздѣлить участь ихъ; въ чистѣйшей душѣ Его, какъ огонь горитъ желаніе спасти ихъ, и Онъ обрекаетъ Себя на самую тяжкую участь среди грѣшнаго рода человѣческаго, — на болѣзни и самую смерть, беретъ на Себя всѣ грѣхи людей и приносить Себя въ жертву умиловленія предъ Божественною правдою за людей, по законамъ той же правды лишившихся за грѣхи свои любви, благодати и милости Божіей. Изъ пречистыхъ Его устъ несется горѣ, къ Отцу небесному за беззаконія, людскія, какбы за Его собственныя, молитва: *„Услышь, Господи, молитву Мою и внемли воплю Моему; не будь безмолвенъ къ слезамъ Моимъ. Ибо странникъ Я у Тебя и пришлецъ, какъ и всѣ отцы Мои.“ Отъ всѣхъ беззаконій Моихъ избавь Меня, не предавай Меня на поруганіе безумному. Отступи отъ Меня, чтобы Я могъ подкрѣпиться, прежде нежели отойду, и не будетъ Меня.* (Пс. 38.)“

И вотъ Онъ безгрѣшный на зовъ Крестителя: „покай-

теся“ идетъ къ нему, какъ идутъ тѣ, которые имѣютъ нужду въ покаяніи, и вмѣстѣ съ грѣшниками принимаетъ крещенія — для очищенія грѣховъ всего міра.

Но такое величіе самоотверженія любви поколебало самое небо, — оно отверзлось, для того чтобы небожители могли насладиться зрѣніемъ человѣка. смиренно, подобно грѣшникамъ, преклонившаго свою главу подъ руку Крестителя, но превышавшаго самыхъ небеса добродѣтелію; открылось для того, что Богъ по присущей Ему правдѣ не могъ не открыть людямъ истины и этого крещаемого провозгласить Своимъ возлюбленнымъ Сыномъ, въ которомъ все Его благоволеніе, — для того, чтобы всѣ небесные дары Св. Духа: Духа премудрости и разума, Духа совѣта и крѣпости, Духа вѣдѣнія и благочестія, Духа страха Божія изліять на Его человѣчество для совершенія великаго подвига спасенія рода человѣческаго и для надѣленія ими спасаемыхъ по Его усмотрѣнію.

V.

Но Господь Іисусъ Христосъ и послѣ того, какъ надъ Нимъ отверзлись небеса, небесный Отецъ провозгласилъ Его Возлюбленнымъ Своимъ Сыномъ, и Духъ Святый излілъ на Него всѣ дары Свои, остается тѣмъ же смиреннымъ сыномъ человѣческимъ, и идетъ въ пустыню приготовить тамъ Себя постомъ на возложенное на Него Отчею волею служеніе.

Здѣсь Онъ постился сорокъ дней и сорокъ ночей, чтобы показать примѣромъ Своимъ необходимость воздержанія для всѣхъ ищущихъ спасенія.

Потомъ, чтобы научить насъ, какъ мы должны бороться съ искушеніями и побѣждать діавола и всѣ приходящіе къ намъ извнѣ соблазны, Онъ допускаетъ къ Себѣ искушителя и побѣдоносно отражаетъ внушаемыя имъ мысли. Такъ томимый послѣ долгаго поста голодомъ, отвергаетъ мысль употребить присущую Ему чудодѣйственную силу для удовлетворенія потребности природы — претворить камень въ хлѣбъ, отвергаетъ какъ мысль нечистую, внушенную демономъ сластолюбія, изъясняя, что исполненіе слова — воли Божіей для жизни необходимѣе хлѣба; отвергаетъ также мысль явить

Себя предъ людьми немедленно Мессіею посредствомъ такого чуда, которое въ глазахъ людей было бы знаменіемъ Его высокаго званія и привлекло бы къ Нему толпу — броситься съ крыши храма, осуждая эту мысль, какъ внушеніе демона тщеславія, такъ какъ ожиданіе подобныхъ чудесъ отъ Бога было бы нарушеніемъ заповѣди: — *не искушай Господа*; отвергаетъ также мысль сдѣлаться обладателемъ всего міра и всѣхъ его сокровищъ, какъ внушеніе демона властолюбія и такой же соблазнъ сатаны, какимъ увлеклись люди, искавшіе блаженства не въ Богѣ, а въ наслажденіи земными благами, и такимъ образомъ, вмѣсто поклоненія Богу, поклонившіеся власти діавола; по чему на эту мысль съ гнѣвомъ сказали: *отойди отъ Меня сатана, ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Единому служи.“*

Все это можно представить себѣ такъ: послѣ поста Иисусъ Христосъ напослѣдокъ взалкалъ, — страшныя муки голода стали томить Его человѣческое вещество. Воспользовавшись этимъ искусителемъ — духъ властолюбія внушаетъ Ему — мысль: „постъ конченъ, для чего же еще томить себя голодомъ? если ты Сынъ Божій, стойтъ сказать камню и онъ будетъ хлѣбомъ, и ты удовлетворишь настоящему требованію натуры.“ Но Господь Иисусъ отвергаетъ эту мысль, какъ недостойную, потому что Онъ Самъ обрѣкъ Себя одной участи съ грѣшниками, и послѣ сего пользоваться для Себя даромъ чудотворенія было бы нарушеніемъ воли Божіей; притомъ Онъ зналъ, что истинная жизнь чловѣка не въ удовлетвореніи требованій тѣлесной природы, но въ исполненіи воли Божіей, которая изложена въ законѣ. По чему на это искушеніе отвѣчалъ: *„писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.“*

Потомъ, когда, можетъ быть, Иисусъ Христосъ размышлялъ, какъ ему начать Свой подвигъ призывомъ людей къ поканію и проповѣдью о истинѣ и путяхъ жизни, искушитель — демонъ тщеславія внушаетъ Ему такую или подобную мысль: „люди обыкновенно бываютъ глухи къ словамъ проповѣдниковъ; особенно какъ они послушаютъ Тебя, когда Ты явишься предъ ними въ Своемъ смиренномъ видѣ: вотъ другое дѣло, когда они увидятъ, что Ты дѣйствительно Сынъ Божій — Мессія обѣтованный! А этого всего легче достигнуть

такъ: во время праздника, когда къ храму стечется много людей, взойти на крышу храма и надъ пропастью, которая разверзается оттуда, броситься внизъ; по словамъ псалма Давида, Тебя должны понести Ангелы и Ты не преткнешь о камень ногою Своею. Тогда всѣ люди увѣруютъ, что Ты точно Сынъ Божій — ихъ Мессія.“ Не жалѣть жизни, когда требуетъ того исполненіе Закона Божія, было обычно Иисусу, Христу, но бросаться на явную опасность съ мыслию, что Богъ долженъ меня сохранить и такимъ образомъ — требовать отъ Бога чуда — искушать Его, было не свойственно смиренію Его, и Онъ на это искушеніе отвѣчалъ діаволу: *„наки твоего есть: не искусити Господа Бога твоего.“*

За тѣмъ, когда Иисусъ Христосъ на пути изъ пустыни взосхель на высокую гору, (можетъ быть ту самую, съ которой Моисей предъ своею смертію обзрѣвалъ обѣтованную землю) и сталъ оттуда любоваться обширнымъ, открывшимся видомъ: Иорданъ какъ голубая лента извивался по цвѣтущей и населенной долинѣ, къ сѣверу Геннисаретское озеро, къ югу Мертвое море — какъ большія зеркала блистали отъ лучей солнечныхъ; по обѣимъ сторонамъ Иорданской долины возвышались горы и разрѣзывали еѣ своими хребтами въ разныхъ направленіяхъ; на ихъ склонахъ и между ними въ долинахъ виднѣлось множество селеній и городовъ; вдали на западѣ сливалось съ небосклономъ Средиземное море, — соблазнитель — демонъ властолюбія воспользовался этимъ случаемъ и въ мгновеніе ока представилъ Его мысли всю землю во всей видимой красотѣ, со всѣми ея обитателями, ихъ царствами, роскошными городами и столицами, со всѣми богатствами и роскошью, со всею прелестію власти и наслажденія земными благами, и сталъ внушать Ему мысль: «стоитъ только пожелать Тебѣ, и всё это будетъ Твоимъ». Но Иисусъ Христосъ любилъ Бога и въ этой любви нашелъ неизсякаемый источникъ блаженства и жизни; Онъ зналъ, что желаніе земныхъ благъ привело родъ чловѣчскій къ суетѣ, къ отпаденію отъ любви Божіей, къ преклоненію долу и власти діавола, — что пристраститься къ земному все равно что поклониться діаволу, и потому на эту мысль искушителя съ гнѣвомъ отвѣчалъ: *„отойди отъ Меня, сатана, ибо написано: Господу, Богу твоему поклонися, и Ему единому служи.“*

Тогда оставилъ Его диаволь, и Ангелы приступили и стали служить Ему.

VI.

Господь Иисусъ — обѣтованный Мессія, или Христосъ (Помазанникъ) вышелъ на дѣло Свое, будучи 30 лѣтъ, простымъ смиреннымъ странникомъ, не имѣвшимъ гдѣ главы приклонить, — путникомъ, по слову Пророка, пьющимъ воду изъ потока при пути.

Но премудрымъ промысломъ было устроено такъ, чтобы современники имѣли полную возможность приготовиться къ принатію Его и узнать Его.

Пророки возвѣстили: *Малахія*, — что Богъ пошлетъ Ангела Своего предъ лицомъ Христа, который приготовитъ путь Его (Мф. 3, 1), а *Исаія*, — что будетъ гласъ вопіющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу. (Ис. 40, 3).

И предъ явленіемъ міру Христа, — явился Іоаннъ. Онъ не творилъ чудесъ, но самая жизнь Его была чудомъ: съ ранняго возраста Онъ жилъ въ пустынь, предаваясь всецѣло молитвѣ и Богомыслию; пищею его были акриды и дикий медъ *); одежда его была изъ верблюжьяго волоса и кожаный ремень на чреслахъ.

По глаголу Божію къ нему, онъ вышелъ изъ пустыни и, проходя по всей странѣ Іорданской, проповѣдывалъ крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ, взывая: *покайтесь, близко царствіе небесное!* И когда народъ стекался къ нему, онъ съ силою и ревностію Ілии, не взирая на лица, обличалъ беззаконія людей, предостерегалъ, чтобы не полагались на происхождение свое отъ Авраама; требовалъ, чтобы всѣ творили плоды, достойные покаянія: помогали неимущимъ отъ своихъ избытковъ, не притѣсняли никого, не обижали, не клеветали и довольствовались своимъ состояніемъ; въ противномъ случаѣ грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, говоря: *«уже сѣкира при коренѣ деревъ лежитъ: всякое дерево, неприносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.»*

Когда проповѣдь его подвигла всю страну Іудейскую и

*) Акриды—это небольшое крылатое насекомое—саранча, обыкновенная пища бѣдныхъ на востокѣ. Дикий медъ—это медъ дикихъ пчелъ, находившійся въ изобиліи въ сѣлахъ и дуплахъ деревъ пустыни.

Іерусалимъ, и всѣ приходили къ нему и крестились отъ него въ рѣкѣ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои, тогда Іоаннъ сталъ возвѣщать: *«идетъ за мною сильнѣйшій меня, у котораго я недостойнъ, наклонившись, развязать ремень обуви Его, и который будетъ крестить Духомъ Святымъ.»* (Мар. 1, 8).

Когда Иисусъ Христосъ Самъ принялъ крещеніе отъ Іоанна Предтечи, Іоаннъ сталъ свидѣтельствовать о Немъ: *«се агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра. Сей есть, о которомъ я сказалъ: за мною идетъ мужъ, который сталъ впереди меня; потому что Онъ былъ прежде меня. Я не зналъ Его; но для того пришелъ крестить въ воду, чтобы Онъ явленъ былъ Израилю. Я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ. Я не зналъ Его; но пославшій меня крестить въ воду сказалъ мнѣ: на кого увидиши Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ. И я видѣлъ, и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій.»* (Іоанн. 1, 29—34).

Внявъ этому свидѣтельству, нѣкоторые изъ учениковъ Крестителя, оставивъ его, пошли за Иисусомъ, и потомъ привели къ Нему своихъ сродниковъ и знакомыхъ. (Іоан. 1, 35—51). Это были первые ученики и послѣдователи Христа.

Иисусъ, обходя съ ними города и веси, началъ призывать всѣхъ въ царство Божіе и учить, *какъ не маломазъ еще ни одинъ человекъ*, (Іоан. 7, 46) съ явленіемъ Божественной чудотворной силы въ исцѣленіи всякихъ болѣзней и немощей въ людяхъ.

Слухъ о Немъ вскорѣ распространился по всей Сиріи и народъ отовсюду сталъ стекаться (Мф. 8, 25; Лук. 8, 15—16) къ Нему и приводить своихъ немощныхъ.

Тогда Онъ изъ числа болѣе-усердныхъ слушателей избралъ сначала 12 Апостоловъ, которые послѣ сего и были постоянно при Немъ, всюду за Нимъ слѣдовали, слушали Его проповѣдь и спрашивали разрѣшенія о непонятномъ, — потомъ избралъ еще 70 Апостоловъ, и посылалъ ихъ предъ лицомъ Своимъ въ тѣ города и мѣста, куда Самъ намѣренъ былъ идти, — возвѣщать, что царство небесное близко, и во имя Его исцѣлять недужныхъ.

VII.

Призывая всѣхъ въ царство небесное — къ жизни истин-

ной — блаженной, Иисусъ Христосъ, подобно Предтечѣ и Крестителю Своему Іоанну, какъ на первую ступень, или начальную стезю въ это царство, указалъ на необходимость покаянія, и званія: «покайтесь», въ притчахъ Своихъ уподоблялъ грѣшника заблудшей овцѣ и потерянной драхмѣ, и свидѣтельствовалъ, что какъ радуется человекъ, нашедшій заблудившуюся овцу, и женщина, отыскавшая потерянную драхму, такъ ликуютъ небеса и Ангелы Божіи радуются объ одномъ грѣшникѣ покаявшемся.

Онъ сказалъ имъ слѣдующую притчу: кто изъ васъ, имѣя сто овецъ, и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустынь, и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедши, возьметъ ее на плеча свои съ радостію; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей и скажетъ имъ: порадоваться со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу. Сказываю вамъ, что такъ на небесахъ больше радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяноста девяти праведникахъ, неимѣющихъ нужды въ покаяніи. Или какая женщина, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну драхму, не зажжетъ свѣчи и не станетъ мести комнату, и искать тщательно, пока не найдетъ? А нашедши созоветъ подружъ и сосѣдокъ, и скажетъ: порадоваться со мною; я нашла потерянную драхму. Такъ говорю вамъ, бываетъ радость у Ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся.»

Душе моя, душе моя, что ты спишь! слышишь ли какъ ты многогѣнна предъ очами Божіими! Слышишь ли, какъ блаженные небожители ожидаютъ тебя, и какую радость отъ тебя зависить доставить имъ! Пробудись же! Воспрями! Спѣши на призывный гласъ Христа!

Покаяніа отвори ми двери, Жизнодавецъ, утѣшаетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему, храмъ носяи тѣлесный весь оскверненъ, но яко щедръ очисти благоутробною Твоею милостію» (Пѣснь Церкви въ недѣлю Мытаря и Фарисея и во всю Святую четьредесятницу).

VIII.

Истинное покаяніе, само собою разумѣется, должно сопровождаться сознаніемъ нашего ничтожества предъ величіемъ

Божіимъ, нашей нечистоты предъ Его святостію, и сокрушеніемъ о нашихъ грѣхахъ, а потому Господь училъ: «*Блаженни нищии духомъ; яко тѣхъ есть царство небесное, Блаженни плачущи: яко тѣмъ утѣшатся*». (Мѣ. 5, 3, 4). И чтобы яснѣе дать понятіе объ истинномъ покаяніи, представилъ намъ образъ покаившагося грѣшника въ блудномъ сынѣ, который, расточивъ полученное отъ отца наслѣдство и впавъ въ крайнюю бѣдность и уничиженіе, приходитъ наконецъ въ сознаніе своего непотребства, рѣшается возвратиться къ отцу, исповѣдаться предъ нимъ, что онъ недостойнъ уже называться его сыномъ, и — просить его принять въ число своихъ работниковъ. И въ той же притчѣ, въ утѣшеніе сокрушающихся о своемъ паденіи грѣшниковъ, Господь изобразилъ милосердаго Бога въ лицѣ любвеобильнаго отца, который, завидѣвъ издалека возвращающагося сына, сжался надъ нимъ, побѣжалъ на встрѣчу, палъ ему на шею, цѣловалъ его, велѣлъ одѣть его въ лучшую одежду, дать ему перстень на руку и обувь на ноги, заколотъ откормленнаго теленка и учредить пиръ, чтобы веселиться; такъ какъ этотъ сынъ былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ, и нашелся.»

Еще сказалъ: у нѣкотораго человека было два сына; и сказалъ младшій изъ нихъ отцу: отче! дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія. И отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе. По прошествіи немногихъ дней, младшій сынъ, собравъ все, пошелъ въ дальнюю сторону, и тамъ расточилъ имѣніе свое, живя распутно. Когда же онъ прожилъ все, насталъ великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться. И пошелъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той; а тотъ посмалъ его на поля свои пасти свиней. И онъ радъ былъ наполнить чрево свое рожками, которые пли свиньи, но никто не давалъ ему. Пришедши же въ себя, сказалъ: сколько наемниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода! Встану, пойду къ отцу моему, и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою. И уже недостойнъ называться сыномъ твоимъ; прими меня въ число наемниковъ твоихъ. Всталъ, и пошелъ къ отцу своему. И когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжался; и побѣжавъ, палъ ему на шею, и цѣловалъ его. Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостойнъ называться сыномъ твоимъ.

А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и оденьте его, и дайте перстень на руку его, и обувь на ноги. И приведите откормленного теленка, и заколите; станемъ ѣсть и веселиться. Ибо сей сынъ мой былъ мертвъ, и ожилъ; пропадалъ, и нашелся. И начали веселиться. Старший же сынъ его былъ на полѣ; и, возвращаясь, когда приблизился къ дому, услышалъ пѣніе и ликованіе. И, призвавъ одного изъ слугъ, спросилъ: что это такое? онъ сказалъ ему: братъ твой пришелъ; и отецъ твой закололъ откормленного теленка, потому что принялъ его здоровымъ. Онъ осердился и не хотѣлъ войти. Отецъ же его, вышедши, звалъ его. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ отцу: вотъ, я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказанія твоего; но ты никогда не далъ мнѣ и козленка, чтобы мнѣ повеселиться съ друзьями своими. А когда этотъ сынъ твой, расточившій имѣніе твое съ блудницами, пришелъ; ты закололъ для него откормленного теленка. Онъ же сказалъ ему: сынъ мой! ты всегда со мною, и все мое твое. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мертвъ и ожилъ; пропадалъ, и нашелся. (Лук. 15, 11—32).

IX.

За тѣмъ безуміе тѣхъ, которые откладывають покаяніе со дня на день, и тѣхъ, которые надѣются на свое богатство и полагають высшимъ благомъ наслажденіе земными благами, не думая о смерти и не вѣруя въ будущую жизнь, Господь представилъ въ двухъ слѣдующихъ притчахъ:

„У одного богатаго человека былъ хорошій урожай въ полѣ; и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои, и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“. (Лук. 12, 16—21).

„Нѣкоторый человекъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонъ, и каждый день пиествовалъ блистательно. Былъ такъ же нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ стругахъ; и желалъ насытиться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струга его. Умеръ нищій, и отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ и похоронили его. И въ адѣ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его. И возопивъ, сказалъ: Отче Аврааме! умилисердись надо мною, и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ воду, и прохладилъ языкъ мой; ибо я мучусь въ пламени семъ. Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе свое въ жизни своей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, такъ же и оттуда къ намъ не переходятъ. Тогда сказалъ онъ: такъ прошу тебя, отче, пошли его въ домъ отца моего; ибо у меня пять братьевъ: пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобы и они не пришли въ сіе мѣсто мученія. Авраамъ сказалъ ему: у нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче Аврааме! но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Моисея и пророковъ не послушаютъ: то еслибы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“. (Лук. 16, 19—31).

X.

Въ поощреніе запоздавшихъ принести покаяніе и стать на путь спасенія Иисусъ Христосъ въ особой притчѣ представилъ Бога хозяиномъ дома, который принималъ работниковъ въ свой виноградникъ рано утромъ, въ третій, шестій, девятый и даже въ одиннадцатый часъ, (то есть, когда прошло уже три часа съ начала дня, прошло половина и три четверти дня, и наконецъ, когда остался уже одинъ часъ до вечера) и всѣмъ имъ давалъ одинакую плату.

„Царство небесное подобно хозяину дома, который вышелъ рано поутру нанять работниковъ въ виноградникъ свой.

И договорившись съ работниками по динарію на день, послаз ихъ въ виноградникъ свой. Вышедши около третьяго часа, онъ увидѣлъ другихъ, стоящихъ на торжищѣ праздно. И имъ сказалъ: идите и вы въ виноградникъ мой, и что слѣдуетъ будетъ, дамъ вамъ. Они пошли. Опять вышедши около шестаго и девятаго часа, сдѣлалъ тоже. Наконецъ вышедши около одиннадцатаго часа, онъ нашелъ другихъ, стоящихъ праздно, и говоритъ имъ: что вы стоите здѣсь цѣлый день праздно? Они говорятъ ему: никто насъ не нанялъ. Онъ говоритъ имъ: идите и вы въ виноградникъ мой, и что слѣдуетъ будетъ, получите. Когда же наступилъ вечеръ; говоритъ господинъ виноградики управителю своему: позови работниковъ, и отдай имъ плату, начавъ съ послѣднихъ до первыхъ. И пришедшіе около одиннадцатаго часа получили по динарію. Пришедшіе же первыми думали, что они получатъ больше; но получили и они по динарію. И получивъ, стали роптать на хозяина дома, и говорили: сіи послѣдніе работами одинъ часъ, и ты сравнялъ ихъ съ нами, перенесшими тягость дня и зной. Онъ же въ отвѣтъ сказалъ одному изъ нихъ: другъ! я не обижая тебя; не за динарію ли ты договорился со мною? Возьми свое, и пойдѣ; я же хочу дать этому послѣднему тоже, что и тебѣ. Развѣ я не властенъ въ свое дѣлать, что хочу? Или глазъ твой завистливъ отъ того, что я добръ? Такъ будутъ послѣдніе первыми, и первые послѣдними; ибо много званыхъ, а мало избранныхъ“. (Матѣ. 20, 1 — 16).

XI.

Такъ возбуждая къ покаянію, вмѣстѣ съ тѣмъ Господь говорилъ, что помилованы будутъ только тѣ, которые сами были милостивы (Мѣ. 5, 7), и чтобы болѣе обязать насъ къ милосердію и снисхожденію къ нашимъ ближнимъ, въ данномъ намъ образцѣ молитвы, прошеніе о прощеніи грѣховъ связалъ съ обязательствомъ съ нашей стороны прощать другимъ, такъ что и просить у Бога милости мы можемъ только тогда, когда сами милостивы къ другимъ (Мѣ. 6, 12, 14, 15). А чтобы яснѣе представить, что этого требуетъ правда Божія, сказалъ слѣдующую притчу:

„Царство небесное подобно царю, который захотѣлъ со- считаться съ рабами своими. Когда началъ считаться; приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ. А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить; то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить. Тогда рабъ тотъ палъ, и, кланяясь ему, говорилъ: Государь! потерпи на мнѣ, и всё тебѣ заплачу! Государь, умилившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его, и долгъ простилъ ему. Рабъ же тотъ, вышедши, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ, что долженъ. Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его, и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тебѣ. Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ дома. Товарищи его, видѣвъ происшедшее, очень огорчились, и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призываетъ его, и говоритъ: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня. Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища своего, какъ и я помиловалъ тебя? И разнѣвавшись, государь его отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ ему всего дома. Такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его.“ (Матѣ. 18, 23 — 35).

XII.

Далѣе Господь училъ, что блаженную жизнь въ царствіи Божіемъ могутъ имѣть только кроткіе, миролюбивые, чистые сердцемъ и правдолюбцы (Мѣ. 5, 5 — 9); что кротость и миролюбіе должны простираться до того, что никакое обидное для ближняго слово не должно выходить изъ устъ нашихъ (Мѣ. 5, 22), и мы даже не должны противиться обидѣ со стороны ближнихъ, а сносить оныя безропотно, (Мѣ. 5, 38)—что чистота сердца не должна быть нарушаема никакимъ нечистымъ помысломъ, (Мѣ. 5, 25) и что искать правды и царствія Божія мы должны преимущественно предъ всѣми житейскими потребностями, и ни въ какомъ случаѣ

заботами о сихъ послѣднихъ не отвлекаться отъ этой обязанности, уповая на Отца Небеснаго, питающаго птицъ и одѣвающаго траву полевую; потому что Отецъ небесный знаетъ, что намъ необходимо, и тому, кто будетъ искать царствія Божія и правды его, все это подастъ.

„По сему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ псть, и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды? Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не спютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевья мліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славы своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сего дня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, маловѣры! Итакъ не заботьтесь и не говорите: что намъ псть? или, что пить? или, во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде царства Божія и правды его, и это все приложится вамъ. Итакъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Довольно для каждаго дня своей заботы.“ (Мѣ. 6, 25 — 34).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь училъ, что мы должны любить правду настолько, что не однихъ земныхъ благъ ожидать за то, но и быть готовыми за правду и пострадать.

„Блажени, Онъ говорилъ, изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ злъ глаголъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ. Тако бо изгнаша пророки, иже (бѣша) прежде васъ.“ (Мѣ. 5, 10 — 12).

XIII.

О царствіи Божіемъ Господь училъ: чтобы принадлежать къ царству Божію, нужно водворить его внутри себя, подчиниться ему; (Лук. 17, 20, 21). Оно приходитъ незамѣтнымъ

для насъ образомъ, но когда вселится внутрь насъ, тогда мы рождаемся вновь отъ Духа Святаго — дѣлаемся новыми людьми, и тогда человѣкъ, испытавъ сладость его, уже не щадитъ ничего для приобрѣтенія его, подобно человѣку, который, найдя сокровище, скрытое въ полѣ, не говоритъ объ этомъ никому, и радуясь о своей находкѣ, идетъ и продаетъ всё, что имѣетъ, и покупаетъ поле то; — подобно купцу, ищущему хорошей жемчужины, который нашедши одну драгоцѣнную жемчужину, продаетъ всё, что имѣетъ, и покупаетъ её. (Мѣ. 13, 44—46.) По чему Господь царство Божіе уподобляетъ закваскѣ, которая хотя берется въ маломъ количествѣ, измѣняетъ и какъ бы оживляетъ тѣсто; — зерну горчичному, которое хотя мелко, но изъ него вырастаетъ высокое и вѣтвистое растеніе, дающее тѣнь и убѣжище птицамъ. (Мѣ. 13, 31—33.) Царствомъ же Божіимъ на землѣ Господь называлъ и общество вѣрующихъ — принявшихъ слово Его, и въ этомъ смыслѣ въ одной притчѣ уподобилъ міръ полю, а Себя хозяину поля, засѣявшему поле хорошею пшеницею; діавола — врагу хозяина поля, который, когда люди спали, пришелъ и посѣялъ между пшеницею плевелы; Ангеловъ — рабамъ хозяина поля, которые, увидѣвши между пшеницею плевелы, хотѣли было выколотъ плевелы, но хозяинъ сказалъ имъ: оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы, (т. е. кончины вѣка) а во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы, и свяжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ, а пшеницу уберите въ житницу.“ (Мѣ. 13, 24—42.) Въ другой притчѣ уподобилъ царствіе Божіе неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на берегъ, и сѣвши, хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ. Тако будетъ, сказалъ Господь ученикамъ, въ скончаніе вѣка: изыдутъ Ангелы, и отлучатъ злыя отъ среды праведныхъ; и свернутъ ихъ въ печь огненную; ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.“ (Мѣ. 13, 47—50).

„Не бойся малое стадо, еще сказалъ Господь ученикамъ: яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство. Продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ вламища наветшающія, сокровище неоскуднѣмо на небесахъ, идиже татъ не приближается, ни моль растаиваетъ. Идиже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. Да будутъ

чресла ваша препоясана, и свѣтилницы горящія и вы подобни челоукомъ, чающимъ Господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедши и толкнувши, абѣ отверзутъ ему.— Блажени раби тѣи, ихъ же приидетъ Господь обрящетъ бдящихъ: аминь глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ, и минувъ послужитъ имъ. И еще приидетъ во вторую стражу, и въ третію стражу приидетъ, и обрящетъ ихъ тако, блажени суть раби тѣи. Се же вѣдите, яко еще бы вѣдалъ господинъ храмины, въ кій часъ татъ приидетъ, бдѣлъ убо бы, и не бы далъ подкопати дому своего. И вы убо будите готовы: яко, въ онъ же часъ не мните, Сынъ челоуческій приидетъ.“ (Лук. 12, 32—40).

XV.

Господь училъ, что Богъ есть любовь и что любовь есть основаніе и исполненіе всего закона.

„И вопросы единъ законоучитель, искушая Его и глаголя: Учителю, кая заповѣдь болши есть въ законъ; Иисусъ же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сіа есть первая и болшая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго яко самъ себе. Въ сію облю заповѣдию весь законъ и пророцы висятъ.“ (Матѣ. 22, 35—40).

Объяснивъ при этомъ притчею о Самарянинѣ, оказавшемъ любовь челоуку, израненному разбойниками, что ближнимъ мы должны почитать всякаго челоука, не взирая ни на родъ, ни на племя его (Лук. 10, 30—37), Господь училъ, что мы должны любить не однихъ дѣлающихъ намъ добро, но и самыхъ враговъ своихъ.

„Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваши, благословите кланущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящихъ вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ, яко солнце свое сіяетъ ни злыя и блавія, и дождитъ на праведныя и неправедныя. Аще бо любите любящихъ васъ, кую мзду имате; не и мытари ли тожде творятъ; и аще цѣлуете други ваши токмо, что лишше творите; не и язычници ли такожде творятъ; будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.“ (Матѣ. 5, 44—48).

XVI.

Господь училъ: „градетъ часъ и нынѣ есть, егда истинныи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться.“ (Іоан. 4, 23—24).

Согласно сему Онъ примѣромъ и словомъ побуждалъ поклониться всецѣло святой волѣ Божіей и тѣмъ святить имя Его, и дѣлаться причастниками Его царства; почему не придавалъ никакой цѣны тѣлесному поклоненію безъ внутренняго благочестія, сильно порицалъ лицемеріе и училъ совершать постъ, милостыню и молитву не изъ тщеславія, для того, чтобы люди за это насъ хвалили, но единственно изъ любви и преданности своему Отцу небесному, и просить у Него только необходимаго для жизни тѣлесной и духовной.

„Внимите милостыни ваши: не творити предъ челоуки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате отъ Отца вашего иже есть на небесахъ. Егда убо творили милостыню, не воструби предъ собою, якоже лицемеры творятъ въ сокнищахъ и въ стогахъ, яко да прославятся отъ челоука: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою. Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя. Яко да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ: и Отецъ твой видѣи въ тайнѣ, той воздастъ тебѣ явъ. И егда молишися, не буди якоже лицемеры, яко любятъ въ сокнищахъ и въ стогахъ пуги стояще молиться, яко да явятся челоукомъ: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. Ты же, егда молишися, вниди въ клятвѣ твою, и затвориши двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видѣи въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явъ. Молящися же не лишше глаголите, якоже язычници: мнятъ бо, яко во многословіи своемъ услышани будутъ, не добьются убо имъ: вѣсть бо Отецъ вашъ, ихъ же требуетъ, прежде прошенія вашего. Сие убо молитесь вы: Отче нашъ иже еси на небесахъ, да святится имя твое: да приидетъ царствіе твое: да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь: и остави

намъ доли наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ: и не введи насъ (во искушеніе) въ напасть, но избави насъ отъ лукаваго. Яко твое есть царствіе и сила и слава во вѣки. Аминь. Аще бо отпускаете человекомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: Аще ли не отпускаете человекомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Егда же поститесь, не будите якоже лицемеры стѣнующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человекомъ постящися: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. Ты же постяся помажи главу твою, и лице твоё умный: яко да не явишися человекомъ постяся, но Отцу твоему, иже въ тайнѣ, и Отецъ твой, видный въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Не скрываете себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлѣтъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ: скрываете же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь ни тля тлѣтъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ. Идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше.“ (Матѣ. 6, 1 — 21).

XVI.

Господь училъ въ молитвѣ быть постоянными и не унывать, если долго не получимъ просимаго, вѣруя, что все просимое Отецъ небесный даруетъ намъ въ свое время, если дѣйствительно оно для насъ необходимо и полезно. (Матѣ. 7, 7 — 11).

Училъ, чтобы для молитвы и поученія въ законѣ Божіемъ собирались вмѣстѣ во имя Его, говоря: идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Моё, ту есмь посреди ихъ. (Матѣ. 18, 20), И сказалъ «въ тѣмъ, которые увѣрены были о себѣ, что они праведны, и уничижали другихъ,» слѣдующую притчу:

«Человѣка два внидоша въ церковь помолитися: единъ фарисей, а другій мытарь. Фарисей же ставъ, сице моляшеся: Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человеци, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Пошуся два-краты въ субботу, десятину даю всего, елико притяжю. Мытарь же издавша стоя, не хотяше ни очію возвести на небо: но бѣше переи своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику. Глаголю вамъ, яко снуде сей

оправданъ въ домъ свой паче онаго, яко всякъ возносяйся, смирится: смиряяй же себе, вознесется.» (Лук. 18, 9 — 14).

Училъ, чтобы мы наблюдали тщательно сами за собою, а не осуждали другихъ (Матѣ. 7, 1 — 5) и далъ общее правило какъ жить въ обществѣ людей:

„Вся убо, елика аще хотите, да творятъ вамъ человеци, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророцы. (Матѣ. 7, 12).

XVII.

Въ притчѣ о сѣятелѣ Господь далъ наставленіе, что слово Божіе мы должны слушать со вниманіемъ; постояннымъ памятованіемъ его и желаніемъ послѣдовать ему вкоренять его въ своемъ умѣ и сердцѣ; не заглушать его заботами вѣка сего, обольщеніемъ богатства, славы и мірскими развлеченіями, и нелѣпнымъ дѣланіемъ добрыхъ дѣлъ воздѣлывать въ себѣ глубокую и тучную почву, чтобы слово Божіе, посѣянное въ насъ, приносило обильный плодъ для собственнаго нашего и ближнихъ нашихъ блага. (Мар. 4, 3 — 20).

Онъ еще вѣщалъ: «не всякъ глаголюй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное; но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ. Мнози рекуть мнѣ въ онъ день: Господи, Господи не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы мнози сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ: отидите отъ мене дѣлающіе беззаконіе. Всякъ убо, иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и снуде дождь, и придоша рѣки, и възвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту, и не падеша, основана бо бѣ на камени. И всякъ слышай словеса моя сія, и не творя ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ: и снуде дождь и придоша рѣки, и възвѣяша вѣтри, и опрошася храмине той, и падеша: и бѣ разрушеніе ея велие.» (Матѣ. 7, 21 — 27).

«Еще же ему глаголющу къ народомъ, се мати его и братія его стояху внѣ, ищущи глаголати Ему. Рече же нѣкій ему: се мати твоя, и братія твоя внѣ стоятъ, хотяще глаголати Тебѣ. Онъ же отвѣщавъ рече ко глаголющему Ему:

кто есть мати Моя; и кто суть братія Моя; и простеръ руку свою на ученики своя, рече: се мати моя и братія моя. Иже бо аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ, той братъ Мой, и сестра и мати (Ми) есть.» (Матѳ. 12, 46 — 50).

«И бысть егда сконча Иисусъ словеса сія, двизахуся нареди о учении его: бѣ бо уча ихъ яко власть имѣя, и не яко книжницы и (Фарисее).» (Матѳ. 7, 28, 29).

XVIII.

Такъ уча, Господь Иисусъ обходилъ всю страну Іудейскую и когда видѣлъ людей способныхъ принять слово спасенія, исполнялся радостию и поощрялъ ихъ; когда же видѣлъ холодность и противленіе, скорбѣлъ о нихъ; когда видѣлъ страждущихъ, жалѣлъ ихъ, и силу чудотворенія употреблялъ для избавленія людей отъ гнетущихъ ихъ золь. Такъ Онъ повсюду исцѣлялъ одержимыхъ различными болѣзнями, слѣпымъ возвращалъ зрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ воздвигалъ, прокаженныхъ очищалъ, бѣсовъ изгонялъ, и, когда совершалъ это по чувству человеколюбія, избѣгалъ всякаго прославленія и запрещалъ исцѣленнымъ разглашать объ этомъ.

Народъ стекался къ Нему отъсюду, и Онъ, занятый постоянно поученіемъ народа и исцѣленіемъ страждущихъ, почти не имѣлъ времени для вкушенія пищи и для отдыха; но едва представлялась свободная минута, уединялся для молитвы къ Своему Отцу.

Но Іудеи высшаго сословія — священники, старѣйшины, книжники и фарисеи презирали Господа Иисуса Христа: предразсудокъ, — будто бы Христосъ долженъ непременно явиться въ славѣ царя, не допускалъ ихъ признать Христомъ простаго плотника; смиренный видъ Иисуса Христа безъ земной славы и великолѣпія соблазнилъ ихъ. Чѣмъ болѣе ученіе и дѣла Христа Иисуса привлекали къ Нему народъ, и возбуждали уваженіе и любовь къ Нему, тѣмъ болѣе они приходили въ зависть и досаду. Они были увѣрены, что когда явится Христосъ, то къ нимъ первымъ обратится Онъ и сдѣлаетъ ихъ Своими приближенными и любимцами, но вотъ они видятъ, что Иисусъ Христосъ приближаетъ къ себѣ и

назначаетъ учениками и апостолами рыбарей и мытарей, ихъ же обличаетъ въ лицемеріи, въ излишнемъ чествованіи субботы и крайней преданности внѣшнимъ обрядамъ и вымышленнымъ людьми преданіямъ, обвиняетъ въ отменѣ, для сохраненія человѣческихъ преданій, самыхъ заповѣдей Божіихъ и называетъ ихъ слѣпыми вождями слѣпыхъ. Это возбуждаетъ въ нихъ злобу и ненависть къ Нему, а великія дѣла Его приводятъ ихъ въ ярость. А потому они всячески стараются вредить Ему въ мнѣніи народа и распространяютъ о Немъ худы и клеветы, называя Его ядцею, винопійцею, другомъ грѣшниковъ, разорителемъ субботы.

Господь Иисусъ Христосъ, оставляя все это безъ вниманія, продолжаетъ исцѣлять въ субботы и не стыдится вечерять съ грѣшниками и мытарями, когда въ этомъ видитъ удобный случай призвать ко спасенію, и на осужденіе за это отвѣчаетъ: *„Я пришелъ не праведныхъ, а грѣшниковъ призвать къ покаянію“.*

Но когда враги Его дошли до такой дерзости, что дѣйствующую въ Немъ силу чудотвореній въ исцѣленіи немощныхъ и изгнаніи бѣсовъ, стали приписывать силѣ вельзевула — князя бѣсовскаго, тогда Онъ строго обличилъ ихъ, какъ упорныхъ противниковъ всякаго добра, какъ дерзкихъ хулителей самого Духа Святаго — источника всѣхъ благъ, и сказалъ: *„посему говорю вамъ: всякъ грѣхъ и хула простятся человѣкамъ, а хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ; ибо дерево познается по плоду. Порожденія ехиднины! какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человекъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человекъ изъ злаго сокровища выноситъ злое. Говорю же вамъ, что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься“.* (Матѳ. 12, 31 — 37).

Такъ Господь показалъ намъ Своимъ примѣромъ, что мы должны исполнять свой долгъ, не смотря ни на людское

мнѣніе, признающее то или другое неприличнымъ и постыднымъ, ни на хулы и клеветы, распространяемыя о насъ нашими недругами, ни на кривотолки, которыми недоброжелатели стараются представить наши добрыя дѣла худыми, ни на преслѣдованіе за нихъ отъ враговъ нашихъ.

XIX.

Но дѣло спасенія рода человѣческаго требовало, чтобы люди свободно и разумно увѣровали, что Иисусъ Христосъ не только исполненный благодати человѣкъ—пророкъ, но и Единородный Сынъ Божій. Для этого Онъ явилъ всенародно дѣла, поразительно свидѣтельствовавшія Его Божественность.

Былъ бракъ въ Канѣ Галилейской. Тамъ были Самъ Иисусъ Христосъ, Пречистая Матерь и ученики Его. Когда, во время пиршества оказался недостатокъ въ винѣ, то Господь Иисусъ, по просьбѣ Богоматери, велѣлъ наполнить водою шесть каменныхъ сосудовъ, тамъ стоявшихъ, и когда наполнили ихъ водою, сказалъ: *теперь почерпните и несите къ распорядителю пира.* Когда же распорядитель отвѣдалъ, то оказалось, что это вино, и не зная откуда оно, призвалъ жениха и замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ не подалъ этого вина сначала, а сберегъ на конецъ пира.

Приносятъ къ Нему однажды въ Капернаумъ человѣка разслабленнаго жилами, когда Онъ училъ окружавшій Его народъ. Взглянувъ на больного, Онъ сказалъ: *чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои.* Бывшіе тутъ же книжники и фарисеи подумали про себя: *Онъ богохульствуетъ. Одинъ только Богъ можетъ отпущать грѣхи.* Иисусъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: *для чего вы мыслите худое въ сердцахъ вашихъ? Ибо что легче сказать: прощаются тебѣ грѣхи, или сказать: встань и ходи? (Мѡ. 9, 4, 5) а чтобы вы знали, что Сынъ человѣческій имѣетъ власть отпущать грѣхи (говорить разслабленному), тебѣ говорю: встань, возьми постель свою и поди.* Тотъ всталъ здоровымъ, и вышелъ со своею постелью. (Мар. 2, 1 — 12).

Увидѣвъ въ Іерусалимѣ человѣка слѣпаго отъ рожденія, Иисусъ плюнулъ на землю, смѣшалъ слюну съ пылью и помазавъ этимъ брѣніемъ глаза слѣпому, сказалъ: *поди въ ку-*

пель Силоамскую и умойся». Тотъ сдѣлалъ такъ и прозрѣлъ. Сосѣди и знавшіе его прежде, удивляясь разсказу его о своемъ чудесномъ прозрѣніи, привели его къ правителямъ своимъ, и, когда онъ и предъ ними неоднократно подтвердилъ, что его исцѣлилъ Иисусъ, они призвали родителей его и спрашивали у нихъ, дѣйствительно ли этотъ самый сынъ ихъ и точно ли онъ былъ слѣпъ отъ рожденія. Тѣ подтвердили все это. (Іоан. 9).

Когда Иисусъ подходилъ къ городу Наину, выносили изъ воротъ города умершаго юношу, единственнаго сына у матери вдовы, и много народа шло съ нею изъ города. Увидѣвъ еѣ, Онъ сжалился надъ нею и сказалъ ей: *«не плачь»*, и подошедъ, прикоснулся къ одру; несшіе остановились; а Онъ сказалъ: *«юноша! тебѣ говорю, встань.»* Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить. Иисусъ отдалъ его матери его. (Лук. 7, 11—16).

Однажды Онъ, бывши въ Капернаумѣ, вошелъ въ синагогу и училъ. Тамъ былъ человѣкъ, одержимый духомъ нечистымъ и вскричалъ: *«оставь, что тебѣ до насъ, Иисусъ Назарянинъ? Ты пришелъ погубить насъ. Знаю Тебя, кто ты, Святыи Божій.»* Иисусъ запретилъ ему, говоря: *«замолчи, и выйди изъ него.»* Тогда духъ нечистый, сотрясши его, и вскричавъ громкимъ голосомъ, вышелъ изъ него. (Мар. 1, 21—26).

Потомъ, когда Иисусъ другой разъ былъ въ синагогѣ въ субботу и училъ, тамъ находился человѣкъ, у котораго правая рука была сухая. Книжники же и фарисеи наблюдали за Иисусомъ, не исцѣлитъ ли въ субботу, чтобы найти обвиненіе противъ Него. Но Онъ, зная помысленія ихъ, сказалъ человѣку, имѣющему сухую руку: *встань, и выступи на средину, и онъ всталъ и выступилъ.* Тогда сказалъ имъ Иисусъ: *спрошу я васъ: что должно дѣлать въ субботу? добро, или зло? спасти душу, или погубить?* Они молчали. И посмотрѣвъ на всѣхъ ихъ, сказалъ тому человѣку: *протяни руку твою;* онъ такъ и сдѣлалъ, и стала рука его здорова, какъ и другая. (Лук. 6, 6—10).

Такъ же въ одной изъ синагогъ, гдѣ училъ Иисусъ Христосъ въ субботу, была женщина, осьмнадцать лѣтъ имѣвшая духа немощи: она была скорчена, и не могла выпрямиться. Иисусъ, увидѣвъ ее, подозвалъ, и сказалъ ей: *женщина! ты*

освобождается от недуга своего. И возложилъ на нее руки, и она тотчасъ выпрямилась, и стала славить Бога. При этомъ начальники синагоги, негодуя, что Иисусъ исцѣлилъ въ субботу, сказали народу: *есть шесть дней, въ которые должно дѣлать; въ тѣ и приходите исцѣляться, а не въ день субботный*. Господь сказалъ ему въ отвѣтъ: *лицемѣръ! не отвязываетъ ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу, и не ведетъ ли поить? Сію же дочь Авраамову, которую связалъ сатана, вотъ, уже 18 лѣтъ, не надлежало ли освободить отъ узъ сихъ въ день субботный?* (Лук. 13, 10—16).

Когда Иисусъ Христосъ былъ у озера Геннисаретскаго и собралось къ Нему множество народа, приходитъ одинъ изъ начальниковъ синагоги, по имени Іаиръ, и просить Его исцѣлить, бывшую уже при смерти дочь его, дѣвицу 12 лѣтъ. Господь Иисусъ пошелъ съ нимъ. За Иисусомъ Христомъ слѣдовало множество народа, и тѣснили Его. Одна женщина, страдавшая кровотеченіемъ 12 лѣтъ, и не получившая исцѣленія ни отъ какихъ врачеваній, подошла къ Нему сзади въ народѣ, и прикоснулась къ одеждѣ Его, думая про себя: *если хотя къ одеждѣ Его прикоснусь, то выздоровѣю*. И тотчасъ изсякъ у ней источникъ крови, и она ощутила въ тѣлѣ, что исцѣлена отъ болѣзни. Въ то же время Иисусъ обратился въ народѣ и сказалъ: *Кто прикоснулся къ моей одеждѣ?* Ученики говорятъ Ему: *Ты видишь, что народъ тѣснитъ Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко мнѣ?* Но Онъ продолжалъ смотрѣть вокругъ, чтобы видѣть ту, которая это сдѣлала. Женщина, въ страхѣ и трепетѣ отъ того, что съ нею произошло, подошла, пала предъ Нимъ, и сказала Ему всю истину. Онъ сказалъ ей: *дщерь! вѣра твоя спасла тебя; иди въ миръ, и будь здорова отъ болѣзни твоей*. Когда Онъ еще говорилъ это, приходятъ къ Іаиру и говорятъ: *дочь твоя умерла, не утруждай Учителя*. Но Иисусъ сказалъ ему: *не бойся, только вѣруй*. Приходитъ въ домъ его: тамъ смятеніе и плачь. Выславъ всѣхъ, Онъ съ отцемъ и матерью дѣвицы и съ тремя учениками входитъ туда, гдѣ лежала умершая дѣвица, и взявъ ея за руку, говоритъ ей: *дѣвица, тебѣ говорю, встань*. Она тотчасъ встала и начала ходить. (Мар. 5, 21—42).

У одного сотника въ Капернаумѣ былъ боленъ при смерти

любимый слуга его. Онъ послалъ къ Иисусу Христу старшинъ Иудейскихъ просить Его, чтобы исцѣлилъ больного слугу. По убѣдительной просьбѣ тѣхъ Иисусъ пошелъ съ ними. Когда Онъ былъ недалеко отъ дому, сотникъ выслалъ къ Нему своихъ друзей, сказать Ему: *«не трудись Господи! Ибо я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой. По тому и себя самого не почелъ достойнымъ прійти къ Тебѣ; но скажи слово, и выздоровѣетъ слуга мой»*. Услышавъ это, Иисусъ Христосъ обратился къ народу, шедшему за Нимъ и сказалъ: *«сказываю вамъ, что и въ Израиль не нашелъ Я такой вѣры*. Посланные, возвратясь въ домъ, нашли больного слугу выздоровѣвшимъ. (Лук. 7, 1—10).

Когда Иисусъ на пути въ Іерусалимъ проходилъ между Самаріею и Галилеею и входилъ въ одно селеніе, встрѣтили Его десять прокаженныхъ. Они, остановившись вдали, кричали: *Иисусъ Наставникъ! помилуй насъ*. Онъ сказалъ имъ: *пойдите, покажитесь священникамъ*. И когда они шли, очистились отъ проказы. Одинъ изъ нихъ, видя, что исцѣленъ, громко сталъ прославлять Бога и, подойдя къ Иисусу, палъ ницъ къ ногамъ Его, благодаря Его. Это былъ Самарянинъ. Иисусъ Христосъ сказалъ: *не десять ли очистились? идѣ же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ этого иноплеменика?* и сказалъ ему: *встань, иди; вѣра твоя спасла тебя*. (Лук. 17, 11—19).

Когда Господь съ учениками Своими переправлялся на лодкѣ на другую сторону озера Геннисаретскаго, и многіе изъ народа на лодкахъ же слѣдовали за Нимъ, поднялась сильная буря; волны били въ лодку, такъ что она уже наполнялась водою, а Онъ спалъ на кормѣ на возгавіи. Его будятъ, и говорятъ: *Учитель! мы погибаемъ*. И вставъ, Онъ запретилъ вѣтру, и сказалъ морю: *умолкни, перестань*. И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина. (Мар. 4, 35—41).

Господь, чтобы дать Своимъ ученикамъ возможность успокоиться и отдохнуть, иногда удалялся съ ними въ пустынные мѣста, но и тамъ народъ находилъ Его, окружалъ тысячами и оставался при немъ безъ пищи нѣсколько дней. Господь, жалѣя объ нихъ, одинъ разъ пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ пять тысячъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, и послѣ этой трапезы ученики еще набрали остав-

шихся кусковъ 12 полныхъ коробовъ. Другой разъ семью хлѣбами и малымъ количествомъ рыбы Онъ наплатъ четыре тысячи человекъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, и ученики набрали оставшихся кусковъ семь полныхъ корзины. (Мѡ. 15, 32—38).

Однажды Господь приказалъ ученикамъ отправиться на лодкѣ на другую сторону озера, а Самъ, отпустивъ народъ, взошелъ на гору помолиться наединѣ, и вечеромъ оставался тамъ одинъ. А лодка была уже на срединѣ озера, и еѣ било волнами, такъ какъ вѣтеръ былъ противный. Въ четвертую стражу ночи ученики увидѣли Его идущаго къ нимъ по водѣ. Они встревожились, и говорили: *это призракъ*; и отъ страха вскричали. Но Иисусъ тотчасъ же заговорилъ съ ними и сказалъ: *ободритесь; это Я, не бойтесь*. Петръ сказалъ Ему: *Господи! если это Ты; повели мнѣ прійти къ Тебѣ по водѣ*. Онъ на это сказалъ: *иди*. И вышедши изъ лодки, Петръ пошелъ по водѣ. Но видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ утопать, закричалъ: *Господи, спаси меня!* Иисусъ простеръ руку, поддержалъ его, и говоритъ ему: *маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?* И когда вошли они въ лодку, вѣтеръ утихъ. (Мѡ. 14, 23—32).

XX.

Но, не смотря на все это, книжники и фарисеи продолжали упорствовать въ невѣріи и злобѣ и искушая Иисуса Христа, требовали отъ Него знаменій. На это Господь, указывая одинъ разъ на Самого Себя, сказалъ имъ: *разрушите храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его*. (Іоан. 2, 13). А въ другой разъ Онъ отвѣчалъ: *вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно; а поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умѣете, а знаменій временъ не можете? Родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія ищетъ; и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка* (Мѡ. 16, 1—4). Ибо какъ Іона былъ во чревъ кита три дня и три ночи; такъ и Сынъ человеческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ, и осудятъ его; ибо они покались отъ проповѣди Іониной; и

вотъ, здѣсь больше Іоны. Царица южская возстанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ его; ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ, здѣсь больше Соломона. (Мѡ. 12, 40—42).

Между тѣмъ избранные Господомъ изъ учениковъ двѣнадцать Апостоловъ исповѣдали Его Христомъ, Сыномъ Бога живаго, и тогда Господь сказалъ: *«на семъ камени созижду Церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Мѡ. 16, 18).

Послѣ сего Онъ училъ:

«Не убойтесь отъ убивающихъ, души же не могущихъ убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тѣло погубить въ гееннѣ. Не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ; и ни одна отъ нихъ падетъ на земли, безъ Отца вашего: Вамъ же и власи главныя вси изочтены суть. Не убойтесь убо: мнозѣхъ птицъ лучши есте вы. Всякъ убо иже исповѣсть мя предъ челоуки, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесахъ. А иже отвержется Мене предъ челоуки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесахъ» (Мѡ. 10, 28—33).

«Иже любитъ отца, или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына, или дочь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. И иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ. Обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. (Мѡ. 10, 37—39).

Называя Себя пастыремъ добрымъ, который душу свою полагаетъ за овцы, (Іоан. 10, 11). Онъ возглашалъ: *«Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ: и никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открыти. Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обряцете покой душамъ вашимъ. Ибо бо Мое благо, и бремя Мое легко есть»*. (Мѡ. 11, 27—30).

«Сего ради Мя Отецъ любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю. Никто же возметъ ю отъ Мене: но Азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положить ю, и область имамъ паки пріяти ю. Сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца Моего». (Іоан. 10, 17—18).

«Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и

по Мнѣ врядутъ. И Азъ животъ вѣчный далъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея. Отецъ Мой, иже даде Мнѣ, болѣй вѣкъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца Моего. Азъ и Отецъ едино есма». (Іоан. 10, 27—30).

Аще не творю дѣла Отца моего, не имите ли вѣры: Аще ли творю, аще и мнѣ не вѣруете, дѣломъ моимъ вѣруйте: да разумете и вѣруете, яко во мнѣ Отецъ, и Азъ въ немъ. (Іоан. 10, 37—38).

Называя Себя хлѣбомъ жизни, спешимъ съ небесъ, Господь свидѣтельствовалъ:

«Аминь аминь глаголю вамъ: вѣруй въ Мя, имать животъ вѣчный. Азъ есмь хлѣбъ животный. Отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша. Сей есть хлѣбъ сходящій съ небесе, да, аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже спешу съ небесе: аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки: и хлѣбъ, еяже Азъ дамъ, плоть моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра». (Іоан. 6, 47—51).

«Аминь аминь глаголю вамъ, аще не съесте плоти Сына человеческого, ни пьете крове его, живота не имаете въ себѣ. Ядый Мою плоть, и пій Мойю кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть, и пій Мойю кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради». (Іоан. 6, 53—57).

Наконецъ Господь, называя Себя свѣтомъ міру, возвѣщать: «Азъ есмь свѣтъ міру: ходяй по Мнѣ, не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный». (Іоан. 8, 12).

«Тако бо возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣруй въ онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ. Вѣруй въ онъ, не будетъ осужденъ: а не вѣруй, уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя едиnorodнаго Сына Божія. Сей же ость судъ, яко свѣтъ прииде въ міръ, и возлюбилъ человѣцы паче тмѣ, неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлавъ злоя, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ

къ свѣту, да не обличится дѣла его, яко лукава суть: Творяй же истину, врядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана». (Іоан. 3, 16—21).

XXI.

Между тѣмъ Іисусъ Христосъ чрезъ ученіе и дѣла Свои болѣе и болѣе возвышался въ мнѣніи народа, такъ что нѣкоторые изъ Его почитателей, въ жару своей мечтательности о Мессіи — царѣ, даже покушались нечаянно взять Его и объявить царемъ Іудей, (Іоан. 6, 15) въ томъ, безъ сомнѣнія, чаяніи, что Онъ Самъ не откажется принять это усердіе; а прочіе послѣдователи не замедляютъ присоединиться къ нимъ, и престолъ Давидовъ будетъ возстановленъ, къ утѣшенію и славіи народа Израильскаго. Но Іисусъ Христосъ, проникнувъ такое намѣреніе мечтателей, совершенно противное Его высокому цѣли нравственнаго возстановленія рода человѣческаго Его Божественнымъ ученіемъ и примѣрами Его святѣйшей жизни, и спасенія людей крестными Его страданіями, уклонился отъ всякихъ покушеній сдѣлать Его земнымъ царемъ.

Въ то же время, со дня на день, увеличивалась злоба Его враговъ. Они не разъ покушались лишить Его жизни: то подущали толпу свергнуть Его съ горы или побить камнями, какъ богохульника, то посылали слугъ своихъ схватить Его. Но, какъ назначенный въ предвѣчномъ Совѣтѣ великій часъ всемірнаго искупленія еще не пришелъ; то всѣ козни враговъ Іисусовыхъ распадались сами собою, какъ паутина: Онъ то безвредно проходилъ между раздраженною до изступленія толпою, то слуги враговъ, возвратясь одни, говорили, что не посмѣли возложить на него рукъ своихъ, потому что Онъ говорилъ такъ, какъ не говорилъ никакой человѣкъ. (Іоан. 7, 30, 40, 46).

Наконецъ враги Іисуса въ своемъ верховномъ судилищѣ, — Синедрионѣ, постановили, что всякъ, кто признаетъ Іисуса за Христа, будетъ отлученъ отъ синагоги, т. е. будетъ почитаться какъ-бы исключеннымъ изъ потомства Авраамова, — обреченнымъ, подобно язычнику, на вѣчную гибель за гробомъ.

А Господь, съ того времени, какъ Апостолы исповѣдали

Его Христомъ, началъ открывать имъ, что Ему должно идти въ Иерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшихъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть. (Мѡ. 16, 21).

Когда Апостолъ Петръ, считая это несообразнымъ съ достоинствомъ Христа, сталъ Ему противорѣчить, Господь строго сказалъ ему: *«отойди отъ Меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое»*. И, обратясь къ ученикамъ Своимъ, сказалъ: *«Аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирдетъ. Иже бо аще хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. Кая бо польза человеку, аще весь міръ приобрящетъ, душу же свою отщетитъ; или что дастъ человекъ измѣну за душу свою; (Мѡ. 16, 25—26). Иже бо аще постыдится Мене и моихъ словесъ въ родъ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ человѣческій постыдится его (Мр. 8, 38) егда придетъ во славу Отца своего, со Апостолами своими: и тогда воздастъ комуждо по дѣланіемъ его.»* (Мѡ. 16, 27).

Послѣ сего Господь, взявъ съ Собою трехъ Апостоловъ—Петра, Іоанна и Іакова, взшелъ съ ними на высокую гору Ѡаворъ помолиться. И когда Онъ молился, преобразился видъ Его: лице Его просіяло какъ солнце, одежда Его сдѣлалась бѣлою, блистающею, какъ свѣтъ. Явились два мужа во славу и стали бесѣдовать съ Нимъ—объ исходѣ Его, который Ему надлежало совершить въ Иерусалимѣ. Это были Моисей и Ілїя. Когда они отошли, свѣтлое облако осѣнило Господа и Апостоловъ, и изъ него возгремѣлъ гласъ Бога Отца: *«сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте.»*

Устрашенные Апостолы пали на лица свои. Господь, приступивъ, коснулся ихъ и сказалъ: *«встаньте и не бойтесь.»* Открывъ глаза, они увидѣли одного только Иисуса, и Онъ запретилъ имъ рассказывать объ этомъ видѣніи до Его воскресенія. (Лук. 9, 28—36. Мѡ. 17, 1—6).

XXII.

Такъ Господь тридцатилѣтнюю жизнь въ званіи смиреннаго плотника показалъ намъ примѣръ жизни *человѣка каковымъ*

онъ долженъ быть по мысли Творца, а во время трехъ лѣтъ Своей проповѣди премудро, для всякаго по простотѣ ея доступно, и въ высшей степени убѣдительно указалъ путь къ истинной жизни, и изложилъ ученіе о божественныхъ истинахъ, которыя были уже повѣданы Богомъ человѣку въ премудромъ устройствѣ міра, и въ Божественномъ Откровеніи, и которыхъ человѣкъ не могъ уже понять падшимъ своимъ умомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ, явленіемъ Своей Божественной силы, представилъ разительныя доказательства, что Онъ истинно Единородный Сынъ Божій.

Пока всего этого не было еще совершено, Божественный Промысл охранялъ Его и не допускалъ никакихъ препятствій Его дѣяніямъ; но какъ только дѣло проповѣди и явленія Божественныхъ силъ совершилось, Промысл Божій предоставляетъ злобѣ людской свободно дѣйствовать противъ Него и доходить до своей цѣли обыкновенными человѣческими путями. Иисусъ Христосъ, какъ совершенный праведникъ, по правдѣ Божіей, не могъ подлежать ни болѣзненности, ни смерти, но Онъ, по безпредѣльной любви Своей къ роду человѣческому, во всю земную жизнь Свою былъ всецѣло готовъ на всякую жертву для спасенія людей, *бывъ послушнымъ, Отцу небесному даже до смерти, смерти же крестной* (Фил. 2, 8). Правдѣ же Божіей недостаточно было одной только, хотя самой искренней готовности на жертву, но Она въ премудрости своей требовала, чтобы эта любовь и это послушаніе волѣ Божіей открылись міру на самомъ дѣлѣ.

Настало тому время, и Иисусъ Христосъ идетъ въ Иерусалимъ на праздникъ Пасхи, чтобы замѣнить Собою агнца пасхальнаго.

Когда предъ тѣмъ Онъ былъ въ долину Іорданской, продолжая учить народъ и исцѣлять болящихъ, другъ Его Лазарь, жившій въ Вифанїи близъ Иерусалима, сдѣлался боленъ. Сестры Лазаря—Марѳа и Марїя, кои также пользовались благоволеніемъ Господа, прислали сказать Ему: *«Господи, тотъ, котораго Ты любишь, боленъ»*.

На это Онъ сказалъ посланнымъ: *«эта болѣзнь не къ смерти, но къ славу Божіей, да прославится чрезъ нее Сынъ Божій»*.

Послѣ этого Онъ пробылъ на томъ же мѣстѣ еще два дня, потомъ сказалъ ученикамъ: „идемъ во Иудею“.

Ученики, сознавая опасность такого путешествія, говорятъ Ему: „Развѣ давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями; и Ты опять идешь туда?“

На это Господь сказалъ имъ: „не двѣнадцать ли часовъ во дни? Кто ходитъ днемъ; тотъ не спотыкается, потому что видитъ свѣтъ міра сего. А кто ходитъ ночью, спотыкается, потому что нѣтъ свѣта съ нимъ“.

Потомъ говоритъ имъ: „Лазарь, другъ нашъ уснулъ; но я иду, чтобы разбудить его“.

Ученики, думая, что Онъ говоритъ о снѣ обыкновенномъ, сказали: „если уснулъ, то выздоровѣетъ“.

Тогда Иисусъ Христосъ сказалъ имъ прямо: „Лазарь умеръ. И радуюсь за васъ, что Меня не было тамъ, дабы вы увѣровали. Пойдемъ къ нему“.

Пошли въ Иудею: Иисусъ Христосъ шелъ впереди, а ученики Его въ страхѣ слѣдовали за Нимъ, ужасаясь отъ ожиданія имѣющихся быть событій.

Пойдемъ и мы вслѣдъ за ними.

Дорога покрыта странниками, со всѣхъ сторонъ стекавшими въ Иерусалимъ на приближающійся праздникъ.

Господь Иисусъ Христосъ при всякомъ представлявшемся случаѣ поучаетъ народъ, и исцѣляетъ болящихъ. (Мѡ. 9, 2. Мр. 10, 32.)

Вотъ фарисеи, приступивъ къ Нему и искушая Его, спрашиваютъ: по всякой ли причинѣ позволительно человеку разводиться съ женою своею? Онъ отвѣчаетъ: не читали ли вы, что сотворившій въ началъ, мужчину и женщину сотворилъ ихъ, и сказалъ: по сему оставитъ человекъ отца и мать, и прильпится къ женѣ своей, и будутъ двое одною плотью? Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ.

На это они говорятъ: какъ же Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо, и разводиться съ нею?

Онъ отвѣчаетъ: „Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими; а съ начала не было такъ. Но Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой: тотъ

прелюбодѣяствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣяствуетъ.

Вотъ, приводятъ къ Нему дѣтей, чтобы Онъ возложилъ на нихъ руки, и помолился; но ученики не допускаютъ ихъ къ Нему. Онъ приказываетъ допустить ихъ и не препятствовать приходивъ къ Нему, и говорить, что таковыяхъ есть царство небесное, и что кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него. И обнявъ ихъ, возлагаетъ руки на нихъ и благословляетъ ихъ. (Лук. 18, 15—17).

«И призвавъ дитя, поставилъ его посреди учениковъ, и говоритъ: И такъ кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ. И кто приметъ одно такое дитя во имя Мое: тотъ Меня принимаетъ. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующаго въ Меня; тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской. Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ: но горе тому человеку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ. Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго.» (Мѡ. 18, 1—11).

Вотъ, одинъ юноша, богато одѣтый, подходитъ къ Нему и спрашиваетъ: что сдѣлать ему добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную? Иисусъ Христосъ говоритъ: соблюди заповѣди. Тотъ говоритъ: все это сохранилъ я отъ юности моея; чего еще не достаетъ мнѣ? Господь Иисусъ, взглянувъ на него съ любовію, отвѣчаетъ ему: одного тебѣ не достаетъ: если хочешь быть совершеннымъ, пойди, все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, послѣдуй за Мною, взявъ крестъ.

Услышавъ это, смутился юноша, печалію помрачилось лице его, и съ грустью отходитъ онъ.

А Господь говоритъ ученикамъ: какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе!

Ученики ужасаются отъ словъ Его. Но Онъ опять говоритъ имъ: дѣти! какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царствіе Божіе!

Они еще болѣе изумились, и говорятъ между собою: кто же можетъ спастись?

Иисусъ, взглянувъ на нихъ, говоритъ: *человѣкамъ это не возможно, но не Богу; ибо все возможно Богу.*

Петръ говоритъ Ему: *вотъ мы оставили все, и послѣдовали за Тобою; что же будетъ намъ?*

На это Господь Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ: *«истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать коленъ Израилевыхъ. И всякій, кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и насладится жизнью вѣчную.»* (Марк. 10, 2—31. Мѡ. 19). Отъ этихъ словъ просвѣтлѣли лица Апостоловъ, но, видно, у нихъ опять ожили мысли о скоромъ открытіи или наступленіи земнаго царства Христа, и потому Господь Иисусъ Христосъ вскорѣ говоритъ имъ: *«вотъ, мы восходимъ въ Иерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ; и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и будутъ бить Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его; и въ третій день воскреснетъ.»* Ученики смотрятъ съ недоумѣніемъ на своего Божественнаго Учителя, — не понимая этихъ словъ, такъ какъ они кажутся имъ противорѣчивыми и не совмѣстимыми съ прежде сказаннымъ; оттого послѣдніе слова Христовы, ученики Его считаютъ сокровенными, или иносказательными; одна мысль — о скоромъ воцареніи Иисуса Христа занимаетъ ихъ, и занимаетъ до такой степени, что тогда же подходитъ къ Нему мать Апостоловъ Іоанна и Іакова Зеведеевыхъ съ сыновьями своими, и кланяясь, показываетъ видъ, что чего то хочетъ просить у Него.

Господь спрашиваетъ ее: *чего ты хочешь?* Она говоритъ Ему: *скажи, чтобы сіи два сына мои съѣли у Тебя одинъ по правую сторону, а другой по лѣвую въ царствіи Твоемъ.*

Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ сынамъ Зеведея и Саломіи: *не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или — креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь?*

Они говорятъ Ему: *можемъ.*

Иисусъ Христосъ говоритъ имъ: *чашу Мою пить будете и крещеніемъ, которымъ Я крещусь, креститься будете; но*

дать съѣсть у Меня по правую сторону и по лѣвую, не отъ Меня зависитъ, но кому угодно Отцемъ Моимъ.

Услышавъ это прочіе ученики, начинаютъ негодовать на двухъ братьевъ.

Иисусъ же Христосъ, подзвавъ ихъ, говоритъ: *«вы знаете что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою. И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ. Такъ какъ Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу Свою для искупленія многихъ.»* (Мѡ. 19, 20. Мар. 10. Лук. 18).

Идутъ далѣе и приходятъ къ одному самарянскому селенію. Здѣсь Иисусъ Христосъ хотѣлъ остановиться для отдыха, но жители того селенія, не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Иерусалимъ.

Видя то, ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, говорятъ: *Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы оны сошелъ съ неба, и истребилъ ихъ, какъ и Ілія содѣлалъ?* Но Онъ, обратившись къ нимъ, запрещаетъ имъ и говоритъ: *не знаете какого вы духа. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать.* И идутъ они въ другое селеніе. Вотъ Господь Иисусъ входитъ въ Іерихонъ, народъ окружаетъ Его; нѣкто, именемъ Закхей, начальникъ мытарей и человѣкъ богатый, ищетъ видѣть Иисуса, но не можетъ, за народомъ, потому что малъ былъ ростомъ. И забѣжавъ впередъ, взлѣзаетъ на смоковницу, мимо которой лежалъ путь Иисусу Христу. Господь Иисусъ, пришедши на это мѣсто, взглянулъ на Закхея и говоритъ ему: *Закхей! сойди скорѣй; ибо сегодня надобно Мнѣ быть у тебя въ домъ.* Онъ поспѣшно сходитъ и съ радостію ведетъ Учителя къ себѣ и принимаетъ въ своемъ домѣ. Всѣ Іудеи, видя то, начинаютъ роптать и говорить: что это Онъ зашелъ къ грѣшному человѣку. Закхей же, ставъ, говоритъ Господу: *Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо.*

Это видимо радуетъ Божественнаго Учителя, какъ самое лучшее и пріятное угощеніе, и Онъ говоритъ ему: *нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авра-*

ама. Ибо Сынъ человѣскій пришелъ възыскать и спасти погибшее. (Лук. 19, 1—10).

Оставивъ домъ Захей, Иисусъ Христосъ съ учениками выходитъ изъ Іерихона, множество народа слѣдуетъ за Нимъ. Вотъ, двое слѣпыхъ сидятъ у дороги. Услышавъ, что Господь Иисусъ идетъ мимо; они начинаютъ кричать: *помилуй насъ, Господи, сынъ Давидовъ!* Народъ же унимаетъ ихъ, чтобы не кричали; но они еще громче кричатъ: *помилуй насъ, Господи, сынъ Давидовъ!* Иисусъ Христосъ останавливается, подзываетъ ихъ, и спрашиваетъ: *чего вы хотите отъ Меня?* Они говорятъ Ему: *Господи! чтобы открылись глаза наши.* Иисусъ Христосъ, прикасаясь къ глазамъ каждаго изъ нихъ, говоритъ: *прозри, въра твоя спасла тебя,* и тотчасъ прозрѣли глаза ихъ, и они пошли за Нимъ. (Мѡ. 20, 29—34. Лук. 18, 35—43).

XXIII.

Бывъ свидѣтелями такихъ дѣлъ Иисуса Христа, ученики и спутники Его вновь возвратились къ прежнему предразсудку о земномъ царствѣ Христа, и пришли къ увѣренности, что съ наступленіемъ праздника, Господь Иисусъ, по случаю великаго стеченія народа Іудейскаго, торжественно объявитъ Себя Мессіею — Царемъ.

Такъ какъ въ мнѣніи Іудеевъ о земномъ царствѣ Мессіи было не все ложное и не сбыточное, а была и истина; то нельзя было въ настоящемъ случаѣ сказать ученикамъ вообще: «ваши ожиданія напрасны!» Они не были напрасны, если бы ученики и всѣ Іудеи умѣли отличить пришествіе Мессіи первое и уничиженное отъ пришествія втораго, славнаго и величественнаго, и не смѣшивали духовнаго, — всемірнаго владычества Его съ земнымъ господствомъ надъ Іудеею. Вотъ, Господь, чтобы вразумить, какъ должны смотрѣть Его ученики и послѣдователи на имѣющія наступить событія, которые дѣйствительно содержали въ себѣ много превышающаго ихъ тогдашнія понятія, сказываетъ имъ слѣдующую притчу:

«Одинъ человекъ высокаго происхожденія, отправился въ далекую страну, для принятія царскаго достоинства: въ полученіи вѣнца царскаго онъ увѣренъ былъ столько, что

предъ отшествіемъ своимъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы, во время отсутствія, обыкновенные доходы его нимало не потерялись. Изъ десяти избранныхъ рабовъ его каждому дано было по минѣ *), съ тѣмъ, чтобы они употребили сіи деньги въ дѣло. Послѣ сего онъ отправился. Но изъ гражданъ многіе, хотя безъ всякой съ его стороны причины, не были расположены къ нему. Чтобы удалить его отъ престола, они отправили посольство къ тому царю, который долженъ былъ утвердить право его на царство. Всякаго другаго, говорили посланные, мы скорѣе согласимся имѣть царемъ, только не его. Но представленія ихъ не имѣли никакого дѣйствія: нелюбимый наслѣдникъ возвратился царемъ. Начался отчетъ въ деньгахъ, ввѣренныхъ рабамъ. Государь, сказалъ съ радостію первый, посмотри: мина твои принесла десять минъ! Прекрасно поступлено, отвѣчалъ царь, ты добрый слуга: я ввѣрилъ тебѣ мало, но ты сдѣлалъ много: возьми въ управленіе десять городовъ! И я сдѣлалъ пять минъ изъ одной, сказалъ другой. Получи и ты награду за труды, отвѣчалъ царь: пять городовъ будутъ въ твоёмъ управленіи. А я, началъ говорить третій, ничего не дѣлалъ и не сдѣлалъ изъ твоей мины. Зная, что ты скупъ и жестокъ, — жнешь, гдѣ не сѣялъ, берешь, гдѣ не клалъ, — я заботился только о томъ, чтобы сохранить её въ цѣлости, и для сего держалъ её въ потаенномъ мѣстѣ, завернувши въ платъ. Вотъ она! ни болѣе, ни менѣе, какъ была взята! *Твоими же словами* сказалъ царь, *я осужу тебя, злой рабъ! Ты зналъ, что я человекъ жестокий, который болѣе требуетъ, нежели даётъ, жнетъ, гдѣ не сѣялъ, собираетъ, гдѣ не расточалъ; для чего же ты не отдалъ сребра моего въ оборотъ, чтобы я, возвратясь, получилъ его съ мизвою? Возьмите у него, сказалъ онъ прочимъ слугамъ, сію мину и отдайте тому, у кого десять минъ.* — Такая награда одного человека показалась имъ слишкомъ великою, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, у кого все отнималось. Государь, замѣтили они, у него и такъ уже десять минъ. — Что за нужда? отвѣчалъ царь. *Имѣющему (и хорошо употребляющему) дано будетъ, а у неимѣющаго (употребляющаго неправильно, или вовсе неупотребляющаго) и то, что онъ имѣетъ, отнимется!* Окончивъ расчесть

*) Мина заключала 100 драхмъ, а драхма равнялась нашему имперіалу.

съ слугами, государь потребовалъ предъ себя враговъ своихъ, и они всё преданы были казни. (Лук. 19, 11—27).

Очевидно, что Господь этою притчею вразумлялъ, что Ему надлежитъ отойти въ дальнюю страну — къ Отцу, — на небо, для принятія царства; что сограждане Его — Иудеи, и по Его отшествіи, не убѣдятся въ дѣйствительности Его правъ на царство, а будутъ отвращать всѣхъ отъ признанія Его Мессіею; что избранные слуги Его — Апостолы и другіе послѣдователи Его получаютъ каждый извѣстное число минъ — дарованій духовныхъ, кои они должны употребить на пользу царя и царства; что Онъ не прежде, какъ по возвращеніи Своёмъ, явится въ должномъ величій, благотворномъ для вѣрныхъ подданныхъ и трудолюбивыхъ рабовъ, грозномъ и нестерпимомъ для подданныхъ мятежныхъ и рабовъ лукавыхъ *).

XXIV.

Когда Иисусъ Христосъ пришелъ въ Виванію, Лазарь уже четыре дня былъ во гробѣ, и многіе изъ Иудеевъ, пришедшіе утѣшать сестеръ его: Марѳу и Марію, были въ ихъ домѣ.

Марѳа, услышавъ, что идетъ Господь Иисусъ, пошла на встрѣчу Ему; Марія сидѣла дома.

Марѳа, встрѣтивъ Иисуса Христа при входѣ Его въ селеніе, сказала Ему: *Господи! если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой; но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ.*

Иисусъ Христосъ говоритъ ей: *воскреснетъ братъ твой.*

Марѳа сказала Ему: *знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день.*

Иисусъ Христосъ сказалъ ей: *Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣки. Вѣруешь ли сему?*

Она говоритъ Ему: *такъ, Господи! я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ.*

Сказавши это, она пошла, и позвала тайно Марію, говоря: *Учитель здѣсь и зоветъ тебя.* Та поспѣшно встала, и пошла къ Нему.

*) Последніе дни жизни І. Христа. Иннокентія. Ч. 1, стр. 51—53.

Иудеи, которые были съ нею въ домѣ, и утѣшали её, пошли тоже за нею, полагая, что она идетъ на гробъ плакать тамъ.

Марія, увидѣвъ Иисуса Христа, пала къ ногамъ Его, и сказала: *Господи! если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой.*

Господь Иисусъ, видя её плачущую и пришедшихъ Иудеевъ тоже плачущихъ, возскорбѣлъ духомъ, и возмущился, и сказалъ: *иди въ положили его?*

Говорятъ Ему: *Господи! пойдѣ и посмотри.* Христосъ Иисусъ прослезился.

«Смотри, какъ Онъ любилъ его», говорили между собою Иудеи, — но, — шептали другіе, — *Тотъ кто отверзъ очи слѣпому, не могъ ли сдѣлать, чтобы другъ Его не умеръ?*

Господь, скорбя внутренно, приходитъ ко гробу. То была избѣченная въ скалѣ пещера, устье которой завалено было камнемъ. Таковы были гробы, по обычаю, всѣхъ богатыхъ людей въ Иудеѣ.

Иисусъ Христосъ говоритъ: *отнимите камень.*

Марѳа на это сказала: *Господи! уже смердитъ; четыре дня какъ онъ во гробѣ.* Иисусъ Христосъ говоритъ ей: *не сказалъ ли Я тебѣ, что если будешь вѣровать, увидишь славу Божию?*

И такъ отняли камень отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій.

Тогда Господь Иисусъ возвелъ очи къ небу и сказалъ: *Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда слушаешь меня; но сказалъ это для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня.*

Сказавъ сіе, Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: *Лазарь! иди вонъ.*

И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лице его обвязано было платкомъ.

Иисусъ говоритъ: *развяжите его, пусть идетъ.* (Іоан. 11, 17—45).

Такъ Господь новымъ рѣшительнымъ чудомъ оживилъ въ умѣ народа память о прежнихъ Своихъ знаменіяхъ, и даровалъ ученикамъ и послѣдователямъ Своимъ твердую опору вѣры и залогъ надежды, въ то самое время, когда для нихъ предстояло теперь самое великое искушеніе — въ Его страданіяхъ и смерти, отъ коего могла пасть неукрѣпленная вѣра.

XXV.

Никогда чудо не могло произвести большаго впечатлѣнія, какъ теперь, будучи совершенно близъ Иерусалима, въ присутствіи многихъ его обитателей — предъ праздникомъ Пасхи, когда святой градъ наполненъ былъ Іудеями со всего свѣта, и слѣдовательно всё, въ немъ случившееся, могло скорѣе содѣлаться извѣстнымъ всюду, гдѣ только были Іудеи.

И дѣйствительно, внезапное воскресеніе четверодневнаго мертвеца, уже смердящаго во гробѣ, произвело потрясающее дѣйствіе: многіе изъ Іудеевъ увѣровали въ Иисуса Христа; слава о Великомъ Чудотворцѣ разнеслась между наполнявшимъ Иерусалимъ народомъ, всё стали искать удобнаго случая видѣть Его, и съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Онъ войдетъ въ Иерусалимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсть объ этомъ чудѣ привела въ трепетъ враговъ Иисуса Христа, и побудила ихъ къ рѣшительнымъ противъ Него мѣрамъ. Они представили себѣ, что столь необыкновенное чудо, не могло быть совершенно безъ цѣли, что цѣль эта — привлечь народъ, что теперь легко можетъ быть, что весь народъ перейдетъ на сторону Чудотворца, власть вся будетъ находиться въ рукахъ презираемаго ими Галилеянина, и они — главы народа Божія должны будутъ ожидать милости и призрѣнія отъ рыбаковъ Геннисаретскихъ.

Въ такомъ страхѣ отъ воображаемой ими себѣ опасности Первосвященникъ Каіафа собираетъ Синедріонъ, и въ присутствіи его лицемѣрно представляетъ лицемѣрамъ, будто бы настоятъ отечеству крайняя опасность, какъ въ случаѣ признанія Иисуса Христа за Мессію, Онъ, сообразуясь съ желаніями народа, долженъ будетъ объявить войну Римлянамъ, и такая война ничего другаго не можетъ обѣщать, какъ однихъ поражений, послѣ чего раздраженные побѣдителя свѣта отнимутъ у нихъ и послѣднія права, — обратятъ въ развалины всё, что теперь есть лучшаго — храмъ и городъ; отагчатъ его, и имя Іудеи можетъ навсегда изгладиться изъ списка народовъ. Въ заключеніе Первосвященникъ сказалъ: «лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ.»

Такъ Каіафа — первый врагъ и убійца Иисуса Христа, бу-

дучи въ санѣ Первосвященника, подобно колоколу, въ который въ тотъ день надлежало благовѣстить, возвѣстивъ, что Иисусу Христу дѣйствительно, по предопредѣленію свыше, *«надлежало умереть не только за народъ (Іудейскій), но и чтобы разстанныхъ чадъ Божіихъ (язычниковъ, уже предназначенныхъ къ чадству Божію) собрать во едино.»* (Іоан. 11, 45 — 53) *).

Съ этого дня Синедріономъ положено убить Иисуса Христа, и дано приказаніе, что если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявить бы, дабы взять Его. (Іоан. 11, 53 — 57).

Узнавъ объ этомъ, Иисусъ удалился въ городъ Ефραίимъ, вблизи отъ Иерусалима, между Вифанією и Іерихономъ при дикой пустынѣ Карантанской, и тамъ пробылъ съ учениками въ уединеніи и молитвенномъ собесѣдованіи со Отцемъ до тѣхъ поръ, пока благо учениковъ Его и послѣдователей, благо вѣры, Имъ проповѣдуемой, благо всего рода человѣческаго требовало уклоняться отъ преслѣдованій, чтобы драгоценное и божественное сѣмя — земная жизнь Его, пало на землю въ самое приличное, самое удобное время. (Іоан. 11, 54).

XXVI.

За шесть дней предъ Пасхою Иисусъ явился опять въ Вифанію. Приходъ Его обрадовалъ Его почитателей и друзей, и одинъ изъ нихъ Симонъ, исцѣленный Иисусомъ отъ проказы, и потому прозванный прокаженнымъ, учредилъ богатую вечерю для его угощенія. Тамъ были ученики Иисуса и облагодѣтельствованные Имъ друзья Его, въ томъ числѣ и воскресенный Лазарь. Марѳа распоряжалась угощеніемъ и служила при трапезѣ Иисусу. Марія же, взявъ фунтъ нардоваго, чистаго, драгоценнаго мѳура, возлила его на Иисуса и помазала ноги Его, и отерла ихъ волосами своими. Весь домъ наполнился благоуханіемъ.

Тогда одинъ изъ учениковъ Иисуса, Іуда Симоновъ Искаріотъ сказалъ: *«къ чему такая трата? не лучше ли было продать это мѳро за триста динаріевъ, и деньгами сими раздать нищимъ.»*

Это замѣчаніе подѣйствовало и на другихъ учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ стали разсуждать между собою, что дѣй-

*) Иннок. посл. дни ч. 1, стр. 69 — 76.

ствительно не лучше ли бы поступить съ муромъ такъ, какъ говорить Іуда? Іуда же говорилъ это не потому, что заботился о нищихъ, а потому, что былъ преданъ страсти любостыжанія и корыстолюбія, и имѣя при себѣ ящикъ, въ который опускали усердствующіе, кто что могъ, многое оттуда бралъ себѣ. Слова учениковъ смутили Марію. Но Господь сказалъ: *оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, и когда захотите, можете имъ благотворить; а Меня не всегда имѣете. Она сдѣлала, что могла: предварила помазать тѣло Мое къ погребенію. Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ, въ память ея, и о томъ, что она сдѣлала.* (Мр. 14, 6 — 9. Іоан. 12. 1 — 9).

XXVII.

Вѣсть о возвращеніи Іисуса Христа въ Виванію, привлекла туда многихъ Іудеевъ изъ Іерусалима, а на другой день, рано по утру Виванія уже наполнилась всякаго рода людьми, пришедшими, кто изъявить уваженіе великому Чудотворцу, а кто наблюдать за Его поступками, чтобы донести о нихъ Синедріону. Когда же Онъ вышелъ изъ Виваніи, чтобы идти въ Іерусалимъ, тогда весь собравшійся тамъ народъ сталъ сопровождать Его.

Когда на пути достигнули мѣста, противъ котораго находилось небольшое селеніе Вивсфатія, видимое изъ Іерусалима, на сѣверной оконечности горы Елеонской, Господь остановился, и подзвавъ къ Себѣ двухъ учениковъ сказалъ имъ: *пойдите въ селеніе, которое прямо предъ вами; входя въ него тотчасъ найдете ослицу привязанную и молодого осла съ нею, на котораго никто изъ людей не садился; отвязавъ, приведите его ко Мнѣ. — И если кто скажетъ вамъ: что вы дѣлаете? отвѣчайте что они надобны Господу и тотчасъ пошлетъ ихъ сюда.* (Мр. 11, 2 — 3. Мѡ. 21, 3 — 5. Лук. 19, 29 — 31).

Посланные тотчасъ пошли въ Вивсфатію, нашли ослицу съ осленкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ говорилъ Господь; предстоящіе дѣйствительно спросили ихъ, зачѣмъ

они берутъ ослей: и когда они отвѣчали, какъ имъ было велѣно, то безпрепятственно отпустили ихъ.

Іисусъ Христосъ между тѣмъ оставался на томъ же мѣстѣ, откуда пошли ученики. Число народа, Его окружавшаго, часть отъ часу возрастало: жители Іерусалима и богомольцы, пришедшіе на праздникъ, узнавъ, что Господь Іисусъ идетъ въ Іерусалимъ, шли Ему навстрѣчу многочисленными толпами.

Посланные возвратились. По усердію, и чтобы удобнѣе было сѣсть на жребя ослицы, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Божественный Учитель возсѣлъ, прерванное шествіе снова продолжалось съ медленностію, которая свойственна сему роду ѣзды. Теперь великій Пророкъ не скрывался уже во многолюдствѣ народа, былъ виднѣе для всякаго; и шествіе, при всей простотѣ своей, являло въ себѣ уже нѣчто торжественное и священное. По сему одинъ взглядъ на Іисуса Христа вдругъ напоминалъ теперь внимательному слова Пророка Захаріи, который, описывая царство Мессіи, говоритъ: *рцыте дщери Сіоновой: се царь твой придетъ тебѣ кротокъ, сидя на жребяти осли.* Зах. 9, 9. Такое по видимому, согласіе Господа съ расположеніями народа, хотѣвшаго видѣть Его какъ можно скорѣе царемъ, еще болѣе одушевило толпы, Его окружавшія, и возродило въ нихъ смѣлость выразить предъ Нимъ всю полноту своего усердія, самымъ торжественнымъ образомъ. Въ жару увеличивающагося восторга, одни начали рѣзать пальмовыя вѣтви, и, потрясая ими въ воздухъ, бросать ихъ по пути предъ Іисусомъ Христомъ; другіе дѣлали еще болѣе — снимали съ себя платье и стлали его по дорогѣ. Всякій старался превзойти въ усердіи другаго, и вотъ, со всѣхъ сторонъ начало раздаваться псаломное: *«осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!»* (Пс. CXVII, 25, 26).

Всеобщій восторгъ еще болѣе усилился, когда достигли послѣдней возвышенности, съ коей надлежало спускаться внизъ до самаго Іерусалима. (Лук. XIX, 37). Это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ окрестности: Іерусалимъ представлялся отсюда, какъ на картинѣ: тамъ, въ правой сторонѣ, надъ ужасною бездною возвышался храмъ Іерусалимскій, и по многочисленнымъ, блистательной бѣлизны, мраморнымъ столпамъ своимъ казался искусственною громадою льдовъ, съ золотымъ куполомъ, отъ коего лучи полдневнаго солнца отражались

безчисленными молніями. Наружное великолѣпіе его еще сильно напоминало счастливыя времена Давида и Соломона: но онъ былъ уже окруженъ мерзостію заустѣнія, которая вскорѣ имѣла стать на мѣстѣ святѣ. Украшенная орлами Римскими, крѣпость Антонія, съ ея огромною башнею, господствуя надъ высотой храма, казалось, выражала униженіе, въ коемъ находился народъ Божій. Тутъ же являлась взору преторія Пилатова: но дворцы первосвященниковъ казались удаленными и были отдѣлены отъ храма пропастями, какъ бы въ знакъ внутренняго удаленія ихъ обитателей отъ Бога отцевъ своихъ. Остатки домовъ Давида и Соломона уже едва были примѣтны во множествѣ новыхъ зданій. Среди сихъ видовъ, изъ коихъ каждый приводилъ на память и древнюю славу, и настоящее униженіе отечества, — взоры всѣхъ невольно обращались на Іисуса, который видимо несъ съ Собою Іерусалиму его прежнее святое величіе. (Лук. 19, 38. Мар. 11, 10). Надежда славнаго царства Мессіи, казалось, готова была теперь исполниться на самомъ дѣлѣ... И полнота патріотическихъ чувствъ снова выражалась въ восклицаніяхъ: еще болѣе со всѣхъ сторонъ сыпалось вѣтвей, цвѣтовъ и одеждъ; еще чаще и громче раздавалось: осанна!

Господь не препятствовалъ сему искреннему и радостному изліянію чувствъ, и видѣлъ въ семъ случаѣ слѣдствіе не одного обыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, а тайныхъ, давно предсказанныхъ пророками, распоряженій Самого Промысла, который симъ самымъ теперь обращалъ на пришедшаго Мессію вниманіе Іерусалима и всего народа. Взирая такимъ образомъ, Онъ не могъ не принять глубокаго и сердечнаго участія въ томъ, что происходило вокругъ Него.

Но для фарисеевъ, которые были при этомъ, такое зрѣлище было нестерпимо; обнаружить же свою неприязнь къ Іисусу, при такомъ настроеніи мыслей народа, они не посмѣли. По сему лицемѣры, принявъ дружелюбный видъ, замѣчаютъ Ему, что не мѣшало бы остановить и унять учениковъ, намѣкая, что подобныя восклицанія народа могутъ быть опасны какъ для Него, такъ и для народа со стороны Римлянъ.

«Аще сѣи умолчатъ, отвѣчалъ Онъ, каменіе возопіютъ!» (Лук. 19, 39—46).

Но настоящія чувствованія Его были теперь совершенно отличны отъ радостныхъ чувствъ, коими воодушевленъ былъ

народъ. Онъ ясно видѣлъ, что настоящее торжественное: осанна! скоро будетъ замѣнено неистовымъ воплемъ: *«распни, распни Его!»* Одного сего предвѣдѣнія достаточно было, чтобы удалить отъ сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь. Онъ помышлялъ о несчастной судьбѣ Своего отечества. Какъ мрачна и ужасна она была въ будущемъ! Іудейскій народъ отвергнетъ Его, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишится благоволенія небснаго; настоящій день, который долженъ былъ служить началомъ благоденствія для Его соотечественниковъ, содѣлается по тому самому началомъ ужасныхъ бѣдствій для всего Израиля. Сколько причинъ скорби для Того, Кто пришелъ на землю составить одно благословенное стадо изъ всего рода человѣческаго; но всегда сознавалъ, что на Немъ лежитъ вмѣстѣ съ симъ и особенная обязанность пещись о благѣ погибающихъ овецъ дома Израилева!

На послѣднемъ спускѣ съ горы, гдѣ дорога касается Геосиманіи, Господь Іисусъ остановился. (Лук. 19, 41 — 44). На Божественномъ лицѣ Его, дотолѣ ясномъ, обнаружилась глубокая скорбь. (Окружающіе могли замѣтить это и, въ ожиданіи чего либо съ Его стороны, прекратить свои восклицанія). Господь въ молчаніи взиралъ на Іерусалимъ, наконецъ обильныя струи слезъ полились изъ Его очей и Онъ воскликнулъ: *«аще бы разумѣлъ и ты, въ день сей твой, еже къ смиренію твоему: нынѣ же скрися отъ очію твоихъ: яко придутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои остроги о тебѣ, и обыдутъ тя, и обымутъ тя отъсюду, и разбѣютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ; понеже не разумѣлъ еси време посѣщенія твоего.»* (Лук. 19, 42 — 44).

Шествіе продолжалось. При вступленіи въ городъ, Іисусъ Христосъ окруженъ былъ еще большими толпами народа, такъ, что когда Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, то, по выраженію Св. Матѳея, *«потрясая весь градъ.»* (Матѳ. 21, 19). На вопросы: кто это идетъ съ такою торжественностію? Сопровождавшій Господа народъ кричалъ въ отвѣтъ: *«это Іисусъ, великій пророкъ изъ Назарета!»*

Шествіе направлено было прямо къ храму. Вошедъ въ храмъ, Господь осмотрѣлъ все въ немъ находившееся. И для обыкновеннаго ревнителя благочестія, тѣмъ болѣе для Сына Божія, храмъ Іерусалимскій представлялъ теперь не мало

безпорядковъ, требующихъ исправленія: но оно отложено до слѣдующаго дня, какъ бы для того, чтобы не нарушить торжественности настоящаго. Къ новому Посѣтителю и Владыкѣ храма немедленно собрались, какъ меньшіе братья Его, — хромые, слѣпые и прочіе недужные, кои и всегда, тѣмъ паче теперь, во множествѣ находились при храмѣ; всѣмъ преподано исцѣленіе. Такое обиліе чудесъ еще болѣе увеличило всеобщую радость; торжественное: осанна! начало раздаваться въ самомъ храмѣ. Подражая старшимъ и малые дѣти стали вторить имъ: осанна Сыну Давидову! Священники и книжники слыша это, съ негодованіемъ сказали Иисусу: «слышишь ли, что они говорятъ? — А вы, отвѣчалъ Господь, развѣ никогда не читали въ писаніи: *яко изъ устъ младенцевъ и сосущихъ совершилъ еси хвалу?* (Мѡ. 21, 16).

Съ наступленіемъ вечера Господь оставилъ храмъ, и съ учениками своими удалился опять въ Вифанію *).

XXVIII.

На другой день Господь вмѣстѣ съ учениками пошелъ въ Іерусалимъ тѣмъ же, что и вчера, путемъ, но уже безъ всякой торжественности. Почувствовавъ голодъ, Онъ подошелъ къ стоявшему при пути смоковничному дереву. Но смоковница оказалась безплодною, хотя вся была покрыта зеленою листвою. «*Да николи же отъ тебе плода будетъ воетки*». Сказалъ Господь, и послѣ сихъ словъ Его, смоковница тотчасъ же стала засыхать. (Мѡ. XXI, 18—22, Мар. XI).

Господь въ прежнихъ бесѣдахъ Своихъ представлялъ неплодную смоковницу образомъ человѣка грѣшнаго, и въ одной притчѣ такую смоковницу представилъ пощаженною, по прозвѣ саженика, въ надеждѣ будущаго плодоношенія, для чего и велѣно было ее окопать и осыпать пометомъ, что выражало Божіе долготерпѣніе къ грѣшникамъ. Теперь смоковница проклята за неплодіе, и тѣмъ дано знаменіе Правосудія, которое рано или поздно слѣдуетъ за долготерпѣніемъ и казнить нераскаянныхъ. Такимъ образомъ прежняя притча служила для учениковъ изъясненіемъ настоящаго поступка ихъ Учи-

*) Заимств. у Иннок. посл. дни ж. І. Хр. ч. I, стр. 89—100.

теля; а сей поступокъ дополнялъ урокъ, заключающійся въ притчѣ.

Сынъ Божій, — разсуждаетъ при семъ случаѣ Св. Златоустъ, — сообразно Своему предназначенію — взыскать и спасти погибшее, непрестанно миловалъ, исцѣлялъ, воскрешалъ: между тѣмъ Онъ долженъ былъ хотя единожды явить, что, будучи Спасителемъ міра, Онъ есть вмѣстѣ и будущій Судія человѣковъ; и что благость Божія, и при его Его всеильномъ ходатайствѣ, никогда не можетъ обратиться въ потворство неправдѣ и лукавству. И вотъ, для сего святаго опыта суда и отмщенія, избирается не человѣкъ какой нибудь, даже не существо одушевленное, а бездушная смоковница, — дерево, которое въ Палестинѣ, по многочисленности его, не имѣло никакой цѣны, стоя при пути, не составляло ничьей собственности, и, судя по его неплодности, само по себѣ уже было близко къ тому, чтобы засохнуть; такъ что проклятіе его состояло, можно сказать, болѣе въ чудесномъ обнаруженіи поврежденія, въ немъ уже скрывавшагося, нежели собственно въ лишеніи его плодотворности.

Кромѣ того, неплодная смоковница здѣсь представляла неплодный Іерусалимъ: не было тамъ нигдѣ истинной вѣры и любви, а между тѣмъ все покрыто листьями: вездѣ видна виѣшняя набожность; всѣ разсуждаютъ о законѣ, вопіютъ противъ порока. И Господь проклятіемъ смоковницы далъ предостереженіе Іерусалиму и всѣмъ лицемерамъ *).

XXIX.

Вступивъ въ городъ, Господь пошелъ прямо въ храмъ. Тамъ виѣшніе притворы, ведущіе въ храмъ, вмѣсто молящихся наполнены были торжниками, изъ коихъ одни продавали вещи, принадлежащія къ богослуженію, другіе занимались промѣномъ иностранной монеты на Еврейскую. Великое число продающихъ, еще больше — продаваемыхъ вещей, столы съ деньгами, лавки, для продавцевъ, всякаго рода жертвенныя животныя, торги, споры, обманъ, раздоры, — произво-

*) Ин. п. д. ж. І. Х. ч. 2, стр. 113—117.

дили то, что во всемъ Иерусалимѣ не было мѣста, столь безпорядочнаго и шумнаго, какъ притворъ Соломоновъ, предназначенный издавна для входа и молитвы язычниковъ. Слѣдствіемъ этого безпорядка было то, что Грекъ или Римлянинъ, пришедшій по влеченію сердца въ Иерусалимъ и храмъ Соломоновъ, долженъ былъ, вмѣсто назиданія, терпѣть здѣсь шумъ, и всѣ неудобства, какимъ подвергаются на торжищахъ, и потому, вмѣсто благоговѣнія къ Богу Израилеву, невольно получалъ худыя мысли о Его служеніи и служителяхъ, а чрезъ то Пресвятое Имя Божіе хулимо было ради самаго Израиля въ языцѣхъ! Не недостатокъ мѣста, гдѣ бы можно было расположиться торжникамъ, но корысть была душею безпорядка: со стороны торжниковъ — чтобы здѣсь болѣе и дороже продать, а со стороны начальствующихъ во храмѣ, — чтобы за дозволеніе здѣсь торга получить мзду. По чему самый безпорядокъ, находясь подъ покровительствомъ начальниковъ, усилился до высочайшей степени.

Святая ревность объяла сердце Иисусово! Съ видомъ Посланника Божія и тѣмъ голосомъ, предъ коимъ всегда трепетали грѣшники и лицеѣры, Онъ требуетъ, чтобы притворъ былъ немедленно очищенъ. Ученики, зрители, жители Иерусалима, иностранцы — одобряютъ требованіе; самые торжники невольно чувствуютъ, что зашли не въ свое мѣсто, и безмолвно повинуются. Нѣкоторые медлятъ, хотятъ упрямствоваться: но симъ только раздражаютъ народъ, который повелѣніе Сына Давидова принимаетъ за велѣніе Самаго Бога. Въ нѣсколько минутъ животныя выгнаны, столы и сѣдалища опровергнуты, мѣшки съ деньгами выброшены; все приняло новый, лучшій видъ; и мѣсто прежняго мятежа заступила тишина и устройство. Благочиніе простерто до того, что никому не позволялось теперь пронести чрезъ притворъ какую либо постороннюю вещь. (Мар. 11, 17). При этомъ Господь, для вразумленія непонимающихъ, сказалъ: нѣсть ли писано: *храмъ Мой, храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ; вы же сотвористе его вертепъ разбойниковъ!* (Исаі. 61, 7; Іер. 7, 11).

При наступленіи вечера Господь опять удалился въ Виванію.

На другой день, когда Иисусъ Христосъ съ учениками Своими опять возвращался въ Иерусалимъ, проклятая смоковница оказалась уже совершенно засохшею. Это поразило

учениковъ, и Петръ воскликнулъ: *Равви, посмотри! смоковница, которую Ты проклялъ, уже засохла!* На это Господь далъ уразумѣть, что для людей, предназначенныхъ дѣйствовать отъ лица Самаго Бога для блага всего человѣчества, (каковы были Апостолы) подобныя явленія, такъ сильно поражающія воображеніе людей чувственныхъ, не должны заключать въ себѣ особенной важности, а должны быть какъ бы естественны и обыкновенны, Онъ сказалъ: *Имѣйте въру Божію* (совершенную и всецѣлую!) *Аминь бо глаголю вамъ, яко аще имате въру и не усумнитесь, не токмо смоковничное* (что сдѣлано съ смоковницею) *сотворите: но аще речете и идѣ сей* (предъ глазами учениковъ былъ Елеонъ) *движется и верзися въ море, будетъ;* — Матѹ. 21, 20—21) *и вся елика аще молящися просите, вѣруйте, яко приимете, и будетъ вамъ.*» (Ин. п. д. стр. 107—123).

XXX.

Торжественный входъ въ Иерусалимъ и изгнаніе торжниковъ изъ храма усилили негодованіе враговъ Иисуса, и раздражили ихъ самолюбіе. Они тщательнѣе изыскивали средства къ погубленію Его; но приверженность народа, Его окружавшаго, разрушала ихъ замыслы. По сему, въ ожиданіи благоприятнаго случая употребить силу, рѣшились испытать еще одно средство — отправить къ дивному Чудотворцу посольство, отъ лица Синедріона, для произведенія въ присутствіи всего народа формальнаго допроса касательно Его поступковъ и намѣреній. Средство это имѣло всю благовидность законности и безпристрастности, а между тѣмъ враги Иисуса Христа могли надѣяться, что такое изслѣдованіе, если не погубить Иисуса, то сильно повредитъ Его намѣреніямъ. Ожидали, безъ сомнѣнія, что, въ оправданіе Своихъ поступковъ, Онъ укажетъ на права Мессіи: а объявленіе себя Мессіею могло послужить достаточнымъ предлогомъ къ обвиненію Его предъ Римскимъ Правительствомъ въ уголовномъ преступленіи. (Мѹ. 27, 63, 27, 11).

Чтобы придать посольству болѣе важности, посланные избраны были изъ всѣхъ сословій, входившихъ въ составъ Синедріона, т. е. отражено по нѣскольку изъ почетнѣйшихъ

священниковъ, старѣйшинъ народа и книжниковъ. (Мар. 11, 27. Лук. 20, 1).

Едва только Господь вошелъ въ храмъ и началъ учить народъ, посланные отъ Синедріона подошли къ Нему съ допросомъ, и говорятъ Ему: *какою властію Ты это дѣлаешь: принимаешь отъ народа названіе сыномъ Давидовымъ, входяишь съ торжествомъ въ Іерусалимъ, изгоняешь изъ храма торжниковъ? И кто Тебѣ далъ власть сію?*

Господь выслушалъ предложеніе; но не отвѣчалъ на него прямо. *«Спрошу и Я васъ объ одномъ: если о томъ скажете Мнѣ; то и Я вамъ скажу, какою властію это дѣлаю.»* (Мѣ. 21, 23).

Книжники молчали, показывая согласіе; потому что отвѣчать на вопросъ вопросомъ, какъ поступилъ теперь Господь, не только было дѣломъ, весьма обыкновеннымъ у тогдашнихъ книжниковъ Іудейскихъ, но еще служило къ чести того, кто отвѣчалъ такимъ образомъ.

Скажите Мнѣ, продолжалъ Господь, *крещеніе Іоанново съ небесъ* (отъ Бога) было, или *отъ человѣковъ* (человѣческое изобрѣтеніе)?

Въ этомъ вопросѣ о достоинствѣ крещенія Іоаннова не примѣтно, но всецѣло заключался отвѣтъ о достоинствѣ собственнаго лица и служенія Іисуса Христа; и Онъ, предлагая вопросъ этотъ на рѣшеніе книжникамъ, симъ самымъ отдавалъ Свое дѣло, такъ сказать, на ихъ судъ.

Книжники видѣли, какъ важенъ вопросъ, — чувствовали, что справедливость требуетъ отвѣчать на него, но не могли сказать ни слова: опасность, въ которую они хотѣли поставить Іисуса Христа, была всецѣло теперь обращена на нихъ самихъ. Не трудность вопроса связывала языкъ, привыкшій обращаться по произволу страстей; еслибы они были на-единѣ съ Іисусомъ Христомъ, то немедленно отвѣчали бы, что служеніе Іоанново не заключаетъ въ себѣ ничего Божественнаго, что онъ имѣлъ какіе-либо нечистые, по крайней мѣрѣ безплодные виды: таково было мнѣніе большей части фарисеевъ о Іоаннѣ и его крещеніи; почему они и отвергали его. Но въ присутствіи народа, который весьма много уважалъ Іоанна при жизни, а еще болѣе послѣ его мученической кончины, произнести свое (невыгодное) мнѣніе о его крещеніи, значило подвергнуться очевидной опасности. «Если мы, разсуждали

они сами съ собою, — рѣшимся вопреки своего мнѣнія, объявить, что Іоаннъ былъ Пророкъ; то Іисусъ скажетъ намъ, по чему вы не приняли его крещенія, зачѣмъ не повѣрили его свидѣтельству обо Мнѣ. Если же откровенно сказать, что въ Іоаннѣ, по нашему мнѣнію, не было ничего необыкновеннаго, и въ его крещеніи — Божественнаго; то народъ въ гнѣвѣ можетъ побить насъ камнями, въ отмщеніе за святаго мужа, каковымъ признавалъ Іоанна.» (Лук. 20, 6).

Сообразивъ это, книжники, вопреки своей привычкѣ — представляться народу всевѣдущими, почли за лучшее — молчать.

«*Не знаемъ*, отвѣтили они, откуда Іоанново крещеніе (по-елику-де Синедріонъ не рѣшилъ еще сего вопроса).»

«*И Я вамъ не скажу*, отвѣчалъ Господь, *какою властію это дѣлаю*. Но, можетъ быть, вамъ легче будетъ дать мнѣніе вотъ по какому дѣлу: у одного человѣка было два сына. Однажды онъ подошелъ къ первому и сказалъ: сынъ, поди поработай сегодня въ виноградникѣ моемъ. Но сынъ былъ столь грубъ, что рѣшительно отвѣчалъ: не хочу! Но послѣ одумался и пошелъ. Отецъ обратился къ другому сыну и сказалъ ему тоже, что первому. Этотъ со всѣмъ уваженіемъ отвѣчалъ: иду, отецъ мой, однако же не пошелъ. Который изъ двухъ, присовокупилъ Господь, посмотрѣвъ на книжниковъ, исполнилъ волю отца.»

Разумѣется, первый, — гордо отвѣчали книжники, не видя еще, куда клонится притча, и рѣшительнымъ отвѣтомъ желая показать, что они ни въ какомъ случаѣ не относятъ ее къ себѣ.

Не тоже ли самое, возразилъ Господь, происходитъ съ вами? Іоаннъ пришелъ къ вамъ путемъ правды, жилъ и училъ, какъ Пророкъ; но вы не повѣрили ему, не принесли покаянія, имъ заповѣдуемаго, вы, кои, подобно тому второму сыну, непрестанно твердите, что согласны исполнять волю отца. Напротивъ люди, вами презираемые, мытари и грѣшники, оказывавшіе дотолѣ непокорность волѣ Божіей, повѣрили Іоанну, покаялись и принесли плоды, достойные покаянія. По крайней мѣрѣ этотъ примѣръ долженъ былъ тронуть васъ и пробудить. Но все остается упорными и нераскаанными. «*Ей, даю вамъ*, — присовокупилъ Господь, *возвысивъ голосъ, — мытари и грѣшники войдутъ, и скоро,*

въ царствіе небесное; а вы, кои думаете имѣть полное право на него, будете изнаны изъ него.» (Мѡ. 21, 28—32).

Выслушайте другую притчу, продолжалъ Господь. Одинъ богатый человѣкъ насадилъ у себя виноградъ и прилагалъ о немъ особенное попеченіе: оградилъ его оградой, ископалъ въ немъ точило и поставилъ башню для стражи. Такъ какъ дѣла требовали присутствія его въ другомъ мѣстѣ: то онъ, при своемъ отправленіи туда, отдалъ виноградникъ виноградарямъ, съ условіемъ, чтобы они каждый годъ доставляли ему извѣстное количество вина и плодовъ. Когда наступило время собирать плоды, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ за условною частію. Но виноградары приняли ихъ вражески, иныхъ прибили, другимъ камнями проломили голову; иныхъ убили до смерти. Хозяинъ винограда, не смотря на такую несправедливость и злобу, послалъ къ виноградарямъ другихъ слугъ: но они и съ ними поступили не лучше прежняго, иныхъ убили, другихъ отогнали съ безчестіемъ... Долготерпѣливый хозяинъ послалъ еще въ третій разъ слугъ: но опять безъ успѣха. Казалось время уже было суда и мести: но Домовладыка былъ чрезвычайно добръ. Что мнѣ дѣлать, размышлялъ онъ? Пошлю къ нимъ еще сына моего возлюбленнаго; не можетъ быть, чтобы злоба ихъ простиралась до того, чтобы презрѣть моего собственнаго сына. Сынъ пошелъ: но виноградары едва только завидѣли его, рѣшились единодушно погубить его. Это единственный наслѣдникъ, говорили между собою изверги: если мы убьемъ его, то виноградникъ будетъ нашъ: — и схвативши юношу, убили и выбросили вонъ изъ виноградника. Но хозяинъ виноградника, продолжалъ Иисусъ, не всегда будетъ оставаться на дальней сторонѣ; онъ возвратится, и какъ, думаете вы, поступитъ онъ съ виноградарями?

Не понять этой притчи было нельзя: покровъ иносказанія слишкомъ былъ прозраченъ, и каждый видѣлъ, что подъ господиномъ виноградника разумѣется Богъ, подъ виноградникомъ народъ Іудейскій, подъ слугами Пророки, подъ единокровнымъ сыномъ — Мессіа Иисусъ; слѣдовательно подъ негодными виноградарями — настоящіе правители и вожди народа Іудейскаго. И какъ книжникамъ подобная притча была уже извѣстна съ полнымъ изъясненіемъ изъ книги пророка Исаи, (Ис. 5, 1—7) то для нихъ не могло быть никакого недо-

разумѣнія: но они, желая показать видъ, будто не узнаютъ себя въ собственномъ изображеніи, съ явнымъ безстыдствомъ отвѣчали: «такихъ нетерпимыхъ злодѣевъ онъ предастъ тяжелой казни, и виноградъ отдастъ другимъ дѣлателямъ, которые будутъ доставлять ему плоды со всею исправностію и въ назначенное время.» (Мѡ. 21, 38—41).

Такъ, подтвердилъ Господь, — хозяинъ виноградника предастъ казни негодныхъ виноградарей, и виноградникъ будетъ отданъ другимъ лучшимъ. (Марк. 12, 9. Лук. 20, 16).

Тонъ голоса и взоръ показывали, что грозныя слова сіи относятся прямо къ членамъ Синедріона.

«Избави Богъ!» воскликнулъ одинъ изъ нихъ, какъ бы пораженный угрозою. (Лук. 20, 16).

«Вы почитаете это невозможнымъ, продолжалъ Господь; но развѣ вы никогда не читали, что тотъ самый камень, который отвергнуть строителями зданія, будетъ положенъ во главу угла, и что Самъ Богъ сдѣлаетъ сіе на удивленіе всѣмъ? (Псал. 118, 22). Не напрасно написано: *кто упадетъ на камень сей, разбѣется, и на кого онъ упадетъ, того раздавитъ*. Знайте, присовокупилъ Господь, какъ бы въ заключеніе угрозъ, что *царствіе Божіе*, коего вы, повидимому, такъ пламенно ожидаете, *отнимется отъ васъ, и дастся народу, творящему плоды его!*»

Послѣ сихъ словъ посланникамъ не возможно было притворяться непонимающими; личина лицемѣрія спала сама собою! Въ замѣшательствѣ стыда и досады, они хотѣли употребить силу и захватить обличителя въ свои руки; но движеніе народа, благопріятствующаго Иисусу Христу, остановило безразсудныхъ; (Марк. 12, 12) они удалились съ такимъ видомъ, какой только можно было принять на себя людямъ, всенародно посрамившимся, и однако же менѣе всего желающимъ быть предметомъ общественнаго презрѣнія.

Злоба враговъ могла обвинять Иисуса Христа въ уклоненіи отъ изслѣдованія Его дѣла, но въ существѣ образъ дѣйствованія Господа въ настоящемъ случаѣ былъ исполненъ глубокой мудрости, и даже любви къ врагамъ своимъ. Если бы Онъ теперь рѣшительно и прямо объявилъ Себя Мессіею, то народъ, принявъ изъ устъ Его рѣшительное объявленіе о Его достоинствѣ, немедленно раздѣлился бы на двѣ стороны, изъ коихъ самая большая была бы противъ Синедріона,

и легко дошло бы до возмущения, которое могло стоить жизни самим первосвященникамъ. Господь предвидѣлъ всѣ сии опасныя слѣдствія прямаго объявленія о Своемъ достоинствѣ; и, желая отклонить всякій поводъ къ общественнымъ безпорядкамъ, отлагалъ его, какъ увидимъ, до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни. Синедрионъ услышитъ отъ Него рѣшительныя слова: «Я Сынъ Божій», — но услышитъ въ ту пору, когда онѣ не будутъ имѣть никакого слѣдствія, вреднаго для спокойствія народнаго, когда объявленіе Себя Мессією, не встревоживъ никого, ускоритъ только Его собственный крестъ.

Съ другой стороны, Синедрионъ чрезъ посольство свое узналъ все, что для него полезно было знать. Изъ притчей Иисусовыхъ само собою слѣдовало, что Онъ есть Мессія; слѣдовало еще болѣе, — что Ему извѣстны всѣ начала, по коимъ дѣйствуютъ враги Его, и всѣ тайныя причины, побуждающія ихъ отвергать Сына Давидова, что Онъ совершенно знаетъ объ участи, для Него уготовляемой, и рѣшился подвергнуться всему по волѣ Своего Отца и изъ любви къ роду человѣческому. Послѣ сихъ, столь ясныхъ, хотя не прямыхъ вразумленій, членамъ Синедріона надлежало бы обратиться къ своей совѣсти, и спросить, за кого они почитаютъ Иисуса? Безъ сомнѣнія, всякому имѣющему уши слышать, она сказала бы, что человѣкъ, который такъ учитъ, живетъ и дѣйствуетъ, есть истинный Христосъ, Сынъ Бога живаго... *) По удаленіи книжниковъ, Господь продолжалъ свои бесѣды съ народомъ. И какъ по причинѣ непризнанія Его начальниками и книжниками за Мессію, народъ оставался въ недоумѣніи, то Господь сказалъ слѣдующую притчу:

«Царство небесное подобно человеку царю, который одѣлалъ брачный пиръ для сына своего. И послалъ рабовъ своихъ звать званыхъ на брачный пиръ: и не хотѣли прійти. Опять послалъ другихъ рабовъ, сказавъ: скажите званнымъ: вотъ, я приготовилъ обѣдъ мой, темницы мои и что откорнено, заколото, и все готово: приходите на брачный пиръ. Но они, пренебревши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочіе же, схвативъ рабовъ его, оскорбили и убили ихъ. Услышавъ о семъ, царь разнѣвался, и,

*) Иннок. п. д. ч. 2 стр. 124—139.

пославъ войска свои, истребилъ убійцъ оныхъ, и сжегъ городъ ихъ. Тогда говоритъ онъ рабамъ своимъ: брачный пиръ готовъ; а званые не были достойны. И такъ пойдете на распутія, и всѣхъ, кого найдете, зовите на брачный пиръ. И рабы тѣ, вышедши на дороги, собрали всѣхъ, кого только нашли, и злыхъ и добрыхъ; и брачный пиръ наполнился возлежащими. Царь, вошедши посмотреть возлежащихъ, увидѣлъ тамъ чело-вѣка, одѣтаго не въ брачную одежду; и говоритъ ему: другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ? Онъ же молчалъ. Тогда сказалъ царь слугамъ: связавъ ему руки и ноги, возьмите его, и бросьте въ тму вѣнннюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Ибо много званыхъ, а мало избранныхъ. (Мѡ. 22, 1—14).

Для народа въ сей притчѣ содержалось на сей разъ разрѣшеніе всѣхъ его недоумѣній касательно настоящихъ обстоятельствъ и вмѣстѣ преподавалось правило поведенія, самое вѣрное и надежное. «Значитъ нѣтъ причины удивляться, что первосвященники не вѣруютъ Иисусу, отвергаютъ царство, Имъ проповѣдуемое. Званыхъ много, а избранныхъ мало! — Нѣтъ причины спрашивать, кто же наслѣдуетъ царство, если Іудеи не войдутъ въ него; Царь найдетъ себѣ гостей!... слѣдовательно, должно, оставивъ всякое слѣпое подражаніе кому бы то ни-было, слушать своей совѣсти, идти на вечерю, но идти въ брачной одеждѣ. — Въ этомъ приличномъ одѣяніи, въ благочестивой жизни — главное дѣло. У Бога нѣтъ лицепріятія. Если соблюду вѣру и буду добръ, то непременно буду съ Мессією въ царствіи Его — получу спасеніе.

Для христіанъ притча о вечери содержитъ грозный урокъ — содѣлывать свое спасеніе со страхомъ. «Я, говоритъ одинъ учитель церкви, всегда содрогаюсь, когда вспомню слова: Друже, како вошелъ еси, не имѣй одѣянія брачна.

Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ онъ, просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавецъ, и спаси мя *).

XXXI.

Между тѣмъ раздраженная гордость книжниковъ приду-мала къ погубленію Иисуса Христа новый планъ. Лицемеры

*) Пѣснь въ Великій понедѣльникъ и въ прочіе дни свѣтиленъ.

ухитрились подослать къ Нему нѣсколько своихъ соумышленниковъ, — для уловленія Его въ какомъ-либо словѣ. Большая часть народа была въ то время тѣхъ мыслей, что подати, платимыя Римлянамъ, противны духу Моисеевой религіи. Для Израилѣтянина, думали, обязаннаго признавать царемъ своимъ одного Іегову, должна существовать и одна законная подать, собираемая для храма Іеговы. О семъ то предметѣ соглашено спросить Іисуса Христа.

Фарисеи, конечно, надѣялись услышать отъ Іисуса Христа отвѣтъ, неблагопріятствующій Римлянамъ, т. е., что Онъ скажетъ, что платить Римлянамъ податей не слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ враги Его могли обвинить Его предъ Римскимъ Правителемъ, какъ возмутителя противъ власти и нарушителя общественнаго покоя. Въ случаѣ же, если бы Іисусъ Христосъ отвѣчалъ на вопросъ о податяхъ въ пользу Римлянъ, то и этому Фарисеи были бы рады, такъ какъ чрезъ это Онъ Самъ отвратилъ бы отъ Себя народъ, который никакъ не могъ представить, чтобы Мессія повелѣлъ ему когда нибудь платить подать язычникамъ.

Для большаго успѣха своей хитрости Фарисеи пригласили съ собою въ участіе Иродіанъ. Это была секта во многомъ несогласная съ Фарисеями, и въ отношеніи къ податямъ Иродіане именно утверждали противное всеобщему мнѣнію, почитая ихъ законными. Потому-то они и были теперь полезны для Фарисеевъ — въ томъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ, какъ надѣялись, не одобрилъ податей. Самимъ Фарисеямъ обвинять Его въ томъ, что они сами внушали народу, было неудобно, и такое обвиненіе могло навлечь на нихъ ненависть народа. Иродіане же могли это сдѣлать безъ всякихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій, да и обвиненіе со стороны ихъ, какъ царедворцевъ, приверженныхъ къ Иродовой фамиліи и Римлянамъ, могло оказать гораздо больше дѣйствія на Римскаго Правителя.

Искусителями выбраны и подосланы ученики Фарисейскіе, какъ менѣе подозрительные. Они вмѣшались въ толпу, окружавшую Іисуса Христа, притворились благочестивыми и внимательными Его слушателями, потомъ, обративъ бесѣду съ Христомъ къ своему предмету, сказали: «Учитель, намъ хотѣлось бы особенно узнать Твое мнѣніе объ одномъ предметѣ. Почти никто не говоритъ о немъ откровенно; но мы

знаемъ, что для Тебя правда выше всего; Ты никогда не смотрѣлъ на лица и не страшился опасностей, учишь истинѣ, какъ должно Учителю Израилеву. Скажи намъ, какъ Тебѣ кажутся подати, собираемыя для Кесаря? Давая ихъ, не дѣлаемся ли мы изъ народа Божія рабами язычниковъ, — не оскорбляемъ ли своей совѣсти? Давать ли намъ ихъ, или не давать?

Но сердцевидецъ немедленно проникъ цѣль искусителей: «Долго ли вамъ, отвѣчалъ Онъ съ негодованіемъ, — искушать Меня, лицемеры? Покажите монету, которою платятъ подати.»

Фарисеи подали Ему Римскую монету, съ изображеніемъ Кесаря, называемую динаріемъ.

Господь взялъ монету, посмотрѣлъ на изображеніе и надпись, и отдавая назадъ, спросилъ: чье это изображеніе и какая надпись?

«Кесаревы», отвѣчали Фарисеи, не зная, что выдетъ изъ сего отвѣта.

«Такъ что же, отвѣчалъ Господь, — воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови.» (Первое, то есть, не противорѣчить послѣднему: ибо Кесарь требуетъ своего и не запрещаетъ Божіе).

Этотъ отвѣтъ удивилъ всѣхъ: онъ сотворенъ былъ, такъ сказать, изъ ничего. Самые книжники должны были сознаться, что это сказано весьма обдуманно и благоразумно. (Матѣ. 22, 16 — 22).

Послѣ сего подошли къ Іисусу Христу Саддукеи. Послѣдователи этой секты не вѣрили въ воскресеніе мертвыхъ и утверждали, что въ законѣ Моисеевомъ нѣтъ ученія о безсмертіи душъ. Они предложили Ему слѣдующій вопросъ:

«Учитель! Моисей сказалъ: ежели кто умретъ, не имѣя дѣтей, то братъ его долженъ взять за себя жену его и возстановить племя брата своего. Въ слѣдствіе сего закона случилось вотъ что: было семь братьевъ: первый, женился, умеръ, и, неимѣя дѣтей, оставилъ жену брату своему; другой взявши ея, такъ же умеръ бездѣтнымъ; подобнымъ образомъ умеръ третій и четвертый, — даже до седьмаго. Наконецъ, послѣ всѣхъ, умерла и жена. Спрашивается: котораго изъ семи мужей будетъ она женою въ то время, когда всѣ воскреснутъ? Всѣ семеро имѣли ея?

Господь Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не

зная писаній, ни силы Божіей. Ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ. А о воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы реченнаго вамъ Богомъ: Я Богъ Авраама, и Богъ Исаака и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ.

Народъ дивился ученію Его, и даже нѣкоторые изъ книжниковъ сказали: Учитель! Ты хорошо сказалъ. (Матѣ. 22, 23 — 33.)

XXXII.

Послѣ сихъ опытовъ Божественной Премудрости Иисусовой, уже никто не смѣлъ предлагать Ему вопросовъ. Но когда всѣ умолкли, Господь Самъ обратился къ книжникамъ, спросилъ: «что вы думаете о Христѣ? Чей Онъ сынъ?»

Говорятъ Ему: «Давидовъ».

«Какъ же, возразилъ Господь, Давидъ, по вдохновенію, называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу Моему: сѣди одесную Мене, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ? И такъ, если Давидъ называетъ Его Господомъ; какъ же Онъ сынъ ему?»

И никто не могъ отвѣтить Ему ни слова. (Матѣ. 22, 23 — 46. Лук. 20, 27 — 44).

Тогда Иисусъ Христосъ началъ говорить народу и ученикамъ Своимъ, и сказалъ: «на *Морсеевомъ* съдалищѣ сѣли книжники и фарисеи. И такъ все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте, и дѣлайте; но дѣламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ, и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя, и возлагаютъ на плеча людей; а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ. Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; разширяютъ хранилища свои, и увеличиваютъ воскрылія одеждъ своихъ. Такъ же любятъ предвозлежанія на пиришествіяхъ и предсѣданія въ синагогахъ, и пріивѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель — Христосъ; всѣ же вы братья. И отцемъ себя не называйте никого на землѣ: Ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками: ибо

одинъ у васъ Наставникъ — Христосъ. Большой изъ васъ да будетъ вамъ слуга. Ибо кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ: а кто унижаетъ себя, возвысится. Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное людямъ; ибо сами не входите, и желающихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что пощадаете дома вдовъ, и лицемерно домо молитесь: за это примете тѣмъ большее осужденіе. Горе вамъ книжники, фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ чуждымъ, вдвое худшимъ васъ. Горе вамъ, вожди слѣпыя, которые говорите: если кто поклянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется золотомъ храма, то повиненъ. Безумные и слѣпыя! что больше, золото, или храмъ, освящающій золото? Такъ же: если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Безумные и слѣпыя! что больше, даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ? И такъ, клянуційся жертвенникомъ клянется имъ и всѣмъ, что на немъ; и клянуційся храмомъ клянется имъ и живущимъ въ немъ; и клянуційся небомъ клянется престоломъ Божіимъ и сидящимъ на немъ. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру: сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять. Вожди слѣпыя, оцѣживающіе комара, а верблюдовъ поглощающіе! Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете вѣнчикъ чаши и блюда; между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды. Фарисей слѣпой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и вѣнчикъ ихъ. Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемерія и беззаконія. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкамъ, и украшаете памятники праведниковъ, и говорите: если бы мы были во дни отцевъ нашихъ; то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Такимъ образомъ вы сами противъ себя свидѣствуете, что вы сыновья тѣхъ, ко-

торые избили пророковъ. Дополняйте же мѣру отцевъ вашихъ. Зміи, порожденія ехиднины! какъ убьете вы отъ осужденія въ геенну? По сему, вотъ, Я пошлю вамъ пророковъ, и мудрыхъ, и книжниковъ; и вы иныхъ убьете, и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ, и иная изъ города въ городъ: да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землю, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, сына Варашіина, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ. Истинно говорю вамъ, что все сіе придетъ на родъ сей. Иерусалимъ, Иерусалимъ, избивающій пророковъ и каменемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ я собрать чадо твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се, оставляется вамъ, домъ вашъ пустъ. Ибо сказываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколе не воскликните: благословенъ урядый во имя Господне! (Мѡ. 23).

XXXIII.

Съ сими словами Господь вышелъ изъ внутреннихъ притворовъ храма во внѣшніе и остановился у дверей внѣшняго притвора женщинъ, и, сѣвши для отдохновенія противъ ящика, въ который богомольцы клали деньги, смотрѣлъ на проходящій народъ. Клали многіе весьма много, иные изъ усердія, а иные и по тщеславію. Господь безмолвствовалъ. Между тѣмъ подошла къ ящику одна бѣдная вдова и положила двѣ лепты (полушки). По всему видно было, что она отдавала послѣднее. Для людей съ фарисейскимъ чувствомъ такой даръ показался бы нестоющимъ вниманія. Но Господь взиралъ не на деньги, а на сердце дающихъ: поступокъ вдовы былъ для Него многоцѣнемъ. Подозвавъ къ Себѣ учениковъ, какъ бы желая раздѣлить съ ними дорогую находку, «смотрите,» сказалъ Онъ имъ, «эта бѣдная вдова болѣе всѣхъ положила въ сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказаннаго. «Прочіе, продолжалъ Господь, клали отъ избытка, а она отъ скудости: тѣ жертвовали храму тѣмъ, безъ чего могутъ обойтись; а она пожертвовала все, что имѣла, — можетъ быть послѣдній кусокъ хлѣба.» (Лук. 21, 1 — 7.

XXXIV.

Въ числѣ пришедшихъ со всѣхъ странъ свѣта на праздникъ богомольцевъ, было не мало и Еллиновъ — Грековъ, которые, наскучивъ тщетою идолослуженія языческаго и принявъ вѣрованіе во единого Творца природы и Правителя міра, потому самому почитали себя обязанными являться, по временамъ, въ Иерусалимъ, для принесенія жертвы Іеговѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, возжелавъ видѣть великаго Пророка и Чудотворца и быть Ему представленными, подошли къ Апостолу Филиппу и сказали ему объ этомъ. Филиппъ сказалъ о томъ Апостолу Андрею и потомъ оба они сказываютъ о семъ Іисусу Христу. (Іоан. 12, 22).

За нѣсколько только минутъ Онъ изрекъ, что виноградъ, худо блюдомый вождями народа Іудейскаго, преданъ будетъ другимъ дѣлателямъ, и что царство небесное отнимется у недостойныхъ потомковъ Авраама и дастся языку, творящему плоды его; и вотъ Еллины, какъ первенцы, собираемой отъ языка церкви, являются теперь какъ бы для того, чтобы въ сей же часъ изъ собственныхъ устъ Его принять завѣтъ новый и предначать вступленіе въ наслѣдіе завѣщаемаго царства.

И такъ, пришелъ часъ, великій, страшный, но неотвратимый часъ положить конецъ дѣлу, продолжавшемуся уже болѣе трехъ лѣтъ! Надобно, оставивъ безплодныя усилія надъ обращеніемъ дщери Сіоновой, обратиться къ язычникамъ, жаждущимъ вступить въ права чадъ Божіихъ, столь долго имъ невѣдомыя. Время, оставивъ путь проповѣди, вступить на путь креста, вознестись отъ земли, дабы привлечь всѣхъ, способныхъ подняться горѣ, и открыть для всѣхъ послѣдователей своихъ путь новый и живой, путь смиренія, самоотверженія и вольнаго распятія духа и плоти.

Въ отвѣтъ Филиппу и Андрею Господь сказалъ: «*пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому. Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода. Любящій душу свою, потеряетъ ее; а ненавидящій душу свою въ міръ селъ, сохранитъ ее въ жизнь вѣчную. Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ; и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ; того*

почтитъ Отецъ Мой! Душа Моя теперь возмущилась; и что Мнѣ сказать? Отче! избавь Меня отъ часа сего! Но на сей часъ Я и пришелъ, Отче! прославь имя Твое!»

«И прославилъ, и еще прославлъ,» загремѣло въ отвѣтъ съ неба. — Стоявшіе въ отдаленіи подумали, что это внезапный громъ, а стоявшіе вблизи, слыша членораздѣльный голосъ, почти слышимое за вѣщаніе Ангела. Въ недоумѣніи и страхѣ, естественно всѣ смотрѣли на Иисуса Христа, ожидая, что будетъ.»

«Не для Меня, сказалъ Господь, былъ гласъ сей, но для народа. Нынѣ судъ міру сему; нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ вонъ. И когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ.»

Послѣднія слова изрекъ Господь, по замѣчанію Евангелиста, назнаменуя, какою смертію Онъ умретъ. Въ такомъ точно смыслѣ и принялъ ихъ народъ. По чему нѣкоторые сказали: какъ же мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ въ вѣкъ? А Ты говоришь, что должно быть вознесу Сыну человѣческому? Кто этотъ сынъ человѣческій?

Иисусъ Христосъ сказалъ имъ: *«еще на малое время свѣтъ есть съ вами; ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тма; а ходящій во тмѣ, не знаетъ куда идетъ. Пока свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта.»*

(То есть, спѣшите пользоваться въ простотѣ сердца тѣмъ, что вы видите и слышите отъ Меня и чрезъ Меня, не увлекаясь сомнѣніями, не предаваясь вопросамъ, не тратя времени, коего остается весьма мало).

Сказавъ это, Господь отошелъ и скрылся отъ нихъ. (Іоан. 12, 23—36).

Такъ заключилось болѣе, нежели трехлѣтнее поприще всенароднаго служенія Иисуса въ качествѣ обѣщаннаго Мессіи и Учителя истины. Какое величественное соотвѣтствіе между началомъ и концемъ служебнаго поприща Иисуса! Тамъ гласъ съ неба на Іорданѣ, и здѣсь гласъ съ неба при храмѣ: тамъ и здѣсь и для торжественности и народа ради, — дабы среди настоящихъ и еще болѣе наступающихъ, крайне трудныхъ и смутныхъ обстоятельствъ, дать ему твердую опору для вѣры и поведенія, чтобы онъ сей гласъ съ неба могъ противополжить противному гласу отъ земли, гласу своего недостойнаго Синедріона.

Съ сей точки зрѣнія настоящія минуты были минутами самыми величественными, минутами рѣшенія участи всѣхъ и каждаго изъ Іудеевъ. Въ гласъ съ неба изрекался судъ и осужденіе всѣмъ и каждому, кто, видя предъ собою въ такомъ избыткѣ свѣтъ небесный, смежалъ очи, чтобы не видѣть. Мессія долженъ былъ сдѣлать съ Своей стороны все, чтобы быть узаннымъ отъ народа Іудейскаго, Его ожидавшаго, и сдѣлать! Не говоря о трехлѣтнемъ служеніи, о непрестанной проповѣди, о многочисленныхъ всякаго рода чудесахъ, довольно было послѣднихъ событій, чтобы узнать въ Немъ всѣмъ и каждому Обѣтованнаго Избавителя міра: для сего именно воскресеніемъ Лазаря возбуждено было всеобщее вниманіе какъ нельзя болѣе; торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ и принятіемъ отъ дѣтей осанна Сыну Давидову сдѣлано было всенародное объявленіе о своемъ великомъ достоинствѣ, какъ нельзя яснѣе; наконецъ настоящимъ гласомъ съ неба, (каковымъ знаменіемъ особенно дорожили Іудеи) положена на все служеніе Иисусова такая Божественная печать, вѣрнѣе коей нельзя и вообразить: послѣ сего для непріемлющихъ Его не было никакого извиненія, оставалось одно осужденіе, по мѣрѣ виновности каждаго *).

XXXV.

Когда Господь, уклонившись отъ народа, шелъ съ учениками отъ храма, ученики, обращаясь, смотрѣли на храмъ, осужденный Учителемъ за нѣсколько предъ симъ минутъ на запустѣніе, и указывая на него, говорили Господу: посмотри, какіе камни, какія зданія, сколько здѣсь дорогихъ украшеній, богатыхъ вкладовъ и даровъ! (Мѡ. 24, 1. Лук. 21, 5).

Господь остановился, посмотрѣлъ на храмъ и сказалъ: *«истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ; все будетъ разрушено.»* (Мѡ. 24, 2. Лук. 21, 6).

Послѣ сего вышли изъ города, и поднялись на одну изъ вершинъ горы Елеонской прямо противъ храма, и Господь сѣлъ тамъ для отдохновенія.

*) Иннок. посл. дни. Ч. II, стр. 159—169.

Тогда приступили къ нему ученики и спросили: «скажи намъ, когда это будетъ, и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка?...» (Мѡ. 24, 3. Лук. 21, 7).

Въ бесѣдѣ Своей по сему случаю Господь прежде всего предостерегалъ ихъ, чтобы береглись они обольстителей, которые будутъ выдавать себя за Христа; не страшились войнъ, междоусобій и другихъ бѣдствій, которые вскорѣ настанутъ, не унывали, когда ихъ будутъ преслѣдовать, заключать въ темницы, подвергать безчестію, мученіямъ и смерти: (Мѡ. 24, 4—10), не заботились о томъ, что и какъ имъ говорить, когда имъ придется давать отвѣтъ въ Синагогахъ и чужеземныхъ судилищахъ или свидѣтельствовать о имени Его предъ царями и правителями, такъ какъ среди всѣхъ сихъ бѣдствій надъ ними будетъ промыслъ и любовь Отца небеснаго и безъ Его всемогущей воли не упадетъ съ ихъ головы ни одного волоса, и не они будутъ говорить, а Духъ Святой, котораго они примутъ, и имъ даны будутъ такія уста и такая премудрость, противъ которой не устоитъ ни одинъ изъ ихъ противниковъ (Марк. 17, 11. Лук. 21, 14—18). Еще Господь предостерегалъ, что опаснѣе всего будетъ то, что по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ изсякнетъ любовь даже между своими, откроются раздѣленія и вражды, явятся измѣнники, и предатели даже между присными — по вѣрѣ; разстанутъ лжепророки и лжеучители изъ среды ихъ же общества, самая вѣра подвергнется затмѣнію. Въ эти тяжкія времена они должны искуплять души терпѣніемъ. Кто претерпитъ до конца, тотъ спасенъ будетъ! (Мѡ. 24, 10—13. Марк. 13, 12—13).

Далѣе Господь открылъ, что не смотря на все это, дѣло Божіе не можетъ быть остановлено или замедлено. Гонимое Евангеліе царствія успѣетъ быть проповѣдано всѣмъ народамъ (Мѡ. 24, 14) прежде нежели рѣшится судьба Іерусалима и народа Іудейскаго..

Потомъ Господь говорилъ: когда увидите Іерусалимъ, окруженный войсками, и мерзость запустѣнія, стоящую на святомъ мѣстѣ: тогда знайте, что приблизилось запустѣніе его и для всѣхъ будетъ одно спасеніе — бѣгство скорѣйшее: находящимся въ Іудеѣ всего лучше бѣжать тогда на горы безъ малѣйшаго замедленія, ибо тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ и не будетъ. Много

падетъ отъ меча, еще болѣе отведется въ плѣнъ во всѣ народы. Іерусалимъ будетъ лишенъ покрова небеснаго и отданъ въ погнаніе язычникамъ дотолѣ, пока не исполнятся времена языковъ... Если бы не сократились сіи злосчастные дни, то не спаслась бы никакая плоть, но ради избранныхъ сократятся сіи дни... (Мѡ. 24, 15—22. Мар. 13, 14—20. Лук. 21, 20—24).

Такъ какъ тяжесть такихъ бѣдствій усилить ожиданіе обѣтованнаго Избавителя до того, что расположить вѣрить всякому извѣстію о Немъ, и это дастъ случай сынамъ погибели злоупотреблять именемъ Мессіи, то Господь вновь предостерегалъ, чтобы не вѣрили никому, кто будетъ говорить: «вотъ здѣсь Христосъ, или вонъ тамъ,» чтобы не обольщались самыми чудесами лжепророковъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ для обольщенія избранныхъ совершатъ многія странныя и необыкновенныя дѣла. (Мѡ. 24, 23—26. Марк. 13, 21—23).

«Вотъ, продолжалъ Господь, Я напередъ сказалъ вамъ. И такъ, если скажутъ вамъ: вотъ, Онъ (Христосъ) въ пустынѣ, не выходите; вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте. Ибо какъ молнія восходитъ отъ востока, и видна бываетъ даже до запада; такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго. А гдѣ будетъ трупъ (Мессія), тамъ (сами собою ведомые невѣдомою силою) соберутся и орлы (истинные послѣдователи Мессіи).»

За тѣмъ Господь говоритъ, что послѣ скорби дней тѣхъ (погнанія Іерусалима язычниками) послѣдуютъ ужасныя явленія на землѣ и на небѣ. Солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта, звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя подвижутся: все выдетъ изъ своего чина и порядка. На землѣ будетъ какъ предъ бурей: вездѣ уныніе, недоумѣніе, боязнь и трепетъ. Море возшумитъ и возмутится. Ожиданіе бѣдствій сдѣлается ужаснѣе самыхъ бѣдствій. Вся природа будетъ въ болѣзняхъ рожденія. Тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго. Увидя Его, восплачутся всѣ племена земныя о своихъ грѣхахъ и нечестіи. Но для истинныхъ послѣдователей Христа, время это должно быть временемъ надеждъ и утѣшенія. Они спокойно могутъ восклонить тогда и поднять главу. Наконецъ явится Самъ Сынъ Человѣческій, явится предъ лицомъ всѣхъ людей на облакахъ небесныхъ со всѣмъ величіемъ и славою,

окруженный воинствомъ небеснымъ. По мановенію Его сонмы Ангеловъ полетятъ отъ одного конца вселенныя до другаго, съ трубнымъ гласомъ, и соберутъ избранныхъ его отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ. И тогда кончина міра и начало славнаго царствія Божія на землѣ. (Мѡ. 24, 23—31. Марк. 13, 24—27. Лук. 21, 25—28).

XXXVI.

«Посмотрите, продолжалъ Господь, на смоковницу и на всѣ прочія деревья и возьмите съ нихъ примѣръ для себя. Когда вѣтви ихъ становятся мягки и начинаютъ пускать листья; то, видя это, вы сами говорите, что скоро будетъ лѣто. Такъ, когда увидите все сіе (что Я прежде сказалъ): то знайте, что наказаніе близко; судъ при дверяхъ. Истинно говорю вамъ, не пройдетъ еще настоящее поколѣніе людей, какъ все сіе (въ Іерусалимѣ не останется камень на камнѣ) сбудется. Мѡ. 24, 32—35. Марк. 15, 28—31. Лук. 21, 29—33). Небо и земля прейдутъ, а слова Мои не пройдутъ!...

«О днѣ же томъ и часъ (послѣднихъ всего міра) никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, а только Отецъ Мой единъ. Но какъ было во дни Ноя; такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго. Ибо какъ во дни предъ потопомъ нли, нили, женились и выходили замужъ, до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока пришелъ потопъ, и не истребилъ всѣхъ: такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго. И такъ бодрствуйте, потому что не знаете, въ который часъ Господь вашъ придетъ. Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались обзяденіемъ и пьянствомъ, и заботами житейскими, и чтобы день тотъ не постигъ васъ внезапно. Ибо онъ, какъ спящій, найдетъ на всѣхъ живущихъ по всему лицу земному. Всѣмъ должно поступать такъ, какъ поступилъ бы хозяинъ дома, если бы зналъ, что къ нему въ неизвѣстное время придетъ татъ. Онъ вовсе не спалъ бы, чтобы не дать подкопать дома своего. Тѣмъ болѣе тогда не должно спать, ибо въ который день не думаютъ, Сынъ человѣческій придетъ.» (Мѡ. 24, 36—44. Марк. 17, 32—37. Лук. 21, 34—36).

«Ожиданіе пришествія Его можно сравнить еще съ ожи-

даніемъ слугъ ихъ домовладыки. Представьте, что кто либо, отправляясь въ путь, оставилъ домъ свой въ управленіе слугамъ своимъ, назначилъ каждому свое дѣло. Какъ хорошо тому рабу, котораго господинъ, пришедши, найдетъ поступающимъ какъ приказано? Ей, онъ надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его! Напротивъ тотъ самый негодный рабъ, который, по злобѣ своей, началъ бы думать самъ съ собою: мой господинъ придетъ нескоро, можетъ быть — никогда, — и сталъ бы злоупотреблять властію, ему данною, бить и мучить товарищей своихъ, расточать имущество господина, ѣсть и пить съ пьяницами. Что наконецъ будетъ съ симъ рабомъ, когда въ день, въ который онъ не ждалъ, придетъ господинъ его? Онъ подвергнетъ его великимъ мукамъ, предастъ на заключеніе въ одно мѣсто съ злодѣями, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Бдите убо и молитесь на всякое время; потому что не знаете, когда придетъ хозяинъ дома, — вечеромъ, или въ полночь, въ пѣніе пѣтуха, или поутру, чтобы пришедши внезапно, не засталъ васъ спящими. А что вамъ говорю, то говорю всѣмъ послѣдователямъ Моимъ: бдите!» (Мѡ. 24, 45—51. Марк. 13, 33—37).

XXXVII.

Тогда подобно будетъ царство небесное, продолжалъ Господь, десяти дѣвамъ, которыя, взявъ свѣтильники свои, вышли навстрѣчу жениху. Изъ нихъ пять были мудрыхъ, и пять неразумныхъ. Неразумныя, взявъ свѣтильники свои, не взяли съ собою масла. Мудрыя же, вмѣстѣ со свѣтильниками своими, взяли масла въ сосудахъ своихъ. И какъ женихъ замедлилъ; то задремали всѣ и уснули. Но въ полночь раздался крикъ: вотъ, женихъ идетъ, выходите на встрѣчу ему. Тогда встали всѣ дѣвы тѣ, и поправили свѣтильники свои. Неразумныя же сказали мудрымъ: дайте намъ вашего масла; потому что свѣтильники наши гаснутъ. А мудрыя отвѣчали: чтобы не случилось недостатка и у васъ и у насъ, пойдите лучше къ продающимъ, и купите себѣ. Когда же пошли онѣ покупать: пришелъ женихъ, и готовыя вошли съ нимъ на брачный пиръ, и двери затворились. Послѣ приходятъ и прочія дѣвы, и говорятъ: Господи! Господи! отвори

намъ. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ, не знаю васъ. И такъ бодрствуйте; потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ человеческій. Ибо онъ поступитъ, какъ человекъ, который, отправляясь въ чужую страну, призвалъ рабовъ своихъ, и поручилъ имъ имѣніе свое. И одному далъ онъ пять талантовъ, другому два, иному одинъ, каждому по его силѣ; и тотчасъ отправился. Получившій пять талантовъ пошелъ, употребилъ ихъ въ дѣло, и приобрѣлъ другіе пять талантовъ. Точно такъ же и получившій два таланта приобрѣлъ другіе два. Получившій же одинъ талантъ пошелъ, и закопалъ его въ землю, и скрылъ серебро господина своего. По домоу времени, приходитъ господинъ рабовъ тѣхъ, и требуетъ у нихъ отчета. И подошедъ, получившій пять талантовъ, принесъ другіе пять талантовъ, и говоритъ: Господинъ! пять талантовъ ты далъ мнѣ; вотъ другіе пять талантовъ я приобрѣлъ на нихъ. Господинъ его сказалъ ему: хорошо, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многими тебя поставлю; войди въ радость господина твоего. Подошелъ такъ же и получившій два таланта, и сказалъ: господинъ! два таланта ты далъ мнѣ; вотъ, другіе два таланта я приобрѣлъ на нихъ. Господинъ его сказалъ ему: хорошо, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многими тебя поставлю; войди въ радость господина твоего. Подошелъ и получившій одинъ талантъ, и сказалъ: господинъ! я зналъ тебя, что ты человекъ жестокий, жнешь, идъ не сѣялъ, и собираешь, идъ не разсыпалъ; и, убоившись, пошелъ и скрылъ талантъ твой въ землю: вотъ, тебѣ твое. Господинъ же его сказалъ ему въ отвѣтъ: лукавый рабъ и лѣнивый! ты зналъ, что я жну, идъ не сѣялъ, и собираю, идъ не разсыпалъ. По сему надлежало тебѣ отдать серебро мое торгующимъ; и я, пришедъ, получилъ бы мое съ прибылью. И такъ возьмите у него талантъ, и дайте имѣющему десять талантовъ. Ибо всякому имѣющему дается и приумножится; а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ. А негоднаго раба выбросьте во тму вѣнчую; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. (Мѡ. 25, 4—30).

XXXVIII.

Когда же придетъ Сынъ человеческій во славу свою, и всѣ Святые Ангелы съ Нимъ, сказалъ Господь въ заключеніе своей бесѣды, тогда сядетъ на престолъ славы своей; и соберутся предъ нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ, и поставитъ овецъ на правую свою сторону, а козловъ на лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: придите благословенные Отцемъ Моимъ и наследуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали мнѣ псть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы посетили Меня; — въ темницѣ, — и вы пришли ко Мнѣ. Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли? или нагимъ, и одѣли? Когда мы видѣли Тебя больнымъ, или въ темницѣ, и пришли къ Тебѣ? И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный диаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ псть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, — и не посетили Меня. Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ? Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: поелику вы не сдѣлали сего одному изъ сихъ меньшихъ; то не сдѣлали Мнѣ. И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную. (Мѡ. 25).

Кончивъ слова сіи, Господь сказалъ ученикамъ: „вы знаете, что чрезъ два дня будетъ Пасха; и Сынъ человеческій преданъ будетъ на пропятіе.“ *) (Мѡ. (26, 1—2)).

*) Инок. посл. дня. Ч. II, стр. 173—187.

XXXIX.

Въ то время, какъ Господь бесѣдовалъ съ учениками на Елеонской горѣ, первосвященники, и книжники, и старѣйшины народа собрались во дворъ первосвященника Каіафы и положили въ совѣтъ своемъ взять Іисуса хитростію, и убить, но только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущеніе въ народѣ. (Мѣ. 26, 3—5).

Но въ совѣтъ Всевышняго положено, что Агнцу Божію, *вземлющему грѣхи міра*, должно принестись въ жертву въ одно время съ агнцемъ пасхальнымъ, который столько вѣковъ служилъ Его прообразованіемъ, и вотъ Промыслъ Божій расположилъ теченіе обстоятельствъ такъ, что тѣже люди, кои, сами не зная, пошли было вопреки судьбъ Его, сами же не зная, обратились внезапно къ исполненію ихъ, — рѣшившись дѣйствовать къ погубленію Іисуса Христа немедленно, захватить и умертвить Его при первомъ удобномъ случаѣ. Причиною такой неожиданной перемены мыслей Синедріона было то, что, одинъ изъ 12 апостоловъ Христа, — Іуда Искаріотскій, явись къ первосвященникамъ, объявилъ, что онъ можетъ пріискать удобный случай и предать своего Учителя тайно отъ народа, если вознаграждать его за такую услугу. (Лук. 22, 3—6).

Такое предложеніе очень обрадовало враговъ Господа: они мгновенно сообразили, что дѣйствительно при помощи такого человѣка можно будетъ захватить Іисуса Христа безъ всякаго шума, даже вѣдѣнія народнаго, и что затѣмъ немедленнымъ осужденіемъ Его на смерть и преданіемъ въ руки Римскаго правительства, они удалятъ отъ себя всякую опасность, въ случаѣ, если бы народъ попысился предпринять что-либо въ защиту Его; а потому немедленно назначивъ 30 сребрениковъ или сиклей — цѣну за преданіе, обѣщали предателю, по первому требованію его, дать ему для совершенія своего дѣла достаточное число слугъ и стражи церковной.

Съ этого времени Іуда сталъ искать удобнаго случая предать Господа.

XL.

Представляя себѣ Іуду, невольно съ церковію скажешь: *«кій ты образъ, Іудо, предателя Спасу содѣла? Еда отъ*

лика ты Апостольска разлучи? Еда дарованія исцплений лиши? Еда со онѣми вечерявъ, тебе отъ трапезы отрину? о, коликихъ благъ непамятливъ былъ еси!»

Евангелисты единогласно изъясняютъ предательство Іуды внушеніемъ сатаны, при этомъ Св. Іоаннъ указываетъ, такъ сказать, на то отверстіе, сквозъ которое этотъ древній змій вползъ въ душу несчастнаго Апостола: это страсть сребролюбія. (Лук. 22, 9).

Іуда былъ порочною жизни, но чудеса и ученіе Іисуса Христа обратили его къ покаянію, сдѣлали ревностнымъ Его послѣдователемъ и внимательнымъ слушателемъ, по чему Господь избралъ его въ число своихъ 12 Апостоловъ. Но въ душѣ Іуды еще тлѣлась искра страсти сребролюбія, и она-то подсказала ему вызваться носить ящикъ, въ который чтители Іисуса опускали свои пожертвованія, и распорядиться составившеюся такимъ образомъ суммою по закупкѣ необходимыхъ для Учителя и учениковъ, въ ихъ странствованіяхъ, принадлежностей, и по раздачѣ денегъ нищимъ. Постоянное обращеніе съ деньгами раздуло тлѣющуюся въ немъ искру сребролюбія, и сначала она обратилась въ заботу о приращеніи общественной казны, а эта забота отвлекла его вниманіе отъ проповѣди Христа. Древній змій умѣлъ воспользоваться этимъ и успѣлъ внушить ему, что заботы и труды его для ихъ общества немаловажны и должны быть вознаграждены, и вотъ искра сребролюбія обратилась въ пламя, корысть обхватила его душу и онъ дѣлается казнокрадомъ и предается мечтамъ: какъ ему будетъ хорошо, когда Учитель ихъ, совсѣмъ не обращающій вниманія на земныя блага, сдѣлавшись Царемъ, посадитъ ихъ, Апостоловъ, на 12 престоловъ судить Израіля; въ такихъ мечтахъ онъ сначала не обращаетъ вниманія на предсказанія о поруганіи и смерти, которымъ долженъ подвергнуться Христосъ; но вотъ эти предсказанія повторяются чаще и чаще; время самое благопріятное для объявленія Себя Христомъ и Царемъ упущено, и наконецъ онъ слышитъ, — Учитель рѣшительно говоритъ: «чрезъ два дня будетъ Пасха, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропитіе.» Мечты Іуды исчезаютъ. Сатана дѣлаетъ свое дѣло: вмѣсто тѣхъ великолѣпныхъ картинъ, представляются Іудѣ другія, самыя мрачныя: Учитель на крестѣ, — чего лучшаго ожидать Его Апостоламъ? Іуда какъ бы уже чувствуетъ въ

себѣ муки крестныя.... страшная дрожь пробѣгаетъ по его членамъ. Гдѣ жъ спасеніе? «Вотъ оно! подсказываетъ сатана. Иди къ первосвященникамъ и предай Учителя. Все равно Онъ не избѣжитъ своей участи, которую Самъ предсказалъ, по крайней мѣрѣ ты самого себя спасешь, и мало того, что спасешь, получишь награду и войдешь въ милость и благоволеніе Синедріона.» Іуда хватается за эту мысль какъ утопающій за веревку, и рѣшается исполнить ее. Прошла мучительная ночь и онъ подъ видомъ какихъ либо закупокъ спѣшитъ въ городъ, и является къ первосвященникамъ.

Такъ-то страсти наши служатъ сатанѣ средствомъ овладѣвать нами, побуждать насъ совершать гнуснѣйшія дѣла и вести окончательно къ гибели.

Въ заключеніе скажемъ вмѣстѣ съ Св. Златоустомъ: *«мѣтъ, мѣтъ звѣрь сребролюбіе; отсюду гробокопатели, отсюду мужеубійцы, отсюду рати и брани, и еже аще речеши всяко зло, отсюду есть.»*

XII.

Въ наступившій за симъ день, когда заколали пасхальнаго агнца, ученики спрашиваютъ Господа: гдѣ хочешь ѣсть пасху? Мы пойдемъ и приготовимъ.

Господь, обратясь къ Петру и Іоанну, велѣлъ имъ идти въ городъ и сказалъ: «при самомъ входѣ вы встрѣтите чело-вѣка, несущаго въ кувшинѣ воду, слѣдуйте за нимъ, войдите въ тотъ домъ, куда онъ войдетъ, и скажите хозяину дома: Учитель велѣлъ сказать тебѣ: время Мое близко, у тебя совершу пасху съ учениками Моими. И такъ, гдѣ горница, въ которой бы можно было Мнѣ вкушать Пасху? Послѣ этого онъ покажетъ вамъ горницу большую, готовую и убранную. Тамъ приготовьте намъ Пасху.»

Петръ и Іоаннъ пошли въ городъ и тамъ нашли все такъ, какъ сказалъ Господь и приготовили Пасху. По наступленіи вечера пришелъ туда Господь съ учениками.

Такъ устроилъ Господь, чтобы ни Іуда со своимъ предательствомъ, ни враги Его съ своимъ коварствомъ не могли нарушить послѣдней Его вечери съ Апостолами.

Послѣ путешествія, за такую вечерю, какова пасхальная,

надлежало сѣсть, по восточному обычаю, съ омовенными ногами. Все, нужное для такого омовенія, было приготовлено — заранѣе въ горницѣ: не доставало только прислужника, который бы омылъ всѣмъ ноги. Для взаимной любви это былъ прекрасный случай оказать взаимную услугу. Но ученики начали смотрѣть на этотъ случай совершенно иначе: вмѣсто духа смиренія и братскаго единодушія открылся духъ превозношенія; слышались даже вопросы, кто болѣе и лучше, и кто менѣе и хуже. Ни одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, тѣмъ паче — всѣхъ. Тогда Господь, сложивъ съ Себя верхнія одежды и опоясавшись полотенцемъ, взялъ одинъ изъ сосудовъ, стоявшихъ для омовеній, налилъ воды въ умывальницу и началъ омывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ *). Подходить къ Петру, и тотъ говорить, Ему: «Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги?» Что я дѣлаю, теперь ты не знаешь, сказалъ Господь Іисусъ, а уразумѣешь послѣ. Петръ говоритъ Ему: «не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ». Если не умою тебя, не имѣешь части со Мною, отвѣчалъ Господь. «Господи! не только ноги, но и руки и главу», говоритъ Петръ. Омытому только нужно ноги умыть, потому что чистъ весь; и вы чисты, но не всѣ, сказалъ Господь. Ибо зналъ Онъ предателя Своего, а потому и сказалъ: не всѣ вы чисты.

Окончивъ омовеніе, Іисусъ Христосъ надѣлъ одежду Свою, и возлегши опять за трапезу, сказалъ ученикамъ: знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ; и правильно говорите; ибо Я точно то. И такъ если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ; то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ. Истинно, истинно говорю вамъ: рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше послававшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всѣхъ васъ говорю: Я знаю, которыхъ избралъ. Но да сбудется писаніе: ядущій со Мною хлѣбъ, подымаю на Меня пята свою. Теперь сказываю вамъ, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы повѣрили, что это Я. (Іоан. 13. 1 — 19).

«Вы пребыли со мною въ напастяхъ Моихъ, продолжалъ

*) Инн. посл. дни. Ч. 3, стр. 231.

Господь, и Я завѣщаю вамъ, какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, царство. Да ядите и пьете за трапезою Моею въ царствѣ Моемъ, и сядете на престолахъ, судить 12 колѣнъ Израилевыхъ. (Лук. 22. 28—30). Истинно, истинно говорю вамъ): принимающій того, кого Я пошлю, Меня принимаетъ; а принимающій Меня, принимаетъ посланнаго Меня. (Іоан. 13, 20).

Но ни умовеніе Учителемъ ногъ ученикамъ, ни явные намеки Его, что Ему извѣстенъ предатель, ни подтвержденіе прежде обѣщанныхъ наградъ, не размягчили зачерствѣлаго сердца Іуды, но еще болѣе и болѣе ожесточалось оно. Ни одно изъ сѣмянъ небеснаго Сѣятеля не запало въ его душу, заросшую терніемъ заботъ и печалей вѣка сего; — дьяволъ теперь особенно стерегъ всѣ входы и исходы ея и тотъ часъ похищалъ изъ нея всякое сѣмя благо, при самомъ его сіяніи, и представлялъ ему, напротивъ, утаеніе отъ него мѣста вечери, и порученіе другимъ, а не ему приготовить Пасху, личной обидой и несправедливостью, намеки о предательствѣ новымъ оскорбленіемъ, а обѣщаніе наградъ — злою насмѣшкою. Трудность продолжать при этомъ лицемѣріе увеличивала тяжесть его положенія и возбуждала въ немъ злобу.

Между тѣмъ видъ холодной измѣны и лицемѣрной дружбы возмутилъ святѣйшую душу Учителя и Онъ съ скорбію сказалъ: «истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня. (Іоан. 21, 21). Эти слова крайне опечалили учениковъ, и они стали взирать другъ на друга, недоумѣвая, о комъ Онъ говоритъ. (Іоан. 13, 22). (Мѡ. 21, 22).

Нѣкоторые полагали, что не можетъ быть предателя въ ихъ маломъ дружескомъ обществѣ, а развѣ изъ числа прочихъ 70 учениковъ.

Но Господь еще опредѣленнѣе сказалъ: «одинъ изъ двѣнадцати, обмакивающій со Мною въ блюдо, тотъ предастъ Меня. (Мр. 18, 20 — 21). (Мѡ. 26, 23). Впрочемъ Сынъ Человѣческій идетъ, какъ написано о Немъ: но горе тому Человѣку, которымъ Сынъ Человѣческій предается; лучше было бы этому Человѣку не родиться».

При мысли, что предатель такъ близко и что его ожидаетъ такая странная участь, каждый началъ не довѣрять себѣ. «Не я ли, Равви? не я ли?» слышалось отъ всѣхъ и изъ каждаго.

Чтобы не остаться среди всѣхъ спрашивающихъ одному

безъ вопроса, и такимъ образомъ не обнаружить себя, и Іуда со всѣмъ безстыдствомъ спросилъ: — «Равви? не я ли?» (Мѡ. 26, 25).

«Ты сказалъ, отвѣчалъ Господь, глубоко оскорбленный такимъ безстыднымъ лицемѣріемъ, но такъ тихо и кротко, что этого отвѣта, повидимому, никто не понялъ, кромѣ Іуды.

Въ это время Петръ, обратясь къ одному ученику (Іоанну), котораго особенно любилъ и отличалъ Господь и который возлежалъ теперь у самыхъ персей Его, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ спросилъ, кто это такой о комъ говорилъ Господь?

Вопроса никто не слыхалъ и не замѣтилъ, кромѣ Петра и, вѣроятно, самого Іуды, который, какъ виновный, всѣхъ подозрѣвалъ и за всѣми присматривалъ.

«Тотъ, отвѣчалъ Господь (тихо), кому обмакнувъ кусокъ, подамъ, и обмакнувъ въ блюдо кусокъ, подамъ Іудѣ Искаріотскому. (Іоан. 13, 23—36).

Собственно въ этомъ дѣйствіи не было ничего оскорбительнаго для Іуды: въ конецъ вечери было даже обыкновеніе брать и сѣдять по куску изъ остатковъ Пасхи, и получить такой кусокъ изъ рукъ самого начальника вечери, значило быть отличнымъ отъ другихъ. По сему дружественное подаваніе пищи было для погибающаго Апостола послѣднимъ зовомъ къ покаянію.

Но вмѣсто того, чтобы пасть къ ногамъ Учителя, съ искренностію сознаться въ своемъ преступномъ замыслѣ и слезами раскаянія омыть свой грѣхъ и стыдъ, Іуда продолжалъ лицемѣрить, — беретъ поданный ему кусокъ и принуждаетъ себя его съѣсть. Тогда сатана не приминулъ представить его мысли всю униженность его, какъ обличеннаго предателя, предъ другими Апостолами, и въ немъ воспалила злоба: личина кротости и дружества растаяла, видъ его сдѣлался мраченъ и ужасенъ. Іоаннъ, наблюдавшій въ это время Іуду, замѣчаетъ, что въ слѣдъ за хлѣбомъ, тотчасъ вошелъ въ него сатана. (Іоан. 13, 27). Святое общество Іисусово было уже нестерпимо для Человѣка — съ дьяволомъ въ сердцѣ: тайная сила влекла его вонъ....

Сердцевѣдецъ видѣлъ все, что происходило въ душѣ сына погибельнаго — какъ изсыкла послѣдняя капля добра, какъ дьяволъ овладѣлъ самымъ основаніемъ жизни духовной; — и Іисусъ не захотѣлъ болѣе принуждать Себя къ безплодному

перенесенію присутствія предателя. «Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе», сказалъ Онъ ему, готовому уже и безъ того идти вонъ. Симъ давался ему благовидный предлогъ оставить уже оконченную вечерю, не обращая на себя чрезъ то подозрѣнія учениковъ.

Иуда вышелъ — была уже ночь. Никто изъ прочихъ Апостоловъ не могъ и помыслить, что онъ съ пасхальной вечера — послѣ умовенія ногъ учителемъ — пошелъ прямо къ Каиафѣ за сребренниками и стражею, но скорѣе готовы были повѣрить всякой догадкѣ и думать, что онъ или посланъ купить что нибудь на праздникъ, или раздать для праздника милостыню нищимъ. *) (Іоан. 13, 28 — 30).

XLII.

Наступилъ часъ перейти Сыну Божію отъ міра сего къ Отцу и явить дѣломъ, что возлюбивъ своихъ сущихъ въ мірѣ, Онъ возлюбилъ ихъ до конца. (Іоан. 13, 1).

И вотъ онъ, все Божественное о насъ смотрѣніе исполнивъ, готовый изыти на вольную и приснопамятную и животворящую Свою смерть, въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, или лучше Самъ Себя предалъ за животъ міра, — взявъ хлѣбъ въ Святыхъ Своихъ и пречистыхъ и непорочныхъ руки, показалъ Богу и Отцу, возблагодарилъ Его и благословивъ, освятивъ, преломивъ хлѣбъ сей, далъ святымъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ, рекъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ*. Подобнымъ образомъ и чашу отъ плода лозаго, взявъ, растворивъ, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, далъ святымъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ, рекъ: *пійте отъ нея вси, сіа есть кровь Моя новаго завета, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ*. (Литургія I. Зл. и В. Вел.)

Ученики въ безмолвіи вкусили преподаннаго подъ видомъ хлѣба тѣла Учителя, и Господа, и потомъ, принявъ чашу, причастились крови Его.

Сіе творите, сказалъ Господь въ заключеніе священнодѣйствія, *въ мое воспоминаніе*.

*) Иннок. посл. дни. Ч. 3. 221—242.

XLIII.

Послѣ сего Господь въ послѣдней Своей бесѣдѣ съ учениками говорилъ: „Дѣти! недолго уже быть Мнѣ съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между Собою.“ (Іоан. 13, 33—35).

„Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте. Въ домъ Отца Моего обителей много. А если бы не такъ; Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ. И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто: прииду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были идѣ Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.“

Когда на это одинъ изъ Апостоловъ сказалъ, что они не знаютъ, куда Онъ идетъ, и пути, о которомъ Онъ говоритъ, тогда Господь сказалъ: *„Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Вѣруйте Мнѣ, что Я въ Отца и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣруйте Мнѣ по самымъ дѣламъ. Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя Я творю, и Онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ; потому что Я къ Отцу Моему иду. И если о чемъ попросите отъ Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сына. Если о чемъ попросите во имя Мое, то Я сдѣлаю. Если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди. И Я умолю Отца, и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да будетъ съ вами во вѣкъ, Духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его, а вы знаете Его, ибо съ вами пребываетъ и съ вами будетъ. Не оставлю васъ сиротами; прииду къ вамъ. Еще немного; и міръ уже не увидитъ Меня; а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы жить будете. Въ тотъ день узнаете вы, что Я въ Отца Моего, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ. Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Я возлюблю его и явлюся ему Самъ.“*

За тѣмъ Господь, на пути въ Гевсиманскій садъ, продолжая Свою бесѣду, говорилъ: *„Я есмь истинная виноградъ-*

ная лоза, а Отецъ Мой виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь, неприносящую плода, Онъ отсѣкаетъ, и всякую, приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе приносила плода. Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдывалъ вамъ. Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви: кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, извернется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и горятъ. Если пребудете во Мнѣ и слова Мои въ васъ пребудутъ; то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ. Тѣмъ прославится Отецъ Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками. Какъ возлюбилъ Меня Отецъ; и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви Моей. Если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей, какъ и Я соблюлъ заповѣди Отца Моего, и пребываю въ Его любви. Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна. Сіа есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою да друзей своихъ. Вы друзья Мои, если исполните то, что Я заповѣдую вамъ. (Іоан. 14, 15).

Послѣ сего Господь, возвѣстивъ Апостоламъ, что и они будутъ ненавидимы и гонимы міромъ и что даже наступитъ время, когда всякій, убивающій ихъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу, — возвелъ очи Свои на небо и сказалъ: «Отче! пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя: такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотію, да всему, что Ты далъ Ему, дастъ Онъ жизнь вѣчную. Сіа же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа. Я прославилъ Тебя на земли, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить. И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра. Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра; они были Твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ, и они сохранили слово Твое. Нынѣ уразумѣли они, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть.

Ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я передалъ имъ; и они приняли, и уразумѣли истинно, что Я изшелъ отъ Тебя, и увѣровали, что Ты послалъ Меня. Я о нихъ молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился въ нихъ. Я уже не въ мірѣ, но они въ мірѣ, а Я къ Тебѣ иду, Отче Святый! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и Мы. Когда Я былъ съ ними въ мірѣ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое: тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудется писаніе. Нынѣ же къ Тебѣ иду, и сіе говорю въ мірѣ, чтобы они имѣли въ себѣ радость Мою совершенную. Я передалъ имъ слово Твое; и міръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра. Не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла. Они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра. Освяти ихъ истиною Твоею, слово Твое есть истина. Какъ Ты послалъ Меня въ міръ; такъ и Я послалъ ихъ въ міръ. И за нихъ Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о нихъ же только молю, но и о вѣрующіихъ въ Меня по слову ихъ: да будутъ всѣ одно: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино; да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино. Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершенны во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня. Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде основанія міра. Отче праведный! и міръ Тебя не позналъ: а Я позналъ, и сіи познали, что Ты послалъ Меня. И Я открылъ имъ имя Твое, и открою, да любовь, которую Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ.» (Іоан. 17).

XLVI.

Впродолженіе своей прощальной бесѣды Господь сказалъ ученикамъ: всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь; ибо написано: поражау пастыря и разсѣются овцы.

Петръ же сказалъ Ему: «если и всё соблазнится, не я». (Марка 14, 26—29).

Господь же сказалъ на это: «Симонъ! Симонъ! вотъ сатана просилъ, чтобы сбить васъ, какъ пшеницу. Но Я молился о Тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ».

Онъ отвѣчалъ Ему: «Господи! съ Тобою я готовъ въ темницу и на смерть идти».

Но Господь сказалъ: «говорю тебѣ, Петръ, не пропоеть пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». (Лук. 22, 31—33).

«Хотя бы мнѣ и умереть съ Тобою, не отрекусь Тебя», продолжалъ Петръ.

То же повторили и всё прочіе ученики. (Мѡ. 26, 35).

Среди сихъ увѣреній въ вѣрности на смерть, пришли въ Геосиманію. Тутъ былъ садъ, принадлежавшій одному изъ послѣдователей Иисусовыхъ. Господь и прежде часто ходилъ въ него съ учениками Своими, и теперь избралъ мѣстомъ Своего послѣдняго приготовленія на подвигъ крестный; — дабы тамъ же — (въ саду) одержана была первая побѣда, гдѣ было нанесено (всему человѣчеству) первое поражение *).

XLV.

Послѣ трудовъ цѣлаго дня, послѣ продолжительной бесѣды съ учениками и некроткаго путешествія изъ пасхальной горницы въ Геосиманію, предъ наступленіемъ ужасныхъ страданій, нѣкоторое успокоеніе было совершенно необходимо для Иисуса. Вертоградъ Геосиманскій представлялъ къ тому все удобство, и для того, по видимому, былъ избранъ. Но не успокоеніе, а страданіе, жесточайшее страданіе ожидало здѣсь Сына Человѣческаго.

Чтобы помогать искушаемымъ, Искушителю Человѣковъ надлежало претерпѣть все, и быть *искусителю по всяческимъ*. (Евр. 4, 15). Но, искушенія, коимъ подлежитъ родъ Человѣческій, естественно всё приводятся къ двумъ видамъ: искушенію удовольствіемъ и искушенію страданіями. Первое иску-

*) Ин. ч. 3, стр. 261.

шеніе, во всѣхъ трехъ главныхъ его видахъ, Сынъ Человѣческій прошелъ при самомъ началѣ Своего служенія. Второе, тягчайшее искушеніе, посредствомъ страданій, предстояло теперь. И вотъ оно началось здѣсь внутреннимъ крестомъ, — сокровеннѣйшимъ, но, можетъ быть, болѣе мучительнымъ креста внѣшняго.

Агнецъ Божій, вземлющій на Себя грѣхи міра (Іоан. 1, 29) долженъ былъ, понести ихъ, испытать всю ихъ тяжесть, чтобы доказать предъ правдою Божіею, предъ небомъ и землею, что Онъ взялъ ихъ на Себя не словомъ только, но и дѣломъ. И вотъ со вступленіемъ въ Геосиманскій садъ Онъ начинаетъ испытывать на Себѣ ту тяжесть, — всё слѣдствіе, оброки грѣха: внутренний сладчайшій миръ внезапно исчезаетъ; свѣтлые и утѣшительные виды Царствія Божія затмѣваются; Сынъ Человѣческій разоблачается совершенно отъ всѣхъ сверхъ-естественныхъ Божественныхъ силъ, и остается съ одною волею Человѣческою; Самъ Богъ Отецъ, такъ сказать, отступаетъ отъ Него — оставляетъ одного, въ положеніи самаго послѣдняго изъ людей искушаемыхъ; *князь міра сего* становится при Немъ, ищетъ мѣста въ Немъ, куда бы поразить, и не находя, осыпаетъ Его своими разжженными стрѣлами лукавства; въ мысляхъ Его рисуется образъ предстоящихъ Ему страшныхъ страданій и смерти; врожденный естеству Человѣка страхъ мученій и смерти объемлетъ пречистую Его плоть, и тѣмъ болѣе, что она, какъ непричастная грѣху и разстройствамъ, отъ него происходящимъ, и какъ соединенная притомъ естествомъ съ Самимъ Словомъ Предвѣчнымъ, и отсюда почерпавшая всю полноту совершенствъ тѣлеснаго бытія, потому самому естественно, наиболѣе отвращалась всякаго насилія и терзанія, и была стократъ чувствительнѣе къ мученіямъ.

Господь Иисусъ Христосъ началъ скорбѣть и тосковать. Когда воображеніе рисовало ужасы страданій и смерти, мысль естественно въ тоже время должна была остановиться на родѣ Человѣческомъ, за который всё это надлежало претерпѣть, и искушитель неприминулъ представить теперь людей во всей ихъ грѣховной нечистотѣ и злобомъ лукавствѣ, и какъ невнимательны они были доселѣ къ путямъ истинной жизни и ко всѣмъ вразумленіямъ всеблагаго Творца, и какъ напротивъ они всегда легко принимали за истину всякую

ложь и неправду. Да и будутъ ли они лучшими? многіе ли остановятъ свое вниманіе на этомъ великомъ дѣлѣ Божіемъ и примутъ послѣднее слово спасенія? Не наибольшая ли часть людей останутся такъ же невнимательны, такъ же будутъ отвергать и преслѣдовать истину, и вѣрить нелѣпнымъ сказкамъ или своимъ умствованиямъ по стихіямъ міра?

Мысли сіи возмущали духъ Іисуса и возбуждали борьбу внутреннюю. Скорбь и смущеніе усиливались болѣе и болѣе.

Не находя къ успокоенію Своего духа средствъ въ Самомъ Себѣ, Іисусъ обратился съ молитвою ко Отцу.

Сказавъ ученикамъ, чтобы они остались на извѣстномъ мѣстѣ, и подождали Его, пока Онъ помолится, Онъ пошелъ далѣе въ глубину вертограда, и пригласивъ слѣдовать за Собой Петра, Іакова и Іоанна, сказалъ имъ: «душа Моя прискорбна до смерти! побудьте здѣсь, бдите со Мною и молитесь!...» и отойдя отъ нихъ на небольшое разстояніе, повергся на землю и возопилъ: *«Отче Мой, аще возможно (Тебѣ вся возможна суть), да мимо идетъ чаша сія; обаче не якоже Ты; да будетъ воля Твоя!»*

Отвѣта не было! Отецъ какъ бы не внималъ Сыну! Душевное томленіе не прекращалось. Напротивъ, съ пречистою душею начала страдать и чистѣйшая плоть: потъ Его былъ какъ капли крови, падающей на землю. Великій Потомокъ Давида вошелъ въ то состояніе, когда Его Праотецъ вопіялъ: *«и болѣзнь адовъ ободоша Мя»*. (Псал. 114, 3).

Въ душевной скорби, какъ бы не вникаемый небомъ, Іисусъ прекращаетъ молитву, и идетъ къ ученикамъ, дабы утѣшить Себя ихъ присутствіемъ и молитвою;—но находитъ ихъ спящими!

«Симонъ, и ты спишь,—сказалъ Господь,—такъ-ли вы не могли побдѣть со Мною и одного часа?—Бдите и молитесь, да не внидете въ напасть. Духъ бодръ, но плоть немощна».

Удалившись отъ учениковъ, Онъ опять повергается на землю, и погружается духомъ въ молитву. *«Отче, молился Онъ, аще не можетъ чаша сія мимо ити отъ Меня, аще не нѣю ея: буди воля Твоя»*.

Теперь преданность въ волю Божію выразилась живѣе и полнѣе, а собственное желаніе примѣтно ослабло и начи-

нало разрѣшаться совершенно въ безусловную покорность опредѣленіямъ небеснымъ.

Но и сія молитва осталась безъ отвѣта! Для *Единороднаго отъ Отца* въ немъ не было нужды... Сынъ человѣческій долженъ былъ Самъ изречь Себѣ отвѣтъ, вознесишься—черезъ самоотверженіе—до той высоты духа,—того единенія со Отцемъ, при коемъ исчезаетъ всякое сомнѣніе, и даже прошеніе,—остается единая святая воля Божія.

Изнемогающій подъ бременемъ внутреннего креста, Іисусъ опять идетъ къ ученикамъ, все еще упоая, по чрезвычайному смиренію Своему, найти Себѣ нѣкое подкрѣпленіе и отраду въ ихъ молитвѣ;—и опять находитъ ихъ спящими!... Надлежало, чтобы таинственная борьба Новаго Израиля съ Богомъ совершена была безъ свидѣтелей. Тѣмъ менѣе было въ ней мѣста помощникамъ. *«Единъ истощалъ точило тѣла Божія; отъ языка не бы мужа со Мною»*. Такъ воспѣвалъ еще Ісаія, провидя страданія Мессіи.

Ученики пробудились; но одного взгляда на нихъ достаточно было, чтобы почестъ ихъ совершенно неспособными къ молитвѣ. Состояніе соннаго разслабленія обладало ими,—глаза у нихъ отяжелѣли, и они не знали, что отвѣчать.

Оставивъ учениковъ, Господь Іисусъ въ третій разъ обратился отъ земли къ небу и, *будучи въ бореніи*, молился еще *прилежаніе*. Слова произнесены были тѣже, что и во второй разъ: но чувство, безъ сомнѣнія, было еще отличнѣе. *«Буди воля Твоя»*, произнесенное въ третій разъ, уже было выраженіемъ рѣшительной побѣды.

Но когда духъ возмогалъ и укрѣплялся, плоть еще болѣе ослабѣвала. Тѣлесныя силы Богочеловѣка пришли черезъ такую борьбу въ такое изнеможеніе, что томленіе, Имъ претерпѣваемое, равнялось мученію человѣка, борющагося со смертію.

Такое усиліе природы могло сдѣлать Сына человѣческаго неспособнымъ къ перенесенію наступающихъ страданій съ величіемъ Ему подобающимъ. Теперь надлежало надъ Единороднымъ Сыномъ исполнить обѣщанное прочимъ чадамъ и показать, что любовь Отца Небеснаго не попускаетъ никому искушаться болѣе, нежели сколько можетъ перенести. И вотъ, вмѣсто видимаго отвѣта на молитву, предсталъ Ангелъ для укрѣпленія Іисуса.

Утѣшеніе Ангела совершалось, конечно, первѣе всего въ духѣ Іисуса, потомъ безъ сомнѣнія касалось и тѣлесныхъ силъ Его,—и состояло въ ихъ умирении, оживленіи и возвышеніи.

Искушеніе кончилось—совершенною увѣренностію въ благодетельной необходимости креста, со всѣми его ужасами, и притомъ въ сіе, а не другое время. Послѣ сего Богочеловѣкъ снова воспріялъ ту твердость духа, которая отличала Его всю жизнь, среди всякаго рода опасностей и лишеній и постоянно будетъ отличать Его во время страданій. Такъ обыкновенно бываетъ съ искушаемыми: чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ болѣе укрѣпляется ею духъ *).

Вотъ какой примѣръ борьбы съ искушеніями далъ намъ нашъ Божественный Учитель на самомъ дѣлѣ, показуя, что въ такой борьбѣ мы должны искать подкрѣпленія въ молитвѣ, а побѣды—въ совершенной преданности волѣ Божіей!

XLVI.

Между тѣмъ предатель Іуда, зная то мѣсто, гдѣ находился теперь Іисусъ, пошелъ къ первосвященникамъ и получилъ отъ нихъ стражу и служителей, повелѣ ихъ въ Геосиманію. Толпа эта вооружена была мечами и колющими орудіями. Толпа эта освѣщала въ ночномъ мракѣ путь свой фонарями и свѣтильниками. Іуда шелъ впередъ и далъ имъ знакъ, сказавъ: кого я поцѣлую, тотъ и есть; возьмите его, и ведите осторожно. (Мор. 14, 43—44).

Лицемѣру, очевидно, хотѣлось,—отдѣлившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю, какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенію, поцѣловавъ Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, а стражѣ предоставить спустя немного, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянію видъ неумышленнаго поступка **).

Когда предатель подходилъ, къ саду, Іисусъ приходитъ къ ученикамъ и говоритъ имъ: «вы все еще спите и поживаете; вотъ приблизился часъ, и Сынъ Человѣческій пре-

*) Ин. Посл. дни. Ч. III, стр. 267—281.

**) Ин. Посл. дни, стр. 286.

дастся въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдемъ: вотъ, приближился предающій Меня». (Мѡ. 26, 45, 46).

Вслѣдъ за симъ Онъ вышелъ на встрѣчу толпы, и когда Іуда поспѣшилъ подойти къ Нему, кротко спросилъ: «другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?» «Равви, Равви, здравствуй!» сказалъ тотъ, и тотчасъ облобызалъ Его. (Матѡ. 26, 48—50).

При такомъ знакѣ искренняго братства, употребленномъ теперь на измѣну самую низкую, сердце Іисуса невольно возмущилось негодованіемъ и Онъ сказалъ: «Іуда! лобзаніемъ ли предаешь Сына Человѣческаго?...» Потомъ обратясь къ толпѣ, громко спросилъ: «кого ищите?...» «Іисуса Назарянина,» сказали тѣ. (Лук. 22, 48).

Это Я, отвѣчалъ Господь.

При этомъ словѣ въ толпѣ првизомлю смущеніе: нѣкоторые невольно быстро подались назадъ, а другіе пали на землю. (Іоан. 17, 5, 6).

Между тѣмъ ученики, одинъ по одному выходя изъ вертограда, присоединились къ Нему. Когда слуги встали и успокоились отъ перваго страха, Іисусъ вновь спросилъ: «кого ищите?»

Тѣ вновь отвѣчаютъ: «Іисуса Назарянина!» и нѣкоторые изъ нихъ, болѣе дерзкіе, начинаютъ брать мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

«Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? И такъ, если Меня ищите, то оставьте ихъ: пусть идутъ.»

Стража повиновалась и оставила учениковъ.

Робость стражи, необыкновенное присутствіе духа въ Учителѣ, Его особенная заботливость объ ученикахъ, пробуждали въ послѣднихъ мысль о защищеніи Учителя. (Лук. 22, 29). «Не ударить ли намъ мечемъ?» спрашивали нѣкоторые; Петръ же мгновенно извлекши ножъ, поразилъ одного изъ слугъ—перваго, который осмѣлился поднять руку на Іисуса въ правое ухо. «Остановитесь,» сказалъ Господь ученикамъ, готовымъ слѣдовать примѣру Петра, «вложи мечъ твой въ ножны,» продолжалъ Господь, обратясь къ Петру, «всѣ, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она, впрочемъ, ни была) мечемъ погибнутъ,» или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ Ангеловъ? Какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть? неужели

Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ?» Мате. 26, 53, 54. Иоан. 18, 11).

Въ тоже время Господь Иисусъ, прикоснувшись къ уху пораженного Петромъ слуги, исцѣлилъ его, и сказалъ фарисеямъ и старѣйшинамъ Иудейскимъ, пришедшимъ съ толпою: «какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколемъ, чтобы взять Меня. Не всякій ли день Я былъ съ вами въ храмѣ, сидѣлъ тамъ и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година, и область темная!... Да сбудется Писаніе!...» (Мѡ. 26, 55).

Изъ этого упрека, члены Синедріона должны были выразумѣть, что они сами причиною непріятнаго поступка, сдѣланнаго однимъ изъ учениковъ, — дозволивъ себѣ употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такіа средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Тогда всѣ ученики, оставивъ Иисуса, бѣжали; (Мѡ. 26, 56), а стражи, связавъ Его повели въ Іерусалимъ. Только двое изъ учениковъ, Петръ и Іоаннъ, возвратясь изъ бѣгства, въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали за толпою, ведшею Иисуса. Иоан. 18, 15.

XLVII.

Его сперва привели къ бывшему — прежде первосвященникомъ — Аннѣ, который былъ тестъ Каіафѣ — настоящему первосвященнику.

Анна началъ допрашивать Иисуса объ ученикахъ и ученіи Его.

Иисусъ отвѣчалъ: «Я говорилъ явно міру; Я всегда училъ въ синагогѣ и въ храмѣ, гдѣ всегда Іудеи сходятся и тайно не говорилъ ничего. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ; вотъ, они знаютъ, что Я говорилъ.»

Когда Онъ сказалъ это, одинъ изъ слугъ, стоявшихъ вблизи, ударилъ его по ланитѣ, и вскричалъ: «такъ-то Ты отвѣчаешь первосвященнику!»

«Если Я сказалъ худо, отвѣчалъ Иисусъ, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?»

Анна приказалъ отвести Его къ Каіафѣ, который извѣстись о взятіи Иисуса, спѣшилъ собрать къ себѣ членовъ Синедріона. (Іоан. 18, 19 — 24).

XLVIII.

Между тѣмъ въ то время какъ ввели Иисуса во дворъ Анны, вошелъ туда и Апостолъ Іоаннъ, такъ какъ онъ былъ знакомъ въ домѣ первосвященника, а Петръ оставался за воротами. Потомъ Іоаннъ вышелъ и сказалъ привратницѣ, чтобы она впустила Петра.

Когда Петръ вошелъ, привратница говоритъ ему: и ты не изъ учениковъ ли этого человѣка? Петръ сказалъ: нѣтъ.

Было холодно. Петръ подошелъ къ огню, около котораго стояли и грѣлись слуги. Когда онъ стоялъ у огня и грѣлся, слуги стали тоже говорить ему: не изъ учениковъ ли Его и ты? онъ опять отрекся, и сказалъ: нѣтъ.

Черезъ нѣсколько времени опять одинъ изъ слугъ сталъ уличать Петра: «вѣрно ты былъ съ Нимъ; такъ какъ ты Галилеянинъ; это видно изъ твоего нарѣчія.» А другой слуга, родственникъ тому, которому Петръ отсѣкъ ухо, подойдя, сказалъ: «не я ли видѣлъ тебя съ Нимъ въ саду.»

Петръ въ страхѣ началъ клясться и божиться, что никогда не былъ ученикомъ Иисуса и даже не знаетъ этого человѣка.

Въ это время запѣлъ пѣтухъ и Господь, бывшій въ это время на дворѣ среди стражи, обратился въ ту сторону, гдѣ находился Петръ и посмотрѣлъ на него.

Петръ вспомнилъ тогда предсказаніе: «прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, ты отвергнешься Меня трижды». Стыдъ и раскаяніе заступили мѣсто малодушія, и онъ, терзаемый скорбію, поспѣшилъ выдти и горько заплакалъ. (Іоан. 18, 13 — 27. Лук. 22, 59 — 69).

XLIX.

Привели Иисуса связаннаго къ Каіафѣ. Туда уже собрались книжники и старѣйшины — члены Синедріона и успѣли пріискать многихъ лжесвидѣтелей, но только свидѣтельства

ихъ частію не заключали въ себѣ никакого уголовнаго обвиненія, частію были несогласны между собою.

Такъ одинъ лжесвидѣтель утверждалъ, будто Господь сказалъ однажды: «Я могу разорить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его;» а другой объявлялъ, будто слышалъ, что Господь говорилъ: «Я разрушу храмъ сей рукотворенный, и въ три дня воздвигну другой нерукотворенный.» (Мѡ. 20, 61. Мар. 14, 57).

Исусъ молча слушалъ, что говорили свидѣтели и ничего не отвѣчалъ на слова ихъ.

Тогда Каіафа, вставъ съ своего мѣста, — выступилъ на средину, гдѣ стоялъ Исусъ, и съ гнѣвомъ сказалъ: «какъ Ты не отвѣчаешь ничего? развѣ не слышишь, что они противъ Тебя свидѣлствуютъ?»

Но Господь продолжалъ молчать и не отвѣчалъ ни слова.

«Заклинаю Тебя, произнесъ наконецъ Каіафа» заклиная Тебя Богомъ живымъ; скажи намъ, Ты ли Христосъ Сынъ Божій?»

«Я, отвѣчалъ Господь; даже скажу вамъ болѣе: отнынѣ узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы Божіей, и грядущаго на облакахъ небесныхъ.»

Какъ бы услышавъ ужасное, нестерпимое богохульство, Каіафа представился вышедшимъ изъ себя, разодралъ свои одежды и вскричалъ къ прочимъ судьямъ: «Слышали ли вы, что Онъ сказалъ?.. Это явное богохульство, и мы еще требуемъ свидѣтелей?.. Что вы думаете, чего Онъ достоинъ?»

«Смерти, смерти», повторили одинъ за другимъ старѣйшины. (Мѡ. 26, 59—63. Марк. 14, 55—64).

Сямъ кончился первый допросъ. Судіи и совѣтники разошлись, чтобы успокоясь нѣсколько сномъ, вновь собраться, при первомъ разсвѣтѣ и во второмъ собраніи подтвердить приговоръ, теперь сдѣланный.

L.

Господь, въ ожиданіи новаго собранія, выведенъ былъ изъ жилища первосвященника, гдѣ происходилъ совѣтъ, — на дворъ. До утра оставалось немного времени (два—три часа); но для него этотъ промежутокъ времени былъ весьма тяжелъ, потому что Онъ находился въ рукахъ буйной толпы, состояв-

шей изъ стражей храма и служителей первосвященническихъ. Тѣ и другіе почитали за долгъ выказать свое раздраженіе и презрѣніе къ человѣку, который, по ихъ мнѣнію, имѣлъ дерзость быть врагомъ ихъ начальниковъ: «Пророкъ Галилейскій! Мессія самозванецъ!» Такими насмѣшками началось поруганіе. Но скоро отъ словъ перешли къ ударамъ. Одни заушали Господа; другіе ударяли его по ланитамъ; иные плевали въ лице. Иные же закрывали лицо Его одеждою и при каждомъ ударѣ спрашивали: «угадай, Христосъ, кто Тебя ударилъ.»

Господь все сіи оскорбленія переносилъ молча, безъ всякаго ропота. (Мѡ. 26, 67, 68. Марк. 14, 65. Лук. 22, 63—65) *).

LI.

Съ разсвѣтомъ чертоги Каіафы снова наполнились старѣйшинами, фарисеями и книжниками. Уже не думали повторять розысканій, выискивать свидѣтелей (все это и прежде дѣлалось для одного вида): желали только — сообразно обычаю—не осуждать преступника въ одно засѣданіе, снова въ полномъ присутствіи Синедріона выслушать признаніе Господа, что Онъ есть Мессія, и въ слѣдствіе сего снова подтвердить приговоръ смертный.

Господь былъ введенъ въ собраніе. «Ты ли Христосъ, скажи намъ», спросилъ Каіафа.

«Если скажу вамъ, что Я Христосъ, отвѣчалъ Господь, вы не повѣрите; если же и спрошу васъ (о томъ, что могло бы вывести васъ изъ ослѣпленія), не будете отвѣчать Мнѣ, и (хотя бы Я доказалъ, что вы должны вѣрить словамъ Моимъ) не отпустите Меня. (Послѣ сего остается одно) отнынѣ Сынъ человѣческій возсядетъ одесную силы Божіей (не будетъ болѣе являться предъ ними въ видѣ уничиженнаго узника, а приметъ видъ всемогущаго Царя и Судіи).»

«И такъ Ты Сынъ Божій?» спросили судьи.

«Азъ есмь», отвѣчалъ Господь.

«Какое еще нужно намъ свидѣтельство, сказали судьи. Мы сами слышали изъ устъ Его.» И послѣ совѣщанія, по-

*) Ин. посл. дни, стр. 309, 310.

ложили: предать Его на казнь смертную Римскому правителю. (Лук. 22, 66 — 71, Мф. 27, 1) *).

Немедленно поднялось все их множество, и связавъ, повели Господа къ Понтію Пилату правителю. (Мф. 27, 2 Лук. 27, 1).

ЛП.

Между тѣмъ съ предателемъ Іудео произошло то, что испытываетъ всякій человѣкъ, допустившій діавола овладѣть собою посредствомъ какой либо страсти, и совершающій по его наущенію преступленіе. До совершенія дѣла, оно представляется ему самымъ вождѣннымъ или крайне для него необходимымъ, и если не вовсе преступнымъ, то по крайней мѣрѣ извинительнымъ и вовсе не ужаснымъ. Но какъ скоро преступленіе совершено, чары діавола, какъ туманъ, застилавшіе умъ, исчезаютъ и совершенное дѣло представляется во всей своей наготѣ, и мученіе совѣсти начинается терзать преступника. Такъ и Іуда, вслѣдъ за преданіемъ Господа, увидѣвъ всю гнусность своего поступка и совѣсть начала свои терзанія. Сначала онъ еще утѣшался надеждою, что Господь освободится отъ Своихъ враговъ, такъ же, какъ было неоднократно прежде. Но вотъ видитъ Его на дворѣ Каіафы поруганнымъ и истязаемымъ, а потомъ осужденнымъ и ведомымъ, какъ агнецъ, на закланіе. Тогда терзанія совѣсти дѣлаютъ ему самую жизнь невыносимою, и въ то время какъ Петръ слезами оmyваетъ свой грѣхъ, Іуда впадаетъ въ уныніе отчаянія, идетъ къ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, и возвращая полученные отъ нихъ сребряники, говоритъ: «согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную.» Когда же тѣ на это безсердечно отвѣчали: «что намъ до того? смотри самъ», онъ бросивъ сребряники въ храмъ, вышелъ, пошелъ и удавился, и когда низринулъ, чрево его разсѣлось и выпали всѣ внутренности его. (Мф. 27, 1, 2—5. Дѣян. 1, 18).

ЛПІ.

Первосвященники и книжники пришедши къ преторіи Пилатовой, т. е. къ зданію, гдѣ находился Пилатъ, не вошли

*) Иннок. посл. дни, стр. 316.

туда, чтобы не оскверниться предъ вкушеніемъ пасхи, а послали просить Игемона выйти на Лиоостротонъ — особую возвышенную площадку съ судейскимъ мѣстомъ, откуда въ то время обыкновенно Игемонъ производилъ судъ.

Такъ всегда бываетъ у лицемеровъ и изувѣровъ: губить невиннаго — ничего, а войти въ присутственное мѣсто — оскверненіе. *Пожирая верблудовъ*, они не забываютъ *отцѣдить комара*.

Пилатъ немедленно явился на Лиоостротонъ.

Первосвященники въ краткихъ словахъ объявили, что привели преступника, осужденнаго на смерть Синедріономъ и были въ увѣренности, что Пилатъ не будетъ за тѣмъ разбирать дѣла.

Но Пилатъ, по свойству Римскаго суда, не осуждать виновнаго безъ разсмотрѣнія дѣла, спрашиваетъ: «въ чемъ же вы обвиняете этого человѣка?»

«Если бы Онъ не былъ злодѣй, то ужели бы мы (всѣ члены Синедріона) предали Его тебѣ для казни?» отвѣчаютъ старѣйшины.

«Когда такъ, возразилъ Игемонъ, возьмите Его вы сами и по закону вашему судите — и наказывайте Его, какъ вамъ угодно.»

«Но Онъ выдаетъ Себя за Мессію, царя Израильскаго, и потому подлежитъ смертной казни, а намъ не позволено предавать смерти никого,» отвѣчали обвинители. (Іоан. 18, 23—31).

Послѣ сего Игемонъ, обратясь ко Господу, спросилъ: «Царь ли Ты Іудейскій?»

Господь отвѣчалъ рѣшительно: «Я царь.» (Лук. 23, 3).

Такой отвѣтъ удивилъ Пилата: предъ нимъ стоялъ такой человѣкъ, о которомъ нельзя было и подумать, чтобы Онъ имѣлъ виды на престолъ Іудейскій и осмѣлился спорить о правахъ на Іудею съ Кесаремъ. Чтобы разъяснить, въ какомъ смыслѣ Іисусъ называетъ Себя царемъ, и дать Ему болѣе свободы въ объясненіи своего лица и дѣйствій, Пилатъ вошелъ въ преторію и далъ знакъ Іисусу, чтобы Онъ слѣдовалъ за нимъ туда же.

«И такъ Ты царь Іудейскій?» вновь спросилъ Пилатъ.

«Отъ себя ли ты говоришь это, или другіе тебѣ сказали такъ обо Мнѣ? взаимно спрашиваетъ его Господь.

«Развѣ я іудей? отвѣчалъ Пилать. Твои сограждане и Первосвященники предали Тебя. И такъ, что Ты сдѣлалъ?»

Царство Мое, отвѣчалъ Господь, не отъ міра сего: если бы отъ міра сего было царство Мое; то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ: но царство Мое не отсюда.»

«И такъ Ты Царь? спросилъ еще Пилать, давая, безъ сомнѣнія, выразумѣть, какъ неумѣстно слово это въ устахъ обвиняемаго.

«Ты глаголеши, яко Царь Азъ есмь,» отвѣчалъ Господь, давая со своей стороны знать Игемону, что названія сего, какъ оно ни кажется ему опаснымъ,—нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обличителями и, въ чистомъ своемъ смыслѣ, совершенно сообразно съ истиною. *«Азъ на сіе родихся»*, продолжалъ Онъ, какъ бы въ оправданіе Своей твердости въ употребленіи опаснаго, но истиннаго названія,— *«и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину»* (съ какою бы опасностію это свидѣтельство ни было сопряжено), *и всякъ, иже есть отъ истины* (для кого она дорога и у кого есть въ душѣ чувство истины), *послушаетъ гласа Моего.*»

Въ Римѣ въ то время почти въ народное присловіе обратилось изрѣченіе одного тамошняго писателя Горація: «ты правитель (гех), если право поступаешь.» Такъ же Римскимъ вельможамъ было извѣстно ученіе философовъ, называемыхъ стоиками, что «истинный мудрецъ и человѣкъ добродѣтельный есть царь.» А потому Пилать былъ способенъ понять отвѣтъ Господа, если не въ христіанскомъ, то въ философскомъ смыслѣ. Но такъ какъ Господь слишкомъ много, по его мнѣнію, усвоилъ истинѣ; то Пилать сказалъ: «что есть истина?» «вышелъ вонъ изъ преторіи къ первосвященникамъ, т. е. какъ бы такъ сказалъ Господу: Ты рѣшаешься жертвовать истинѣ всѣмъ, но что такое истина? Доселѣ ни одинъ философъ не только не нашелъ, даже не опредѣлилъ ея: думай не о истинѣ, а о жизни.»

Какъ бы то ни было, но по выходѣ изъ преторіи, Пилать рѣшительно объявилъ Іудеямъ, что онъ вслѣдствіе допроса, находитъ Иисуса Христа совершенно невиннымъ (Іоан. 18, 33—38) *).

*) Инок. л. д. 339 — 340.

Тогда первосвященники и книжники еще съ большимъ ожесточеніемъ начали клеветать на Иисуса Христа, обвиняя Его, будто бы Онъ запрещаетъ давать податъ Кесарю; развращаетъ и возмущаетъ народъ, уча по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи. (Мар. 15, 3. Лук. 18, 2. 5).

Господь на все это не сказалъ ни слова. «Что же Ты не отвѣчаешь?» спросилъ Пилать, «видишь, какъ много противъ тебя обвиненій!»

Но Господь продолжалъ безмолвствовать.

Это привело въ удивленіе Пилата (Мар. 15, 4. 5).

Но что бы могъ говорить Господь?... Что обвиненія ничѣмъ не доказаны?.. Но это было ясно самому Пилату. Обвинять самихъ обвинителей въ клеветѣ по злобѣ къ Нему? въ опроверженіе клеветъ выставить Свои добрыя дѣла и Свое ученіе и краснорѣчіемъ стараться расположить къ Себѣ Пилата? Но все это недостойно было Господа.

Между тѣмъ Пилать очень хорошо понималъ, что выказываемая въ настоящемъ случаѣ первосвященниками ревность о пользахъ и безопасности Римскаго правительства, есть одна только личина. Съ другой стороны кроткое спокойствіе Господа, Его возвышенный и свѣтлый образъ мыслей о царствѣ истины, неизъяснимое величіе въ Его лицѣ и взорахъ не позволяли и думать, чтобы въ душѣ Его могли быть какіе либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата въ пользу подсудимаго. Но какъ защитить Его отъ преслѣдованія враговъ, столь упорныхъ, могущественныхъ и хитрыхъ? Тонкій расчетъ Игемона нашелъ въ самыхъ обвиненіяхъ средство, если не спасти невиннаго узника отъ казни, то отклонить отъ себя жестокой удѣлъ осудить Его на казнь.

«Вы говорите, сказалъ Пилать, обратясь къ Іудеямъ, что Онъ началъ возмущать народъ въ Галилеи; развѣ Онъ Галилеянинъ?»

«Галилеянинъ», отвѣчали тѣ.

И вотъ, подъ предлогомъ нежеланія вмѣшиваться въ дѣла, принадлежація чужему правленію, Пилать рѣшился отослать Иисуса Христа на судъ Ирода Антипы, царствовавшего тогда, по милости Римлянъ, въ Галилеѣ. Въ другое время исполненіе сего намѣренія потребовало бы нѣсколько недѣль; потому что мѣстопробываніемъ Ирода былъ городъ Тиверіада, отстоящій отъ Іерусалима не на малое разстояніе: но теперь это

могло быть сдѣлано въ продолженіи одного часа; потому что Иродъ Антипа, исповѣдуя Іудейскую религію, находился теперь въ Іерусалимѣ для совершенія Пасхи. Отелоняя столь благовиднымъ образомъ отъ себя судопроизводство надъ Іисусомъ Христомъ, Пилать могъ еще при этомъ надѣяться, что такая неожиданная учтивость послужитъ къ примиренію съ нимъ потомка Ирода Великаго, съ которымъ тогда Пилать былъ во враждѣ.

Вслѣдствіе сего Божественный Узникъ немедленно былъ отосланъ къ Ироду, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ изъ Синедріона, то есть, въ узахъ и подъ стражею. Туда же должны были слѣдовать первосвященники и прочіе члены Синедріона. (Лук. 23, 2—7) *).

LIX.

Иродъ Антипа, къ коему на судъ явился Агнецъ Божій, былъ сынъ Ирода Великаго, тотъ самый деспотъ, который, въ угодность незаконной женѣ своей Иродіи, лишилъ жизни Іоанна Крестителя. Онъ зналъ Господа только по слухамъ: о чудесахъ Его слышалъ весьма много; слышалъ, конечно, что либо и объ Его ученіи; но быть слушателемъ Іисусовымъ въ Иродѣ не было никакого желанія; хотѣлось только ему видѣть какое либо чудо. По-чему появленіе теперь въ его дворцѣ Іисуса Христа было для него очень пріятно.

Посланные отъ Пилата изъяснили, безъ сомнѣнія, Ироду, въ чемъ состоитъ дѣло; по чему Римскій судія не произнесъ осужденія на Іисуса Христа и отослалъ Его къ правителю Галилейскому: то есть, что обвиняемый, находясь въ Іудеѣ, не сдѣлалъ ничего, заслуживающаго казни, для Него требуемой, и что теперь остается Ироду разсмотрѣть: не сдѣлалъ ли его подданный чего-либо такого въ Галилеи, какъ утверждали между прочимъ обвинители.

Но Иродъ не думалъ объ изслѣдованіи дѣла, котораго незначительность въ гражданскомъ отношеніи была для него столько же очевидна, какъ и для Пилата. Онъ для удовлетворенія своего любопытства сталъ предлагать Господу мно-

жество вопросовъ, вѣроятно относительно совершенныхъ Имъ чудесъ. Господь не отвѣчалъ ни слова, не показавъ даже вида, что Онъ расположенъ удовлетворить желанію Ирода — видѣть отъ Него какое-либо чудо.

Сынъ человѣческій и здѣсь является въ томъ же величіи, въ какомъ мы видѣли Его при началѣ служенія, когда, искушаемый въ пустынѣ, Онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ предложеніе сатаны — употребить въ личную свою пользу даръ чудесъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иродъ, увидѣвъ какое либо чудо, освободилъ бы Чудотворца отъ опасности, ему угрожавшей; но творить, въ угодность Ирода и царедворцевъ его, чудеса значило бы унижать Св. Духа, силою Коего онъ совершался, — повергать святое псамъ.

Иродъ не понималъ истиннаго величія, и не получивъ удовлетворенія своему любопытству, предался сильному негодованію.

Пользуясь симъ, первосвященники повторили свои клеветы на Іисуса Христа.

Но Иродъ, не смотря на свое негодованіе, не былъ расположенъ вѣрить клеветамъ ихъ, такъ какъ хорошо зналъ, что Обвиняемый, по своему гражданскому положенію, образу дѣйствія и ученію нимало не опасенъ для правительства. Не дождавшись же отъ Него никакого чуда, Иродъ принялъ Его за искусника, который между простымъ народомъ успѣлъ прослыть чудотворцемъ, но въ присутствіи просвѣщенныхъ царедворцевъ принужденъ прибѣгать къ молчанію. Такіе люди, думалъ Иродъ, заслуживаютъ не смерть, а осмѣяніе, и самъ первый началъ издѣваться надъ Господомъ. Толпа царедворцевъ послѣдовала его примѣру и Сынъ человѣческій былъ осмѣянъ, поруганъ столько, сколько праведникъ можетъ быть осмѣянъ при дворѣ, подобномъ двору Ирода.

Въ довершеніе всѣхъ насмѣшекъ, Иродъ велѣлъ надѣть на Іисуса Христа длинную, бѣлую, лоснящуюся одежду. Въ Римѣ такую одежду надѣвали на себя всѣ тѣ, кои приготовлялись искать у народа какой либо должности. Такъ, думалъ насмѣшливый деспотъ, долженъ быть одѣтъ и тотъ, кто имѣлъ безразсудство представлять изъ себя, хотя безъ особыхъ умысловъ и дальнихъ послѣдствій, царя Іудейскаго.

Въ этой самой одеждѣ Іисусъ Христосъ отосланъ былъ обратно на судъ къ Пилату. Такимъ образомъ Иродъ взаим-

*) Иннок. п. д. 341—344.

ною учтивостію думаль отплатить за учтивость Пилата и показать, что онъ перестаетъ быть его недругомъ. (Лук. 23, 6—12 *).

LV.

Въ то время, какъ Іисусъ Христосъ находился во дворцѣ Иродовомъ, предъ домомъ Пилата болѣе и болѣе собирався народъ, чтобы, по существовавшему обычаю, въ честь праздника Пасхи требовать освобожденія одного изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ. Въ то время народъ былъ возбужденъ просить свободы Вараввѣ, преступнику весьма важному, которымъ были произведены возмущеніе и убійства, и который теперь съ своими сообщниками сидѣлъ въ темницѣ, ожидая казни.

Когда привели обратно Іисуса Христа, Пилать принужденъ былъ снова начать судъ. Поруганія, которымъ Господь подвергнутъ былъ отъ Ирода и насмѣшливое одѣяніе, въ которомъ Онъ возвращенъ, давали разумѣть Пилату, что Правитель Галилейскій почитаетъ Узника за мечтателя, который достоинъ осмѣянія, и долженъ быть наказанъ чѣмъ либо....

И такъ, желая угодить Ироду и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать снисхожденіе Синедріону, Пилать, подзавъ къ себѣ членовъ Синедріона и народъ, сказалъ имъ: вотъ вы привели ко мнѣ этого чловѣка, какъ возмутителя народнаго спокойствія; но я при васъ самихъ запрашивалъ Его и нашелъ совершенно невиннымъ въ томъ, въ чемъ вы Его обвиняете. Иродъ, къ которому я посылалъ Его, сколько вижу, тѣхъ же мыслей; по крайней мѣрѣ онъ нисколько не нашелъ въ Немъ преступленія, достойнаго смерти; и такъ я не могу, по вашему желанію, осудить Его. Наказать, я накажу; но послѣ долженъ возвратитъ Ему свободу, какъ невинному.» (Лук. 23, 13—15).

Но первосвященники, видя, что Пилать изъ снисхожденія къ нимъ готовъ наказать невиннаго, сдѣлались тѣмъ неуступчивѣе и объявили рѣшительно, что они, кромѣ смертной казни, не удовлетворятся никакимъ другимъ наказаніемъ.

*) Иннок. посл. дни 345—350.

Въ это время праздная толпа зашумѣла, изъявляя неудовольствіе, что Игемонъ медлитъ исполнить народный обычай — освободить ради праздника одного изъ преступниковъ.

Зная, что народъ намѣренъ просить Варавву, Пилать думаль, что если поставить Іисуса наряду съ этимъ разбойникомъ, то народъ навѣрно предпочтетъ послѣднему Іисуса, котораго первосвященники преслѣдовали изъ зависти за народную любовь къ Нему.

По сему Пилать, обратясь къ народу, сказалъ: «хорошо, я готовъ исполнить ваше требованіе; слышно, что вамъ хочется просить свободы Вараввѣ. Не препятствую. Впрочемъ предлагаю вмѣстѣ съ нимъ на выборъ другаго. Хотите ли, чтобы я отпустилъ вамъ Іисуса, такъ называемаго, Христа, Царя Іудейскаго.» (Мат. 27, 17.) Мар. 25, 6). (Іоан. 18, 39).

Когда послѣ сего первосвященники и народъ нѣсколько удалились для совѣщанія, а Пилать оставался на судейскомъ мѣстѣ, посреди лиоостротона, жена его прислала къ нему слугу сказать: «не дѣлай ничего Праведнику тому; потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него.» (Мат. 27, 19).

Между тѣмъ первосвященники и старѣйшины употребляли всѣ способы къ наущенію народа противъ Іисуса Христа. (Мат. 27, 20.) (Мар. 15, 11.) Успѣхъ въ этомъ былъ тѣмъ удобнѣе для нихъ, что народная толпа состояла большею частію изъ Іерусалимлянъ, которые были приверженнѣе другихъ къ фарисеямъ, не любили Галилеянъ и вообще были развращеннѣе и горделивѣе. Чтобы раздражить такую толпу противъ Господа, достаточно было врагамъ Его сказать: «Галилеянинъ вздумаль объявить себя Мессіею! Синедріонъ призналъ Его за богохульника и лжеца. Да сами посмотрите: если бы Онъ былъ Мессія, то дошелъ ли бы до теперешняго состоянія, позволилъ ли бы обходиться съ собою какъ съ рабомъ, согласился ли бы служить посмѣшищемъ для Иродовыхъ слугъ?... При этомъ ничего не препятствовало фарисеямъ представлять Варавву патріотомъ и произведенное имъ возмущеніе изображать въ видѣ ревности къ отечественной независимости.

Когда наущенная такимъ образомъ толпа приблизилась къ лиоостротону, Пилать спросилъ: «И такъ, кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ; хотите ли, чтобы я отпустилъ Царя Іудейскаго?»

«Не Его, раздалось въ толпѣ, не Его, а Варавву!»

Пилать смутился, и въ замѣшательствѣ мыслей спросилъ: «что же мнѣ сдѣлать съ таѣмъ называемымъ Царемъ Іудейскимъ?»

«Распи, распи Его!» кричала чернь.

Но какое зло сдѣлалъ Онъ? еще спросилъ Игемонъ.

«Распи, распи Его!» продолжала кричать толпа. (Мат. 27, 21—23.)

«Нѣтъ, отвѣчалъ Пилать, раздраженный неудачею; что прежде я сказалъ, то и будетъ: наказать Его, я накажу, а потомъ отпущу.» (Лук. 23, 22.)

Послѣ этого тотчасъ дано повелѣніе: Варавву освободить, а Іисуса Христа подвергнуть бичеванію.

LVI.

Бичеваніе было однимъ изъ самыхъ поносныхъ и мучительныхъ наказаній, опредѣляемыхъ у Римлянъ за важныя преступленія большею частію для рабовъ и тѣхъ, кои не имѣли права Римскаго гражданства. Бичи дѣлались изъ веревокъ или ремней, въ которые по мѣстамъ вдѣвались острые колючки, или металлическія палочки. Число ударовъ и прочія подробности этого наказанія не были опредѣлены закономъ, а представлялись произволу воиновъ, которые у Римлянъ совершали всѣ казни; а для этихъ грубыхъ людей бичеваніе составляло родъ потѣхи. По чему подъ бичами нерѣдко умирали наказываемые.

Вслѣдствіе даннаго приказанія, Іисусъ Христосъ былъ отвезенъ на дворъ Преторіи, гдѣ производились подобныя наказанія; потомъ собрана была вся спира — все войско бывшее при преторіи. Пречистое тѣло Господа привязано было къ столбу и подвергнуто самому жестокому бичеванію.

Насытивъ свою жестокость, воины перешли отъ мученій къ насмѣшкамъ. Вздумали заставить Іисуса представлять лице Царя, возводимого на царское достоинство. Для этого на обнаженное, покрытое ранами и кровію, тѣло Господа, накинули червленую, ветхую хламиду: родъ короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тѣла, которая застегивалась на правомъ плечѣ, и была въ употребленіи между важными военными людьми. Потомъ нѣкоторые изъ воиновъ

для той же цѣли сдѣлали на скоро вѣнокъ изъ тернистыхъ вѣтвей и надѣли его на голову Господа. Теперь недоставало только послѣдняго знака царской власти — скипетра: вмѣсто его вложили въ руку Іисуса Христа палку изъ тростника.

Послѣ этого начались ругательства самыя грубыя: воины, по одиночкѣ подходя къ Іисусу Христу, падали предъ нимъ на колѣна и говорили: «радуйся, Царь Іудейскій!» потомъ вставали, плевали Ему въ лице, и взявъ изъ руки Его трость, били по главѣ. (Мат. 27—30). (Мар. 15, (16—19). (Іоан. 19, 1—3).

Среди такихъ поруганій Господь, какъ *амецъ, ведомый на закланіе, не отверзалъ устъ Своихъ*. Будучи злословимъ, не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ; но предавалъ и Себя и мучителей Своихъ Своему Отцу, Судіи праведному. (Ис. 53. 7. Петр. 11, 23).

LVII.

Между тѣмъ Первосвященники и народъ, не смотря на объявленіе Игемона, что бичеваніемъ Іисуса Христа должно кончиться все дѣло, продолжали стоять у Преторіи съ явнымъ намѣреніемъ требовать Его смерти. Снисхожденіе, имъ оказанное, увеличивающаяся толпа народа, все болѣе и болѣе наущаемая и становившаяся все дерзче и дерзче, ободряли къ новому упорству и дерзостямъ. Пилать видѣлъ это и понималъ, что при малѣйшемъ раздраженіи многочисленная толпа мятежной черни готова отважиться на все.

Оставивъ Лиоостротонъ, онъ идетъ въ Преторію къ воинамъ, дабы видѣть, какъ исполнено его повелѣніе. Увы, оно исполнено было слишкомъ усердно!... Исполнено такъ, какъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ, равнодушный къ положенію Узника, Римлянинъ!... Взглядъ на жалостное положеніе Узника, безчеловѣчіе, надъ Нимъ оказанное, и кроткій Божественный видъ Страдальца еще болѣе убѣдили Игемона въ той мысли, что если для подсудимаго, по обстоятельствамъ, неизбѣжно было какое либо наказаніе: то Онъ наказанъ уже слишкомъ много. Но какъ спасти Его? Показать въ семъ самомъ видѣ народу? — Ужели, думалъ Пилать, и этотъ жалостный видъ не тронетъ враговъ Его, особенно тѣхъ изъ Іудеевъ, которые не имѣютъ къ Нему личной ненависти?

Въ сихъ мысляхъ Пилать возвращается на Лиоостротонъ и велить Иисусу слѣдовать за собою. «Вотъ, сказалъ онъ народу, я вывожу Его вамъ, чтобы вы снова знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины.» (Іоан. 19, 4).

Въ тоже время вошелъ туда Иисусъ Христосъ — истерзанный, оплеванный, въ крови, въ терновомъ вѣнцѣ и въ одеждѣ поруганія. Онъ теперь предсталъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ возвѣстилъ Его Пророкъ Ісаія: *какъ корень въ землѣ жаждущій, нѣтъ въ Немъ вида, ни красоты; видъ Его умаленъ и безчестенъ, паче всѣхъ сыновъ человеческихъ; Онъ чловѣкъ въ язвъ суцїй и видущій терпѣть бользнъ; всѣ отвергаютъ лице свое отъ Него; Онъ поруганъ и вмнѣнъ въ ничто.*

«Вѣдь это чловѣкъ!» воскликнулъ Пилать, указывая на Господа (Іоан. 19, 5).

Слова сіи и положеніе Господа дѣйствительно тронули многихъ изъ Іудеевъ. Но все таки раздалось еще нѣсколько голосовъ: распять, распять Его!.. но уже не съ такимъ свирѣпствомъ. Замѣтя это, Первосвященники, Старѣйшины и книжники сами начали кричать, а за ними вся многочисленная толпа — слугъ ихъ и приверженцевъ: «распи, распни Его.»

Тогда Пилать говоритъ имъ: «возьмите Его вы, и распните; а я (по законамъ Римскимъ) не нахожу въ Немъ вины.» (Іоан. 19, 6).

«Мы имѣемъ законъ, отвѣчали они: и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что выдавалъ Себя за Сына Божія.» (Іоан. 19, 7).

«Услышавъ сіе слово, замѣчаетъ Св. Іоаннъ, Игемонъ еще болѣе испугался (Іоан. 19, 8). Прежде сего онъ опасался осудить невиннаго чловѣка, праведника, теперь страшился произнести приговоръ надъ Сыномъ Божиимъ, за Котораго Богъ-Отецъ Его, кто бы онъ ни былъ, долженъ жестоко отмстить ему; ибо Пилать, какъ язычникъ, нисколько нечуждъ былъ языческаго суевѣрія, что боги иногда въ видѣ чловѣческомъ низходятъ на землю и рождаютъ полубоговъ. Ничего невозможнаго не находилъ онъ и въ томъ, чтобы такой полубогъ явился въ Іудеѣ, подвергся узамъ и предсталъ его судилищу: ибо языческая религія допускала, что и самые боги принимали иногда видъ бѣдныхъ странниковъ, и полубоги подвергались иногда даже оскорбленіямъ и уничтоже-

нію. — Напротивъ догадкою, не полубогъ-ли находится въ его судилищѣ, изъяснялось для Пилата многое, чего онъ прежде никакъ не могъ рѣшить: и чудный сонъ жены его въ пользу Узника, ей неизвѣстнаго, иновѣрнаго, и необыкновенные поступки Господа: Его молчаніе, необыкновенное терпѣніе, высота мыслей и чувствованій *).

Полный страха и сомнѣнія, Пилать опять выходитъ въ Преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою Иисусу Христу.

«Откуда Ты?» спрашиваетъ Его. Но Иисусъ не отвѣчалъ ему. (Іоан. 19, 9).

Да и былъ ли достоинъ знать святѣйшую изъ тайнъ суевѣрный язычникъ, который спрашивалъ Господа не по любви къ истинѣ, а по страху, послѣ того, какъ совершенно вопреки своей совѣсти, подвергъ Его мучительному бичеванію? Онъ даже неспособенъ былъ понять тайну предвѣчнаго происхожденія лица Иисусова, которая, по высотѣ своей, не могла найти себѣ мѣста даже въ умѣ Первосвященниковъ и книжниковъ, всегда почитавшихъ на законѣ Моисеевомъ. При томъ избавить Себя отъ смерти повѣствованіемъ о Своемъ небесномъ происхожденіи было совершенно несообразно съ нравственнымъ достоинствомъ Иисуса Христа, Который отречся отъ всѣхъ сверхъестественныхъ средствъ къ Своему освобожденію; Ему угодно было, чтобы Его судили какъ чловѣка, а не какъ Сына Божія **).

Причины молчанія Иисусова для Пилата были недомыслимы, но оно казалось ему крайне неумѣстнымъ, а потому онъ съ надмѣнностію сказалъ: «мнѣ ли не отвѣчаешь? развѣ не знаешь, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?»

Господь отвѣчалъ: «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, еслибы не было дано тебѣ свыше; по чему болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ.»

Смѣлое указаніе Иисусомъ Христомъ на Судію Небеснаго, явный намѣкъ на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, полная рѣшимость исполнить Свое великое предназначеніе, прозрѣніе въ тайну совѣсти Пилатовой, произвели то, что Пилать послѣ этого началъ еще усерднѣе искать средства спасти Иисуса Христа отъ смерти и отпустить Его.

*) Иннок. посл. дни Ч. 4., стр. 364.

**) Иннок. посл. дни стр. 365—366.

Но Иудеи закричали: «ты хочешь отпустить Его? но знай, что если ты Егопустишь, ты не друг Кесарю: всякій, кто называет себя царемъ, есть противникъ Кесарю.» (Іоан. 19, 10—12).

При такихъ неожиданныхъ словахъ, внезапно исчезла вся твердость Пилата. Теперь открывалось, что Первосвященники готовы перенести дѣло на судъ Кесаря, чтобы тамъ обвинить вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ и Пилата, какъ измѣнника, который не радитъ о чести и выгодахъ своего владыки. Это тѣмъ болѣе ужасало Пилата, что въ то время Кесаремъ — Императоромъ Римскимъ былъ Тиверій, у котораго самые безстыдные извѣты всегда находили себѣ довѣріе и награду и который, не имѣя довѣрія и жалости даже къ роднымъ, казнилъ всякаго, по самымъ маловажнымъ подозрѣніямъ.

Кромѣ того необузданная, наущенная Фарисеями толпа становилась часть отъ часу наглѣе и мятежнѣе. (Мѡ. 27, 24.) Можно было ожидать народнаго возмущенія и за него надлежало бы отвѣчать предъ Кесаремъ. Что же, еслибы Тиверій узналъ, что единственною причиною возмущенія былъ отказъ, сдѣланный Пилатомъ народу Іудейскому, требовавшему казни для личнаго врага Тиверіева, какимъ предполагался мнимый домогатель престола Іудейскаго?

Сообразивъ все это, легко понять, какимъ образомъ *крикъ народа и Первосвященниковъ* (Лук. 23. 23) превозмогъ, и Пилать, рѣшившись уступить необходимости, взомель на судейское мѣсто для окончанія суда. Господь, доселѣ остававшійся въ преторіи, былъ выведенъ на линоостротонъ. Обвинители такъ же приблизились; вмѣсто шума заступила тишина.... всѣ ожидали, что скажетъ Игемонъ и чѣмъ кончится дѣло, столь необыкновенное.

«Се царь вашъ!...» воскликнулъ невольно Пилать, при взглядѣ на Того, Котораго надлежало теперь, вопреки совѣсти и желанію, осудить на смерть.

«Смерть Ему! распять, распять Его!» закричала буйная толпа.

«Какъ? Царя вашего распять?...»

«Распать, распать Его!» У насъ нѣтъ, присовокупили Первосвященники, Царя, кромѣ Кесаря.» (Іоан. 19, 13—15).

Теперь надлежало произнести приговоръ на *Праведника*.

Мысль эта была тяжела для Римлянина. Въ такомъ случаѣ люди ищутъ какой бы то ни было опоры своей совѣсти. Пилать скоро нашелъ еѣ въ обыкновеніи омывая руки въ знакъ своей невинности. Велѣлъ принести воды, и омывая руки, воскликнулъ: «невиновенъ я въ крови праведника сего! Смотрите вы!»

«Кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ... закричалъ народъ.» (Мѡ. 27, 24, 25).

Тогда земный судія произнесъ смертный приговоръ на Судію живыхъ и мертвыхъ и предаль Его на распятіе *).

LVIII.

Крестная казнь была самая мучительная и самая поносная изъ всѣхъ ужасныхъ казней, изобрѣтенныхъ безчеловѣчіемъ тогдашнихъ властителей. Распинали только рабовъ, которые тогда едва почитались за людей, да разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія.

И такую-то казнь Отецъ Небесный благоволилъ избрать для Единороднаго, возлюбленнаго Сына Своего за грѣхи людскіе, принятыя Имъ на Себя!.. Вотъ воистину Божественное указаніе какъ на то, къ чему приводитъ челоуѣка уклоненіе отъ пути, назначеннаго Ему Творцемъ, такъ и на то, что спастись отъ пагубныхъ слѣдствій грѣха мы можемъ только тогда, когда наши мысли и пожеланія такъ же утвердимъ въ волѣ Божіей и такъ же пригвоздимъ наши плотскія похоти къ страху Божію, какъ Сынъ Божій въ исполненіе воли Своего Отца, далъ пригвоздить ко кресту пречистую плоть Свою.

И такъ, Иисусъ Христосъ, послѣ осужденія Его, немедленно былъ преданъ воинамъ: Тѣ сняли съ Него багряницу, одѣли Его въ собственную Его одежду и возложи на Него крестъ, повели за городъ, на мѣсто, гдѣ производились казни. Съ Нимъ такъ же вели на казнь двухъ преступниковъ, которые то же осуждены были на распятіе и сами несли свои кресты.

Открылось необыкновенное зрѣлище! Тотъ, Кого народъ

*) Иннок. посл. дни, ч. IV, стр. 367—376.

Иерусалимскій всегда слушалъ съ восторгомъ, бесѣдующаго въ храмѣ, Который, казалось, повелѣвалъ всею природою, давая исцѣленіе слѣпорожденнымъ, изгоняя бѣсовъ, воскрешая мертвыхъ; Которому еще за нѣсколько дней оказываемо было уваженіе, какъ потомку Давида, какъ Царю Израилеву, — проходилъ пространными стогнами Иерусалимскими, посреди двухъ злодѣевъ, влача за Собою тяжелый крестъ! Теперь то особенно должны были исполниться слова, сказанныя нѣкогда І. Христомъ о своемъ униженномъ состояніи: *блаженъ есть, еще не соблазнится о Мнѣ!* (Мѣ. 11, 6). За осужденными слѣдовало множество народа и въ главѣ народной — торжествующіе обвинители — члены Синедріона. Бывшія въ толпѣ женщины, видя истерзаннаго, изнемогающаго подъ крестомъ Иисуса, не могли удержаться отъ слезъ, жалостныхъ криковъ и воплей.

Господь, обратясь къ нимъ, сказалъ: «дщери Иерусалимскія! не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ. Ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блуждающія, и утробы неродившія, и сосцы не питавшіе. Тогда начнутъ говорить горама: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ. Ибо, если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ; то съ сухимъ что будетъ?» (Лук. XXII, 27—31).

Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ Иудейскій слышалъ изъ устъ своего Мессіи, произнесенная съ самымъ нѣжнымъ чувствомъ любви къ ближнимъ.

Когда приблизились къ городскимъ воротамъ, Иисусъ Христосъ изнемогъ до того, что не въ силахъ былъ далѣе нести Своего креста, и преклонился подъ нимъ. Въ это время навстрѣчу шелъ, возвращаясь съ села, нѣкто Симеонъ Киринейскій. Онъ былъ вѣроятно изъ числа послѣдователей Иисуса Христа, и видя Его, обнаружилъ явно жалость и состраданіе. Замѣтивъ это, воины остановили Симона, возложили на него крестъ Иисуса Христа и заставили нести, а чтобы кто не подумалъ, что онъ самъ осужденъ на распятіе, заставили Иисуса Христа идти прямо впереди его. (Мѣ. XXVII, 32. Марк. XV, 21. Лук. XXIII, 26).

LIX.

Наконецъ достигли Голгофы, или лобнаго мѣста. Такъ называлась одна изъ горныхъ сѣверо-западныхъ возвышенно-

стей, окружающихъ Иерусалимъ, на которой производились казни. Древнее преданіе Иудейской церкви утверждало, что на этой горѣ погребена была глава Адама; и вотъ, надъ сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама втораго. Здѣсь же Авраамъ поднялъ жертвенный ножъ на своего единокровнаго Исаака; а вотъ теперь надъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ имѣло на самомъ дѣлѣ совершиться то, что въ Исаакѣ послужило токмо къ прообразованію будущаго.

Между тѣмъ какъ воины ставили и укрѣпляли кресты, Иисусу дано было по обычаю питьѣ, состоящее изъ вина, смѣшаннаго съ смирною. Такое смѣшеніе, произведя омраченіе разсудка, дѣлало не такъ чувствительными страданія распятыхъ. Но вино было кисло какъ уксусъ, а смирна горька какъ желчь. (Матѣ. XXVII, 33—34. Марк. XVI, 22—28).

Господь принялъ чашу съ этимъ питьемъ, но отвѣдавъ, отдалъ назадъ. (Мѣ. XXVII, 33—34. Марк. XV, 22—23). Чаша холодной воды, можетъ быть, была бы Имъ выпита, потому что продолжительное изнеможеніе силъ, въ коемъ Онъ находился, рождало жажду, но питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто Единъ за всѣхъ пилъ чашу гнѣва Божія. Не смотря на жестокость мученій, ожидавшихъ Его, на крестѣ, Сынъ человѣческій хотѣлъ претерпѣть ихъ все съ полнымъ сознаниемъ. Но другаго охлаждающаго питья безъ смирны или не было, или враги Господа не позволили дать. Такъ исполнились слова Пророка: *дана въ смѣдь мою желчь и съ жаждою напоиша мя оцта.* (Пс. LXXIX, 22).

Когда кресты были утверждены въ землѣ, воины, слѣдуя обычаю, сняли съ Иисуса Христа всю одежду, взяли пречистое тѣло Его, приподняли на крестъ, распростерли руки, и начали прибавлять ихъ къ дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вмѣсто стоновъ и воплей, обыкновенныхъ и неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ, изъ устъ распинаемаго Господа слышалось другое. Въ ту минуту, когда, по всей вѣроятности, ожесточенные враги Его съ злобною радостію слѣдовали взорами за каждую чертою Его лица, ожидая видѣть выраженіе муки, Господь кротко возвелъ очи къ небу и сказалъ: „*Отче, прости имъ! Не вѣдятъ бо что творятъ!*“

Таково послушаніе даже до смерти, и смерти крестной!

Того, который предалъ Его въ руки враговъ, попустилъ осудить на мученія и смерть, Божественный страдалецъ называетъ Своимъ Отцемъ, точно такъ же, какъ называлъ Его при гробѣ Лазаря, или когда гласъ съ неба вслухъ всего народа свидѣтельствовалъ о Его Божественномъ достоинствѣ. Заповѣдавъ послѣдователямъ Своимъ молиться за враговъ, Богочеловѣкъ подаетъ теперь примѣръ сей высокой молитвы, подаетъ въ минуту ужаснѣйшихъ страданій отъ враговъ своихъ. Ближайшимъ образомъ слова этой молитвы, конечно, относились къ распинавшимся воинамъ (кои виновны были не тѣмъ, что исполняли дѣло своего званія, но что, слѣдуя внушеніямъ іудеевъ, обнаруживали излишнюю жестокость); но въ самомъ дѣлѣ ходатайственная молитва Господа обнимала собою всѣхъ враговъ Его: изъ нея не исключался ни Каіафа, ни Пилать, ни Иродъ. Ибо всѣ они, при всей злобѣ, или лукавствѣ, дѣйствительно не знали сами, что дѣлали. Ибо, «если бы знали, говорить св. Павелъ, то не распяли бы Господа славы.»

Впрочемъ это не значить того, чтобы не было виновныхъ въ смерти Господа. Кто бы не могъ разумѣть, еслибы захотѣлъ того, что уразумѣлъ и съ такою силою исповѣдалъ силою отчаянный Іуда? Посему-то и Господь говорить: «*прости имъ!*»

Безъ молитвы Господа, можетъ быть, природа не перенесла бы поруганія Творцу своему, и враги Его, подобно врагамъ Моисея и Аарона, были бы пожерты землею, которая съ трепетомъ держала на себѣ Его крестъ.

LX.

Распявъ Иисуса Христа, распяли и двухъ разбойниковъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону. Такъ исполнилось пророчество Исаи, что *Христосе вмѣненъ съ беззаконными*. (Ис. 58, 12).

Потомъ надъ главами распятыхъ, по обычаю, прибиты были выбѣленные дощечки съ надписью имени и преступленія распятаго. Но надъ главою Господа, вмѣсто объясненія

*) Инн. посл. дни. Ч. V, стр. 391—409.

вины было написано — на Латинскомъ, Греческомъ и Іудейскомъ языкахъ: — *«Иисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій»*. Это было сдѣлано по приказанію самаго Пилата.

Такъ какъ по этой надписи выходило, что распятъ дѣйствительно Царь Іудейскій, то Первосвященники поспѣшили было къ Пилату съ просьбою перемѣнить её. «Не надобно, говорили они, писать: *Царь Іудейскій*, а написать, какъ Онъ Самъ (Иисусъ Христосъ) говорилъ: Я Царь Іудейскій». (Мат. 26; 37 — 38; Мар. 15; 26 — 28; Іоан. 19. 19 — 22).

Но Пилать отвѣчалъ: «что я написалъ, то написалъ». Надпись осталась таже, и Первосвященники со стыдомъ и досадою возвратились на Голгоѳу.

Такъ язычникъ Пилать, составляя въ досаду Первосвященникамъ надпись, послужилъ, самъ того не зная, орудіемъ Всевышняго Промысла, торжественно чрезъ ту надпись провозгласившаго въ слухъ всѣхъ народовъ, что Сей Распятый есть дѣйствительно Царь Іудейскій, и что между тѣмъ какъ народъ Іудейскій будетъ отвергаться сего царства Христова, всѣ народы языческіе, одинъ за другимъ, признають Его своимъ Царемъ, Спасителемъ и Господомъ.

LXI.

Окончивъ распятіе, воины начали дѣлить между собою одежды распятыхъ. Верхнюю одежду и прочее одѣяніе Иисуса Христа они раздѣлили между собою на четыре части, каждому воину по части. Еще оставался хитонъ, или нижняя одежда; онъ былъ несшитый, а весь тканый сверху донизу. Воины сказали другъ другу: «не станемъ раздирать его, а бросимъ о немъ жеребій, чей будетъ», и бросили жеребій. (Іоан. 19, 23, 24).

Такъ буквально исполнилось пророчество: «раздѣлили ризы Мои между собою, и объ одеждѣ Моей бросили жеребій». (Пс. 21, 19).

Между тѣмъ проходящіе злословили Иисуса Христа, покивая головами своими и говоря: уа! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій! спаси Себя Самаго. Если Ты Сынъ Божій; сойди со креста.

Подобно и Первосвященники съ книжниками, старѣйшинами и фарисеями, насмѣхаясь, говорили: другихъ спасать, а Себя Самого не можетъ спасти. Если Онъ Царь Израилевъ; пусть теперь сойдетъ съ креста, и увѣруемъ въ Него. Уповалъ на Бога; пусть теперь избавить Его, если Онъ угоденъ Ему. Ибо Онъ говорилъ: «Я Божій Сынъ». (Мѡ. 27, 39 — 43; Мр. 15. 29 — 32).

Подражая имъ, ругались и воины; подходя и поднося Ему укусы, они тоже говорили: «Если Ты Царь Іудейскій; спаси Себя Самаго».

Молчанія по крайней мѣрѣ надлежало ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ, которые сами висѣли на крестахъ. Но и изъ нихъ одинъ злословилъ Иисуса и говорилъ: «если Ты Христосъ; спаси Себя и насъ».

Другой же напротивъ, унимая его, сказалъ ему: «или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же. Да мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли: а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ». И потомъ воззвалъ къ Иисусу: «помяни мя Господи, егда прійдешь во царствіи Твоемъ».

«Аминь глаголю тебѣ, отвѣчалъ Господь, *днесъ со Мною будешь въ раи*». (Лук. 23. 36 — 43).

Такъ, прежде, во время служенія своего, Божественный Учитель, свидѣтельствуемый чудесами, именовалъ Себя Господомъ субботы, храма: теперь, со креста явилъ Себя Господомъ рая и ада, Коему принадлежитъ всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ. Первосвященники требовали, чтобы Онъ, оставивъ спасать другихъ, спасъ Себя Самаго: Господь продолжаетъ спасать другихъ, пренебрегая собственное посрамленіе *).

LXII.

Но вотъ, когда сталъ угасать на крестѣ Свѣтъ міра духовнаго, стало меркнуть и солнце-источникъ свѣта стихійнаго. Среди яснаго полдня небо вдругъ покрылось мракомъ, какъ бы во свидѣтельство, что великое дѣло тьмы приближалось уже къ полуночи.

*) Иннок. посл. дни, стр. 418.

Это необыкновенное явленіе должно было заключить хульные уста враговъ Господа и произвести на нихъ впечатлѣніе самое мрачное, тѣмъ болѣе, что тогдашніе народы вообще вѣрили, что необыкновенныя воздушныя явленія, особенно помраченіе солнца, предвѣщаютъ худое.

«Пользуясь этимъ почитатели Иисуса Христа приблизились ко кресту, гдѣ въ это время сдѣлалось покойнѣе и просторнѣе. Въ числѣ ихъ подошла ко кресту Матерь Господа съ Іоанномъ, ученикомъ и другомъ Его.

«Жено, сказалъ Господь Матери, *се сынъ Твой*.» Взглядъ на Іоанна объяснилъ сіи слова.

Потомъ, указуя взоромъ на Матерь, сказалъ Іоанну: «*се мати твоя*.» (Іоан. 19, 26, 27).

Такъ, Господь усыновилъ Своего друга Пресвятой Дѣвѣ и поручилъ еѣ его попеченію.

LXIII.

Между тѣмъ мученія Его увеличивались болѣе и болѣе; боль отъ ранъ и во всѣхъ составяхъ тѣла, тягость въ головѣ, томленіе въ сердцѣ, пламень во всей внутренности и жажда усилились до высочайшей степени.

Но и при такихъ страданіяхъ вся мысль Его обращена къ Отцу: «Боже мой! Боже мой! внемли Мнѣ, внутренно молится Онъ: для чего Ты оставилъ Меня? Далеки отъ спасенья Моего слова вопля Моего. Боже Мой! Я вопію днемъ, — и Ты не внемлешь Мнѣ, ночью — и нѣтъ Мнѣ успокоенія. Но Ты, Святый, живешь среди славословій Израиля. На Тебя уповали отцы наши; уповали, и Ты избавилъ ихъ. Къ Тебѣ взывали они, и были спасаемы; на Тебя уповали, и не оставались въ стыдѣ. Я же червь, а не человѣкъ, поношеніе у людей и презрѣніе въ народѣ. Всѣ, видящіе Меня, ругаются надо Мною, говоря устами, кивая головою: Онъ уповалъ на Господа; пусть избавить Его, пусть спасетъ, если Онъ угоденъ Ему. Но Ты извелъ Меня изъ чрева; вложилъ въ Меня упованіе у груди Матери Моей. На тебя оставленъ Я отъ утробы; отъ чрева Матери Моей Ты Богъ Мой. Не удаляйся отъ Меня; ибо скорбь близка, а помощника нѣтъ. Множество тельцевъ обступили Меня; тучные Васанскіе окружили Меня.

Раскрыли на Меня пасть свою, какъ левъ, алчущій добычи и рыкающій. Я пролился какъ вода; всѣ кости Мои рассыпались, сердце Мое сдѣлалось, какъ воскъ, растаяло посреди внутренности Моей. Сила Моя изсохла, какъ черепокъ; языкъ Мой прильпнулъ къ гортани Моей, и Ты свелъ Меня къ персти смертной. Ибо псы окружили Меня; скопище злыхъ обступило Меня; пронзили руки Мои и ноги Мои. Можно было бы перечестъ всѣ кости Мои. А они смотрятъ, и дѣлаютъ изъ Меня зрѣлище. Дѣлятъ ризы Мои между собою, и объ одеждѣ Моей бросаютъ жребій. Но Ты, Господи, не удайся отъ Меня; сила Моя! поспѣши на помощь Мнѣ. Избавь отъ меча душу Мою, и отъ псовъ одинокую Мою. Спаси Меня отъ пасти льва, и отъ роговъ единороговъ, услышавъ, избавь Меня. Буду возвѣщать имя Твое братьямъ Моимъ, посредѣ собранія восхвалять Тебя.» (Пс. 21).

Наконецъ угасающій взоръ Его еще устремился къ небу; но оно было мрачно, — ни одного луча свѣта, ни одного утѣшенія....

«Елої, Елої, — воскликнулъ Божественный Страдалецъ, — лима савахани!» — (Боже Мой! Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ! (Мр. 16, 34).

Это молитвенное восклицаніе выразило всю тяжесть мученій и внѣшнихъ и внутреннихъ, но для враговъ Его оно послужило новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Изверги притворились непонявшими Его словъ, и, основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ звуковъ Елої съ именемъ Іліи, давали имъ такой смыслъ, какъ бы они обращены были къ сему Пророку. «Смотрите, кричали одинъ къ другому: Онъ зоветъ Ілію на помощь.» (Мар. 15, 35).

Въ это время Господь, изнемогая отъ смертельной жажды — предвѣстницы въ распятыхъ близкой смерти, воскликнулъ: «жажду!».... (Іоан. 19, 28).

Одинъ изъ воиновъ тотчасъ напоилъ уксусомъ губку, и, воткнувъ на иссоповую трость, приложилъ её къ устамъ Іисуса. (Іоан. 19, 29).

Но враги Его и здѣсь показали безчеловѣчіе. «Оставь Его, кричали воину. Онъ надѣется на Ілію; такъ посмотримъ, придетъ ли Ілія снять Его со креста.» (Мѣ. 27, 48, 49).

Господь же, вкусивъ уксуса, вновь воскликнулъ громко:

«совершишася!» И потомъ возведши взоръ къ небу, сказалъ: Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой! При сихъ словахъ глава Его преклонилась, и Онъ испустилъ духъ.... (Лук. 23, 46. Іоан. 19, 30).

И вотъ, завѣса въ храмѣ раздралась на двое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни расщелились; и гробы отверзлись; и многія тѣла усопшихъ Святыхъ воскресли; и, вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Его, вошли во святой градъ, и явились многимъ. Сотникъ же и тѣ, которые съ нимъ стерегли Іисуса, видя землетрясеніе и все бывшее, устрашились весьма, и говорили: воистину Онъ былъ Сынъ Божій. (Мѣ. 27, 51—54). И весь народъ, спешійся на сіе зрѣлище, видя происходившее, возвращался, бѣя себя въ грудь. Всѣ же знавшіе Господа, и женщины, слѣдовавшія за Нимъ изъ Галилеи, стояли вдали, и смотрѣли на это. (Лук. 23, 28, 29).

LXIV.

Цѣлая исторія рода человѣческаго должна служить изъясненіемъ того, что совершилось теперь на маломъ холмѣ — Голгоетскомъ; но одна только вѣчность раскроетъ это вполнѣ. Апостоль Павелъ, говорить, что на крестѣ расторгнуто рукописание грѣховъ человѣческихъ: оно расторгнуто въ ту самую минуту, какъ Господь изрекъ: «совершишася!»

Здѣсь очень кстати и весьма полезно обратить вниманіе на то, какъ величественны знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка, какъ сообразны онѣ съ достоинствомъ Сына Божія, съ цѣлію Его пришествія въ міръ, съ духомъ религіи, Имъ проповѣданной.

Всѣми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающій на крестѣ посреди злодѣевъ, Страдалецъ есть Единородный Сынъ Отца, — Слово, Которымъ все сотворено и все содержится, — Богъ неба и земли, видимыхъ и невидимыхъ, и вотъ умирающій гласъ Его потрясаетъ небо и землю, вся природа свидѣтельствуетъ Ему покорность, яко Владыкѣ, признаетъ торжественно Господомъ и на крестѣ!...

Умирающій среди поношеній и мукъ, Страдалецъ есть великій Ходатай Бога и человѣковъ, Который, принявъ на Себя грѣхи всего рода человѣческаго, долженъ не съ кровію

козловъ и тельцовъ, но съ Своею собственною однажды войти во святилище, дабы предстать лицу Божию, и потомъ упразднить Своимъ жертвоприношеніемъ всѣ жертвы, оставить послѣ Себя отверстымъ для всякаго непреступный дотолѣ путь къ престолу благодати: и вотъ, когда принесена жертва Голгофская, — храмъ Іерусалимскій, — скинія Ветхаго Завѣта, долженствовавшая стоять, доколѣ не придетъ Ходатай Завѣта Новаго, колеблется теперь въ своемъ основаніи, означая *премѣненіе колеблемаго, такъ какъ уже совершившагося*; завѣса, сокрывающая Святое Святыхъ, расторгается съ верху до низу; престолъ Іеговы выходитъ изъ мрака, его окружавшаго, — да вѣдаютъ *священники по чину Ааронову*, да вѣдаетъ весь народъ Израильскій, что *Первосвященникъ по чину Мелхиседекову* уже пришелъ и принесъ Свою жертву, что наступило время Новаго Завѣта сынамъ Израилевымъ, который долженъ быть начертанъ не на скрижаляхъ, а на сердцахъ.

Умирающій на крестѣ Страдалецъ есть воскресеніе и животь всѣхъ, вѣрующихъ во имя Его; Онъ для того и вкусилъ смерть, дабы смертію Своею *разрушить державу смерти и избавить тѣхъ, кои изъ страха смерти, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству*: и вотъ, едва Іисусъ Христосъ вступилъ въ область смерти, держава ея начинаетъ разрушаться, гробы отверзаются, тѣла усопшихъ встаютъ, и востаніемъ своимъ увѣряютъ, что Іисусу Христу дана всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ; что Онъ *имѣетъ ключи ада и смерти*, и что непременно наступитъ нѣкогда тотъ день, когда всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавъ, оживутъ. Явленіе воскресшихъ въ Іерусалимѣ должноствовало убѣдить каждого, что Саддукеи, кои тогда весьма усилились съ своимъ безотраднымъ ученіемъ, прельщаютъ и прельщаются, *малоуважающе не быти воскресенію*.

Умирающій Іисусъ есть основатель и глава Новаго Завѣта благодати, въ коемъ нѣтъ уже грѣха, побѣждающаго челоуѣколюбіе Божіе, въ коемъ, *идѣ умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать*, въ коемъ Сынъ Божій является не Судіею только міра, но и его Спасителемъ: и какъ кротки знаменія, стекшіяся въ кругъ креста Іисуса-Спасителя! Небо помрачается, но не дожидетъ огня и жупела на

Іерусалимъ невѣрный, какъ одождало нѣкогда на грады, прегорчившіе Бога; земля сотрясается, но убійцы Іисуса стоятъ въ ней съ такою же безопасностію, какъ и плачущіе друзья Его. Самые гробы отверзаются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божія, достойныхъ смерти вѣчной; изъ нихъ встаютъ сонмы праведниковъ, дабы своимъ явленіемъ проповѣдать Іерусалиму покаяніе и вѣру въ Мессію, ими отверженнаго.

Таковы знаменія Бога-Искупителя! Таковъ благотворный духъ религіи Іисуса! Такова жертва любви, предъ кою не воспоминаются неправды челоуѣческія *).

LXV.

Между тѣмъ Первосвященники, заботясь о томъ, чтобы тѣла распятыхъ не остались на крестахъ въ наступающій субботній день, который особенно великимъ почитаемъ былъ Іудеями по случаю Пасхи, пришли къ Пилату и просили его ускорить смерть распятыхъ и снять ихъ.

Пилатъ согласился и послалъ для сего воиновъ. Воины пришедши, перебили голени у преступниковъ, распятыхъ съ Іисусомъ; увидѣвъ же, что Іисусъ уже умеръ, не стали перебивать у Него голени, но одинъ изъ нихъ копьемъ пронзилъ Ему ребра и оттуда тотчасъ истекла кровь и вода. (Іоан. 19, 31—35).

Такимъ образомъ исполнилось два пророчества: *одно*, что кость Его не сокрушится, и *другое*, что воззрѣвъ на Того, Котораго пронзили. (Исх. 12, 46. Захар. 12, 10).

Вслѣдъ за тѣмъ нѣкто, именемъ Іосифъ изъ Іудейскаго города Аримаѳея, членъ Синедріона, челоуѣкъ богатый, добрый и правдивый, не участвовавшій въ совѣтѣхъ и дѣлѣхъ враговъ Іисуса, но ожидавшій царствія Божія, и тайно, изъ страха отъ Іудеевъ, поучавшійся у Него, пришелъ къ Пилату и спросилъ у него позволеніе погребсти тѣло Учителя.

Пилатъ дозволилъ, и Іосифъ вмѣстѣ съ Никодимомъ, тоже знаменитымъ Іудеемъ, членомъ Синедріона и тайнымъ ученикомъ Іисуса, снявъ со креста пречистое тѣло Господа,

*) Иннок. посл. дни, ч. V, стр. 445—447.

обвили Его пеленами съ благовоніями, и положили въ новомъ гробу, который былъ высѣченъ въ скалѣ — въ саду Іосифа, возлѣ того мѣста, гдѣ Господь былъ распятъ, и привалили ко гробу большой камень. При этомъ были и женщины, пришедшіе съ Іисусомъ изъ Галилеи, и смотрѣли какъ полагалось тѣло Его. (Лук. 23. 50 — 55. Іоан. 19. 38 — 42).

Смерть Господа повергла учениковъ и послѣдователей Его въ крайнюю горестъ. Не умѣя представить, какъ Мессія можетъ умереть, они не думали о Его воскресеніи. И многоразныя предсказанія Его о воскресеніи и обѣщаніе на прощальной вечери, что они вскорѣ Его увидятъ, — были ими забыты, или казались имъ непонятными, почему и объяснялись ими превратно. Злоба въ семъ случаѣ показала, что она бываетъ иногда памятьливѣ любви: Фарисеи и книжники не замедлили привести себѣ на память предсказаніе Господа о воскресеніи и взять мѣры противъ того, чтобы оно не сбылось на самомъ дѣлѣ. По сему являсь къ Пилату, они сказали ему: «Мы вспомнили, что этотъ лстецъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну изъ мертвыхъ. — И такъ, прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ восталъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго.»

«У васъ есть стража, отвѣчалъ Пилатъ, подите, возьмите изъ ней, сколько нужно, и стерегите гробъ, какъ знаете.»

Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили ко гробу печать. (Мѡ. 27, 63 — 66).

Такимъ образомъ злоба враговъ Іисусовыхъ сдѣлала съ своей стороны все, что нужно было для засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ истины воскресенія Христова!... Провидѣніе и въ семъ случаѣ показало, какъ Оно, не нарушая нисколько свободы человѣческой, премудро употребляетъ для достиженія цѣлей Своихъ — тѣхъ самыхъ людей, кои идутъ нагло вопреки Его святыхъ опредѣленій.

LXVI.

Время дѣйствовать Богу: ибо разоренъ законъ Твой. —
Такъ отъ избытка горести, восклицалъ нѣкогда Давидъ, видя,

какъ переполнилась чаша беззаконія въ рукахъ нѣкоторыхъ людей. Стократъ надлежало повторить сіе восклицаніе тому, кто былъ у гроба Іисусова. Если когда, то тутъ время было дѣйствовать Богу, Самому Богу, ибо — разоренъ былъ не законъ только, а поруганъ и Самый Законодатель! Человѣчество никогда не видало столько великаго, прекраснаго, Божественнаго, сколько видѣло въ краткое время служенія Іисусова. И все великое, прекрасное, Божественное — было заключено теперь во гробѣ, запечатано печатію Каіафы! Что было бы съ человѣчествомъ, если бы печать сія не растаяла отъ огня правды Божіей, — еслибы плоть Праведника увидѣла истлѣніе? Міръ Божественный, раскрывшійся на время, опять закрылся бы навсегда. Царство Божіе, — низведенное на землю, опять воспарило бы на небо. Послѣ Божественнаго озаренія наступила бы еще мрачнѣйшая ночь.

Частныя дѣйствія добра могли остаться. Закхей не пересталъ бы, вѣроятно, быть милостивымъ, помилованная грѣшница — цѣломудренною, — Іосифъ и Никодимъ — могли бы сохранить увѣренность, что *Учитель отъ Бога пришелъ*. — Но великое дѣло спасенія человѣческаго осталось бы погребеннымъ вмѣстѣ съ Іисусомъ. Безотрадны были слова учениковъ: *надъ всѣми сими третій день есть, отнелъ же сія быша*. Но какъ ужасны были бы слова сіи, когда бы надлежало говорить: *надъ всѣми сими третій годъ, третій вѣкъ, третіе тысячелѣтіе есть, отнелъ же сія быша*.

Безъ Іисусова: *радуйтесь!* не было бы радости въ сердцѣхъ Апостоловъ; — безъ Іисусова: — *миръ вамъ!* не распространился бы миръ по лицу земли. Надобно было прежде сказать воскресшему Учителю: Господь и Богъ мой! и потомъ уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресеніе утвердило учениковъ въ вѣрѣ, *породивъ ихъ*, какъ выражается Свят. Павелъ, *въ упованіе живо*. А безъ сего — не раздался бы гласъ проповѣди Апостольской, и міръ остался бы безъ креста — съ своими идолами, — Аѳины и Римъ — съ ихъ невѣдомымъ Богомъ.

И такъ *время было дѣйствовать Богу*, Самому Богу! Эта была самая рѣшительная минута не только для всего человѣчества, но и для самаго міроуправленія Божественнаго, — минута, въ которую надлежало предъ лицомъ всего міра, Ангеловъ и человѣковъ, показать торжественно, что

не одинъ конецъ благому и злему, праведному и нечестивому, что есть Богъ судяй земли.

*И такъ, воскресни Боже! Суди земли! Яко Ты, Единъ Ты, — насльдиши во всѣхъ языцехъ *).*

LXVII.

И воскресъ Господь въ третій день *по писаніемъ.*

По прошествіи субботы, предъ разсвѣтомъ перваго дня недѣли, сдѣлалось великое землетрясеніе и Ангелъ Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ ко гробу, отвалилъ камень отъ двери его и сѣлъ на немъ. Видъ его былъ, какъ молнія и одежда его бѣла, какъ снѣгъ.

Бывшіе при гробѣ стражи, устращаясь его, пришли въ трепетъ и стали какъ мертвые, потомъ очнувшись, обратились въ бѣгство. (Мѡ. 28. 2—4).

Между тѣмъ женщины, пришедшія съ Іисусомъ изъ Галилеи и бывшія при погребеніи тѣла Его, приготовили благовонія и масти, и оставшись въ субботу въ покоѣ по заповѣди, въ первый день недѣли очень рано пошли съ приготовленными ароматами ко гробу, чтобы по обычаю помазать ими тѣло Господа. (Лук. 23, 55, 56. 24. 1).

Изъ нихъ Марія Магдалина пришла ко гробу первая, когда еще было темно, и увидѣвши, что камень отваленъ отъ гроба, бѣжитъ къ Симону Петру и Іоанну и говоритъ имъ: унесли Господа изъ гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Его.

Петръ и Іоаннъ тотчасъ побѣжали ко гробу. (Іоан. 20, 1—3).

Между тѣмъ прочія муроносицы — Марія Іаковлева, Саломія, Іоанна и другія, пришедши ко гробу, увидѣли Ангела, сѣдѣщаго на отваленномъ отъ двери гроба камнѣ. (Мар. 16, 1. Лук. 24. 1—10). Ангелъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: «не бойтесь; я знаю, что вы ищете Іисуса распятаго. Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь.» (Мѡ. 28, 5—7).

*) Иннок. посл. дни, ч. V, стр. 472—474.

Онѣ вошли во гробъ и когда, не найдя тамъ тѣла Господа Іисуса, стояли тамъ въ недоумѣніи, вдругъ предстали предъ ними два мужа въ блистающихъ одеждахъ, и сказали: «что ищете живаго между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ; вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеи, что Ему надлежитъ быть предану въ руки грѣшниковъ, и быть распяту, и въ третій день воскреснуть. (Лук. 24, 3—7). Идите, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ предваритъ васъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ.» (Мар. 16, 7).

Муроносицы въ трепетѣ и ужасѣ побѣжали отъ гроба. (Мар. 26, 7—8).

Вслѣдъ за тѣмъ Петръ и Іоаннъ пришли ко гробу, Іоаннъ бѣжалъ скорѣе и пришелъ первый. Приникши ко гробу, онъ увидѣлъ тамъ лежавшія пелены, но не вошелъ во гробъ. Петръ же придя, вошелъ во гробъ и увидѣлъ, что тамъ лежали однѣ пелены, которыми было обвито тѣло Господа, и платъ, который былъ на головѣ Его, но не съ пеленами, а особо свитый на другомъ мѣстѣ.

Тогда вошелъ и Іоаннъ, и увидѣвъ въ такомъ положеніи пелены и платъ, повѣрилъ воскресенію: ибо если бы тѣло Христа было унесено, какъ говорила ему смущенная Марія, то пелены и платъ не были бы въ такомъ порядкѣ. (Іоан. 20, 4—8).

Петръ и Іоаннъ пошли опять домой отъ гроба, одинъ вѣруа, другой еще только дивясь бывшему. Марія же Магдалина, (Лук. 24, 12), пришедши опять вслѣдъ за ними къ пещерѣ гроба, осталась одна тамъ, плача отъ неизвестности, — куда дѣвалось тѣло Господа: въ слезахъ она приникла во гробъ и увидѣла внутри его двухъ Ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи сѣдѣщихъ, одного у главы, а другаго у ногъ, гдѣ лежало тѣло Іисуса.

«Что ты плачешь?» спрашиваютъ они.

Унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его, сказала она, и обратясь назадъ, увидѣла Самаго Іисуса, но отъ слезъ, застилавшихъ глаза, и отъ сильной скорби не узнала Его, и приняла за садовника.

«Что ты плачешь? кого ты ищешь?» спрашиваетъ ее Господь.

«Господинъ, отвѣчаетъ она, если ты взялъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его».

Господь говоритъ ей: «Марія!»

Тогда она, узнавши Его, съ словомъ Раввуні! (Учитель) бросается къ Нему.

Господь запрещаетъ ей прикасаться къ Нему и велитъ скорѣе идти возвѣстить ученикамъ о воскресеніи Его и имѣющемъ послѣдовать за тѣмъ вознесеніи. (Іоан. 20. 9—17).

Магдалина поспѣшно оставляетъ гробъ и идетъ возвѣстить ученикамъ, что видѣла.

На пути встрѣчаетъ другую Марію и онѣ вмѣстѣ со страхомъ и радостію бѣжать къ Апостоламъ, и се, Іисусъ — встрѣтилъ ихъ, и сказалъ: «радуйтесь!» И онѣ, приступивъ, ухватились за ноги Его, и поклонились Ему.

Тогда говоритъ имъ Іисусъ: «небойтесь; пойдите, возвѣстите братіямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня». (Мѣ. 28. 8—10).

Муроносицы пришли къ Апостоламъ и возвѣстили имъ о воскресеніи Господа, но слова ихъ показались Апостоламъ пустыми, и они не повѣрили имъ. (Лук. 24. 9—11).

LXVIII.

Въ тотъ же день двое изъ нихъ шли въ селеніе, называемое Еммаусъ, и разговаривали между собою о всѣхъ сихъ событіяхъ. И когда они разговаривали и разсуждали между собою, и Самъ Іисусъ, приблизившись, пошелъ съ ними. Но глаза ихъ были удержаны, такъ что они не узнали Его. Онъ же сказалъ имъ: о чемъ это вы, идя, разсуждаете между собою, и отъ чего вы печальны?

Одинъ изъ нихъ, именно Клеопа, сказалъ Ему: неужели Ты одинъ изъ пришедшихъ въ Іерусалимъ не знаешь о происшедшемъ въ немъ въ сіи дни?

О чемъ? спросилъ Онъ. Они сказали Ему, что былъ Іисусъ Назарянинъ, пророкъ, сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ; но Его Первосвященники и начальники предали для осужденія на смерть, и распяли. А мы, присовокупили они, надѣялись было, что Онъ есть тотъ, который долженъ избавить Ізраиля; но со всѣмъ тѣмъ, уже

третій день нынѣ, какъ это произошло. Но нѣкоторыя женщины изъ нашихъ изумили насъ: онѣ были рано у гроба, и не нашли тѣла Его, и пришедши, сказали, что видѣли явленіе Ангеловъ, которые говорятъ, что Онъ живъ. И пошли нѣкоторые изъ нашихъ ко гробу, и нашли такъ, какъ и женщины говорили; но Его не видѣли.

Тогда Онъ сказалъ имъ: о несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки. Не такъ ли надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою? И началъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснять имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи.

Такъ они приблизились къ селенію, въ которое шли; Онъ показалъ видъ, что хочетъ идти далѣе. Но они удерживали Его, говоря: останься съ нами, потому что день уже склонился къ вечеру. И Онъ вошелъ, и остался съ ними. И когда Онъ возлежалъ съ ними: то взявъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ. Тогда открылись у нихъ глаза, и они узнали Его. Но Онъ сталъ невидимъ для нихъ. И они сказали другъ другу: негорѣло-ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ, и когда изъяснялъ намъ писанія? И вставши въ тотъ же часъ, возвратились въ Іерусалимъ, и нашли вмѣстѣ одиннадцать Апостоловъ и бывшихъ съ ними. Здѣсь имъ сказали, что Господь истинно воскресъ и явился Симону. А они рассказали о происшедшемъ на пути, и какъ Онъ былъ узнавъ ими въ преломленіи хлѣба. (Лук. 24. 13—35).

Нѣкоторые изъ Апостоловъ все не вѣрили, и когда одинъ изъ нихъ, Фома, вышелъ, а прочіе продолжали разговаривать о всемъ этомъ, и двери дома, гдѣ они находились, были заперты, изъ опасенія отъ Іудеевъ, Самъ Іисусъ сталъ посреди ихъ, и сказалъ имъ: миръ вамъ! Они смутились и испугались, подумали, что видятъ духа. Но Онъ сказалъ имъ: что смущаетесь, и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши? посмотрите на руки Мои и на ноги Мои: это Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите; ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня.

И сказавъ сіе, показалъ имъ руки и ноги и ребра свои. Когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Онъ сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали

Ему часть постной рыбы и сотовый медъ: И взявъ ѿлъ предъ ними. (Лук. 24. 36 — 43).

Потомъ Господь вторично сказалъ: миръ вамъ! Какъ послалъ Меня Отецъ; такъ и Я посылаю вамъ. Сказавъ сіе, дунуль, и говоритъ имъ: примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся. (Іоан. 20. 19 — 23).

Послѣ сего увидѣвъ Оому, прочіе ученики говорятъ ему: мы видѣли Господа. Но онъ сказалъ имъ: если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его; не повѣрю.

Послѣ осьми дней опять были въ домѣ ученики Господа, и Оома съ ними. Пришелъ Господь, когда двери были тоже заперты, сталъ посреди ихъ и сказалъ: миръ вамъ! Потомъ говоритъ Оомѣ: подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои, подай руку твою, и вложи въ ребра Мои; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ.

«Господь мой и Богъ мой! воскликнулъ Оома.

«Ты повѣрилъ по тому что увидѣлъ Меня; сказалъ ему Господь, — блаженъ невидѣвшіе и увѣровавшіе. (Іоан. 20. 24 — 29).

Потомъ сказалъ ученикамъ: идите по всему міру и проповѣдайте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ. Увѣровавшихъ же будутъ сопровождать сѣи знаменія; именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ: возложить руки на больныхъ, и они будутъ здоровы. (Мар. 16. 15 — 18).

Такъ, Господь явилъ Себя живымъ, по страданіи Своемъ, со многими вѣрными доказательствами, являясь Своимъ ученикамъ и увѣровавшимъ въ Него въ продолженіи сорока дней, и говоря имъ о царствіи Божіемъ. (Дѣян. 13). Тогда отверзъ имъ умъ къ разумѣнію Писаній, и сказалъ имъ: такъ написано, и такъ надлежало пострадать Христу, и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдану быть во имя Его покаянію грѣховъ — во всѣхъ народахъ, начиная съ Іерусалима. Вы же свидѣтели сему. (Лук. 24. 44 — 48). Мнѣ дана всяка власть на небѣ и на землѣ. И такъ, идите,

научите всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына и Святаго Духа. Уча ихъ соблюдать всё, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. (Мѣ. 28. 18 — 20).

Напоследокъ Онъ, собравъ ихъ, сказалъ имъ: «не отлучайтесь изъ Іерусалима, но ждите обѣтованнаго отъ Отца, о чѣмъ вы слышали отъ Меня». Ибо Іоаннъ крестилъ водою; а вы чрезъ нѣсколько дней послѣ сего будете крещены Духомъ Святымъ.» (Дѣян. 1. 4, 5).

И вывелъ ихъ изъ города до Визаніи, на гору Елеонъ, и, поднявъ руки Свои, благословилъ ихъ, и когда благословлялъ ихъ, сталъ отдѣляться отъ нихъ, и возноситься на небо, и наконецъ облако взяло Его изъ вида ихъ. (Дѣян. 1. 9).

Они поклонились Ему, и когда потомъ смотрѣли на небо, вдругъ предстали имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ, и сказали: мужи Галилейскіе! (Лук. 22. 5 — 9. Дѣян. 1. 10 — 11). Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо».

LXIX.

Такъ совершилось домостроительство нашего спасенія.

Тѣло человѣка, посредствомъ котораго Творецъ связалъ духовное, разумное, богоподобное существо его — душу съ видимой вселенной, чтобы онъ, чрезъ созерцаніе и изученіе этой книги Божіей, познавъ всемогущество, премудрость и благодѣтельность своего Творца, полюбилъ Его и всецѣло предалъ себя въ Его волю, вмѣсто того послужило къ тому, что человѣкъ посредствомъ его прилѣпился къ земнымъ благамъ, обратилъ къ нимъ свою любовь, въ нихъ сталъ искать блаженства жизни, и вслѣдствіе того содѣлалось для діавола средствомъ соблазна и онъ чрезъ него привелъ человѣка ко грѣху — нарушенію законовъ Творца, къ противленію Его волѣ и къ подчиненію себѣ — злему началу. И такимъ образомъ человѣкъ сдѣлался подобенъ — страстями своими — звѣрямъ безсмысленнымъ, привязанностію своею къ земнымъ благамъ — пресмыкающемуся чревомъ по землѣ — змѣю.

Сынъ Божій принявъ на Себя плоть человѣческую —

содѣлался человѣкомъ Иисусомъ. Человѣкъ Иисусъ позналъ Бога въ премудромъ устройствѣ вселенной и прославилъ Его. Человѣкъ Иисусъ пользовался дарами природы, но только во славу Божию, не прилѣпляясь къ нимъ душею, и, чрезъ нихъ постигнувъ благодать Творца, возлюбилъ Его всѣмъ сердцемъ Своимъ, всею душею Своею и всею мыслию Своею, и всецѣло предался Его святой волѣ. Тѣло Иисуса диаволъ хотѣлъ сдѣлать средствомъ искушенія, и все, что могло измыслить лукавство и хитрая злоба — всѣ прелести міра, всѣ устрашенія души посредствомъ тѣла, всѣ тягчайшія тѣлесныя боли употребилъ для сего: страданія плоти, — какъ огонь, пожиравшій ветхозавѣтныя жертвы, опаляли Его. Но все осталось напраснымъ: тѣло Иисуса осталось неуязвимѣе мѣди, — всѣ стрѣлы лукаваго отразились отъ него и Иисусъ остался непоколебимъ въ Своей преданности волѣ возлюбленнаго Отца. Онъ побѣдилъ диавола, и такимъ образомъ Крестъ, назначенный злобою орудіемъ позорной казни Иисуса, содѣлался побѣдоноснымъ Его оружіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — престоломъ славы Его.

Побѣдитель обыкновенно освобождаетъ покоренныхъ и взятыхъ въ плѣнъ врагомъ людей, разбиваетъ ихъ окопы, принимаетъ подъ свое покровительство всѣхъ ищущихъ защиты отъ того врага, вооружаетъ и присоединяетъ ихъ къ своему воинству, и наконецъ, если врагъ, въ злобѣ своей продолжаетъ замышлять новыя ковы на побѣдителя и его подданныхъ, окончательно сковываетъ его цѣпами и заключаетъ въ темницу, чтобы сдѣлать его совершенно безвреднымъ.

Такъ и Иисусъ побѣдитель, съ высоты Своего славнаго и побѣдоноснаго креста, всѣхъ тѣхъ людей, которые, подобно взиравшимъ на мѣднаго змія Израилѣтянамъ, обращаютъ къ Нему свои умоляющіе о спасеніи взоры, освобождаетъ отъ власти диавола, исцѣляетъ изъ его узвлеченій, вооружаетъ противъ Него Своимъ оружіемъ и наконецъ, когда придетъ назначенное премудрымъ Промысломъ время, свяжетъ его узами мрака и заключить во тмѣ кромѣшней, въ той безднѣ, которой такъ страшатся злые духи.

Иисусъ на крестѣ!... О какой предъ очами нашими поучительный образъ тому, какъ мы должны пригвождать къ страху Божию тѣло свое съ страстями и похотями — этого приковывающаго насъ къ землѣ змія!

Люди привязанностію къ земнымъ благамъ погубили въ себѣ любовь къ Богу, а безъ такой любви немыслима истинная блаженная жизнь. Сынъ Божій сошелъ на землю, чтобы вознестъ въ человѣчествѣ этотъ священный огонь. Всмотримся пристальнѣе — разумно съ вѣрою въ висѣщаго на крестѣ Иисуса, распростирающаго ко всему человѣчеству Свои объятія, открывшаго для всѣхъ Свое любвеобильное сердце, положившаго жизнь Свою за жизнь міра, и въ избыткѣ любви дающаго намъ — кровь и плоть Свою. Припомните Его кроткую смиренную жизнь, Его благодѣтельныя дѣла, Его святое ученіе! Неужели у васъ не зародится любовь къ Нему? Если зародилась, берегите еѣ: это священный огонь, который попалитъ въ васъ всѣ злое и нечистое; это закваска, которая измѣнитъ (благодатію) ваше грѣшное естество въ святое, переродитъ васъ въ новаго человѣка. Это царствіе Божіе внутри васъ! Ибо кто, полюбивъ Иисуса, не полюбитъ Бога — вѣдь Онъ истинный Единородный Сынъ Его. Кто полюбитъ Иисуса, тотъ не постарается ли узнать короче Его жизнь, Его ученіе; а узнавъ — не почувствуетъ ли своей нечистоты и грѣховности, не пожелаетъ ли измыть еѣ и очистить себя; въ сознаніи своего недостойнства милости Божіей, — не проникнется ли онъ чувствомъ смиренія, а въ виду такого Ходатая, какъ Сынъ Божій, взывающій съ креста: «Отче, прости имъ,» не будетъ ли смѣло, съ дерзновеніемъ звать къ Отцу, чтобы ради заслугъ сего Ходатая простилъ и очистилъ его; сложивъ же бремя грѣха, не проникнется ли желаніемъ и рѣшимостію слѣдовать примѣру и ученію своего Спасителя. А все это не значить ли усвоить Его жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщанное блаженство, вѣдомое людямъ благодати! И такъ, Иисусъ Христосъ дѣйствительно есть истина, путь и жизнь. (Іоан. 14, 6).

Грѣхъ, какъ страшная язва, заразилъ тѣло человѣка: страсти, похоти, злоба отразились въ всемъ его существѣ, а нарушеніе законовъ естества разстроило самый составъ его и оно потерявъ первобытныя свои свойства, сдѣлалось неспособнымъ даже къ земной жизни. Чтобы сдѣлать его способнымъ къ жизни небесной, необходимо его пересоздать и

для сего вложить — внести въ него зачатокъ — сѣмя, — изъ котораго бы возросло новое тѣло, способное къ той жизни.

И вотъ Сынъ Божій, въ избыткѣ любви Своей къ падшимъ людямъ, желая не только возстановить ихъ въ перво-бытное достояніе, но сдѣлать ихъ одно съ Нимъ, Своими однокровными братьями — сынами Божиими, сдѣлать ихъ способными быть тамъ, гдѣ и Онъ Самъ, преподаетъ имъ свою плоть и Свою кровь.

Чудно это намъ. Но чтобы видимымъ примѣромъ подкрѣпить наше маловѣріе, по премудрому устроению Божію, въ виду нашемъ совершается чудо: съ дикой яблони срѣзываютъ вѣтви и къ ея пню прививаютъ почку отъ яблони садовой, и дикая яблоня перемѣняетъ свое естество — растетъ уже яблоней садовой, и, вмѣсто кислаго, дурнаго плода, приноситъ плодъ вкусный и здоровый. Подобное сему предлагается Христомъ и намъ: обрѣзаться духовно отъ скотскихъ страстей и похотей, выросшихъ отъ дикаго пня — Адамова грѣшнаго естества, силою своей воли отказаться отъ жизни по плоти — отъ любви къ чувственному, и принять въ себя зачатокъ естества Христова — начать жизнь по духу, возлюбить Бога и привить къ себѣ *плоть* и *кровь* Христову подъ видомъ хлѣба и вина, чтобы мы — отростки отъ корня Адамова, привитые отъ древа жизни — Христа, получили мѣсто въ новомъ саду Божіемъ вмѣстѣ съ Начальникомъ жизни и совершителемъ спасенія Иисусомъ Христомъ.

Слова Господа: «если не будете ѣсть плоти Сына человеческого и пить крови Его, не будете имѣть въ себѣ жизни,» (Іоан. 6, 5, 3) приводили въ смущеніе Его слушателей: не менѣе смущаетъ и теперь многихъ таинство Причащенія тѣла и крови Его подъ видами хлѣба и вина. Хотятъ постичь: какъ это хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Христа? Но мы такъ же не можемъ постичь, какъ съѣдаемый нами хлѣбъ и выпиваемое вино обращаются въ кровь, плоть, кости, кожу, волоса, ногти, — однимъ словомъ — въ естество плоти человека. Развѣ это не чудо Божіей премудрости и всемогущества? Тотъ, Который совершаетъ это, не силенъ-ли устроить и то, чтобы хлѣбъ и вино, употребляемые, по Его заповѣди, въ воспоминаніе Его крестной смерти, предложились въ плоть и кровь Его, преданныя Имъ за жизнь міра? Зачѣмъ допытываться какимъ образомъ все это совер-

шается! Довольно того, что Сама Истина изрекла: сіе есть тѣло Мое.... сіа есть кровь Моя, (Мѡ. 26. 26, 27) и ядый Мою плоть и пійи Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ. (Іоан. 6, 26).

Человѣку показались тягостными и излишними, напрасно стѣсняющими его свободу законы Творца, и онъ захотѣлъ освободиться отъ власти Бога, отъ Его законовъ, сдѣлаться самому Богомъ; повѣривъ лживому змѣю, онъ сталъ въ вещь стѣ искать божественныхъ силъ и блаженства. Такою измѣною своему Владыкѣ человекъ сдѣлался недостойнымъ милости Его по присущей Богу правдѣ и лишился ея. Что же и кто возвратитъ человѣку милость Божію по самой Его правдѣ? Ветхозавѣтныя жертвы — кровь тельцовъ и козловъ не могли уничтожить грѣха — этого междустѣнія, отдѣлившаго человека отъ милости Божіей. Не только между людьми, но и въ средѣ Ангеловъ не нашлось и не могло найтись такого ходатая, который бы обратилъ правду Божію на милость: у всякаго изъ нихъ могло доставать силъ только на то, чтобы сохранить собственно за собою милость Божію. Но Богъ, по любви къ Своему творенію, не восхотѣлъ оставить его на вѣчную гибель. Еще прежде сотворенія, отъ предвѣчности въ Троическомъ Его совѣтѣ, предопредѣлено, чтобы за падшее человечество Ходатаемъ явился Самъ Сынъ Божій, едиnorodный, принявъ на Себя естество человеческое. Ибо Ходатаемъ Бога и человекъ могъ быть только первосвященникъ, вѣчный, но могущій сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, и подобно намъ искушенный во всемъ, кромѣ грѣха. (Евр. 4, 15).

По сему Сынъ Божій, входя въ міръ, говоритъ: *«жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ Мнѣ. Всессоженія и жертвы за грѣхи неудобны Тебѣ. Тогда Я сказалъ: се, иду, какъ въ началѣ книги написано о Мнѣ, исполнить волю Твою, Боже.»* (Евр. 10, 5—7 и Пс. 39, 7, 8, 9).

И вотъ, Онъ — сіяніе славы Отчей, образъ Упостаси Его, снисходитъ до того, что дѣйствительно принимаетъ плоть человеческую, и, не переставая быть Богомъ, содѣлывается человекомъ, чтобы во всемъ уподобясь тѣмъ, за которыхъ дѣлается ходатаемъ, быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ

предъ Богомъ, для умиловленія за грѣхи народа. (Евр. 2, 17. Кол. 1, 15. 2, 9).

И такъ, Онъ, будучи образомъ Божиимъ на землѣ, имѣя всю полноту божества тѣлесно, слѣдовательно не хищеніемъ почитая Себя равнымъ Богу, уничтожилъ Себя до того, что принявъ образъ раба, проводилъ дни земной жизни въ нуждѣ и трудѣ, подчинился не только Божескимъ, но и человѣческимъ уставамъ и всецѣло исполнилъ всякую правду; и возлюбя отъ всего сердца братьевъ своихъ по плоти возжадалъ спасенія ихъ, и болѣзнуя о нихъ, во всѣ дни плоти своей, съ сильнымъ воплемъ и слезами приносилъ молитвы и моленія къ Богу, чтобы Онъ по благодати Своей возвратилъ милость Свою къ нимъ, и въ Божественной премудрости Своей открывалъ людямъ пути ко спасенію, и въ тоже время по великой любви своей къ нимъ, принимая на Себя грѣхи ихъ, предавалъ Себя, какъ жертву умиловленія, во всю волю Отчую.

Правдѣ Божіей недостаточно было самой искренней готовности на жертву: она требовала, чтобы такая любовь къ грѣшному роду человѣческому и такое послушаніе волѣ Божіей открылись во всемъ своемъ величій на самомъ дѣлѣ. И вотъ Первосвященникъ по чину Мельхиседекову, будучи совершенно безгрѣшенъ, несетъ на Себѣ всю тяжесть грѣховъ человѣка, — болѣзни, позоръ, смерть, и такимъ образомъ бывъ послушливъ до смерти, смерти крестной, приносить Себя въ жертву умиловленія, и, вися на крестѣ, до самаго послѣдняго вздоха, продолжаетъ вопіять къ Отцу: *«прости имъ, не вѣдаятъ, что творятъ»*.

Могъ ли всеблагій и премилосердый Отецъ отвергнуть такую жертву, не внять такой мольбѣ? Не должна ли была послѣ сего самая правда Божія подвигнуться на милость? Такъ, правда и милость встрѣтились, обнялись и облобызались: грѣхи людей прощены, средостѣіе вражды разрушено, миръ между небомъ и землею заключенъ, милость къ роду человѣческому возвращена всѣмъ, съ вѣрою приѣмлющимъ ее. Такъ Христомъ грѣхи людей вознесены на крестъ и къ кресту пригвозждены, а рукописаніе постановленій на насъ, которое было противъ насъ, истреблено; совершилось искупленіе наше кровію Христа и заслужено прощеніе грѣховъ. (Колос. 1, 14. 2, 14).

Христосъ есть умиловленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра. (Іоан. 2, 2).

Но если грѣхи сняты и милость возвращена, то и смерть не должна болѣе царствовать: людямъ должны быть возвращены ихъ тѣла и уготованныя имъ обители. И если для восстановленія тѣлъ, поврежденныхъ грѣхомъ, таже милость Божія опредѣлила еще время долготерпѣнія, то узы смерти не могли держать Христа, тѣло котораго во время Его земной жизни не подверглось никакой грѣховной порчѣ и сохранило въ себѣ всѣ свойства безсмертія. Онъ могъ оставаться въ нихъ только на то время, которое необходимо было для удостовѣренія въ томъ, что онъ точно умеръ, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти (Евр. 2, 14) и для проповѣди о спасеніи душамъ, сошедшимъ въ снѣгъ смертную.

И вотъ, въ то время, какъ пречистое тѣло Его пребывало во гробѣ, душою, и яко Богъ, Онъ сошелъ въ темницу, гдѣ пребывали души прежде умершихъ людей, съ вѣрою ожидавшихъ Его пришествія, и тамъ сіяніемъ своего Божества Искупитель міра освѣтилъ тьму и проповѣдалъ дѣло любви Божіей и уготованное всѣмъ спасеніе.

Такъ Христосъ разрушилъ врата адовы и изведши оттуда всѣхъ вѣровавшихъ въ него узниковъ, силою Божества Своего воскресилъ свое человѣчество, и содѣлался первенцемъ изъ мертвыхъ — побѣдителемъ смерти. (1 Пет. 3, 18 — 20).

Если же Искупитель рода человѣческаго, по своей Божеской природѣ, силенъ былъ воскресить свое подвергшееся смерти человѣческое естество, и такимъ образомъ побѣдить смерть, то въ Его власти воскресить и всѣхъ умершихъ, соединенныхъ съ Нимъ чрезъ вѣру. И Онъ намъ возвѣстилъ, что воскресить всѣхъ въ послѣдній день. Не было лести въ устахъ Его и всякое Его слово истина.

«Придетъ день Господень, какъ тать ночью, пишетъ Апостоль Петръ, и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ.» (2 Пет. 3, 10).

«Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей, пишетъ Апостоль Павелъ (Фессал. 5, 16,

17) сойдеть съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснуть прежде, потомъ оставшіеся въ живыхъ вмѣстѣ съ ними восхитены будутъ на воздухѣ, въ срѣтеніе Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ на новомъ небѣ и новой землѣ, гдѣ обитаетъ правда, — присовокупляетъ Апостолъ Петръ. (2 Пет. 3, 13).

По воскресеніи Христа тѣло Его содѣлалось духовнымъ: Онъ исшелъ изъ гроба, когда тотъ былъ еще заваленъ камнемъ и запечатанъ; Онъ явился Апостоламъ, когда двери храмины, гдѣ были они, были заперты; Онъ мгновенно дѣлался невидимъ. Такъ и наши тѣла, при общемъ воскресеніи, преобразятся въ тѣла духовныя.

О воскресеніи мертвыхъ Апостолъ Павелъ говоритъ такъ: «Но скажетъ кто нибудь: какъ воскреснуть мертвые? и въ какомъ тѣлѣ прійдутъ? Безразсудный! то, что ты съешь, не оживетъ, если не умретъ. И когда ты съешь, то съешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или другое какое. Но Богъ дастъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Не всякая плоть такая же плоть, но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя, и тѣла земныя: но иная слава небесныхъ, иная земныхъ. Иная слава солнца, иная слава луны, иная слава звѣздъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ. Сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется въ униженіи, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Такъ и написано: первый человѣкъ Адамъ сталъ душою живущаго; (Быт. 2, 7.) а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Но не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное. Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные, и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго. Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наследовать царствія Божія, и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія. Говорю вамъ тайну: не всѣ умремъ, но всѣ измѣнимся, вдругъ

во мгновеніе ока при послѣдней трубѣ, ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся. Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и мертвому сему облечься въ безсмертіе. Когда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе; тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою. (Исаи 25, 8.) Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда? (Осіи 13, 14.) (1 Корен. 15, 35—55).

Вотъ и Апостолъ въ доказательство возвѣщенной истины о воскресеніи мертвыхъ ссылается на свидѣтельство видимой природы, какъ на не пререгаемый глаголь Божій. Онъ какъ бы говоритъ намъ: бтразсудные! вы только изслѣдуете силы видимой природы, чтобы извлекать изъ нихъ блага на потребности тѣла, за чѣмъ же не вникаете въ смыслъ возвѣщаемыхъ природою истинъ для вашего вразумленія на благо душъ вашихъ. Смотрите, вы бросили и похоронили въ землю голое зерно, оно истлѣло — умерло, но изъ него вырастаетъ или трава, или злакъ, или кустъ, или дерево, сообразно тому, какіе въ зернѣ положены — заключены зачатки. Какъ это совершается, никакой умъ человѣческій постичь не можетъ, но это дѣйствительно совершается въ очахъ нашихъ. Если бы мы не видѣли и не испытали этого и кто нибудь показавъ намъ зерно, сталъ утверждать, что изъ него, когда оно въ землѣ станетъ разлагаться, произойдетъ такое-то растеніе, это показалось бы намъ невозможнымъ — невѣроятнымъ. Но мы это ежечасно видимъ и испытываемъ, и такъ къ тому присмотрѣлись, что чудная зиждущая сила Божія, совершающая такое непостижимое для нашего ума дѣйствіе, кажется намъ какъ будто самымъ обыкновеннымъ явленіемъ природы. Послѣ сего какъ же мы можемъ сомнѣваться, что подобное чудотвореніе совершить зиждущая сила Всемогущаго Бога съ нашими тѣлами — умершими и погребенными, въ особенности тогда, когда объ этомъ возвѣщаетъ сама истина въ лицѣ воплотившагося и изъ мертвыхъ воскресшаго Сына Божія.

Но если каждое зерно даетъ растеніе, сообразное свойствамъ, въ немъ скрытымъ, то не должны ли мы заключать, что и изъ нашихъ тѣлъ всемогущею силою Творца созиждутся духовныя тѣла, сообразныя свойствамъ, такъ сказать, зачаткамъ, вложеннымъ нами въ свои тѣла. Кто вложитъ въ него

зачатокъ жизни небесной, — чрезъ истинную вѣру во Христа съ ея Св. таинствами, неразлучную съ любовію къ Богу, тѣло того Богъ преобразить въ подобіе тѣла Христова, и по мѣрѣ того какъ мы въ здѣшной жизни достигнемъ возраста Христова, наши тѣла воскресшія будутъ свѣтлѣть и сіять своими добродѣтелями, подобно тѣламъ небеснымъ, однѣ болѣе, другія менѣе. Тѣже изъ насъ, которые не примутъ въ себя зачатка жизни небесной истинной вѣры во Христа и останутся въ упорной привязанности къ своимъ страстямъ и похотямъ, получать и тѣла, отражающія въ себѣ сіи порожденія духа злобы, — господствовавшія въ нихъ скотскія страсти. И такъ: земное, тлѣнное тѣло человѣка, бывшее, во время земной жизни его, завѣсою, скрывавшею внутреннее души, содѣлавшись духовнымъ, будетъ отраженіемъ — зеркаломъ его духа.

Люди, удалясь отъ источника жизни — любви къ Богу, предались суетѣ, страстямъ и похотямъ, и тѣмъ сами внесли въ свою жизнь болѣзни, свары, зависть, злобу — сдѣлали ее источникомъ страданій не только для самихъ себя, но и для всей твари, такъ что и вся тварь совокупно съ нами стечетъ и мучится; не смотря на все это, люди такъ навывали къ такому образу жизни, что даже стали полагать невозможнымъ жить иначе и въ самыхъ страстяхъ и удовольствіи похоти мнили самую сущность жизни; находяже въ ней только неудовлетворительность своихъ желаній и страданія, одни потеряли вѣру въ благость и премудрость Творца, а другіе вовсе потеряли вѣру въ бытіе Бога и стали приписывать слѣпому случаю самое бытіе міра и человѣка. Однимъ словомъ, родъ человѣческій, отступя отъ своего назначенія, уподоблялся бесплодному дереву, годному только на посѣченіе.

Но Господь не только не предалъ посѣченію это бесплодное дерево, но еще спасенія рода человѣческаго не пощадилъ Своего Единороднаго, и тѣмъ явилъ всю бездну любви своей къ своему творенію. Сынъ же Божій, явись человѣкомъ, не только показалъ каковъ долженъ быть человѣкъ по мысли Божіей и не только выполнилъ всецѣло то назначеніе, для котораго по Божественному опредѣленію дано

бытіе человѣку, но самоотверженіемъ любви къ людямъ совершилъ даже болѣе того, что правдою Божіей требовалось отъ человѣка — добродѣтелями Своими Онъ превысилъ самыя небеса и слѣдовательно явилъ въ Себѣ самый совершенный плодъ человѣчества.

Послѣ сего что можетъ сомнѣваться въ благости Творца? Кто можетъ утверждать, что человѣку невозможно жить по начертанному ему Творцемъ уставу?

Теперь земля стала для самыхъ небожителей проповѣдницей безпредѣльной любви Божіей и зрѣлищемъ высокихъ добродѣтелей Сына Божія и друзей Его, подобно тому какъ небеса для насъ проповѣдники всемогущества и премудрости Божіей и зрѣлище великолѣпія славы Его.

Велики заслуги Христа Іисуса и Богъ прославилъ Его: посадивъ Его одесную Себя на небесахъ, превознесъ Его превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, которая есть Его тѣло, полнота наполняющая все во всемъ. И вотъ, Онъ въ день, предопредѣленный Отцемъ, явится судьей всей твари. (1. Пет. 3, 29. Еф. 1. 20 — 23).

Неисчислимы благодѣянія Христа Іисуса къ намъ, людямъ: Онъ показалъ намъ Собою примѣръ жизни по уставу Творца, возвѣстилъ спасительныя истины, ими освѣтилъ наше прошедшее, настоящее и будущее, понесъ на Себѣ грѣхи наши, потерпѣлъ за насъ муки и смерть, умертвилъ смерть, разрушилъ адъ, побѣдилъ поработившаго насъ діавола; освободилъ отъ его оковъ, изливаетъ на насъ всѣ дары Св. Духа и открылъ намъ дверь спасенія. Будемъ же внимательны къ такому дѣлу любви Божіей къ намъ. Все сдѣлано для нашего спасенія. Но одно изъ существенныхъ свойствъ нашей души — свобода воли — эта высшая черта образа Божія, — безъ которой человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, — предоставляетъ намъ возможность: принять милость Божію и спастись, или отвергнуть и погибнуть. Истина явлена намъ во всемъ сіяніи свѣта. Но мы свободны

отвратить нашъ взоръ и смотрѣть въ противоположную сторону — во тьму, чтобы ее не видѣть, волины даже намѣренно повредить зрѣніе, чтобы оставаться во тьмѣ. Только будемъ же имѣть въ виду, что теперь не остается болѣе другой жертвы за грѣхи, и если мы не хотимъ сознать истины, или, получивъ сознаніе истины, произвольно грѣшимъ, то остается одно: *нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готовая пожрать противниковъ.* (Еф. 10, 26, 27).

LXX.

«И такъ умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божиимъ, пишетъ Ап. Павелъ, предоставьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумнаго служенія вашего, и не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная. По данной мнѣ благодати, всякому изъ васъ говорю: не думайте о себѣ болѣе, нежели должно думать; но думайте скромно, по мѣрѣ вѣры, какую каждому Богъ удѣлил. Ибо какъ въ одномъ тѣлѣ у васъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же тѣло: такъ мы многіе, составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены. И какъ, по данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія: то имѣемъ-ли пророчество, пророчествуй по мѣрѣ вѣры, имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли, въ ученіи: — увѣщатель ли, увѣщевай; раздаватель ли, раздавай въ простотѣ; начальникъ ли, начальствуй съ усердіемъ, благотворитель ли, благотвори съ радушіемъ. Любовь да будетъ непритворна, отвращайтесь зла, прилбпайтесь къ добру; будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію; въ почтительности другъ друга предупреждайте. Въ усердіи не ослабѣвайте; духомъ пламенѣйте. Господу служите; утѣшайтесь надеждою; въ скорби будьте терпѣливы, въ молитвѣ постоянны; въ нуждахъ святыхъ принимайте участіе; ревнуйте о страннопріимствѣ. — Благословляйте гонителей вашихъ; благословляйте, не проклиняйте. Радуйтесь съ радующимися и плачьте съ плачущими. Будьте единомысленны между собою, не высоко мудрствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ; не мечтайте о себѣ,

никому не воздавайте зломъ за зло, но некайтесь о добромъ предъ всѣми людьми. Если возможно, со своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву Божию. Ибо написано (Втор. 32, 35): Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь. И такъ, если врагъ твой голоденъ, накорми его; если жаждетъ, напой его: ибо дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горящіе уголья. (Притч. 25, 22, 23). Не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ. Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. По сему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, — бойся: ибо онъ не напрасно носить мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите: ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно заняты. И такъ отдавайте всякому должное: кому постоянно заняты. И такъ отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви: ибо любящій другаго, исполнилъ законъ. Ибо заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не украдь, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай чужаго, и всѣ другія заключаются въ семь словъ: люби ближняго твоего, какъ самаго себя. (Лев. 19, 18). Любовь не дѣлаетъ ближнему зла; и такъ любовь есть исполненіе закона. Такъ поступайте, зная время, что наступилъ уже часъ пробудиться намъ отъ сна. Ибо нынѣ ближе къ намъ спасеніе, нежели когда мы увѣровали. Ночь прошла, а день приблизился: и такъ отвергнемъ дѣла тьмы и облечемся въ оружія свѣта. Какъ днемъ, будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти; но облечемся въ Господа нашего Іисуса Христа, и попеченія о плоти не превращайте въ похоти. Немощнаго въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніяхъ. Ибо иной увѣренъ, что можно ѣсть все, а немощный ѣстъ овощи. Кто ѣстъ, не унижай того, кто не ѣстъ; и кто

не ѣсть, не осуждай того, кто ѣсть: потому что Богъ принялъ его. Кто ты, осуждающій чужаго раба? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ, или падаетъ. И будетъ возсталенъ: ибо силенъ Богъ возстановитъ его. Иной отличаетъ день отъ дня, а другой судитъ о всякомъ днѣ равно. Всякій поступай по удостовѣренію своего ума. Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ; и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ. Кто ѣсть, для Господа ѣсть: ибо благодаритъ Бога; и кто не ѣсть, для Господа не ѣсть, и благодаритъ Бога. Ибо никто изъ васъ не живетъ для себя и никто не умираетъ для себя; а живемъ ли, для Господа живемъ; умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли, или умираемъ, всегда Господни. Ибо Христосъ для того и умеръ, (и воскресъ) и ожилъ, чтобы владычествовать и надъ мертвыми и надъ живыми. А ты, что осуждаешь брата своего? Или и ты, что уничижаешь брата своего? Всѣ мы предстанемъ на судъ Христовъ. Ибо написано: живу Я, говоритъ Господь, предо Мною преклонится всякое колѣно, и всякій языкъ будетъ исповѣдывать Бога. (Исаи 45. 23). И такъ каждый изъ насъ за себя дастъ отчетъ Богу. Не станемъ же болѣе судить другъ друга, а лучше судите о томъ, какъ бы не подавать брату случая къ преткновенію или соблазну. Я знаю и увѣренъ въ Господѣ Іисусѣ, что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечистаго; только почитающему что либо нечистымъ. тому нечисто. Если же за пищу огорчается братъ твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи своею пищею того, за кого Христосъ умеръ. Да не худится ваше добро. Ибо царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ и радость въ Святомъ Духѣ. Кто симъ служитъ Христу, тотъ угоденъ Богу и достоинъ одобренія отъ людей. И такъ будемъ искать того, что служить къ миру и ко взаимному назиданію. Ради пищи не разрушай дѣла Божія. Все чисто, но худо человѣку, который ѣсть на соблазнъ. — Лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ. Ты имѣешь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ, предъ Богомъ. Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ. А сомнѣвающійся, если ѣсть, осуждается: потому что не по вѣрѣ; а все, что не по вѣрѣ, грѣхъ. Могущему же утвердить васъ, по благовѣствованію моему и проповѣди

Іисуса Христа, по откровенію тайны, о которой отъ вѣчныхъ временъ было умолчано, но которая нынѣ явлена и чрезъ писанія пророческія, по повелѣнію вѣчнаго Бога, возвѣщена всѣмъ народамъ, для покоренія ихъ вѣрѣ, одному премудрому Богу, чрезъ Іисуса Христа, слава во вѣки. Аминь.

Мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ, но какъ написано: злословія злословящихъ Тебя пали на Меня. (Псал. 68. 10). А все, что написано было прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы, терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ писаній, сохранили надежду. Богъ же терпѣнія и утѣшенія, да даруетъ вамъ быть въ единомысліи между собою, по ученію Христа Іисуса, дабы вы единомысленно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа. (Рим. гл. 12. 13 — 4. 15).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Р томъ, что возвѣщаютъ намъ судьбы Церкви Христовой и народовъ.

I.

По вознесеніи Господа Иисуса Христа Апостолы возвратились въ Иерусалимъ съ великою радостію и пребывали тамъ — то въ одной горницѣ, то во храмѣ, единодушно въ молитвѣ, прославляя и благословляя Бога. Съ ними были нѣкоторыя жены и Марія — Матерь Господа и братья Его, всего около ста двадцати человекъ.

При наступленіи дня Пятидесятницы, когда всѣ Апостолы были единодушно вмѣстѣ, внезапно сдѣлался шумъ съ неба, какъ бы отъ несущагося сильнаго вѣтра, и наполнилъ весь домъ, гдѣ они находились, и явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные, и почил по одному на каждомъ изъ нихъ, и исполнились всѣ Духа Святаго, и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщать. (Дѣян. 2. 1 — 11).

И вотъ простые рыбаки, нигдѣ необучавшіеся, дѣлаются мудреѣ философовъ, свѣдущѣ книжниковъ, краснорѣчивѣ ораторовъ. Тѣ, которые предъ симъ, на другой же день забывали сказанное имъ Учителемъ, вдругъ вспомнили всякое Его слово, и всякій Его шагъ. Тѣ, которые не понимали самыхъ простыхъ притчъ Его, вдругъ постигли всю премудрость Божія домостроительства о спасеніи міра, и поняли всѣ ветхозавѣтныя прообразованія и пророчества. Тѣ, которые столь мало понимали духъ Христовъ, что недавно спорили о первенствѣ и готовы были на непринявшее ихъ Самарянское селеніе низвести съ неба огонь, вдругъ проникаются симъ духомъ, и дѣлаются смиренными, кроткими, милосердными, терпѣливыми. Тѣ, которые недавно дотога были

страшливы и боязливы, что при наступленіи опасности Учителю всѣ оставили Его и разбѣжались въ трепетѣ, а первый изъ нихъ, даже отрекся отъ Него, теперь смѣло возвѣщаютъ воскресеніе Распятаго, и проповѣдуютъ Его Христомъ — Единороднымъ Отца Небеснаго, и на прещенія сильныхъ отвѣчаютъ: «судите сами, справедливо ли васъ слушать болѣе, — нежели Бога; мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали», а когда ихъ подвергаютъ заключенію, поруганію, истязанію и гоненію, они радуются, что сподобились потерпѣть всё это за имя Христова, и съ такою же радостію встрѣчаютъ смерть, продолжая исповѣдывать Христа — Божію силу и на крестахъ, и подъ тучею бросаемыхъ на нихъ камней.

Такихъ свидѣтелей воскресенія и проповѣдниковъ Евангелія воздвигъ Господь, надѣливъ ихъ еще силою чудотворенія, какъ непрекаемымъ доказательствомъ высшаго посланничества, и они немедленно начали свою проповѣдь, и проповѣдь ихъ, не смотря на гнусную клевету Первосвященниковъ о похищеніи тѣла Иисусова учениками Его и на строгія мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, скоро исполнила весь Иерусалимъ славою имени Распятаго; Слово Божіе росло, число учениковъ непрестанно умножалось, даже изъ самыхъ священниковъ Иудейскихъ очень многие покорились вѣрѣ. (Дѣян. VI. 7.)

II.

Но чтобы для упорствующихъ въ невѣріи не оставалось никакого предлога къ оправданію, Господь воздвигъ Себѣ еще непрекаемаго свидѣтеля изъ самыхъ враговъ Своихъ.

Былъ въ Иерусалимѣ еврей Савлъ, — мужъ необыкновенно даровитый и образованный. Родители его были обыватели города Тарса, главнаго города Киликіи, славившагося въ то время просвѣщеніемъ и науками. Они были люди богатые и пользовались правомъ Римскаго гражданства, что составляло въ то время очень важное преимущество. Савлъ посланъ былъ ими для усовершенствованія въ отечественномъ законѣ въ Иерусалимъ, который почитался тогда средоточіемъ Иудейской мудрости, и присоединялся къ сектѣ фарисеевъ, сдѣлался — ученикомъ Гамалиила, знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ Иудей-

скихъ Законоучителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ—самымъ ревностнымъ приверженцемъ отеческихъ преданій, и—жаркимъ преслѣдователемъ имени Іисуса Назаря.

Когда невѣрующіе Іудеи, раздраженные исповѣданіемъ первомученика діакона Стефана, убивали его камнями, (Дѣян. 8. 1). Савлъ одобрялъ убійство и стерегъ одежды убійцы. Потомъ, когда послѣ этого многіе вѣрующіе бѣжали изъ Іерусалима и разсѣялись по разнымъ странамъ, Савлъ, получивъ отъ Первосвященниковъ власть преслѣдовать христіанъ, ходилъ для сего по всѣмъ синагогамъ, даже входилъ въ дома ихъ, не щадилъ ни пола, ни возраста, мученіями принуждалъ ихъ хулить имя Іисуса, заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, то подавалъ на то свой голосъ. 26. 10—11.

Между тѣмъ разсѣяніе христіанъ послужило къ распространенію Евангелія и умноженію вѣрующихъ. Бѣжавшіе изъ Іерусалима христіане продолжали свою проповѣдь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водворились:—проповѣдь ихъ и тамъ пріобрѣтала новыхъ вѣрующихъ въ Сына Божія. Эти успѣхи проповѣди возбудили въ Савлѣ ревность преслѣдовать христіанъ за предѣлами Палестины. Дыша угрозами и убійствомъ, онъ испросилъ у Первосвященниковъ письма къ Дамасскимъ синагогамъ, чтобы онъ допущенъ былъ вязать тамошнихъ христіанъ и препровождать ихъ въ Іерусалимъ для суда. (Д. 9. 2.)

Дамаскъ, наполненный Іудеями, представлялъ тогда обширное поле для дѣйствія. Онъ предъ тѣмъ завоеванъ былъ Аретомъ—царемъ Аравійскимъ, и новый владѣтель, какъ тестъ Ирода Антипы, благопріятствовалъ Іудеямъ. Письмо Первосвященника должно было имѣть тамъ полный успѣхъ.

Но на пути въ Дамаскъ, среди дня, Савлъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ съ неба, превосходящій солнечное сіяніе, который осіялъ его и шедшихъ съ нимъ. Всѣ они пали на землю, и Савлъ услышалъ голосъ: «Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь? Трудно тебѣ идти противъ рожна!» Савлъ спросилъ: «кто Ты, Господи?» «Я—Іисусъ, котораго ты гонишь» — отвѣчалъ явившійся. — «Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что ты видѣлъ и что Я открою тебѣ, избавляя тебя отъ народа Іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя, открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ свѣту и отъ власти сатаны къ Богу,

и вѣрою въ Меня получили прощеніе во грѣхахъ—и часть наслѣдія съ освященными.» (Дѣян. 26. 12—19).

Савлъ еще спросилъ: «Господи! что мнѣ дѣлать?» Господь сказалъ: «встань и иди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ сказано будетъ все, что назначено тебѣ дѣлать».

Савлъ всталъ съ земли и съ открытыми глазами никого не видѣлъ, такъ какъ, отъ славы свѣта того, лишился зрѣнія. Бывшіе съ нимъ повели его за руку и привели его въ Дамаскъ, и онъ три дня не видѣлъ, и не ѣлъ, и не пилъ. (Д. 9. 8. 22. 11).

Въ Дамаскѣ былъ тогда одинъ ученикъ Господа, Ананія. Господь въ видѣніи сказалъ ему: встань и пойдѣ на улицу, которая зовется прамая, и спроси въ Іудиномъ домѣ Тарсянина, по имени Савла; онъ теперь молится, и видѣлъ въ видѣніи мужа, именемъ Ананію, пришедшаго къ нему и возложившаго на него руки, чтобы онъ прозрѣлъ.»

Ананія отвѣтствовалъ: «Господи! я слышалъ отъ многихъ о семъ человѣкѣ, сколько зла сдѣлалъ онъ святымъ Твоимъ въ Іерусалимѣ; и здѣсь имѣетъ отъ Первосвященниковъ власть, вязать всѣхъ, призывающихъ имя Твое».

Но Господь сказалъ ему: «иди, ибо онъ есть мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое предъ народами, и царями и сынами Израилевыми. И я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое».

Ананія пошелъ, и вошелъ въ домъ, и возложивъ на него руки, сказалъ: «братъ Савлъ! Господь Іисусъ, явившійся тебѣ на пути, которымъ ты шель, послалъ меня, чтобы ты прозрѣлъ, и исполнился Духа Святаго».

И тотчасъ, какъ бы чешуя спала отъ глазъ его; и вдругъ онъ прозрѣлъ, и, вставъ, крестился, и сталъ проповѣдывать въ Синагогахъ объ Іисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій (Дѣян. 9. 10—18). Съ такою проповѣдію онъ обошелъ Аравію, Кипръ, Сирію, Малую Азію, Грецію, Италию, Испанію, и о чудномъ явленіи ему Господа свидѣтельствовалъ въ Іерусалимѣ предъ народомъ и Синедріономъ, и въ Кесаріи предъ Римскимъ Правителемъ Феликсомъ и Порціемъ Фестомъ, тоже предъ потомкомъ Ирода, царемъ Агриппою, неоднократно подтверждая тоже и въ письменныхъ своихъ посланіяхъ къ обращеннымъ имъ христіанамъ.

III.

Невѣрующіе! Это вамъ въ лицѣ Савла явился Христосъ. Если зрѣніе ваше, занятое постоянно разсматриваніемъ мѣлочей земной жизни, не можетъ выносить сіянія славы Отчей и видѣть Евангельскихъ истинъ, проповѣданныхъ очевидцами и служителями Предвѣчнаго Слова,—то здѣсь въ свидѣтельствѣ Савла истина Божественности христіанской религіи предстала вамъ въ самомъ доступномъ для вашихъ очей видѣ. Что такъ свидѣтельствовалъ Савлъ о видѣніи и обращеніи его въ христіанство, то неопровержимо. Что онъ свидѣтельствовалъ не по увлеченію, не по пристрастію, не изъ ожидаемыхъ за то выгодъ, и—о фактѣ, дѣйствительно видѣнномъ и испытанномъ, а не о мечтѣ, представленной его воображеніемъ, это явно до очевидности. Можетъ ли быть достовѣрнѣе этого свидѣтеля? Не кроткій по природѣ человекъ, который самъ по себѣ имѣлъ-бы расположеніе къ благотворному ученію христіанъ, не слушатель Иисуса Христа, о коемъ можно бы сказать, что онъ увлеченъ сладостію словъ Его, не такой человекъ видитъ Иисуса, коего Іудеи почитали мертвымъ, но упорнѣйшій защитникъ Іудейства, непримиримый врагъ имени Христова, жестокій преслѣдователь почитателей Его, однимъ словомъ, Савлъ видитъ Иисуса, признаетъ Его Мессіею, Сыномъ Божиимъ, и содѣлывается ревностнымъ провозвѣстникомъ имени Его, готовымъ на муки и самую смерть за истину новаго ученія.

Онъ не могъ обѣщать себѣ отъ христіанъ никакихъ земныхъ благъ. Искалъ ли онъ чести? Она была оказана ему Верховнымъ Совѣтомъ Іудейскимъ, который возложилъ на него самое важное порученіе истребить возникающее христіанство. Исполненіе этого порученія доставило бы ему славу и право на самыя высшія достоинства между Фарисеями; напротивъ, христіане, какъ сами не искали почестей, такъ и не могли обѣщать ихъ, будучи вездѣ гонимы и презираемы властями. Искалъ ли онъ богатства? Христіане были бѣдны; многіе изъ нихъ жили милосердіемъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; ихъ послѣднія стяжанія ненаказанно расхищались ихъ врагами, самая жизнь находилась въ непрестанной опасности. Напротивъ,

Фарисеи изобиловали всѣми временными благами, и, пользуясь всякимъ уваженіемъ въ народѣ, могли доставить любимцамъ своимъ все, имъ угодное.

Савлъ не только не искалъ для себя у христіанъ никакихъ временныхъ приобрѣтеній, но еще долженъ былъ при переходѣ въ христіанство отказаться отъ тѣхъ, кои имѣлъ въ Іудействѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ долженъ былъ потерять славу перваго ревнителя и защитника Іудейства; долженъ былъ ниспровергать отеческія преданія, къ коимъ онъ привыкъ изъ дѣтства; долженъ былъ разорвать нѣжнѣйшія узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались въ Іудействѣ. Этого мало: за вѣру въ Иисуса Христа ему неминуемо надлежало содѣлаться предметомъ ненависти всѣхъ Фарисеевъ, всего Синедріона, всего народа Іудейскаго.

Савлъ не былъ мечтатель, который внушенія собственнаго чувства, мечты воображенія почиталъ за вдохновенія Божественныя. Энтузіастическая мечтательность происходитъ или отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ любимымъ мнѣніямъ, или отъ меланхоліи, или отъ живаго, но необразованнаго воображенія, или отъ дѣтскаго легковѣрія. Савлъ же имѣлъ сильное пристрастіе, но не къ христіанству, а къ преданіямъ Фарисейскимъ; между тѣмъ, когда позналъ истину, то немедленно отвергъ ихъ единожды навсегда. Онъ не былъ мрачнаго меланхолическаго характера. Какимъ опасностямъ, скорбямъ, лишеніямъ не подвергался онъ въ продолженіе своего Апостольства?—при всемъ томъ въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ малодушія: онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбою, радовался среди самыхъ страданій. Если онъ желалъ окончанія своей жизни, то по тому, чтобы скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Спасителемъ. Въ этомъ желаніи не было ничего нетерпѣливаго, энтузіастическаго: по сему то, когда онъ увидѣлъ, что для учениковъ его нужнѣе, чтобы онъ оставался въ сей жизни, то употреблялъ всѣ справедливые способы къ отдаленію ея конца. Савлъ имѣлъ живое воображеніе; но какъ строго оно было подчинено разсудку. Читая посланія его, мы находимъ сильные порывы чувствъ; но они никогда не выходятъ за предѣлы: это невольное изліяніе сердца, преисполненнаго любовію къ Богу и ближнему. Тѣмъ менѣе можно предполагать въ немъ легковѣрія и неосмотрительности. Изъ одной исторіи его можно

извлечь подробныя правила христіанскаго благоразумія. Онъ постоянно внушалъ ученикамъ своимъ всё испытывать, дабы принимать одно истинное, доброе; упрекалъ ихъ, когда они, подобно дѣтямъ, были увлекаемы всякимъ вѣтромъ ученія; предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ откровеній и пророчествъ; никогда не требовалъ себѣ слѣпой вѣры; напротивъ хотѣлъ, чтобы поступали по убѣжденію собственнаго своего ума. Такъ ли поступаютъ люди съ мечтательнымъ характеромъ! (жизнь Св. Ап. Павла, стр. 35—40).

IV.

Можетъ ли быть достовѣрнѣе свидѣтель? Можетъ ли быть яснѣе, отчетливѣе свидѣтельство? Но, къ сожалѣнію, и тѣперь невѣрующіе съ такимъ-же легкомысліемъ относятся къ нему, какъ относились и при жизни Апостола Павла. Когда въ Іерусалимѣ онъ говорилъ предъ народомъ, тогда толпа вѣровала ученію книжниковъ, что Мессія только для однихъ Евреевъ — потомковъ Авраама, и потому, какъ только Павелъ вымолвилъ, что явившійся ему Господь сказалъ: «Я пошлю тебя къ язычникамъ,» (Дѣян. 22, 21, 22) — поднялся крикъ: «истреби отъ земли такого! ему не должно жить!» Такъ и нынѣ есть много вѣрующихъ на слово догмату нынѣшнихъ книжниковъ: (Штрауса, Ренана, Фейербаха съ братією) — о необходимости, господствующей будто бы въ природѣ и заключающей будто бы идею о разумномъ и самостоятельно-дѣйствующемъ началѣ вселенной (т. е. что будто бы въ мірѣ не можетъ быть по волѣ Божіей никакихъ чудесъ); всѣ они съ презрѣніемъ оставляютъ безъ вниманія свидѣтельство Павла; есть даже такіе, которые готовы истребить отъ земли всѣхъ принимающихъ это свидѣтельство.

Когда Павелъ предъ Синадріономъ сталъ свидѣтельствоваться, доброю совѣстію, Первосвященникъ Ананія приказалъ бить его по устами, (Дѣян. 23. 1, 2) и когда Павелъ упомянулъ только о чаяніи воскресенія мертвыхъ, поднялся споръ между Фарисеями и Саддукеями, крикъ и раздоръ до того увеличился, что тысяченачальникъ, опасаясь, чтобы враждовавшіе не растерзали Павла, приказалъ вывести его изъ среды враждовавшихъ и отвести въ крѣпость. Такъ и ны-

нѣшніе книжники, раздѣляясь на нѣсколько сектъ (раціоналисты, матеріалисты и др.) проводятъ время въ спорахъ между собою; и основываясь на предвзятой каждымъ мысли и на принятомъ догматѣ своей науки, пишутъ трактаты въ опроверженіе системъ противниковъ, и не только не думаютъ входить въ изслѣдованіе достовѣрности свидѣтельства Павлова, но и слышать объ немъ не хотятъ. А сколько есть и такихъ изъ нихъ, которые готовы бить по устами каждаго, кто напомнилъ бы имъ о доброй совѣсти, въ которой жилъ Павелъ предъ Богомъ до самой мученической смерти.

Въ Кесаріи Прокураторъ Іудейскій — Феликсъ съ женою свою Друзилою, Іудеянкой, пожелалъ слушать ученіе Павла о вѣрѣ во Христа Іисуса, и призвалъ его къ себѣ. Но какъ только Павелъ сталъ говорить о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ, Феликсъ пришелъ въ страхъ и сказалъ: пойди теперь, а когда найду время, позову тебя. (Дѣян. 25. 24, 25). Такъ и нынѣ иному изъ невѣрующихъ по случаю или по внушенію ближнихъ, — приходится иногда выслушать ученіе Павла, и благодать Божія коснется его души, станеть звать на путь спасенія, и начнетъ вселять страхъ Божій, но онъ, такъ же какъ Феликсъ, скажетъ: «пойди теперь, а какъ найду время, позову тебя,» и потомъ между мірскихъ развлеченій, плотскихъ сластей и корыстныхъ предпріятій, времени уже не находитъ.

Смѣнилъ Феликса Фестъ и такъ же пожелалъ слушать Павла въ присутствіи царя Агриппы и супруги его Вереники. Павелъ подробно изложилъ предъ ними, какъ онъ былъ прежде гонителемъ имени Іисуса Назорея, и какъ явленіемъ ему Господа, онъ сдѣлался Его Апостоломъ. «Безумствуешь ты, Павелъ, вскричалъ Фестъ. — Большая ученость доводитъ тебя до сумашествія.» Агриппа же сказалъ Павлу: «ты немного не убѣдилъ меня сдѣлаться Христіаниномъ.» (Дѣян. 26. 24, 28).

Есть и нынѣ безумцы, которые безъ всякихъ изслѣдованій и соображеній считаютъ Павла безумнымъ; есть и Агриппы, которыхъ свидѣтельство Павла поражаетъ и кладетъ въ нихъ основаніе къ убѣжденію въ истинѣ Христіанской религіи, но они изъ лѣнности, или изъ пристрастія къ земнымъ благамъ, — или прежнимъ убѣжденіямъ, не хотятъ далѣе вникать въ этотъ предметъ, и продолжать свои из-

слѣдованіа, и даже спѣшать заглушить зародившуюся въ нихъ благую мысль.

V.

Сіи-то истинные посланники Божіи обошли всю землю и вездѣ возвѣстили радостную вѣсть (Евангеліе) о спасеніи рода человѣческаго Сыномъ Божиимъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и во всѣ концы вселенныя глаголы ихъ*. Тамъ, гдѣ находили вѣрующихъ, они останавливались, научали истинному Богопочитанію и новой жизни во Христѣ, поставляли пресвитеровъ и Епископовъ, и наставляли ихъ, какъ пасти стадо Христово и совершать таинства для сообщенія вѣрующимъ даровъ Духа Святаго. Такъ они положили основаніе единой церкви Христовой — царству Божію на землѣ. Вездѣ ихъ проповѣдь была устная, но въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ изложили письменно: Матѳей и Іоаннъ — Апостолы изъ двѣнадцати, Маркъ и Лука — изъ семидесяти — спутники и сотрудники первоверховныхъ Петра и Павла, — земную жизнь и ученіе Иисуса Христа, что и называется собственно *Евангеліемъ*; Лука же еще исторію вознесенія Христа, сошествія Св. Духа на Апостоловъ и первоначальной проповѣди Апостольской — *Дѣянія Апостоловъ*. Петръ, Іоаннъ, Іаковъ, Іуда и Павелъ написали письма, — *посланія* къ вѣрующимъ съ наставленіемъ, какъ подобаетъ вѣровать и вести себя Христіанамъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ тѣмъ, какъ происходила Апостольская проповѣдь, и какъ невѣрующіе обращались къ Христіанъ, приведемъ нѣкоторые тому частные случаи изъ Дѣяній Апостольскихъ.

Апостолы Петръ и Іоаннъ шли вмѣстѣ въ храмъ, въ часъ молитвы девятый. И былъ человѣкъ, хромой отъ чрева матери его, котораго носили и сажали каждый день при дверяхъ храма, называемыхъ красными, просить милостыни у входящихъ въ храмъ. Онъ, увидѣвъ Петра и Іоанна, предъ входомъ въ храмъ, просилъ у нихъ милостыни. Петръ съ Іоанномъ, всмотрѣвшись въ него, сказалъ: взгляни на насъ. Онъ сталъ пристально смотрѣть на нихъ, надѣясь получить отъ нихъ что нибудь. Но Петръ сказалъ: серебра и золота нѣтъ у меня; а что имѣю, то даю тебѣ: во имя Иисуса Хри-

ста Назорея встань и ходи. И взявъ его за правую руку, поднялъ; и вдругъ утвердились его ступни и колѣна. И, вскочивъ, сталъ, и началъ ходить, и вопелъ съ ними въ храмъ, ходя и скача, и хваля Бога. И весь народъ видѣлъ его ходящимъ и хвалящимъ Бога. И узнали его, что это былъ тотъ, который сидѣлъ у красныхъ дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумленія отъ случившагося съ нимъ. И какъ исцѣленный хромой не отходилъ отъ Петра и Іоанна, то весь народъ въ изумленіи сбѣжался къ нимъ въ притворъ, называемый Соломоновъ. Увидѣвъ это, Петръ сказалъ народу: Мужи Израильскіе! что дивитесь сему или что смотрите на насъ, какъ будто бы мы своею силою или благочестіемъ сдѣлали то, что онъ ходитъ? Богъ Авраама и Исаака и Іакова, Богъ отцевъ нашихъ, прославилъ Сына Своего Иисуса, котораго вы предали, и отъ котораго отреклись предъ лицомъ Пилата, когда онъ полагалъ освободить Его. Но вы отъ Святаго и Праведнаго отреклись, и просили даровать вамъ человѣка, убійцу; а начальника жизни убили, Сего Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, чему мы свидѣтели. И ради вѣры во имя Его, имя Его укрѣпило сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала ему исцѣленіе сіе предъ всѣми вами. Впрочемъ, я знаю, братія, что вы, какъ и начальники ваши, сдѣлали сіе по невѣденію. Богъ же, какъ предвозвѣстилъ устами всѣхъ своихъ пророковъ пострадать Христу, такъ и исполнилъ. И такъ покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши. Да придутъ времена отрады отъ лица Господа, и да пошлетъ Онъ предназначеннаго вамъ Иисуса Христа, Котораго небо должно было принять до временъ совершенія всего, что говорилъ Богъ устами всѣхъ святыхъ своихъ пророковъ отъ вѣка. Моисей сказалъ отцамъ: Господь Богъ вашъ воздвигнетъ вамъ изъ братьевъ вашихъ пророка, какъ меня; слушайте Его во всемъ, что Онъ ни будетъ говорить вамъ. И будетъ, что всякая душа, которая не послушаетъ Пророка того, истребится изъ народа. И всѣ пророки, отъ Самуила и послѣ него, сколько ихъ ни говорило, такъ же предвозвѣстили дни сіи. Вы сыны пророковъ и завѣта, который завѣщалъ Богъ отцамъ вашимъ, говоря Аврааму: и въ сѣмени твоёмъ благословятся всѣ племена земныя. Богъ, воскресивъ Сына Своего Иисуса, къ вамъ первымъ послалъ

Его благословить васъ, отвращая каждаго отъ злыхъ дѣлъ вашихъ. (Дѣян. гл. 3).

Когда они говорили къ народу, къ нимъ приступили священники и начальники стражи при храмѣ и Саддукеи, досадуя на то, что они учатъ народъ и проповѣдуютъ въ Иисусѣ воскресеніе изъ мертвыхъ. И наложили на нихъ руки, и отдали ихъ подъ стражу до утра; ибо уже былъ вечеръ. Многіе же изъ слушавшихъ слово увѣровали; и было число таковыхъ людей около пяти тысячъ.

На другой день сообрались въ Иерусалимъ начальники ихъ и старѣйшины и книжники и Первосвященники; и, поставивъ ихъ посреди, спрашивали: какою силою, или какимъ именемъ вы сдѣлали сіе? Тогда Петръ, исполнясь Духа Святаго, сказалъ имъ: начальники народа и старѣйшины Израильскіе! Если отъ насъ сего дня требуютъ отвѣта въ благодѣяніи человѣку немощному, какъ онъ исцѣленъ; то да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ и всему народу Израильскому, что именемъ Иисуса Христа Назорея, котораго вы распяли, котораго Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, Имъ поставленъ онъ предъ вами здоровъ. Онъ есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія. Ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись.

Видя смѣлость Петра и Іоанна, и примѣтивъ, что они люди не книжные и простые, они удивлялись; между тѣмъ узнавали ихъ, что они были съ Иисусомъ: видя же исцѣленнаго человѣка, стоявшаго съ ними, ничего не могли сказать вопреки. И, приказавъ имъ выйти вонъ изъ синедріона, разсуждали между собою, говоря: что намъ дѣлать съ сими людьми? Ибо всѣмъ, живущимъ въ Иерусалимѣ, извѣстно, что ими сдѣлано явное чудо, и мы не можемъ отвергнуть сего. Но, чтобы болѣе не разглашалось сіе въ народѣ, съ угрозою запретимъ имъ, чтобы не говорили объ имени семъ никому изъ людей. И, призвавъ ихъ, приказали имъ отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса.

Но Петръ и Іоаннъ сказали имъ въ отвѣтъ: судите, справедливо ли предъ Богомъ, слушать васъ болѣе, нежели Бога? Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали. Они же, пригрозивъ, отпустили ихъ, не находя возможности наказать ихъ, по причинѣ народа; потому что всѣ прославили

Бога за происшедшее. Ибо лѣтъ болѣе сорока было тому человѣку, надъ которымъ сдѣлалось сіе чудо исцѣленія. (Дѣян. 4. 1—22).

XI.

Одинъ благочестивый Еоіоплянинъ, вельможа царицы Кандакии, прѣѣзжавшій въ Иерусалимъ для поклоненія, возвращаясь оттуда, читалъ книгу пророка Исаи, сидя въ колесницѣ своей. Когда онъ прочтя мѣсто изъ книги, въ которомъ говорится: «какъ овца веденъ былъ Онъ на закланіе; и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ своихъ. Въ уничиженіе Его судъ его совершился. Но родъ Его кто изъяснитъ? Ибо вземется отъ земли жизнь Его,» — не доумѣвалъ, о комъ это говорится, — Филиппъ, одинъ изъ семи диаконовъ, избранныхъ Апостолами, по повелѣнію явившагося ему Ангела, подошелъ къ нему и спросилъ: разумѣешь ли, что читаешь? И когда тотъ попросилъ его объяснить ему его недоумѣніе, тогда Филиппъ, начавъ отъ сего пророчества, благоувѣстилъ его объ Иисусѣ, и Еоіоплянинъ исповѣдавъ, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, принявъ отъ Филиппа крещеніе. (Дѣян. 8. 26—39).

VII.

Когда Апостолы Павелъ и Варнава проповѣдывали на островѣ Кипрѣ, тамошній проконсулъ Сергій Павелъ, мужъ разумный, призвалъ ихъ, желая слышать слово Божіе, но бывшій при немъ волхвъ Варіисусъ противился имъ, стараясь отвратить проконсула отъ вѣры. Но Апостолъ Павелъ, исполнившись Духа Святаго и устремивъ на него взоръ, сказалъ: «О исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства сынъ діавола, врагъ всякой правды! Перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ? И нынѣ се рука Господня на тебя: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени.» И вдругъ напалъ на него мракъ и тма, и онъ, обращаясь туда и сюда, искалъ вожатаго. Тогда проконсулъ, увидѣвъ происшедшее, увѣровалъ, дивясь ученію Господню. (Дѣян. 13. 6—12).

VII.

Когда Павелъ, проповѣдуя въ Листрѣ, исцѣлялъ именемъ Иисуса Христа одного изъ слушателей, невладѣвшаго ногами отъ рожденія, тогда народъ, видя это, призналъ Павла и бывшаго съ нимъ Варнаву за боговъ, сошедшихъ къ нимъ въ образѣ человѣческомъ, и жрецъ идола Зевеса привелъ уже воловъ, украшенныхъ вѣнками, чтобы принести ихъ въ жертву. Апостолы, услышавъ объ этомъ, разодрали свои одежды, и, бросившись въ народъ, громогласно говорили: «Мужи! что вы дѣлаете? И мы подобные вамъ человѣки, и благовѣствуемъ вамъ, чтобы обратить васъ отъ сихъ ложныхъ къ Богу живому, который сотворилъ небо и землю, и море, и все, что въ нихъ, который въ прошедшихъ родахъ попустилъ всѣмъ народамъ ходить своими путями, хотя и не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣянiami, подавая вамъ съ неба дожди и времена плодотворныя, и исполняя пищу и веселіемъ сердца наши.» И говоря это, они едва убѣдили народъ не приносить имъ жертвы. Послѣ сего Апостолы оставались тамъ, учили, но пришедшіе туда изъ Антиохіи и Иконіи Іудеи возбудили народъ противъ нихъ, утверждая, будто бы они не говорятъ ничего истиннаго, а все лгутъ; такъ, что побили Павла камнями, и вытащили за городъ, почитая его умершимъ. Когда же ученики собрались около него; онъ всталъ и вошелъ въ городъ, а на другой день удалился оттуда. (Дѣян. 14. 8—20).

IX.

Пришедши въ знаменитый Греческій городъ Аѳины, Павелъ возмущенъ духомъ, при видѣ этого города, полного идоловъ. И такъ онъ сталъ разсуждать въ синагогѣ съ Іудеями и съ чтущими Бога, и ежедневно на площади со встрѣчающимися. Нѣкоторые изъ эпикурейскихъ и стоическихъ философовъ стали спорить съ нимъ. И одни говорили: «что хочеть сказать этотъ суесловъ?» А другіе: «кажется, онъ проповѣдуетъ о чужихъ божествахъ; потому что онъ благовѣствовалъ имъ Иисуса и воскресеніе. И взявъ его,

привели въ Ареопагъ, и говорили: «можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. По сему хотимъ знать, что это такое? Аѳиняне же всѣ и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотѣе ни проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что нибудь новое. И ставъ Павелъ среди Ареопаха, сказалъ: «Аѳиняне! по всему вижу, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому богу. Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду. Самъ дая всему жизнь и дыханіе и всё. Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣскій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію. Дабы они искали Бога, не ощущая ли Его, и не найдутъ ли: хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ. Ибо мы Имъ живемъ, и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ. И такъ мы, будучи родъ Божій, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго. И такъ, оставляя времена невѣденія, Богъ нынѣ повелѣваетъ людямъ всѣмъ повсюду покаяться. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ.

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни стали насмѣхаться, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время. И такъ Павелъ вышелъ изъ среды ихъ. Нѣкоторые же мужи, приставъ къ нему, увѣровали; между ними былъ Діонисій Ареопагитъ, и женщина, именемъ Дамаръ, и другіе съ ними. Дѣян. XVII, 15—34.

X.

Такъ Св. Апостолы обращали къ вѣрѣ во Христа Іудеи и язычниковъ. Послушаемъ, въ нашему назиданію, чему они учили обращенныхъ ими во Христа.

«Что пользы братіе мои, писалъ Апостолъ Іаковъ въ своемъ посланіи, если кто говоритъ, что онъ имѣеть вѣру, а дѣлъ не имѣеть? Можетъ ли вѣра спасти его? Если братья или сестра наги, и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а ктонибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣеть дѣлъ, мертва сама по себѣ, но скажетъ ктонибудь: ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла: покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру изъ дѣлъ моихъ. Ты вѣруешь, что Богъ единъ: хорошо дѣлаешь: и бѣсы вѣрують и трепещуть. Но хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва? Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства. И исполнилось слово Писанія: вѣровалъ Авраамъ Богу, и сіе вмѣнилось ему въ праведность; и онъ нареченъ другомъ Божиимъ. Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только? Ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва. (Іак. III, 14—26).

XI.

Апостолъ Петръ училъ: «послушаніемъ истинѣ чрезъ Духа, очистивъ души ваши къ нелицемѣрному братолюбію, постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца, какъ новорожденные не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго въ вѣкъ. Ибо всякая плоть, какъ трава, и всякая слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ; засохла трава, и цвѣтъ ея опалъ: но слово Господне пребываетъ въ вѣкъ, а это есть то слово, которое вамъ проповѣдано. И такъ, отложивъ всякую злобу и всякое коварство, и лицемѣріе, и зависть, и всякое злословіе, какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое, словесное молоко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе: ибо вы вкусили, что благъ Господь. Приступая къ Нему, камню живому, человѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоцѣнному, и сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы,

благопріятныя Богу Іисусомъ Христомъ. Ибо сказано въ Писаніи: вотъ Я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнный, и вѣрующій въ Него не постыдится. И такъ Онъ для васъ, вѣрующихъ, драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень, который отвергли строящіе, но который сдѣлался главою угла, камень претыканія и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены. Но вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди взятые въ удѣлъ, дабы возвыщать совершенства призваннаго васъ изъ тмы въ чудный свой свѣтъ; нѣкогда не народъ, а нынѣ народъ Божій; нѣкогда немилованные, а нынѣ помилованы. Возлюбленные! прошу васъ какъ пришельцевъ и странниковъ, удаляться отъ плотскихъ похотей, возстающихъ на душу, и провождать добродѣтельную жизнь между язычниками; дабы они за то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, увидя добрыя дѣла ваши, прославили Бога въ день посѣщенія. И такъ будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемыхъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей. Какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро, и страдая, терпите, сіе угодно Богу. Ибо вы къ тому призваны: потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его. Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его. Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно, страдая не угрожалъ; не предавалъ то Судіи праведному. Онъ грѣхи наши Самъ вознесъ тѣломъ своимъ на древо, дабы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды: ранами Его мы исцѣлились. Ибо вы были, какъ овцы блуждающія, (не имѣя пастыря); но возвратились нынѣ къ Пастырю и блюстителю душъ вашихъ. Такъ же и вы, жены, повинуйтесь своимъ

мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова приобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не виѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человекъ въ негдѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ; такъ нѣкогда и святія жены, уповающія на Бога, украшали себя, повинуваясь своимъ мужьямъ. Такъ Сарра повиновалась Аврааму, называя его своимъ господиномъ. Вы дѣти ея, если дѣлаете добро и не смущаетесь ни отъ какого страха. Такъ же и вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ. Наконецъ будьте всѣ единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Не воздавайте зломъ за зло, или ругательствомъ за ругательство, напротивъ благословляйте, зная, что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать благословеніе. Ибо кто любитъ жизнь, и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей; уклоняйся отъ зла и дѣлай добро; ищи мира и стремись къ нему; потому что очи Господа обращены къ праведнымъ, и уши Его къ молитвѣ ихъ, но лице Господне противъ дѣлающихъ зло, (чтобы истребить ихъ съ земли). И кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добра? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны. А страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите въ сердцахъ вашихъ: будьте всегда готовы всякому, требующему отъ васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ. Имѣйте добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ. (1 Петр. 1, 22—25. 2. 3. 1—16).

ХІІ.

«Возлюбленные! писалъ Ап. Іоаннъ, не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія и

духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ прійдетъ, и теперь есть уже въ мірѣ. Дѣти! вы отъ Бога, и побѣдили ихъ; ибо тотъ, кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ. Они отъ міра, потому и говорятъ по мірски, и міръ слушаетъ ихъ. Мы отъ Бога: знающій Бога слушаетъ насъ; кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ. По сему-то узнаемъ духа истины и духа заблужденія. Возлюбленные! Будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ едиnorodнаго Сына своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына своего въ умилоствленіе за грѣхи наши. Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ; то и мы должны любить другъ друга. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга; то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ. Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа своего. И мы видѣли и свидѣтельствуемъ, что Отецъ послалъ Сына, Спасителя міру. Кто исповѣдуетъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій; въ томъ пребываетъ Богъ, и онъ въ Богѣ. И мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ неѣ. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Любовь до того совершенства, чтобы намъ имѣть дерзновеніе въ день суда, достигаетъ въ насъ тѣмъ, что мы поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ Онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви. Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего. (1 Іоан. 4).

ХІІІ.

Апостолъ Іуда писалъ: «Возлюбленные! имѣя все усердіе писать вамъ объ общемъ спасеніи, я почелъ за нужное, написать вамъ увѣщаніе, подвизаться за вѣру однажды преданную святымъ. Ибо вкрались нѣкоторые люди, издревле предназначенные къ сему осужденію, нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству, и отвергающіеся Единого Владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа. Я хочу напомнить вамъ, уже знающимъ это, что Господь, избавивъ народъ изъ земли Египетской, потомъ невѣрующихъ погубилъ, и ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, соблюдаетъ въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня. Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города, подобно имъ блудоѣствовавшіе и ходившіе за иною плотію, повергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ: такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальство, и злословятъ высокія власти. Михаилъ Архангелъ, когда говорилъ съ диаволомъ, споря о Моисеевомъ тѣлѣ, не смѣлъ произнести укоризненнаго суда, но сказалъ: да запретитъ тебѣ Господь. А сіи злословятъ то, чего не знаютъ; что же по природѣ, какъ безсловесныя животныя, знаютъ, тѣмъ растлѣваютъ себя. Горе имъ, потому что идутъ путемъ Каиновымъ, предаются обольщенію мзды, какъ Валаамъ, и въ упорствѣ погибаютъ, какъ Корей. Таковыя бываютъ соблазномъ на вашихъ вечерахъ любви, пиршествуя съ вами, безъ страха утучняютъ себя. Это безводныя облака, носимыя вѣтромъ, осеннія деревья, безплодныя, дважды умершія, исторгнутыя, — свирѣпыя морскія волны, пѣнящіяся срамотами своими, звѣзды блуждающія, которымъ блюдется мракъ тмы навѣки. О нихъ пророчествовалъ и Енохъ, седьмой отъ Адама, говоря: се идетъ Господь со тѣми святыхъ Ангеловъ своихъ, сотворить судъ надъ всѣми, обличить всѣхъ между ними нечестивыхъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя произвело ихъ нечестіе, и во всѣхъ жестокихъ словахъ, которыя произносили на Него нечестивые грѣшники. Это ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (нечестиво и беззаконно); уста ихъ произносятъ надутыя слова, они оказываютъ лице-

пріятіе для корысти. Но вы, возлюбленные, помните предсказанное Апостолами Господа нашего Іисуса Христа. Они говорили вамъ, что въ послѣднее время появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ, это люди, отдѣляющіе себя (отъ единства вѣры), душевные, неимѣющіе духа. А вы, возлюбленные, назидая себя на святѣйшей вѣрѣ вашей, моляся Духомъ Святымъ, сохраняйте себя въ любви Божіей, ожидая милости отъ Господа нашего Іисуса Христа для вѣчной жизни. И въ одномъ будьте милостивы, съ разсмотрѣніемъ; а другихъ страхомъ спасайте, исторгая изъ огня (обличайте же со страхомъ) гнушавъ даже одеждою, которая осквернена плотію.

Могущему же соблюсти васъ отъ паденія, и поставить предъ славою своею непорочными въ радости, единому, премудрому Богу, Спасителю нашему, чрезъ Іисуса Христа Господа нашего, слава и величіе, сила и власть прежде всѣхъ вѣковъ, нынѣ и во всѣ вѣки: Аминь.

XIV.

Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, исчисливъ дары Духа Святаго, ниспосылаемые и раздѣляемые Имъ вѣрующимъ каждому особо, какъ Ему угодно, писалъ: «Ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ тутъ еще превосходнѣйшій. Если я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звѣнящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не раздрается неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнутъ и знаніе упразднится. Ибо мы отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ. Когда же настанетъ совершенное, тогда то,

что отчасти, прекратится. Когда я был младенцемъ, то по-младенчески говорилъ, а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ. А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь, но любовь изъ нихъ больше. Достигайте любви: (Кр. 13).

XV.

Въ посланіи къ Евреямъ Апостолъ Павелъ писалъ: «Богъ многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, чрезъ котораго и вѣки сотворилъ. Сей, будучи сіяніе славы и образъ вѣпости Его, и держа всё словомъ силы своей, совершивъ собою очищеніе греховъ нашихъ, возсѣлъ одесную престола величія на высотѣ, будучи столько превосходнѣе Ангеловъ, сколько славнѣйшее предъ ними наслѣдовалъ имя. Ибо кому когда изъ Ангеловъ сказалъ Богъ: Ты Сынъ мой, Я нынѣ родилъ Тебя. И еще: Я буду Ему Отцемъ, и Онъ будетъ Мнѣ Сыномъ? (Пс. 2, 7. 2 Цар. 7, 14). Такъ же, когда вводитъ Первороднаго во вселенную, говоритъ: «и да поклонятся Ему всѣ Ангелы Божіи (Пс. 26, 7). Объ Ангелахъ сказано: Ты творишь Ангеловъ своихъ духами, и служителей своихъ пламенѣющимъ огнемъ. (Пс. 103, 4). А о Сынѣ: престолъ Твой, Боже, во вѣкъ вѣка; жезлъ царствія Твоего жезлъ правоты, Ты возлюбилъ правду, и возненавидѣлъ беззаконіе: по сему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости преимущественно предъ соучастниками Твоими (Пс. 44, 7, 8). И, въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю, и небеса суть дѣло рукъ Твоихъ. Они погибнутъ, а Ты пребываешь, и всѣ обѣщаютъ, какъ риза, и какъ одежду свернешь ихъ, и измѣнятся: но Ты тотъ же, и лѣта Твои не кончатся. (Пс. 101, 26, 28). Кому когда изъ Ангеловъ сказалъ Богъ: сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подноженіе ногъ Твоихъ? (Пс. 109, 1). Не всѣ ли они суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе? По сему мы должны быть особенно внима-

тельны къ слышанному, чтобы не отпасть. Ибо если чрезъ Ангеловъ возвыщенное слово было твердо, всякое преступленіе и непослушаніе получало праведное воздаяніе: то какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвъ о толикомъ спасеніи, которое, бывъ сначала проповѣдано Господомъ, въ насъ утвердилось слышавшими отъ Него, при засвидѣтельствovanіи отъ Бога знаменіями и чудесами, и различными силами, и раздаяніемъ Духа Святаго, по Его волѣ? Ибо не Ангеламъ Богъ покорилъ будущую вселенную, о которой говоримъ; напротивъ нѣкто нѣгдѣ засвидѣствовалъ, говоря: что значить человѣкъ, что Ты помнишь его? или сынъ человѣческій, что Ты пощщаешь его? Не много Ты унижилъ его предъ Ангелами: славою и честію увѣнчалъ его, и поставилъ его надъ дѣлами рукъ Твоихъ; все покорилъ подъ ноги его. (Пс. 8, 5—7). Когда же покорилъ ему все, то не оставилъ ничего не покореннымъ ему. Нынѣ же еще не видимъ, чтобы все было покорено; но видимъ, что за претерпѣніе смерти увѣнчанъ славою и честію Іисусъ, который немного былъ униженъ предъ Ангелами, дабы Ему, по благодати Божіей, вкусить смерть за всѣхъ. Ибо надлежало, чтобы Тотъ, для котораго все, и отъ котораго все, приводящаго многихъ сыновъ въ славу, вождя спасенія ихъ, совершилъ чрезъ страданіе. Ибо и освящающій и освящаемые, всѣ отъ Единаго; по сей причинѣ Онъ не стыдится называть ихъ братіями, говоря: возвышу имя Твое братіямъ Моимъ, посреди церкви воспою Тебя. (Пс. 21, 23). И еще: Я буду уповать на Него. И еще: се Я и дѣти, которыхъ далъ Мнѣ Богъ. (Ис. 8. 17—18). По велику же дѣти причастны плоти и крови, то и Онъ такъ же воспринялъ оныя, дабы смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, то есть, діавола, и избавить тѣхъ, которые отъ страха смерти, чрезъ всю жизнь, были подвержены рабству. Ибо не Ангеловъ воспріемлетъ Онъ, но воспріемлетъ сѣмя Авраамово. По сему Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ предъ Богомъ, для умиловленія за грѣхи народа. Ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ; то можетъ и искушаемымъ помочь. И такъ, братія святые, участники въ небесномъ званіи, уразумѣйте Посланника и Первосвященника исповѣданія нашего, Іисуса Христа, который вѣренъ поставившему Его, какъ и Моисей во всемъ домѣ Его. Ибо

Онъ достоинъ тѣмъ большей славы предъ Моусеемъ, чѣмъ большую честь имѣеть въ сравненіи съ домомъ тотъ, кто устроилъ его. Ибо всякій домъ устроится кѣмъ либо; а устроившій все есть Богъ. И Моусей вѣренъ во всемъ домъ Его, какъ слугитель, для засвидѣтельствованія того, что надлежало возвѣстить. А Христосъ, какъ Сынъ, въ домъ Его. Домъ же Его мы, если только дерзновение и упованіе, которымъ хвалимся, твердо сохранимъ до конца. По чему, какъ говоритъ Духъ Святой, *нынѣ*, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ, какъ во время ропота, въ день искушенія въ пустынѣ, гдѣ искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видѣли дѣла Мои сорокъ лѣтъ. По сему Я вознегодовалъ на оный родъ, и сказалъ: непрестанно заблуждаютъ сердцемъ, не познали они путей Моихъ. По сему Я поклялся во гнѣвъ Моемъ, что они не войдутъ въ покой Мой. (Пс. 94, 7—11). Смотрите, братія, чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго и невѣрнаго, дабы вамъ не отступить отъ Бога живаго. Но наставляйте другъ друга каждый день, пока можно говорить: *нынѣ*, чтобы кто изъ васъ не ожесточился, обольстившись грѣхомъ. Ибо мы сдѣлались причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохранимъ до конца. Доколѣ говорится: *нынѣ*, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ, какъ во время ропота. Ибо нѣкоторые изъ слышавшихъ возроптали; но не всеъ въшедшіе изъ Египта при посредствѣ Моисея. На кого же негодовалъ Онъ сорокъ лѣтъ? Не на согрѣшившихъ ли, которыхъ кости пали въ пустынѣ? Противъ коготоже клялся, что не войдутъ въ покой Его, какъ не противъ непокорныхъ. И такъ видимъ, что они не могли войти за невѣріе. По сему будемъ спасаться, чтобы, когда еще остается обѣтованіе войти въ покой Его, не оказался кто изъ васъ опоздавшимъ. Ибо и намъ оно возвѣщено, какъ и тѣмъ: но не принесло имъ пользы слово слышанное, неразтворенное вѣрою слышавшихъ. А входимъ въ покой мы увѣровавшіе. И такъ стараемся войти въ покой оный, чтобы кто по тому же примѣру не впалъ въ непокорность. Ибо слово Божіе живо и дѣйственно, и острѣ всякаго меча обоюду остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судить чувствованія и помышленія сердечныя. И нѣтъ твари, сокровенной отъ Него; но все обнажено и открыто предъ

очами Его: Ему дадимъ отчетъ. И такъ имѣя Первосвященника великаго, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божія, будемъ твердо держаться исповѣданія нашего. Ибо мы имѣемъ не такого Первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ испушенъ во всемъ, кромѣ грѣха. По сему да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, чтобы получить милость и обрѣсти благодать для благовременной помощи. (Евр. 1—18). Будемъ держаться исповѣданія упованія неуклонно; ибо вѣренъ обѣщавшій. Будемъ внимательны другъ къ другу, поощряя къ любви и добрымъ дѣламъ. Не будемъ оставлять собранія своего, какъ есть у нѣкоторыхъ обычай; но будемъ увѣщевать другъ друга, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе усматриваете приближеніе дня онаго. Ибо если получивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ: то не остается болѣе жертвы за грѣхи; но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готово пожрать противниковъ. Если отвергшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказуется, смертію: то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь Завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ? Мы знаемъ Того, кто сказалъ: Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь. И еще: Господь будетъ судить народъ Свой (Втор. 32, 35, 36). Страшно впасть въ руки Бога живаго! (Евр. X. 23—31). „И такъ, не оставляйте упованія вашего, которому предстоитъ великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобы исполнить волю Божію, получить обѣщанное... Ибо еще немного, очень немного, и Грядущій придетъ и не умедлитъ. Праведный вѣрою живъ будетъ; а если кто поколеблется, не благоволитъ къ тому душа Моя. (Аввак. 2, 3—4). Мы же не изъ колеблющихся на погибель, но стоимъ въ вѣрѣ ко спасенію души. Вѣра же есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ. Въ ней свидѣтельствованы древніе. Вѣрою познаемъ, что вѣки устроены словомъ Божіимъ; такъ что изъ невидимаго произошло видимое. Вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую, нежели Каинъ; ею получилъ свидѣтельство, что онъ праведенъ, какъ свидѣтельствовалъ Богъ о дарахъ его; ею онъ и по смерти говоритъ еще. Вѣрою Енохъ преселенъ былъ такъ, что не видѣлъ смерти; а не стало его: потому что Богъ

преселилъ его. Ибо прежде преселенія своего получилъ онъ свидѣтельство, что угодилъ Богу. А безъ вѣры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, и ищущимъ Его воздастъ. Вѣрою Ной, получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо, благоговѣя приготовилъ ковчегъ для спасенія дома своего; ею осудилъ онъ весь міръ, и сдѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ. Вѣрою Авраамъ повиновался призванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе; и пошелъ, не зная, куда идетъ. Вѣрою обиталъ онъ на землѣ обѣтованной, какъ на чужой, и жилъ въ шатрахъ съ Исаакомъ и Іаковомъ, сонаслѣдниками того же обѣтованія. Ибо онъ ожидалъ города, имѣющаго основаніе, котораго художникъ и строитель Богъ. Вѣрою и сами Сарра, (будучи неплодна), получила силу къ принятію сѣмени, и не по времени возраста родила; ибо знала, что вѣренъ обѣщавшій. И потому отъ одного, и при томъ омертвѣлаго, родилось такъ много, какъ много звѣздъ на небѣ, и какъ безчисленъ песокъ на берегу морскомъ. Всѣ сіи умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій; а только издали видѣли оныя, и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ. Ибо тѣ, которые такъ говорятъ, показываютъ, что они ищутъ отечества. И еслибы они въ мысляхъ имѣли то отечество, изъ котораго вышли: то имѣли бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, то есть, къ небесному; по сему и Богъ не стыдится ихъ, называя Себя ихъ Богомъ, ибо Онъ приготовилъ имъ городъ. Вѣрою Авраамъ, будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака; и имѣя обѣтованіе, принесъ единороднаго, о которомъ было сказано: въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя. (Быт. 21. 12). Ибо онъ думалъ, что Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскреситъ. По чему и получилъ его въ предзнаменованіе. Вѣрою въ будущее Исаакъ благословилъ Іакова и Исава. Вѣрою Іаковъ, умирая, благословилъ cadaго сына. Іосифова и поклонился на верхъ жезла своего. Вѣрою Іосифъ, при кончинѣ, напомнилъ объ исходѣ сыновъ Израилевыхъ, и завѣщалъ о костяхъ своихъ. Вѣрою Моисей, по рожденіи, три мѣсяца скрывается былъ родителями своими: ибо видѣли они, что дитя прекрасно и не устрашилися царскаго повелѣнія. Вѣрою Моисей, пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери Фараоновой; и лучше захотѣлъ стра-

дать съ народомъ Божиимъ, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе; и поношеніе Христова почелъ болѣе для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища. Ибо онъ взиралъ на воздаяніе. Вѣрою оставилъ онъ Египетъ, не убоявшись гнѣва царскаго: ибо онъ, какъ бы видя невидимаго, былъ твердъ. Вѣрою совершилъ онъ Пасху и пролитіе крови, дабы истребитель перевенцевъ не коснулся ихъ. Вѣрою перешли они Чермное море, какъ по сушѣ; на что покусившись, Египтяне потонули. Вѣрою пали стѣны Іерихонскія, по семидневномъ обхожденіи. Вѣрою Раавъ блудница, съ миромъ принявъ соглядатаевъ, (и проводивъ ихъ другимъ путемъ) не погибла съ невѣрными. И что еще скажу? не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варахѣ, о Сампсонѣ, о Іефѣѣ, о Давидѣ, Самуилѣ, и другихъ пророкахъ, которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки въ войнѣ, прогоняли полки чужихъ; жены получали умершихъ своихъ воскресшими; иные же замучены были, не принявъ освобожденія, дабы получить лучшее воскресеніе, — другіе испытали поруганія и побои, и такъ же узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ; умирали отъ меча; скитались въ милотяхъ и козихъ кожахъ, терпѣли недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли. И всѣ сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго: потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучшее, дабы они не безъ насъ достигли совершенства. По сему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинаящій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить подлежащее намъ поприще, взирая на нечальника и совершителя вѣры Іисуса, который вмѣсто подлежащей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія. (Евр. 10. 35 — 37. 11. 12. 1 — 2).

XVI.

Проникнутые такимъ ученіемъ, первые христіане содѣлались новыми людьми и жизнь ихъ рѣзко стала отличаться

отъ жизни язычниковъ. Увѣровавъ во единого Бога и Христа Его, они уже не покланялись идоламъ, не приносили имъ жертвъ, не называли Императора Богомъ, ниже Господомъ, не клялись его именемъ, не участвовали въ торжествахъ и празднествахъ языческихъ, гдѣ освящались развратъ и страсти, не ходили на игры, гдѣ въ потѣху кровожаднымъ зрителямъ осужденныхъ преступниковъ выводили на растерзаніе звѣрямъ, рабовъ и плѣнниковъ заставляли на смерть сражаться мечами, или биться съ выпущенными на нихъ лютыми звѣрями. Напротивъ, они собирались только на вечера любви, гдѣ преломляя хлѣбъ въ воспоминаніе смерти Господней, слушали поученія Богодухновенныхъ мужей, читали псалмы, возносили молитвы и славословія къ престолу Всевышняго и совершали дѣла любви: помогали немощнымъ и бѣднымъ. А въ домашней жизни: вмѣсто пресыщенія заступилъ постъ, вмѣсто мірскихъ развлеченій и сквернословій — молитва, пѣніе священныхъ гимновъ и благочестивыя бесѣды. Вообще же смиреніе, кротость, терпѣніе, воздержность во всемъ первыхъ христіанъ являли необычное зрѣлище.

Міръ, увидѣвъ въ нихъ обличителей своего нечестія и разврата, возненавидѣлъ ихъ. По сему Іудеи гнали христіанъ, какъ разорителей ихъ отеческихъ преданій, а язычники стали преслѣдовать ихъ, какъ враговъ ихъ вѣры и разорителей ихъ обычаевъ, привычекъ и порядковъ обыденной жизни, тѣмъ болѣе, что для многихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, — для идольскихъ жрецовъ, распорядителей играми и ремесленниковъ, дѣлавшихъ идола и прочіе предметы идольскаго служенія, христіанство подрывало уже личные ихъ инетересы. Ненависть сихъ враговъ стала распространять на христіанъ самыя нелѣпыя клеветы: будто бы они не признаютъ Императора царемъ, и дожидаются своего царя, не покоряются властямъ, преданы грубому суевѣрію и волшебству, ненавидятъ родъ человѣческой, — собираясь на вечера, закаляютъ младенца и питаются его кровію, потомъ, угашая свѣтильники, предаются грубымъ страстямъ, — наконецъ, будто бы отъ нихъ происходятъ всѣ народныя бѣдствія: моръ, голодъ, землетрясеніе, которые тогда были часты и почти повсемѣстны. Эти клеветы и жалобы на христіанъ, какъ на разрушителей государственной религіи, возстановили противъ нихъ Римскихъ Правителей и самыхъ Императоровъ, тѣмъ болѣе,

что съ званіемъ Императора соединено было званіе Первосвященника, и, кромѣ того, Императоры были обоготворяемы и при жизни: ихъ изображеніямъ, какъ идоламъ, приносили жертвы, и нѣкоторые, по смерти, указами Сената Римскаго причисляемы были къ сонму боговъ, покровителей Рима. Римскіе Императоры начали дѣйствовать противъ Христіанъ со всѣмъ могуществомъ всесвѣтной власти. Христіане лишены были всѣхъ правъ гражданства, имущества ихъ расхищались, ихъ вездѣ преслѣдовали, и многообразными, придуманными безчеловѣчіемъ, истязаніями вынуждали отрекаться отъ Христа — и приносить жертвы идоламъ, и когда они оставались тверды въ своемъ исповѣданіи, ихъ предавали разнообразнымъ казнямъ: — то утопленію, то сожженію, то распятію, то растерзанію лютыхъ звѣрей.

Три вѣка продолжалось это гоненіе. Три вѣка самая могущественная власть, какую только люди могутъ имѣть на землѣ, употребляла всѣ усилія искоренить христіанство, но всѣ усилія ея оказались тщетными: чѣмъ яростнѣе было преслѣдованіе, и чѣмъ мучительнѣе изобрѣтались для христіанъ муки, тѣмъ болѣе распространялось оно. Твердость исповѣдниковъ и мучениковъ, ихъ благоговѣйный, сіяющій высшимъ миромъ и упованіемъ, видъ, часто такъ поражалъ самыхъ мучителей, что и они дѣлались Христіанами, исповѣдниками и мучениками, принимая крещеніе въ своей крови.

XVII.

Послѣднее гоненіе, воздвигнутое Императорами Діоклитіаномъ и Галеріемъ, было самое ужасное и безчеловѣчное. Тогда было положено: истребить христіанъ, а для сего по всей имперіи разосланы указы, что исповѣдующіе вѣру Христову, невзирая ни на какой санъ, лишаются защиты законовъ, всякой почести и подлежатъ пыткамъ; что въ угодность богамъ языческимъ, власти должны преслѣдовать вообще всѣхъ тѣхъ, которые будутъ чуждаться ихъ жертвы. И вотъ возгорѣлось съ новою силою гоненіе: церкви христіанскія разрушали; книги Св. Писанія сожигали; Епископовъ и клириковъ повлекли въ темницы; повсюду разсѣяли въ народѣ хульныя писанія противъ религіи христіанской, осмѣивая въ нихъ самыя священные догматы; по стогнамъ раз-

ставили судилища судей съ жертвенниками для возженія омиама, и влекли къ нимъ христіанъ; изобрѣли множество новыхъ мученій, какъ бы по недостатку прежнихъ, — для устрашенія и вынужденія исповѣдниковъ къ отреченію отъ Христа; за тѣмъ начались пытки и убійства: однихъ убивали мечемъ, другихъ сжигали толпами, или толпами погружали въ море. Такъ въ Никомидіи, въ день Пасхи, погибло до 20,000 вѣрныхъ, а въ Египтѣ, говоритъ очевидецъ, тупились мечи отъ множества отсѣченныхъ головъ, и ослабѣвали руки палачей; осужденные же съ радостными гимнами встрѣчали разнообразную смерть: одни на крестахъ, другіе пригвожденные внизъ головой, кто въ огнѣ, кто подъ бичами, кто подъ строганіемъ желѣзныхъ когтей; иныхъ расторгали на части напряженныя деревья; казни эти продолжались нѣсколько лѣтъ сряду, и каждый день падало по нѣсколько десятковъ жертвъ всякаго возраста и пола: въ одинъ мѣсяцъ погибло тамъ до 17,000.

Одинъ изъ мучениковъ, Епископъ Омуи Филексъ такъ описывалъ незадолго до кончины своей другу своему страданія христіанъ: «насъ ни во что вмѣняють, какъ будто бы мы уже не существовали, хотя ни кто не въ силахъ исчислить всѣ подвиги нашей доблести; всякому позволено оскорблять насъ и мучить, удары сыплются на беззащитныхъ: иныхъ растагиваютъ на пальцахъ, раздирая все тѣло желѣзными когтями; другихъ привязываютъ лицомъ къ столбу, не давая касаться ногами земли, и непрестанно смѣняющіеся палачи стягиваютъ крѣпче и крѣпче узы, доколѣ не готова улетѣть душа; тогда бросаютъ изъязвленныхъ на стогнахъ, безъ всякой милости, или въ душную темницу; но не смотря на всѣ страданія, едва дышущіе предпочитаютъ еще смерть идольскимъ жертвамъ».

Въ Сиріи, Месопотаміи, Каппадокіи, Понтѣ, мученія разнствовали по обычаю мѣстъ. — Въ первыхъ двухъ жгли исповѣдниковъ малымъ огнемъ; въ Аравіи и Каппадокіи ломали имъ члены; въ Понтѣ забивали гвозди за ногти, или обливали растопленнымъ оловомъ, и иногда же изобрѣтали и такія позорныя муки, которыя невозможно описать. Во Фригіи нашелся цѣлый городокъ Христіанскій, всѣ власти коего отреклись отъ жертвъ идольскихъ; пришли войска и сожгли городъ со всѣми жителями.

Вся Римская имперія, кромѣ Галліи, гдѣ управлялъ благопріятствовавшій христіанамъ Цезарь Констанцій Хлоръ, сдѣлалась поприщемъ кровопролитій. «Никогда, никакой войною, нишетъ одинъ изъ лѣтописцевъ, не была столь опустошаема земля, и мы никогда не побѣждали съ такимъ торжествомъ, какъ въ настоящее время, ибо поражаемые десять лѣтъ оставались непобѣдимыми. Выбита была даже монета властями языческими въ память истребленія имени Христіанскаго, и оказалась тщетною».

XVIII.

Неисчислимы сонмы воиновъ Христовыхъ, проливавшихъ за имя Его кровь свою; но многіе имена ихъ и подвиги, на память и поученіе насъ, сохранены лѣтописью христіанскою. Вспомоимъ, хотя кратко, самое малое число ихъ.

Изъ семи избранныхъ Апостолами діаконовъ, Стефанъ былъ исполненъ вѣры, совершалъ великія знаменія въ народѣ и одолевалъ іудеевъ во всѣхъ ихъ словопреніяхъ. Это возбудило зависть ревнителей Ветхаго Завета, называемыхъ Зилотами, и они, обвиняя его въ богохульствѣ, повлекли въ Синедріонъ. Тамъ лице его просвѣтилось, какъ лице ангела и онъ упомянувъ о заветѣ Бога съ Авраамомъ и прочими Патріархами, о законѣ, данномъ отъ Бога Моисею, о совершенныхъ имъ чудесахъ и о заповѣди Моисея быть послушными Пророку, котораго воздвигнетъ Господь, горько обличалъ жестоковѣрныхъ, всегда упорствовавшихъ противъ Духа Святаго, которые умертвивъ всѣхъ пророковъ, убили наконецъ и предвозвѣщеннаго имъ Праведника. Въ заключеніе Стефанъ, исполненный Духа Святаго, возрѣвъ на небо, воскликнулъ: «вижу небеса отверстыя и Сына Человѣческаго стоящаго одесную Бога!» Тогда всѣ затыкая уши свои и яростно крича, устремились на Стефана и выведши за городъ, стали убивать его камнями. Стефанъ же молился и говорилъ: «Господи Іисусе! пріими духъ мой». И преклонивъ колѣна, громкимъ голосомъ воззвалъ: «Господи! не вѣрни имъ грѣха сего». И сказавъ это, почилъ. (Дѣян. 7).

Эта кровь была первою мученическою кровію, проліянною за свидѣтельство имени Христова.

Апостолъ Петръ закончилъ свою проповѣдь въ Римѣ. Обращеніе къ Господу двухъ кесаревыхъ женъ раздражило свирѣпаго Императора Нерона и онъ искалъ умертвить Апостола. Преклоненный плачемъ вѣрныхъ, Петръ, совершивъ соборную молитву, вышелъ было одинокой изъ Рима ночью; но при вратахъ города встрѣтилъ идущаго Христа, и поклонясь Ему, спросилъ: «Господи, куда грядешь?» «Иду въ Римъ опять распяться», отвѣчалъ Господь и сталъ невидимъ. Тогда Петръ уразумѣвъ, что Господь, страждущій въ рабахъ своихъ, какъ въ истинныхъ своихъ членахъ, хочетъ и въ его тѣлѣ пострадать среди Рима, возвратился въ городъ, и былъ взятъ воинами царскими. Ведомый на казнь, онъ только молилъ распинателей своихъ, чтобы не просто, но стремглавъ его распяли, изъ уваженія къ крестной смерти Господа, да не будетъ ему подобенъ въ образѣ распятія, но преклонить подъ ноги Его свою голову.

Подобно Петру окончили свое земное поприще и прочіе Апостолы мученическою смертію, только одинъ Апостолъ Іоаннъ переживъ всѣхъ ихъ, промысломъ Божиимъ сохраненъ былъ отъ мученической смерти, и скончался смертію естественною; но и онъ пострадалъ за имя божественнаго Учителя. Въ царствованіе Императора Домиціана, онъ былъ вызванъ въ Римъ и тамъ преданъ былъ біенію, безвредно испилъ чашу смертной отравы и невредимъ вышелъ изъ котла кипящаго масла, къ ужасу изумленнаго Кесаря, и былъ послѣ того сосланъ въ заточеніе на островъ Патмосъ; тамъ исцѣленіями благодѣтельствовалъ жителямъ сего острова и обратилъ ихъ къ истинному свѣту, тамъ же удостоился божественнаго откровенія и написалъ пророческую о будущихъ судьбахъ Христіанства и міра книгу, — Апокалипсисъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ городѣ Ефесѣ, поучая объемлющей весь законъ и пророковъ заповѣди любви, и здѣсь по убѣжденію вѣрующихъ написалъ свое Евангеліе.

XIX.

Послѣ Іоанна оставался долго свѣтиломъ въ церкви Христовой Антиохійскій Епископъ Игнатій Богоносецъ. Онъ удостоился въ своемъ дѣтствѣ видѣть Господа, сидѣть на Его

колѣнахъ и получить благословеніе. Императоръ Троянъ, проходя съ войскомъ чрезъ Антиохію, призвалъ его къ себѣ и спросилъ: «ты ли, называющій себя Богоносцемъ, вопреки повелѣній нашихъ, развращаешь всю Антиохію вслѣдъ твоего Христа?» — Я, отвѣчалъ Игнатій, и на другой вопросъ, что значитъ Богоносецъ? опять отвѣтствовалъ: «носящій Христа Бога въ душѣ своей». «Или ты думаешь, возразилъ Царь, что и мы не носимъ въ памяти своей боговъ нашихъ, споспѣшниковъ побѣды?» — Боги ваши, сказалъ Игнатій, идолы языческіе! Одинъ Богъ истинный, Творецъ неба и земли, одинъ Господь Іисусъ Христосъ, Его же царствію не будетъ конца». Троянъ велѣлъ отвести его въ Римъ на сѣденіе звѣрямъ амфитеатра. На пути въ Римъ и въ Римѣ, Игнатій словами и многими посланіями утверждалъ христіанъ въ вѣрѣ въ божественность Христа, и убѣждалъ пребывать въ любви и единомысліи и писалъ: «хочу нетолько называться христіаниномъ, но и быть такимъ дѣйствительно; возвѣщаю всѣмъ церквамъ, что смерть моя не есть дѣло сѣтованія; умираю добровольно, если только не возбраните: видимое временно, невидимое вѣчно. Молю васъ, дозвольте мнѣ быть снѣдію звѣрей, чрезъ которыхъ достигну Бога; я Божія пшеница, зубами же звѣрей сотренъ буду въ чистый хлѣбъ Господу; лучше возбуждайте ихъ, дабы сдѣлались мнѣ гробомъ, и ничего не оставили бы тѣла моего въ тягость погребателямъ. О, если бы я усладился звѣрями въ Римѣ! Нынѣ только начинаю быть ученикомъ Христовымъ, когда одного Его желаю: огонь, мечъ, крестъ, муки, звѣрей, все приготовьте, да получу Христа». Тщетно христіане римскіе хотѣли спасти его; онъ только помолился съ ними о прекращеніи гоненій, и поспѣшилъ въ амфитеатръ. Тамъ разтерзали его звѣри, почти безъ остатка; не много костей собрано было въ плащеницу для утѣшенія Антиохійской церкви; ночью явился плачущимъ священномученикъ, молящійся о ихъ спасеніи, и слезы изсыпали.

XX.

Смирнскій Епископъ Поликарпъ былъ изъ учениковъ Св. Апостола Іоанна. Въ преклонной уже старости онъ пострадалъ вмѣстѣ съ христіанами своей паствы, твердость кото-

рыхъ не поколебали ни звѣри, ни пламя, ни пытки, ни терзанія бичемъ или когтями, обнажавшими ихъ кости. Когда Поликарпъ, не взирая ни на ласкательства, ни на угрозы Проконсула, исповѣдалъ Христа, яростная чернь возопила: «вотъ учитель Азіи, вотъ отецъ всѣхъ христіанъ и разоритель боговъ; звѣрей! звѣрей!» Но ихъ блюститель объяснилъ народу, что игрища звѣринныя уже кончены; тогда всѣ закричали: «сжечь Поликарпа!» Язычники и Іудеи устремились за орудіями казни, собрали дрова изъ окрестныхъ банъ и домовъ, и вознесся высокій костеръ. Когда хотѣли приковать мученика ко столбу на костръ; онъ просилъ оставить его безъ гвоздей, потому что Тотъ, кто дастъ ему силу вытерпѣть пламя, дастъ и твердое стояніе на костръ; однако же ему связали руки; и онъ подобенъ былъ овну, избранному изъ всего стада во всесоженіе Богу. Тогда поднявъ взоры къ небу, онъ произнесъ: «Господи Боже всемогущій, Отецъ Благословеннаго и возлюбленнаго Сына Твоего Іисуса Христа, чрезъ котораго мы получили милость познать Тебя, Боже Ангеловъ и силъ и всякой твари и всего рода праведныхъ, живущихъ предъ лицемъ Твоимъ, благодарю, что далъ мнѣ часть въ числѣ твоихъ мучениковъ и въ чашѣ Христа Твоего, чтобы воскреснуть мнѣ душею и тѣломъ къ жизни вѣчной въ негнѣніи Святаго Духа. Аминь». Едва заключилъ онъ молитву, какъ поднялось обширное пламя костра, и странное чудо! — огонь на подобіе свода окружилъ мученика, подобно парусу, наполняемому вѣтромъ; онъ же стоялъ по срединѣ, не прикосновенный огню, какъ испекаемый хлѣбъ, какъ золото и серебро очищаемыя въ горнилѣ, и вокругъ него разливалось какъ бы благовоніе еиміама. Мучители, видя бездѣйствіе пламени, велѣли довершить Поликарпа мечемъ, какъ добываютъ звѣрей въ амфитеатрѣ; когда же воинъ пронзилъ его тѣло, обиліе крови потушило пламя.

XXI.

Потамина, рабыня рѣдкой красоты, предана была суду, какъ христіанка, своимъ владѣтелемъ, который не могъ сълупить ее къ удовлетворенію постыдной страсти, и общала большія деньги префекту Египта, если онъ убѣдитъ ее по-

жертвовать собою; но обольщенія остались тщетными и цѣломудренную рабыню присудили ввергнуть въ кипящій котель. Потамина испросила только не обнажать ее, предложивъ въ замѣнъ этой милости, чтобы ее постепенно, а не вдругъ, опустили въ котель и тѣмъ умножили муки. Согласился префектъ и велѣлъ одному изъ стражей, Василиду, вести ее на казнь; но воинъ исполненный состраданія, старался облегчить ей тяжкій путь кроткимъ обращеніемъ, отклоняя отъ нея яростную чернь; тронутая Потамина общала ему умоли о немъ Господа тотчасъ по исходѣ изъ временной жизни; общала и то, что онъ вскорѣ почувствуетъ дѣйствіе ея признательности, и съ чрезвычайною твердостью перенесла всѣ муки; тутъ же сожгли и мать ея Маркеллу. Немного спустя, товарищи Василида хотѣли заставить его поклониться ложными богами, но онъ отвѣчалъ, что христіанину не позволена такая клятва. Сперва надъ нимъ смѣялись, полагая, что и онъ смѣется, но видя его твердость, донесли префекту и заключили его въ темницу. Тамъ посѣтившіе его христіане спрашивали о причинѣ скорого обращенія. «Мнѣ явилась ночью Потамина, отвѣчалъ онъ, чрезъ три дня послѣ кончины, и возложивъ на меня вѣнецъ, сказала, что уже испросила милость у Господа и что я скоро сподоблюсь небесной славы.» Вѣрные запечатлѣли новаго брата таинствомъ крещенія, невѣрные же мучительствомъ, отсѣкши ему голову.

XXII.

Въ правленіе императора Велеріана римскій префектъ Макринъ, умертвивъ тамошняго епископа Сикста, потребовалъ сокровищъ церковныхъ отъ діакона Лаврентія, какъ отъ довѣреннаго казнохранителя Сикстова. Лаврентій просилъ себѣ трехдневнаго срока, и собралъ въ притворѣ хромыхъ, слѣпыхъ и всѣхъ странныхъ и убогихъ, которыхъ питала милостынею церковь Римская. «Вотъ наши лучшія сокровища, сказалъ онъ изумленному префекту, златые и серебрянные сосуды и таланты, съ которыми не можетъ сравниться никакое богатство вѣка сего: пользуйся ими для спасенія Кесаря и самаго себя.» Макринъ велѣлъ положить мученика на раскаленную рѣшетку, и небеснымъ свѣтомъ прославилось

лице его; благоухали горящіе члены. Прележавъ долго на одномъ боку, Лаврентій спокойно сказалъ мучителю: «уже испекся, обрати,» и потомъ опять: «теперь готовъ я, можешь ѣсть,» и возвавъ къ Богу о спасеніи Рима, испустилъ духъ.

Одного христіанина хотѣли заставить насильно воскурить еиміамъ предъ идоломъ и положивъ въ руки его ладонь, держали ее надъ жертвенникомъ, на которомъ пылалъ огонь; а рука его обуглилась, но онъ не разжалъ ее. Другаго, чтобы заставить прежде нарушить цѣломудріе, связавъ въ прохладной рошѣ, предали неистовымъ объятіямъ блудницы; но онъ выплюнулъ ей въ лице откушенный языкъ свой.

XXIII.

Когда съ такимъ неистовствомъ невѣжественная чернь и человѣческая власть повсемѣстно напрягали всѣ свои силы къ искорененію христіанъ и обращенію ихъ отъ Христа къ идоламъ,—въ тоже время и тогдашняя мірская образованность и человѣческая мудрость, въ лицѣ своихъ волхвовъ и философовъ, изощряли всѣ силы ума и знаній къ низверженію христіанскаго ученія. Одни, какъ Симонъ волхвъ, волхвованіями старались представить себя также чудотворцами и обратить легковѣрныхъ въ послѣдователей своего ученія. Другіе, какъ Цельсъ, расточали все свое остроуміе на то, чтобы осмѣять проповѣдниковъ Христа и проповѣдуемые ими истины. Иные изощряли перо и языкъ противъ Евангелія, тѣмъ съ большею пагубою, что въ свое ученіе вносили многіе христіанскіе догматы, и, не отвергая многобожія, проповѣдывали поклоненіе единому Богу. Такъ ученики Аммонія, наипаче Плотинъ и его послѣдователи, соглашеніемъ христіанскаго ученія съ языческимъ, предпринимали составить новую религію. А многіе, славные утонченностію и острою ума, краснорѣчіемъ и силою воображенія, какъ Порфирій и Филостратъ, повѣствованія о языческихъ богахъ принаравливали къ евангельской исторіи и до того успѣвали, что нѣкоторые изъ легкомысленныхъ христіанъ отъ Евангелія обращались къ ихъ ученію и изъ идолопоклонства и христіанства составляли для себя нѣкоторый средній родъ религіи.

Сверхъ того въ средѣ самыхъ христіанъ произраśli плевы многіхъ ересей. Такъ, одни Христіанство совокупляли

съ Іудействомъ, какъ Евіонесъ и Назореи. Другіе, стремясь человѣческимъ умомъ поработить истины Божіи, вносили въ ученіе Христа свои вымыслы и разнообразныя господствовавшія тогда системы философовъ, какъ послѣдователи Сатурнина, Василида, Карпократъ, Валентина и другихъ. Иные изъ мечтательности или изъ корыстныхъ видовъ объявляли себя общаннымъ отъ Христа Параклитомъ (Утѣшителемъ), какъ Монтанъ, Манесъ и другіе, и выдавая свои вымыслы за высшую мудрость, старались приобрѣсть себѣ послѣдователей, требуя отъ нихъ безбрачія, нищеты, воздержанія отъ мяса, вина и пр., и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволяя отступать отъ всѣхъ правилъ нравственности.

XXIV.

Но не взирая на все это, Церковь Христова болѣе и болѣе укрѣплялась и распространялась. Тертуліанъ, писатель III-го вѣка, въ слухъ всего свѣта говорилъ, что христіане наполняютъ города Римской имперіи, острова, войско, селенія, Сенатъ, торжище и дворъ. А въ IV вѣкѣ пространство церкви святые Аеанасій и Василій Великій равняли пространству всей земли, извѣстной въ то время. Согласно съ ними Юлій Мавринъ писалъ Императорамъ: «гдѣ восходитъ и заходитъ солнце, гдѣ начинается сѣверъ и кончается югъ, все исполнено славою имени Христова.

Проповѣдь о Христѣ распятомъ, — Іудеямъ казавшаяся соблазномъ, а Елимамъ — безуміемъ, обратила въ христіанъ самыхъ философовъ, вельможъ и царей, и тѣ сознали, что дѣйствительно распятый Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость.

Наконецъ и Римскій императоръ Константинъ увѣровалъ во Христа, и, сдѣлавшись единовластителемъ во всей Римской имперіи, воздвигъ крестъ въ Римѣ, какъ единственное орудіе силы и побѣды, уничтожилъ всѣ указы и законы, враждебныя Христіанской Церкви, возвратилъ права, имущество и свободу всѣмъ, лишившимся ихъ за исповѣданіе Иисуса Христа; самъ написалъ увѣщанія ко всѣмъ подданнымъ о принятіи христіанской вѣры и о прославленіи Христа, даровавшаго побѣды его оружію; открылъ царскія сокровища для

построенія христіанскихъ храмовъ и принималъ всѣ мѣры къ устройству и умиротворенію Церкви Христовой.

Такъ чрезъ три столѣтія совершилась побѣда Церкви Христовой надъ язычествомъ, *не преломля трости надломленной, не угашая лъна курящагося.*

XXV.

Теперь обратимся назадъ и посмотримъ, что сдѣлалось съ Іудеями и Іерусалимомъ.

Вскорѣ послѣ вознесенія Господа на небо страшныя землетрясенія, разрушившія цѣлые города въ Визиніи и Компаніи, ужасный голодъ въ Римѣ, Греціи и Палестинѣ, свирѣпая язва въ Вавилоніи и Италиі, кровопролитныя междоусобія въ Іудеѣ и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ, потомъ въ цѣлой имперіи по смерти Нерона, стали предвѣщать всему міру о близкомъ исполненіи одного изъ великихъ судовъ Божіихъ. И вотъ тучи бѣдствій, носившіяся дотолѣ по разнымъ мѣстамъ, вдругъ устремились въ Палестину и сосредоточились надъ Іерусалимомъ.

Для вразумленія легкомысленныхъ началу бѣдствій предшествовали знаменія. Комета, въ видѣ меча, являлась цѣлый годъ надъ Іерусалимомъ. Ночью, на праздниѣ Опрѣсноговъ, внезапный свѣтъ осіялъ алтарь и храмъ, и восточныя мѣдныя врата его, съ трудомъ отверзаемыя силою двадцати человѣкъ, раскрылись сами собою и на вечернемъ небѣ явились въ разныхъ мѣстахъ Палестины конные всадники и колесницы, стремящіяся къ св. граду; въ день же Пятидесятницы священники и левиты, вошедшіе въ храмъ для принесенія обычныхъ жертвъ, съ ужасомъ почувствовали тяжелое его колебаніе, и внезапно услышали исшедшій изъ внутренняго святилища громкій гласъ: «изыдемъ отселѣ!» За четыре года до войны, одинъ поселянинъ, какъ бы вдохновенный свыше, началъ по городу кричать: горе Іерусалиму и храму,» и продолжалъ это дотолѣ, пока во время осады, сказавъ: «горе и мнѣ,» убитъ былъ камнемъ, брошеннымъ изъ пращи непріятельскою.

Но ни страшныя знаменія, ни убѣжденія Царя Агриппы и Первосвященника, ни совѣты мудрыхъ не могли отвратить

Іудеевъ отъ безумной и гибельной борьбы съ Римлянами. Они разпаленные мечтами о народной независимости и угнетаемые хищностью и несправедливостію римскихъ игомонавъ, возстали противъ всесвѣтныхъ обладателей. Возстаніе было общее всѣхъ Іудеевъ. Жестокая война возгорѣлась по всѣмъ городамъ и селамъ Сиріи и Палестины, и тогда началась скорбь, какой не было подобной и не будетъ. Евреевъ повсемѣстно избивали безъ всякой пощады: десятками тысячъ погибали они въ населенныхъ ими мѣстностяхъ. Наконецъ Римляне, обративъ въ развалины всѣ города Іудеи и всю эту страну въ пустыню, окружили своими легіонами и обнесли окопами и валомъ Іерусалимъ, наполненный разбойническими толпами Зилотовъ, Идумеевъ, Сикаріевъ. Эти изверги, называя себя защитниками св. града, и захвативъ въ свои руки власть, безжалостно предавали смерти лучшихъ гражданъ, рѣзали другъ друга, предавались всякому разврату, издѣвались надъ пророками и надъ самимъ Іеговою. Такъ обнаружилась мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, видѣнная Пророкомъ Давидомъ.

Голодъ и моръ налегли на пожираемый раздорами городъ. Тамъ тысячи непогребенныхъ мертвецовъ покрывали торжище, улицы, самый храмъ. Голодъ доходилъ до того, что матери закалывали собственныхъ младенцевъ для снѣди. Бѣжавшихъ же отъ голода Римляне распинали тысячами, и всѣ окрестности города покрыты были ихъ крестами. Но никакія убѣжденія не могли склонить отчаянныхъ Іудеевъ къ покорности. На послѣдокъ Іерусалимъ взяли приступомъ и вмѣстѣ съ храмомъ обращенъ въ груды камней и кучи пепла. Болѣе миліона Евреевъ погибло во время осады, а отъ несмѣтнаго числа плѣнныхъ и обилія золота, найденнаго побѣдителями въ Іерусалимѣ, упала цѣна рабовъ и металла.

Самъ побѣдитель — язычникъ Титъ, удивленный гибельными слѣдствіями побѣды, призналъ себя орудіемъ гнѣва небеснаго и отказался отъ титула: *іудейскаго*.

Достоувѣрность всѣхъ этихъ бѣдствій Іерусалима свидѣтельствуеетъ Исторія и дошедшая до нашихъ временъ книга Іудея Іосифа Флавія, не только современника, но и дѣйствительнаго участника въ этой страшной войнѣ.

Такъ пришла кровь праведниковъ на родъ богоотступный! пришла въ то время, когда многіе изъ Іудеевъ, современ-

ныхъ Иисусу Христу, еще не успѣли приложиться къ отцамъ своимъ; пришла такъ, что не только Іудеи, самые язычники увидѣли и исповѣдали карающій перстъ Божій! Такъ исполнились пророчества Моисея и Господа!

Въ то же время вѣрные предостереженію своего Учителя христіане сохранили себя непричастными гражданскимъ смутамъ и бранямъ, заблаговременно оставили землю, оставленную Богомъ, а прочіе спаслись бѣгствомъ въ горы Пеллы.

XXVI.

Но ни разрушеніе Іерусалима, ни всемірное разсѣяніе Іудеевъ, не вразумило слѣпотствующихъ: они по прежнему продолжали съ упорствомъ мечтать о Мессіи — завоевателѣ, о независимости и о возстановленіи Іерусалима. Пользуясь симъ, одинъ за другимъ стали являться между ними лжехристы и лжепророки и обманутый ими народъ вновь всталъ противъ Римлянъ сначала въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, а наконецъ опять во всей Іудеи подъ начальствомъ лжемессіи, назвавшего себя Варкохевой — сыномъ звѣзды, на память той, которая по пророчеству Валаама должна была возсіять отъ Іакова. Еще полилась кровь Іудейская и новыя сотни тысячъ подверглись рабству. Послѣ того Іудея окончательно обращена въ пустыню, на мѣстѣ Іерусалима воздвигнутъ новый городъ подъ названіемъ Эліи Капитолины, на мѣстѣ Соломонова храма поставлено капище Юпитеру, и чтобы сдѣлать этотъ городъ недоступнымъ для Евреевъ, на вратахъ его поставлено было изваяніе противнаго имъ животнаго — свиньи. Однажды только въ годъ дозволялось имъ приходить и издали плакать въ виду древней своей родины.

Императоръ Андріанъ, желая и христіанъ удалить отъ священныхъ для нихъ мѣстъ, поставилъ статую Венеры на Голгоѣ, Юпитера надъ вертепомъ гроба Господня, а около пещеры Виолеемской насадилъ рощу Адонисову, но тѣмъ самымъ способствовалъ къ сохраненію мѣстнаго о нихъ преданія, и благочестивая мать Императора Константина, Царица Елена, прибывъ въ Палестину для поклоненія святымъ мѣстамъ, ниспровергнувъ идоловъ, соорудила тамъ величественныя церкви и отыскавъ животворящее древо, на коемъ

былъ распятъ Господь, воздвигла его для поклоненія всѣмъ народамъ земли. Вскорѣ Іерусалимъ и его окрестности, Самарія и Галилея наполнились храмами, воздвигнутыми въ память событій земной жизни Спасителя, и все огласилось гимнами христіанъ.

XXVII.

Но вотъ истина пророчества Іисусова какъ бы подвергается испытанію. На престолъ кесарей Римскихъ восшелъ Іуліанъ, врагъ христіанства, другъ Іудеевъ, поклявшійся, для посрамленія христіанъ и вѣры ихъ, возстановить, вопреки пророчеству Іисуса Христа, храмъ Іерусалимскій. По зову его, тысячи Іудеевъ со всѣхъ сторонъ свѣта стеклись въ Палестину; начали разрывать основаніе храма; богатѣйшія жены своими руками копали землю; усердіе дошло до энтузіазма; все напрасно! — Землетрясеніе и извергающіеся изъ земли камни прогнали и разсѣяли ихъ. Затѣмъ самъ Іерусалимскій Епархъ Алипій принимаетъ на себя дѣло возстановленія храма, поощряетъ Іудеевъ съ новою ревностію приступить къ дѣлу; но въ тотъ день, когда и язычники по любопытству, и Іудеи по усердію стеклись во множествѣ видѣть основаніе храма, во время приготовленія рва для основанія, огонь съ неба, огонь изъ земли, и камни изторгаемые изъ того рва, опаляютъ и побиваютъ работающихъ. Очевидный свидѣтель сего человѣческаго безсилія и силы Божіей, Маркелинъ, языческій писатель, удостовѣряетъ, что пламя, горящій песокъ и камни сдѣлали мѣсто это неприступнымъ.

Такъ явлена была мышца Господня въ новое всесвѣтное свидѣтельство Божественности какъ Апостольской проповѣди, такъ и созижденной Господомъ чрезъ Апостоловъ церкви.

XXVIII.

Въ длившейся три вѣка борьбѣ Христіанства съ язычествомъ вѣрными, твердыми, мужественными и какъ бы облеченными въ Божественную броню и потому непобѣдимыми явили себя воины Христовы, — также неуспынными, зоркими

и умъ Христовъ имѣющими показали себя стражи града Божія — епископы святой Его церкви. Когда же побѣда Христіанства надъ язычествомъ совершилась и могущественная власть Императора приняла подъ свою защиту рабовъ Христовыхъ и градъ Божій, Провидѣнію угодно было допустить новыя, не менѣе тягостныя и продолжительныя, какъ и языческое гоненіе, испытанія для Церкви Христовой, чтобы открылись помышленія сердецъ, чтобы обнаружилось, какъ твердъ и непоколебимъ тотъ основной краеугольный камень апостольской вѣры, на которомъ созиждена Церковь, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ ясно было, какъ мало человѣческая власть, во всемъ своемъ могуществѣ, и человѣческій умъ, во всемъ своемъ лукавствѣ и хитро-сплетеніяхъ, могутъ сдѣлать сами собою къ возвеличенію или униженію дѣла Божія.

Это испытаніе началось бурей, воздвигнутаго въ Церкви Божіей Аріевою ересью.

Арій былъ Александрійскій пресвитеръ, острый умомъ, искусный въ словопреніяхъ, честолюбивый правомъ, коварный въ поступкахъ. Зависть къ сверстнику его Александру, возведенному на престолъ Александрійскаго Епископства, побудила его сперва внушить клиру подозрѣніе въ правой вѣрѣ епископа, потомъ вступить въ пренія съ нимъ, чтобы унижить его въ мнѣніи клира и народа. При этомъ онъ развилъ свое нечестивое ученіе, что Христосъ есть Богъ, но меньшій Отца по Божественной сущности, свойствами и славѣ, потому что имѣетъ будто бы начало бытія своего и сотворенъ изъ ничего прежде всѣхъ вещей и имѣетъ только совершенное сходство съ Отцемъ, который не по естеству, но по усыновленію и волѣ Своей сотворилъ Его Богомъ, и который чрезъ Него, какъ орудіе, все создалъ, и потому Христосъ превышаетъ всѣхъ тварей и даже Ангеловъ.

Нельзя было избрать удобнѣе времени для успѣха этому адскому исчадію. Поборникъ христіанъ — Императоръ Константинъ еще не былъ утвержденъ въ догматахъ новой для него вѣры и не принималъ еще крещенія, — слѣдовательно и просвѣщающихъ умъ даровъ Духа Святаго, и не могъ быть чуждъ господствовавшей тогда пытливости философствующаго ума. Предпочтеніе оказываемое имъ христіанамъ и мѣры, принимаемыя имъ къ распространенію христіанства, побудили множество язычниковъ сдѣлаться христіанами не по искрен-

нему убѣжденію, а изъ своекорыстныхъ личныхъ расчетовъ, и Церковь переполнилась новыми членами, не имѣвшими яснаго понятія о догматахъ христіанства и по большей части зараженными отъ тогдашнихъ философовъ страстью къ суетной мудрости, преніямъ, и къ увлеченію всякими новостями. Между тѣмъ догматъ о Христѣ — Сынѣ Бога живаго, по высотѣ своей можетъ быть открытъ, въ мѣру вмѣстимости, только для ума, просвѣщеннаго свыше Отцомъ небеснымъ послѣ того, какъ человѣкъ, сознавъ величіе и благодать Творца и Божественную силу, дѣйствующую въ посланникахъ Его, съ дѣтскою простотою души подклонитъ свой умъ вѣрѣ. (Матѣ. 12. 17). Потому-то ученіе Арія заразило многіе умы и съ чрезвычайною скоростію распространилось по всему востоку. Оно нашло себѣ покровителей во многихъ приближенныхъ къ Императору вельможахъ и даже въ нѣкоторыхъ Епископахъ, по своему уму и близкимъ отношеніямъ къ Императору имѣвшихъ сильное вліяніе на современниковъ. Въ числѣ ихъ состоялъ Евсевій, епископъ Никомидіи — тогдашней резиденціи Императора, состоявшій въ родствѣ съ царствовавшимъ домомъ. Повсюду начались пренія объ основномъ догматѣ вѣры. Вѣрные уличали приверженцевъ новаго ученія въ ереси и богохульствѣ, а тѣ, защищая свое ученіе хитросплетенными умствованіями и совращеніемъ смысла нѣкоторыхъ текстовъ Св. Писанія, усиливались очернить первыхъ клеветой и заставить молчать насиліемъ. Страсти разгорались болѣе и болѣе, и міръ Христіанскій взволновался какъ море въ сильную бурю. Адъ широко раскинулъ свои врата и уже готовился поглотить Церковь Божію.

XXIX.

Въ такихъ обстоятельствахъ Императоръ Константинъ явилъ свойственную ему мудрость. Устранивъ себя отъ вмѣшательства въ пререканія о догматахъ вѣры, онъ предоставилъ рѣшить ихъ самой церкви и для того собралъ въ г. Никее вселенскій Соборъ. Болѣе трехсотъ епископовъ со всѣхъ странъ вселенной, гдѣ только исповѣдывалась Христова вѣра, стеклись на этотъ Соборъ представителями Церкви. Многіе изъ нихъ украшены были знаками своихъ подвиговъ —

язвами, принятыми за твердое исповѣданіе вѣры. Нѣкоторые хотя и не приняли ранъ, тѣмъ не менѣе были въ числѣ славныхъ исповѣдниковъ, такъ какъ неоднократно являлись на судилища языческія, готовые умереть за паству. Другіе же, маститые старцы, извѣстны были во всей церкви какъ достойные преемники Апостоловъ — близкіе къ временамъ ихъ, и какъ чудотворцы, явившіе чудодѣйственную силу въ исцѣленіи болящихъ, въ изганіи бѣсовъ и въ воскресеніи мертвыхъ. Всѣ они сіяли святостію жизни, и евангельская простота однихъ поражала не менѣе глубокаго ученія другихъ. Сіи воители и проповѣдники имени Христова, подвизавшіеся на отдѣленныхъ краяхъ земли, внезапно предстали другъ другу, на одной точкѣ вселенной, и единодушно исповѣдали ту же несомнѣнную вѣру, за которую еще недавно проливали кровь свою. Они отвергли ученіе Арія, какъ богохульную ересь и исповѣдали Христа, едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ, отъ Отца рожденнымъ прежде всѣхъ вѣкъ, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, рожденнымъ, а несотвореннымъ, единосущнымъ Отцу, все сотворившимъ.

XXX.

Послѣ сего на нѣкоторое время утихла буря Аріанская, но когда, послѣ смерти Константина, воцарился сынъ его, слабый легковѣрный, Константій, она разразилась съ новою, еще большею силою. Обольщенный приближенными. Константій совершенно предался на сторону Аріанъ. Тогда началось гоненіе на православныхъ: епископы, составлявшіе оплотъ правой вѣры, были съ безчестіемъ сведены съ своихъ каѳедръ и заточены; на ихъ мѣсто поставлены, безъ соблюденія церковныхъ правилъ, еретики; твердые въ правой вѣрѣ пресвитеры и клирики были истязуемы и умерщвляемы; народъ посредствомъ военныхъ командъ съ насиліемъ и убійствами былъ принужденъ къ общенію съ новыми епископами; одни изъ защитниковъ правой вѣры вынуждены были безмолвствовать страхомъ гоненій, другіе привлечены къ общенію съ еретиками посредствомъ лукаво составленныхъ тѣми символами вѣры.

XXXI.

Послѣ Константія восшелъ на престолъ Юліанъ-отступникъ. Имъ предприняты были всѣ мѣры къ униженію Христіанской религіи и къ возвеличенію язычества. Подъ предлогомъ евангельской заповѣди о нищетѣ духовной, церковныя сокровища были расхищены, духовенство лишено всѣхъ преимуществъ и угнетено земскими повинностями и службами; христіанамъ запрещено было домогаться почестей и мѣстъ гражданскихъ, искать защиты въ судѣ и изучать науки. Въ то же время со всѣмъ великолѣпіемъ возстановлены языческіе храмы и богослуженіе и приложено все стараніе, чтобы дать высокій смыслъ нелѣпымъ языческимъ вѣрованіямъ, завести при капищахъ больницы и страннопріемныя дома, ввести между жрецами обѣтъ воздержанія и правила чистой нравственности; однимъ словомъ было сдѣлано все, чтобы свѣтлою оболочкою Христіанства украсить и оживить давно истлѣвшій трупъ язычества. Но царствованіе его было непродолжительно: онъ былъ убитъ на войнѣ съ Персами.

XXXII.

Послѣ Юліана воцарившійся аріанинъ Валентъ воздвигъ на православныхъ христіанъ гоненіе, по открытой жестокости, тягчайшее Юліанова. Онъ приказалъ: не щадя ни пола, ни возраста, ни сана побуждать къ принятію ученія, имъ содержимаго, а въ случаѣ сопротивленія казнить. Вслѣдствіе того въ его правленіе поруганіе, заточеніе, истязанія и казни были участію всѣхъ православныхъ.

Такъ описывалъ Св. Василій Великій, епископъ Кессаріи Капподокійской, положеніе Восточной Церкви въ это время: «буря свирѣпствуетъ отъ предѣловъ Иллирій и до пустынь Оиваиды. Аріій нечестивый посѣялъ сѣмя, нынѣ же собираемъ горькіе плоды; чистота догматовъ утрачена, союзъ нарушенъ, страсть господствованія преобладаетъ въ людяхъ, не боящихся Бога, и ихъ нечестію жертвуются каѳедры; хульники похищаютъ оныя у избранныхъ своею паствою: важность святительская исчезла; пастыри предали стадо Божіе, и расхищаютъ

милостыни нищихъ; каноны церковные вышли изъ употребленія. повсюду своеволие и безнаказанность: страсти и лукавство на судахъ, непокорность въ народѣ; сановники Церкви раболѣпствуютъ возведшимъ ихъ на степени, и гонятъ вѣрныхъ подъ разными предлогами, или, страшась обличеній, возбуждаютъ смуты, а невѣрные радуются безпорядкамъ. Повсюду колеблется вѣра, ибо простые сердцемъ безмолвствуютъ, уста же нечестивыхъ раскрыты; поруганы святилища, православные бѣгутъ изъ нихъ въ мѣста пустынные, чтобы тамъ съ воплями воздвигать къ небу руки; жены, дѣти и старцы собираются въ непогоду внѣ града, ожидая помощи свыше; — нѣтъ словъ, чтобы вполне выразить всю глубину золь».

Въ это же время епископъ Готевъ Унфимъ, бывши въ Константинополь, изъ угожденія Валенту принялъ аrianство и этою ересью заразилъ весь Готскій невѣжественный народъ; а потомъ Бургунды, Вандалы, Свевы, Аланы и другіе германскіе варварскіе народы принимаютъ христіанство, но не чистое, а проникнутое аrianскимъ ученіемъ. Всѣ они устремляются на Западную Римскую Имперію, незараженную еще этою ересью, разрушаютъ ее, наводняютъ собою, образуютъ новыя государства и вмѣстѣ съ язычниками начинаютъ преслѣдованіе христіанъ православныхъ. Въ особенности страшное гоненіе воздвигнуто было вандалами въ Африкѣ. Не довольствуясь изгнаніемъ епископовъ, опустошеніемъ церквей и сожженіемъ книгъ, они жаждали крови православныхъ на зрѣлищахъ. Не только всѣ извѣстныя, но и не слыханныя доселѣ муки — извлеченіе жилъ изъ всего тѣла, совлеченіе кожи съ дѣвъ предъ народомъ, отсѣченіе руки, или ноги, или ушей, или языка, осужденіе питаться ячменемъ и травою, употребляли какъ обыкновенные способы къ убѣжденію не исповѣдывать Святой Троицы.

XXXIII.

Между тѣмъ и въ средѣ христіанъ, исповѣдавшихъ Божественность Христа, возникли еще новыя еретическія ученія: одно Македонія, бывшаго Константинопольскимъ Патріархомъ, непризнаваго Духа Святаго Богомъ, но сотворенною и служеб-

ною силой; *другое* Несторія, Константинопольскаго Патріарха, учившаго, что Иисусъ Христосъ родился простымъ человекомъ, Божество же соединилось съ Нимъ послѣ за святость жизни, по чему Богъ въ Немъ жилъ, дѣйствовалъ и приспособлялъ Его Себѣ, но вмѣстѣ съ Нимъ не рождался, не страдалъ и не умиралъ и потому Онъ былъ только Богоносецъ; *третье* Евстихія, бывшаго пресвитеромъ и архимандритомъ въ Константинополь, утверждавшаго, что во Христѣ человѣческое естество было поглощено Божествомъ и что по сему Христосъ имѣлъ единую сущность Слова; *четвертое* Фуллона, проповѣдывавшаго, что не одно лице Божества, но все Божество или вся Троица воплотилась во Христѣ и страдала, и еще нѣкоторыхъ еретиковъ то признавшихъ что Христосъ принялъ только плоть человѣческую, а не душу, то отвергавшихъ первородный грѣхъ и необходимость благодати. Всѣ они, по своему вліянію на современниковъ, имѣли множество послѣдователей, и увеличивали волненіе умовъ въ Церкви Божіей. Наконецъ возникла ересь иконоборцевъ, почитавшихъ чествованіе святыхъ иконъ за идолопоклонство. Восточные Императоры Филиппикъ, Левъ Исавръ, Константинъ Копронимъ и сынъ его Левъ были жаркими поборниками этой ереси: свергали не соглашавшихся съ ними партіарховъ и епископовъ, жгли иконы, противившихся имъ и продолжавшихъ чествовать иконы, предавали мучительнымъ казнямъ, собирали Соборы и насиліемъ и угрозами заставляли ихъ отвергать почитаніе иконъ.

XXXIV.

Но всѣ эти бури безвредно пронесли надъ Церковью Христовою; она пребыла непоколебимою среди всѣхъ тревоженій и еще болѣе окрѣпла, утвердилась и украсилась, и явилась послѣ всѣхъ сихъ испытаній сіяющею, какъ злато *седмерицею* очищенное. Седмь Вселенскихъ Соборовъ, въ продолженіи сего смутнаго времени собравшихся, составленными Символомъ и постановленіями оградили всѣ основныя догматы вѣры отъ еретическихъ ученій, и самыя ереси опровергли и предали анаѣмѣ; и какъ въ эти времена еретики въ подкрѣпленіе своихъ ученій усиливались ввести для чтенія въ

Церкви много евангелій и посланій, ими отъ имени Апостоловъ и апостольскихъ мужей подложно составленныхъ, и въ тоже время насиліями и ухищреніями еретиковъ было составлено много неправильныхъ мѣстныхъ соборовъ и соборныхъ постановленій, а также и въ ученіи нѣкоторыхъ православныхъ учителей (какъ наприм. Оригена) были высказаны ошибочныя мнѣнія и толкованія, то Святые Вселенскіе Соборы указали, какія именно книги признаны Вселенскою Церковію Священными—Богодухновенными и какія изъ постановленій мѣстныхъ Соборовъ и изъ сочиненій св. отцовъ должно принимать въ руководство, и установили правила для церковнаго управленія и благочинія, также для домашней и общественной жизни христіанъ. Тогда же трудами и раченіемъ великихъ и святыхъ мужей установленъ окончательно чинъ Богослуженія и совершенія таинствъ, догматы вѣры запечатлены сочиненными на этотъ предметъ и введенными въ Богослуженіе молитвами, пѣснями, гимнами, сдѣлавшимися чрезъ то общимъ достояніемъ въ устахъ всѣхъ вѣрующихъ; священное писаніе объяснено въ произнесенныхъ ими и преданныхъ письмени бесѣдахъ; чинъ Богослуженія и совершенія Таинствъ, съ обрядами и расположеніемъ въ круглый годъ чтенія св. писанія, устроенъ такъ, что младенецъ въ вѣрѣ, посѣщая церковь и внимательно слѣдя за обрядами, чтеніемъ и пѣніемъ поучается главнѣйшимъ догматамъ вѣры и правиламъ христіанской нравственности; равно проникается благоговѣйнымъ чувствомъ, а возрастный въ вѣрѣ сверхъ того постоянно находитъ предметы для возвышенныхъ мыслей и благоговѣйныхъ глубокихъ размышленій. Св. отцы также установили правила церковной архитектуры, живописи, пѣнія, чтобы все въ храмѣ было благообразно и поучало умъ и возбуждало чувство благоговѣнія, — праздники, чтобы напоминаніемъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ и о святыхъ подвижникахъ пробуждать насъ отъ безпечности и суетной жизни къ молитвѣ и добродѣтели, — посты, чтобы пріучить къ воздержанію и терпѣнію и тѣмъ воспитать нашу волю къ борьбѣ съ похотѣніями, — обычаи христіанской жизни, чтобы обучить насъ смиренію, молитвѣ и дѣламъ милосердія. Однимъ словомъ: Церковь явилась Божественнымъ на землѣ учрежденіемъ, въ которомъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка и нѣтъ ничего излишняго, для руководства по пути въ царство Божіе, —

явилась какъ бы величественнымъ зданіемъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны, всякая на своемъ мѣстѣ и такъ связаны и скрѣплены одна съ другою, что ничего ни отнять отъ ней, ни прибавить что либо невозможно. Она дѣйствительно явилась истиннымъ Кивотомъ Завѣта, *Столмъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15), такимъ Божественнымъ учрежденіемъ, которое, содержа и охраняя истинный Завѣтъ Бога съ человѣкомъ, несрестанно возвыщаетъ его всему міру, зоветъ всѣхъ на путь спасенія, и виявшихъ ея зову воспитываетъ и обращаетъ въ почтительныхъ къ родителямъ дѣтей, вѣрныхъ другъ другу супруговъ, чадолюбивыхъ отцовъ, полезныхъ гражданъ, покорныхъ подданныхъ, и дѣлаетъ истинными сонаслѣдниками Христа. Несомнѣнно, что если бы всѣ люди, виявъ зову своей матери — Церкви Божіей, сдѣлались настоящими ея дѣтьми, то тогда дѣйствительно воцарился бы полный миръ на землѣ: не было бы между ними ни ссоръ, ни вражды, ни опасеній за свою собственность, ни за свою личность; благословеніе Божіе почilo бы на людяхъ и на природѣ: не были знаемы ни голодъ, ни язва, никто не вѣдалъ бы нужды; самыя войны стали бы немыслимы, и тогда, по слову Пророка, мечи и копья перековались бы въ рала, волкъ пасся бы вмѣстѣ съ ягненкомъ, и всякій покойно наслаждался бы жизнію.

Но что же послѣдовало съ ученіемъ велемудрыхъ ересіарховъ и ихъ послѣдователями?.. Тоже, что со всякимъ скудельнымъ сосудомъ. Долго ли, коротко ли его существованіе, но все таки наконецъ онъ когда нибудь разобьется, и черепки его разбросаются по закоулкамъ и будутъ тамъ они валяться въ пыли и попирались ногами людей и животныхъ. Такъ и всѣ ереси распались на многія враждебныя другъ другу секты и тѣ, подъ разными наименованіями: Яковитовъ, Коптовъ, Каіанитовъ, Моронитовъ, Духоборцевъ, Юліанитовъ, Триеитовъ и многихъ другихъ, разбросанныя по лицу земному, скрываются въ захолустьяхъ, погрязая въ невѣжествѣ и отчужденіи отъ православныхъ и въ презрѣніи и угнетеніи отъ язычниковъ.

XXXV.

Какъ же все это произошло, когда, казалось, аду представлена была полная свобода мракомъ своимъ загасить свѣтъ

истины, чадомъ своимъ затемнить всѣ умы вѣрующихъ и разжженными страстями людей истребить всѣхъ истинныхъ чти-телей Христа?

Адъ встрѣтилъ необоримый оплотъ въ чистой вѣрѣ, уна-слѣдованной христіанами отъ Апостоловъ. Вѣра эта, пере-ходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, такъ вкоренилась въ родѣ хри-стіанскомъ, что сдѣлалась насущнымъ элементомъ ихъ жизни и они не могли, безъ внутренняго содраганія, слышать ника-кого противнаго этой вѣрѣ ученія, почему когда вмѣсто из-любленнаго епископа беззаконно поставляли другаго ерети-ческаго, они отвращались всякаго съ нимъ общенія, и остав-ляя храмы пустыми, собирались на молитву или въ частныхъ домахъ, или въ баняхъ, или въ пустынныхъ мѣстахъ; а когда ихъ силою хотѣли загонять въ храмы или требовали являться туда подъ страхомъ наказанія, одни цѣлыми семьями, съ ма-лыми дѣтьми на рукахъ, выходили къ истязателямъ и пре-давали себя въ ихъ руки, а другіе разбѣгались по пусты-нямъ. Въ этой вѣрѣ утверждала вѣрныхъ бѣдственная кон-чина главныхъ ересіарховъ и усердныхъ покровителей ереси. Такъ, когда послѣ перваго Вселенскаго Собора Аріи хотѣлъ лицемѣрно исповѣдывать Іисуса Христа Богомъ и шель для сего въ церковь, вдругъ почувствовалъ необходимость оста-новиться и отойти въ сторону, и тамъ разсѣлась его утроба и онъ погибъ поносною смертію предателя Іуды; а импера-торъ Валентъ, согласно возвѣщенному ему св. Исаакомъ Дал-матскимъ предсказанію, былъ побѣжденъ варварами и сож-женъ въ шалашѣ, гдѣ думалъ вмѣстѣ съ своими приближен-ными скрыться отъ непріятелей. А еще болѣе укрѣпляло правую вѣру, полное убѣдительности и силы, ученіе сіяв-шихъ святостію жизни, высокимъ просвѣщеніемъ, могучимъ умомъ, непреклонною твердостію и неподражаемымъ красно-рѣчіемъ, великихъ учителей церкви: Афонасія Александрій-скаго, Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Злато-устаго, Амвросія Медиоланскаго, Ефрема Сирянина и дру-гихъ. Слушать ихъ отсюду стекалось безчисленное множество народа; скорописцы тутъ же передавали ихъ слова письме-намъ, потомъ переписывали и продавали алкавшимъ духов-наго просвѣщенія. Такимъ образомъ каждое ихъ слово раз-давалось во всѣ концы вселенной.

XXXVI.

Въ то же время привлекали сердца къ правой вѣрѣ при-мѣры сіявшихъ тогда святостію жизни пустынножителей. Слова Господа: «если хочешь быть совершенъ, продай все свое имѣніе, раздай нищимъ и слѣдуй за Мною,» глубоко запали въ души нѣкоторыхъ христіанъ, и вотъ они, оставивъ все въ мірѣ, уединились въ пустынные мѣста, чтобы избѣ-жать суеты мірской, тамъ побѣдить всѣ вождельнія плоти и всецѣло предаться душой Богу. Изъ такихъ людей, подъ сѣ-нію великихъ пастырей, защитниковъ вѣры, образовался но-вый, внутренній міръ иночества, чуждый внѣшнему только по уединенію своихъ членовъ, но силою ихъ вѣры, чудесъ и строгой жизни, имѣвшій чрезвычайное вліяніе на вселен-ную. Египетъ былъ ихъ начальнымъ поприщемъ, и ему постъ благодарная Церковь: «радуйся, Египетъ вѣрный, радуйся Ливія преподобная, радуйся Оиваида избранная; радуйтесь всякое мѣсто, градъ и страна, воспитавшіе гражданъ небес-наго царствія, возрадившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ, и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній; они явились свѣтилами душъ нашихъ, просіявъ мысленно во всѣ концы, зарею чудесъ и знаменіями своихъ дѣяній.

Великій Антоній былъ отцемъ сихъ подвижниковъ. Къ его уединенной башнѣ стали собираться безчисленные уче-ники и поселились вокругъ въ малыхъ келіяхъ, смазанныхъ изъ глины на пескахъ, или изсѣченныхъ въ камнѣ. «Каждая изъ сихъ горныхъ обителей, говоритъ св. Афонасій, другъ Антоніевъ, была храмомъ, исполненнымъ божественныхъ ли-ковъ; вся жизнь отшельниковъ протекала въ чтеніи и пѣніи псалмовъ, постѣ, бдѣніи и молитвѣ; вся ихъ надежда—ожи-даніе будущихъ благъ, ибо они не имѣли на землѣ пребы-вающего града, но искали грядущаго, и жили въ совершен-ной любви и единствѣ духа, питая себя и нищихъ трудами рукъ своихъ. Блаженные жители сихъ духовныхъ оазисовъ, вдали отъ міра и всѣхъ страстей его, пеклись только о правдѣ Божіей и благочестіи, ревнуя другъ для друга, какъ бы имъ достигнуть небеснаго наслѣдія».

Антоній поучалъ ихъ не только примѣромъ, но и час-тыми бесѣдами, внушая имъ имѣть одну только цѣль—спа-

сеніе, и не почитать за великое то, что оставили въ мірѣ, но полагать царствіе Божіе внутри себя, и жить каждый день какъ бы уже послѣдній. Самъ онъ достигъ такого совершенства, что могъ сказать о себѣ сіе великое слово: «я уже не боюсь Бога, а только люблю Его,» и проводилъ дни свои въ непрестанномъ богомысліи, ночи же на молитвѣ.

Множество послѣдователей Антонія, подобно ему, просіяли подвигами святой жизни, даромъ чудесныхъ исцѣленій, сердцевѣденія и прозрѣнія въ будущее, глубокимъ пониманіемъ жизни духа, высшимъ просвѣщеніемъ ума и мудрою назидательностію бесѣды. Самая жизнь пустынножителей была новымъ явленіемъ для міра, и вотъ отсюду стали стекаться люди въ пустыню: одни, чтобы остаться тамъ и подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ навикнуть къ этой жизни; другіе, чтобы самимъ увидѣть этихъ новыхъ людей и убѣдиться въ справедливости разнесшейся о нихъ молвы; иные, чтобы получить исцѣленіе въ болѣзняхъ; а большая часть, въ мудрыхъ бесѣдахъ боговдохновенныхъ мужей укрѣпиться въ правой вѣрѣ и найти разрѣшеніе возмущавшихъ умъ недоумѣній.

И вотъ, въ то время, когда проповѣдники истины были свергаемы съ святительскихъ кафедръ и заточаемы, и голосъ ихъ умолкалъ въ городахъ, голосъ истины, еще сильнѣйшій, раздавался въ слухъ всей вселенной изъ необитаемой дотолѣ пустыни. Такъ устроилъ Господь въ явленіе своей присносушной силѣ и въ посрамленіе ухищреній ада!

Вскорѣ всѣ страны земли процвѣли иноками. Въ Египтѣ послѣ Антонія свѣтилами и руководителями ихъ были Аммоній, два Макарія и Пахомій. Харитонъ и Иларіонъ были насадителями иночества въ Палестинѣ, Маронъ и Ефремъ Сириянинъ — въ Сиріи, Аонесъ — въ Месопотаміи, Василиій Великій — въ Малой Азіи, Венедиктъ — въ Италіи. Большая часть инокъ селились близъ келій великихъ подвижниковъ, подклоняли себя подъ ихъ начало и подъ ихъ руководствомъ совершали иноческіе подвиги. Такимъ образомъ возникло въ пустынныхъ мѣстахъ много иноческихъ обителей, въ которыхъ устроилась новая общественная жизнь на правилахъ, совершенной нестяжательности, безбрачія, непрерывнаго, строгаго поста, отчужденія своей воли, трудолюбія, братской любви, непрестанной молитвы, богомыслія и прославленія Творца.

Другіе же, уединясь въ пустынныхъ вертепахъ, оставались до конца жизни въ совершенномъ отчужденіи отъ міра и людей, и въ послѣдній день жизни сами заключали дверь своей келіи и на колѣняхъ, съ распростертыми къ небу руками, предавали Богу духъ свой, и такъ чрезъ многіе годы, обрѣталъ молебное ихъ тѣло, бдящее по смерти, новый отшельникъ, избравшій себѣ ихъ вертепъ и долю. Тамъ, надъ мощами незнаемаго брата, текли его молитвы, доколѣ иногда усопшій предшественникъ открывалъ ему, въ ночныхъ видѣніяхъ, свое имя, прося немного земли для усталыхъ костей своихъ, ибо уже другой пришлецъ смѣнялъ его на стражѣ пустыни.

Сии исполины духа явили на себѣ, что какъ плоть обуюя челоуѣка, изглаждаетъ въ немъ мысль о высокомъ его назначеніи и унижаетъ его до подобія скота, такъ и возвысившійся духъ, совершеннымъ подчиненіемъ себя плоти, можетъ достигнуть силы повелѣвать стихіями, проникать въ тайны, сокрытыя въ сердцѣ другаго, и событія, сокрытыя пространствомъ и временемъ. Такъ, по слову ихъ возникали въ безводной пустынѣ источники воды, останавливалось бурное теченіе водъ, исцѣлялись неисцѣльно больные, изгонялись бѣсы, воскресали мертвые, сухой жезлъ обращался въ зеленѣющее дерево, хищные звѣри служили имъ какъ домашнія животныя. Они возвѣщали будущее, объявляли о событіяхъ, совершившихся вдали отъ нихъ, раскрывали таившіяся въ умѣ собесѣдника мысли и мудрымъ совѣтомъ исцѣляли сокрытыя въ сердцѣ раны.

Слава о сихъ земныхъ ангелахъ и небесныхъ челоуѣкахъ и бѣдственное въ то время положеніе имперіи: внутри волнуемой еретиками и терзаемой землетрясеніями, голодомъ и моромъ, а извнѣ громимой нашествіемъ варварскихъ народовъ, возбуждали повсемѣстно рвеніе къ отшельничеству, и многіе даже знатные родомъ, возвеличенные честію при дворахъ Императоровъ и обладавшіе несмѣтными богатствами, оставляли все это, стремились въ пустыни и тамъ своимъ смиреннымъ послушаніемъ удивляли даже сихъ нищихъ духомъ.

Въ пятомъ вѣкѣ христіанства многочисленность инокъ въ Египтѣ Златоустъ уподоблялъ множеству звѣздъ небесныхъ; на Востокѣ и Западѣ — воинству, превышающему воинство царей земныхъ.

Чтобы яснѣ себя представить, какую борьбу съ чувственностію должны были вынести сіи подвижники изъ страха геенны и изъ жажды царствія Божія, послушаемъ какъ одинъ изъ нихъ, блаженный Иеронимъ, описываетъ первое время своей отшельнической жизни: «о сколько разъ, скитаясь въ безпредѣльной пустынѣ, опаляемой знойнымъ солнцемъ, я воображалъ себя наслажденія Рима! Одинако сидѣлъ я, исполненный горькихъ душъ; прахомъ обезображенъ былъ ликъ мой, эѳіопскою чернотою покрылась кожа; роскошью была бы мнѣ прохладная струя. Когда же сонъ одолевалъ борющееся съ нимъ тѣло, одни кости со стукомъ ложились на землю, и я, заключившійся страха ради геенны въ подобную темницу, я, сожитель звѣрей и скорпіоновъ, еще могъ иногда переноситься мыслями въ хороводы дѣвъ; ликъ мой, умерщвленный постами, еще прежде смерти отжилъ, но въ холодномъ тѣлѣ кипѣли страстные порывы... Такъ, лишенный всякой помощи, припадалъ я къ Спасителю, я проливалъ слезы, я рвалъ волосы, семидневнымъ голодомъ сокрушалъ свою плоть. Помню, какъ часто ночь заставляла меня, біющаго себя въ перси, доколѣ не водворилось въ нихъ желанное спокойствіе; я даже страшился своей келіи, какъ свидѣтеля нечестивыхъ помысловъ, и въ брани самъ съ собою погружался въ пустыню. Въ глубинѣ долинъ, на вершинѣ горъ, въ ущелии утесовъ, искалъ я мѣста молитвы, мѣста казни бѣдственной моей плоти, и тамъ, сквозь челену текущихъ слезъ, прикинувъ взорами къ неподвижному небу, я мнилъ себя въ ликахъ ангельскихъ, и радостно раздѣлялъ ихъ дивные гимны».

Такъ то поборали свою плоть святые! А мы не можемъ воздержаться отъ лишней чарки вина, чтобы не уподобиться скотамъ несмысленнымъ, — отъ куска мяса, чтобы исполнить завѣтъ матери нашей Церкви о постѣ, — отъ запрещеннаго заповѣдью образа удовлетворенія своей похоти, чтобы соблюсти цѣломудріе!

XXXVII.

Сдѣлаемъ краткій очеркъ жизни одного изъ пустынножителей и святителей этого времени, а именно Василия Велікаго, чтобы ближе ознакомиться съ сими столпами Церкви и примѣрами благочестія.

Онъ происходилъ отъ благородныхъ родителей области Кесарійской, бывшихъ исповѣдниками во дни гоненій. Воспитала его при себѣ благочестивая бабка его, Макрина, которая сама научилась истинной вѣрѣ отъ учениковъ чудотворца Неокесарійскаго, Григорія, и передала ее во всей чистотѣ своимъ внукамъ. Василій, еще въ юношескихъ лѣтахъ, степеннымъ умомъ своимъ, подобился старцамъ и направлялъ всѣ свои занятія къ предметамъ болѣе важнымъ. Начальное образованіе получилъ онъ въ Кесаріи, а потомъ въ Царьградѣ; окончательное же — въ Аѳинахъ. Изучая здѣсь науки вмѣстѣ съ другомъ своимъ Григоріемъ, сыномъ епископа города Назіанзина, возведеннымъ въ послѣдствіи на епископскую кафедру Царьграда и пріобрѣтшимъ прозваніе Богослова, онъ удалился отъ суетныхъ словопреній софистовъ, отъ мірскихъ развлеченій и дурныхъ сообществъ, а углубился въ познаніе истины. Возвратясь въ Кесарію, тамъ онъ отъ философіи человѣческой перешелъ къ божественной, и отвергнувъ почести мірскія, которыхъ легко могъ достигъ по своему образованію и способностямъ, обратилъ всѣ силы духа на усовершенствованіе внутреннее въ тихомъ уединеніи и вольной нищетѣ. Чтобы научиться сему, онъ посѣтилъ великихъ отшельниковъ египетскихъ и палестинскихъ и отъ нихъ навѣкъ побѣждаетъ свою плоть воздержаніемъ, бдѣніемъ и молитвою, пренебрегаетъ тѣло для освобожденія духа, и жить какъ бы въ чужой плоти, являя міру, что значить быть здѣсь истиннымъ странникомъ и гражданиномъ неба, и для сего онъ уединился на берега рѣки Ириса, въ области Понтійской.

Вотъ какъ онъ описывалъ въ письмѣ къ другу своему Григорію свое пустынное убѣжище: «Богъ открылъ мнѣ жилище по сердцу — такое, о какомъ мы нѣкогда мечтали на свободѣ. Это высокая гора, покрытая темнымъ густымъ лѣсомъ, орошаемая съ сѣверной стороны свѣтлымъ потокомъ; у подошвы ея просторная долина, изобильная ручьями, лѣсъ ограждаетъ ее отъсюду, какъ крѣпость, и дѣлаетъ изъ нее почти островъ. Два глубокіе оврага раздѣляютъ ее на двѣ части; съ одного края низвергается водопадомъ рѣка, съ другой непроходимая гора заграждаетъ путь; одинъ только есть исходъ и мы имъ владемъ. Обитель наша на высотѣ, такъ что долина и рѣка, по ней текущая, предъ глазами, и отраденъ видъ сей, какъ видъ береговъ Стримона: я не встрѣ-

чалъ ничего прекраснѣе. Рѣка питаетъ въ себѣ множество рыбъ, и благодатныя ея испаренія освѣжаютъ воздухъ сего очаровательнаго мѣста. Иной, можетъ быть, восхищался бы разнообразіемъ цвѣтовъ и пѣніемъ птицъ, мнѣ же нѣкогда увлекаться сими временными наслажденіями. Счастливое положеніе края дѣлаетъ его обильнымъ всякими плодами; а для меня самые сладостные—миръ и тишина, по совершенному отдаленію отъ городского шума: здѣсь не встрѣтишь даже путника, развѣ иногда какой нибудь ловчій заглянетъ въ нашу пустыню; но намъ не страшны хищные звѣри, одни только зайцы, козы и олени рѣзвятся по нашей долинѣ. Могу ли предпочесть иное мѣсто сему очаровательному жилищу? прости мнѣ желаніе мое здѣсь основаться.»

Въ другомъ письмѣ Василиій такъ описывалъ другу пользу уединенія, для усмиренія страстей и утвержденія помысловъ: «Выйти изъ міра не то значить, чтобы удалиться отъ него тѣломъ, но освободить душу отъ рабства, не имѣть ни дома, ни семьи, ни близкихъ, ни заботъ, ни имѣній, забыть все, чему научился отъ человѣковъ, чтобы приготовить себя къ принятію познаній божественныхъ. Занятіе отшельниковъ есть подражаніе Ангеламъ, въ непрестанной молитвѣ и славословіи. Восходитъ ли солнце, и онъ встаетъ для труда, не прерывая умственной молитвы; онъ размышляетъ надъ чтеніемъ святыхъ писаній, чтобы пріобрѣсти добродѣтель и направить жизнь свою по примѣру святыхъ: потомъ молитва слѣдуетъ за чтеніемъ, чтобы сдѣлать оное дѣйствительнѣе. Разговоры инока должны быть чужды всякаго суесловія и спора, скромны, тихи и привѣтливы; смиреніе же обнаруживается въ осанкѣ, поступи, потупленномъ взорѣ, самой простой одеждѣ, едва достаточной чтобы прикрыться отъ холода и жара, въ пищу надлежитъ искать только удовлетвореніе голода: довольно хлѣба и воды съ немногими овощами, но и вкушая ее безъ жадности, надобно размышлять духовно, начиная и оканчивая трапезу молитвою. Изъ двадцати четырехъ часовъ дня одинъ только пусть опредѣляется для работъ тѣлесныхъ, сонъ же да будетъ кратокъ, легокъ, и полночь отшельнику должна быть какъ утро для прочихъ, чтобы въ безмолвіи природы, съ большимъ вниманіемъ, размышлялъ онъ о средствахъ къ очищенію грѣховъ своихъ и усовершенствованію въ добродѣтели!»

Здѣсь вкратцѣ изложены всѣ правила иноческаго, которыя самъ Василиій соблюдалъ въ точности, изнуряя тѣло постомъ и бдѣніемъ до такой степени, что въ немъ, казалось, не оставалось болѣе жизни; онъ спалъ на голой землѣ, не варилъ себѣ пищи, употребляя сухой хлѣбъ и овощи.

Наконецъ присоединился къ нему и другъ его, Григорій; тамъ наслаждались они непрестанными лишеніями, молились вмѣстѣ, читали св. писаніе, работали, садили деревья, изсѣкали камни, копали землю, и слѣды ихъ тяжкихъ работъ оставались на ихъ нѣжныхъ рукахъ. Домъ ихъ не имѣлъ крыши и дверей, и никогда не подымался изъ него дымъ; оставивъ всѣ свѣтскія книги, какими утѣшались въ молодости, они занялись исключительно истолкователями св. писанія и сами составили книгу подъ именемъ *Добротолюбія*. Такъ протекала, въ духовныхъ наслажденіяхъ возвышенной дружбы, жизнь великихъ отшельниковъ.

Скоро собралось къ нимъ множество учениковъ, и Василиій написалъ для нихъ многія правоученія о благочестіи, называемыя *аскетическими*, которыя и донныѣ служатъ зерцаломъ житія иноческаго для всего Востока; онъ составилъ ихъ большею частію изъ назидательныхъ отрывковъ св. писанія. Потомъ изложилъ еще, въ такъ называемыхъ пространнѣхъ и краткихъ правилахъ, по вопросамъ и отвѣтамъ, полный уставъ иночeskій, который по своему совершенству духовному, можетъ быть приспособленъ къ жизни каждаго благочестиваго христіанина.

Изъ своего любимаго убѣжища Василиій былъ вызванъ епископомъ Кесаріи Евсевіемъ, который, желая пользоваться его духовною опытностію для назиданія паствы, принудилъ его принять санъ пресвитера, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ его своимъ единственнымъ помощникомъ и совѣтникомъ. Тогда въ слухъ всей вселенной раздался громъ слова его противъ Аріанъ и онъ, подобно Іову, сдѣлался окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ. Всѣ странные и убогіе нашли въ немъ своего покровителя, а въ тяжкую годину голода онъ самъ разносилъ пищу по стогнамъ и устроилъ богадѣльни для призрѣнія болящихъ. Отецъ иночествующихъ, которыхъ назидать своими правилами, онъ сдѣлался свѣтильникомъ и для всего клира, изложивъ на хартии чинъ божественной Литургіи, такъ какъ чинъ этотъ не могъ болѣе оставаться

въ одномъ преданіи устно для соблюденія его отъ неправильныхъ приложеній по крайнему умноженію пресвитеровъ и по усиліямъ еретиковъ искажать все въ св. писаніи и богослуженіи, что обличало ихъ лжеученіе. Такимъ образомъ Литургія апостольская, съ нѣкоторыми сокращеніями и съ изложеніемъ молитвъ, въ болѣе догматическомъ и богословскомъ духѣ, по нуждамъ времени, сохранилась въ чинѣ богослуженія Великаго Василия, который до нынѣ неизмѣнно совершается во всѣхъ православныхъ церквахъ Востока.

По смерти Евсевія Василий былъ поставленъ епископомъ на его мѣсто. Тогда Василий удвоилъ ревность свою къ водворенію мира въ Церкви и письмами своими къ епископамъ однихъ возбуждалъ къ усиленной дѣятельности противъ лжеученія, другихъ убѣждалъ къ единодушію, иныхъ руководилъ совѣтомъ, нѣкоторыхъ умолялъ къ содѣйствію, и въ тоже время не оставлялъ назидать паству словомъ и письменнымъ изложеніемъ православнаго ученія: такъ по просьбѣ св. Амфилохія, епископа Иконійскаго, написалъ книгу о Духѣ Святомъ, въ коей ясно изложилъ исхожденіе божественное отъ Отца и прославленіе съ Сыномъ, и говорилъ о важности церковныхъ преданій, противъ тѣхъ, которые полагали, что можно основываться въ догматахъ на одномъ священномъ писаніи.

Между тѣмъ буря аріанская свирѣпствовала и гоненіе простерлось даже до пустынь Египетскихъ и достигло Василия. Самъ императоръ Валентъ прибылъ въ Кесарію и поручилъ своему епарху Модесту, суровому аріанину, склонить Василия къ общенію; но на всѣ лстивыя ласкательства и угрозы Василий отвѣчалъ: «общеніе съ Богомъ честнѣе общенія съ тобою и Кесаремъ, по мѣрѣ разстоянія Творца отъ твари, и такова вѣра христіанъ; вы же имянете самого Господа тварью. Угрозы твои до меня не касаются, ибо что мнѣ и тебѣ?—Имѣніе ли мое возмешь,—не обогатишь себя и я не обнищаю, да и мало тебѣ пользы въ этихъ ветхихъ одеждахъ и въ нѣсколькихъ книгахъ, а въ нихъ все мое богатство; изгнанія не боюсь, ибо земля это не моя, но Божія, и отечество мое повсюду; о мукахъ не забочусь,—онѣ только приведутъ къ желанной цѣли; ты видишь, на мнѣ нѣтъ тѣла; одинъ ударъ все кончить, и смерть только ускорить меня къ Богу.» Изумленный епархъ невольно сознался, что никто

еще съ такою дерзостію съ нимъ не бесѣдовалъ. «Можетъ быть, возразилъ Василий, тебѣ не случалось никогда говорить съ епископомъ; мы во всемъ являемъ кротость и смиреніе, но если кто хочетъ лишиться насъ Бога и правды Божіей, мы ради ея все пренебрегаемъ.» Видя такую твердость, смягчился епархъ и спросилъ: «пріятно ли будетъ ему видѣть Кесаря въ своей церкви—надлежитъ только для сего выкинуть одно слово, единосущный, изъ символа?» «Радуюсь видѣть Кесаря въ церкви, ибо радѣю о спасеніи всякой души, но не позволю измѣнить ни одной іоты въ символѣ,» отвѣчалъ мужественный святитель. «Размысли до завтра,» было послѣднимъ словомъ Модеста. «Нынѣ, какъ и завтра, я тотъ же!» было послѣднимъ словомъ Василия.

На праздникъ Богоявленія, императоръ, окруженный стражами, вошелъ въ церковь, гдѣ совершалъ литургію Василий, и сталъ въ толпѣ народа. Когда же услышалъ сладостное пѣніе ликовъ и увидѣлъ стройный чинъ божественной службы, священнослужителей болѣе подобныхъ Ангеламъ, нежели челоувѣкамъ, самаго же Василия неподвижнаго предъ алтаремъ, вперившаго свой умъ къ Богу, и со страхомъ обстоявшихъ его пресвитеровъ,—умилился Валентъ, хотѣлъ подойти къ жертвеннику, но пошатнулся и былъ поддержанъ однимъ изъ діаконовъ; ни кто однако же не смѣлъ принять его просфору, не зная, желаетъ ли вступить съ нимъ въ общеніе епископъ. Самъ Василий, сострадая къ немощи человѣческой, принялъ изъ рукъ его принесенный даръ.

Въ другой разъ императоръ пришелъ опять участвовать въ молитвѣ вѣрныхъ, и въ самомъ алтарѣ долго бесѣдовалъ съ Василиемъ. Съ тѣхъ поръ смягчилось повсемѣстно гоненіе; но самъ Василий еще дважды ему подвергался. Однажды по происканію аріанъ, испуганныхъ его благимъ вліяніемъ на императора, была уже запряжена колесница, чтобы везти въ изгнаніе великаго мужа, но внезапная болѣзнь, постигшая въ ту же ночь младенца царскаго, заставила Валента прибѣгнуть къ молитвамъ осужденнаго. Василий сталъ на молитву и изцѣлилъ, но съ условіемъ, чтобы младенецъ былъ отданъ въ наученіе православнымъ; императоръ измѣнилъ слову, и сынъ его, окрещенный аріанами, опять занемогъ и скончался. Огорченный отецъ хотѣлъ снова подписать приговоръ изгнанія, и перо сокрушилось въ рукахъ его; онъ оставилъ въ

мирѣ Василя и удалился изъ Кесаріи; а бывший гонитель Модестъ, самъ получивъ исцѣленіе молитвами Василя, сдѣлался отголѣ его искреннимъ другомъ. И другаго епарха, дерзнувшаго возстать противъ святаго, за то, что укрылъ благодарную вдовицу отъ его насилія, смирилъ кротостію Василій. Мучитель велѣлъ снять съ него мантию для большого безчестія; Василій же предложилъ ему и хитонъ свой, и, грозившему растерзать его желѣзными когтями, спокойно сказалъ: «много мнѣ сдѣлаешь добра, если вырвешь печень мою, которая часто меня беспокоитъ.»

Такъ твердъ и непоколебимъ былъ этотъ оплотъ Церкви. Онъ претавился вскорѣ послѣ несчастной кончины Валента, когда съ воцареніемъ Θεодосія Великаго прекратилась буря арианская, исповѣдники стали возвращаться на свои катедры и Церковь вошла въ тихую пристань. Всеобщій плачъ провожалъ его земные останки, народъ тѣснился къ нимъ, больные искали изцѣлиться прикосновеніемъ къ его одеждѣ, какъ нѣкогда къ апостольской; рыданія заглушали пѣсни церковныя, язычники и евреи смѣшались съ вѣрными. Его творенія читались повсюду въ домахъ и церквахъ къ назиданію духовныхъ и мірянъ; имъ удивлялись и самые язычники. Четыре похвальные слова произнесены были, въ различное время, въ честь великаго святителя, знаменитыми мужами Церкви: Ефремомъ Сираиномъ, Амфилохіемъ Иконійскимъ и двумя близкими его сердцу Григоріями, братомъ и другомъ. Церковь же скоро причла Василя къ лику святыхъ своихъ заступниковъ и стала совершать память его блаженной кончины 1 января, ибо онъ былъ и при жизни вселенскимъ учителемъ и залогомъ ея мира *).

XXXVIII.

И изъ еретиковъ нѣкоторые славились строгою постническою жизнію и видомъ благочестія и смиренія, и тѣмъ привлекали себѣ послѣдователей, подобно тому, какъ дерево, одѣтое богатою листвою и роскошными цвѣтами, привлекаетъ взоръ странника.

*) Заимств. изъ книги: Первые четыре вѣка христіанства.

Но Господь предостерегъ уже своихъ послѣдователей. Берегитесь, говорилъ Онъ, лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ, узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ доброе дерево приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ, и бросаютъ въ огонь. И такъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.»

Вотъ и эти лжепророки подъ покровомъ постнической своей жизни и лицемѣрнаго благочестія и смиренія, не могли утаить живущихъ внутри ихъ гордости, зависти, злобы, любостыжанія, честолюбія и жестокосердія, плодами которыхъ были ихъ дѣла: злобныя козни, ложь, клевета, хищничество, гоненія, мучительство и убійства. Все это отвращало вѣрныхъ отъ нихъ и ихъ ученія и заставляло тѣснѣе соединяться подъ кровомъ Церкви Христовой. Въ то же время отъ этихъ же злыхъ страстей, въ средѣ самыхъ еретиковъ, возникали разномысліе, свары и раздоры, и наконецъ дѣленіе самыхъ ересей на многія секты, и тѣмъ окончательно онѣ себя обезсиляли и приходили къ ничтожеству.

XXXIX.

Такъ свѣтъ истины разсѣялъ тьму адскаго чада и Церковь восторжествовала побѣду надъ адомъ. Но когда единая, апостольская, соборная Церковь воцарилась на всемъ пространствѣ необъятной Римской Имперіи, провидѣнію угодно было допустить, чтобы это славное могуществомъ и цивилизаціею государство со всѣми памятниками достигнутого вѣками просвѣщенія, пало подъ ударами варварскихъ народовъ и надъ міромъ разлился мракъ невѣжества. Эти народы, обитая за предѣлами имперіи въ лѣсахъ Сѣверной Европы и въ степяхъ Средней Азіи, доселѣ довольствовались — одни звѣриною ловлею въ лѣсахъ, другіе кочевьемъ со своими стадами на обширныхъ степныхъ пажитяхъ; но вотъ вдругъ возбуждается въ нихъ духъ воинственной отваги и жажда корысти, и они одинъ за другимъ устремляются, какъ бур-

ные потоки съ горъ, на Имперію; отчаянной ихъ храбрости не могутъ противостоять побѣдители міра и стройные, отлично вооруженные легіоны римскіе гибнуть отъ безпорядочныхъ ордъ полуодѣтыхъ, худо вооруженныхъ дикарей; городъ за городомъ обращаются въ развалины, область за областію опустошаются въ конецъ; напослѣдокъ вся Западная Римская Имперія *) падаетъ, наводняется разнообразными народами и на мѣсто ея образуется множество новыхъ государствъ и возникаетъ совершенно новый порядокъ вещей.

Но слава Рима обаятельно дѣйствуетъ на умъ дикарей, а проповѣдь святыхъ Святителей и чудныя исцѣленія по ихъ молитвамъ обращаютъ сердца тѣхъ варваровъ къ Богу Римлянъ и они, оставивъ заблужденія язычества и аrianства, присоединяются къ истинной Церкви Христа и такимъ образомъ многочисленные племена невѣжественныхъ язычниковъ просвѣщаются свѣтомъ Христовымъ и дѣлаются сонаслѣдниками Его царства.

XL.

Въ тоже время на Востокъ является Магометъ и возбужденныя имъ невѣжественныя толпы изувѣровъ вносятъ огонь, мечъ и порабощеніе въ предѣлы Восточной Римской Имперіи.

Этотъ лжепророкъ родился въ Аравіи, гдѣ палящій жаръ солнечныхъ лучей большую часть обширной страны обратилъ въ песчаное море и кожу ея обывателей — Арабовъ сдѣлалъ смуглою до черноты. Дотолѣ они жили тамъ безъ соединенія въ государство независимыми мелкими племенами по городамъ и селеніямъ, лежащимъ частію при берегахъ Чермнаго — Краснаго моря, частію на оазисахъ — участкахъ плодородной съ водными источниками земли, разсѣянныхъ по песчаной пустынѣ, какъ острова на океанѣ. Занятія ихъ были скотоводство, торговля и хищническіе набѣги на сосѣдей. Въ характерѣ ихъ были страстность и мечтательность. Они преданы были грубому идолопоклонству.

*) Предъ симъ Римская Имперія распалась на два государства: въ одномъ изъ нихъ, занимавшемъ западную часть Европы, столицею былъ Римъ, въ другомъ, обладавшемъ восточную часть Европы, Азією и Египтомъ, столицею была Византія, иначе называемая Константинополемъ, или Царьградомъ. Последнее государство называлось Восточною Римскою, или Византійскою Имперією, а также, по преобладанію въ ней Грековъ, Греческою.

Магометъ происходилъ отъ того племени Арабовъ, которое вело свое родословіе отъ Исмаила, сына Авраамова отъ рабыни Агари, удаленной изъ дома Патріарха, по повелѣнію Божію, для того, чтобы «родъ ея не имѣлъ наслѣдія съ чадами обѣтованія, рожденными отъ свободной,» какъ сказано въ книгѣ Бытія гл. 21 ст. 10. О самомъ же Исмаилѣ и его потомствѣ тамъ же (16, 12. 21, 18), было возвѣщено, что «сей будетъ человекъ дикій; руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него, и предъ лицомъ всей братіи своей онъ вселится, и въ народъ великій возрастетъ.»

Еще въ дѣтствѣ Магометъ остался сиротою и былъ воспитанъ дядею своимъ Абуталебомъ, который, занимаясь самъ торговлею, приучалъ къ тому и его, и для сего бралъ его съ собою въ дальнія странствованія съ караванами по Палестинѣ и Сиріи. Въ такихъ странствованіяхъ имъ приходилось сближаться и съ Евреями и съ Христіанами, какъ православными, такъ и съ еретиками-аріанами и иконоборцами, и слышать рассказы о началѣ міра, о первыхъ людяхъ, о потопѣ, патріархахъ, о Моисей, его законѣ, о пророкахъ, о рожденіи Спасителя, его чудесахъ, страданіи, воскресеніи и вознесеніи на небеса и о богословскихъ спорахъ христіанъ. При этомъ рассказы иное переименовывали, иное прибавляли отъ себя.

Всѣ эти рассказы сильно интересовали юнаго Магомета, отъ природы страстнаго и надѣленнаго съ раннихъ лѣтъ необычайными способностями разума, и глубоко запали въ его душу. Въ особенности поразило его ученіе о единомъ Богѣ и Его свойствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все его вниманіе обратилось на то, что евреи ожидаютъ Мессію — завоевателя, а Іисусъ Христосъ возвѣстилъ, что низойдетъ Утѣшитель, который наставитъ на всякую истину. На греческомъ языкѣ Утѣшитель выражается словомъ *Параклитосъ*, а другое незвучное греческое слово: *Периклитосъ* означало: *славный*, арабское же слово *Магометъ*, тоже значило: *славный*. Вотъ онъ, исполняя ревностію проповѣдывать единаго Бога и искоренить идолопоклонство, возмечталъ, что онъ обѣщанный Утѣшитель и задумалъ создать особую религію. Для сего сталъ каждое лѣто уединяться въ одну пещеру и тамъ написалъ свой Коранъ — книгу, гдѣ пламеннымъ и пѣвучимъ арабскимъ языкомъ поэтически изложилъ слышанные

имъ рассказы о первыхъ людяхъ, о потоцѣ, патриархахъ, Моисей, Пречистой Дѣвѣ и Иисусъ Христѣ, съ нравственными и религіозными законами, частію заимствованными отъ евреевъ и христіанъ, частію собственно самимъ имъ сочиненными. Здѣсь же онъ неоднократно удостовѣряя о божественности книгъ Моисеевыхъ и Евангелія, нагло утверждалъ, что все изложенное въ Коранѣ находится и въ сихъ священныхъ писаніяхъ, между тѣмъ какъ въ Коранѣ многія библейскія событія искажены, лица и времена перепутаны, многое прибавлено поэтическимъ воображеніемъ самаго сочинителя, а многое, совершенно противоположное духу и догматамъ сихъ священныхъ книгъ, внесено имъ частію для оправданія дѣлъ своей грѣховной чувственности, которая побуждала его имѣть много женъ и заключить браки самыя кровосмѣнительныя; частію для привлеченія себѣ послѣдователей разрѣшеніемъ многоженства; частію въ опроверженіе основныхъ истинъ Христіанской вѣры, которыхъ онъ понять и вмѣстить не могъ. Такъ напримѣръ онъ, Магометъ, въ своемъ Коранѣ дерзнулъ даже утверждать, будто бы былъ распятъ не самъ Господь Иисусъ Христосъ, а схожій съ Нимъ человекъ, Самъ же Иисусъ взятъ былъ на небо живымъ.

Наконецъ Магометъ самъ о себѣ сталъ свидѣтельствовать, что когда онъ былъ въ пещерѣ, во время ночнаго мрака, явился ему Архангелъ Гавріиль и, вруча ему Коранъ, называлъ его посланникомъ Божіимъ и велѣлъ проповѣдывать его людямъ.

[XLI.

Сначала ему повѣрили только нѣсколько человекъ, къ нему приближенныхъ; сограждане же его, жители города Мекки, признавъ его обманщикомъ, приговорили къ смерти; но онъ бѣжалъ изъ роднаго города въ другой городъ Медину. Здѣшнихъ гражданъ удалось ему увѣрить въ своемъ посланничествѣ и онъ сталъ тамъ властвовать какъ царь и пророкъ. Возбудивъ въ своихъ послѣдователяхъ воинственный духъ, онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ своими врагами и покорилъ своей власти Мекку и нѣсколько соседственныхъ племенъ. Слава его побѣдъ, страшныя казни надъ непокорными и богатыя воинскія корысти со дня на день

увеличивали число его послѣдователей и наконецъ вскорѣ покорились ему всѣ племена Арабовъ и онъ основалъ сильное, дышащее воинственнымъ пыломъ государство, которому онъ завѣщалъ вести войны и силою оружія покорять народы измысленной имъ вѣры. Преемники его власти, называемые Калифами, продолжая вести постоянно счастливыя войны съ Восточною Римскою Имперіею и Персіею, вскорѣ покорили Палестину, Сирію, Персію, Египетъ и всю сѣверную Африку по берегамъ Средиземнаго моря и даже въ Европѣ Пиренейскій полуостровъ, повсюду распространяя ужасъ убійствомъ и грабежемъ, обращая насиліемъ жителей въ свою вѣру, угнетая тѣхъ, которые отвергали Коранъ, разрушая и уничтожая всѣ памятники наукъ и цивилизаціи.

Такимъ образомъ образовалось обширнѣйшее и могущественное государство Арабовъ, или Сарацынъ. Въ послѣдствіи оно отъ внутреннихъ междоусобій распалось на нѣсколько государствъ, а сіи ослабѣвая болѣе и болѣе отъ внутреннихъ неурядицъ, сдѣлались наконецъ добычею новыхъ, обновленныхъ съ ними и не менѣе ихъ жестокихъ варваровъ — Турокъ, государи которыхъ, называемые Султанами, замѣнили собою власть Калифовъ, и болѣе и болѣе стѣсная Восточную Римскую Имперію, наконецъ взяли Константинополь и положили конецъ и этому государству.

Чтобы имѣть понятіе съ какимъ варварствомъ магометане дѣйствовали противъ всего, что ведетъ къ просвѣщенію ума, приведемъ одинъ изъ многихъ случаевъ.

Когда Калифъ Омаръ завоевалъ Египетъ, полководецъ Амру спрашивалъ его: какъ поступить съ великолѣпною бібліотекою Александрійскою? — Омаръ отвѣчалъ: «если она заключается въ себѣ тоже, что есть и въ Коранѣ, то она безполезна, и слѣдовательно ее надобно сжечь; если же заключается противное, то тѣмъ болѣе подлежитъ сожженію.» И драгоцѣннѣйшее хранилище познаній человеческихъ, собранное многими вѣками, въ которомъ совокуплено было все ученіе древнихъ, было предано пламени.

Невѣжественная религія, измысленная невѣжественнымъ лжепророкомъ, могла существовать только подъ кровомъ мрака невѣжества, и потому покровительствующій ей князь тмы не позволялъ въ странахъ, обладаемыхъ ея послѣдователями, возникать просвѣщенію и ревностно гасилъ всѣ возжигав-

шіеся тамъ свѣточи, настоятельно требуя только слѣпой вѣры въ Коранъ, обрѣзанія, омовеній и исповѣданія: «единъ Богъ и Магометъ Его пророкъ!» И за исполненіе сихъ требованій обѣщали въ будущей жизни райскія утѣхи. Самыя же эти утѣхи представляли въ грубыхъ тѣлесныхъ наслажденіяхъ: въ тѣнистыхъ садахъ, орошаемыхъ свѣтлыми, прохладными источниками, въ обиліи вкусныхъ яствъ и питій и въ множествѣ красивѣйшихъ женъ. Такимъ образомъ не къ нравственному, духовному совершенству приготавлилъ людей, но болѣе и болѣе распалилъ ихъ чувственность—страсти и похоти, и не давалъ мѣста никакой попыткѣ къ возрожденію духа.

XII.

Когда такая адская стѣна преградила распространеніе христіанской религіи на Востокъ, и тамошнихъ христіанъ душила въ нищетѣ и рабствѣ, князь тьмы въ властолюбіи Римскихъ папъ нашелъ средство держать также во мракѣ невѣжества Западъ.

Слава Рима и уваженіе всѣхъ христіанъ къ святителямъ этой древней столицы міра, внушили почти благоговѣйное чувство къ нимъ въ новыхъ обитателяхъ Запада — тѣхъ невѣжественныхъ народахъ, которые, разрушивъ Западную Римскую Имперію, водворились здѣсь и приняли христіанство. Это дало Римскимъ папамъ возможность имѣть огромное вліяніе на тѣ народы и ихъ влѣстителей; вмѣстѣ съ тѣмъ обильные отсюду дары и пожертвованія дѣлали ихъ обладателями несмѣтныхъ богатствъ. А это сдѣлалось приманкой для сластолюбцевъ, корыстолюбцевъ и властолюбцевъ. Они помогали папства всѣми обольщеніями и ухищреніями — и достигали. Такимъ образомъ на Римскую епископскую кафедру стали поступать люди недостойные, которыхъ мысль и забота были не о благѣ церкви, а о распространеніи и укрѣпленіи своей власти и о приобрѣтеніи большихъ и большихъ богатствъ. Для этого они не пренебрегали никакими средствами. Такъ, когда Константинопольскіе императоры, побѣдивъ варваровъ, покорившихъ Римъ и Италію, возстановили было тамъ свою власть, папы, чтобы освободиться отъ ихъ власти, возставляли тамошнихъ гражданъ противъ императоровъ — законныхъ

своихъ влѣстителей и для сего возбуждали также къ войнѣ съ ними Лонгобардскій народъ, а потомъ, чтобы освободиться отъ власти этого народа, воздвигали на него королей французскихъ; а для приобрѣтенія покровительства влѣстителей народа французскаго, папа Захарій I далъ согласіе могущественному вельможѣ Пепину на низложеніе законнаго, но слабаго короля Хильперика и разрѣшилъ народъ отъ клятвы, данной сему послѣднему; а сына Пепина, Карла, папа Левъ III короновалъ императоромъ и за то получилъ обширныя области въ Италіи. Надъ этими областями въ послѣдствіи папы присвоили себѣ власть самодержавныхъ государей и стали носить царскій вѣнецъ; не довольствуясь симъ, провозгласили, что Римскій Папа единственный пріемникъ Апостольства, намѣстникъ Христа на землѣ и глава всей Его Церкви, и для убѣжденія въ томъ, будто бы такая власть всегда принадлежала епископамъ Рима, составили подложные акты; окружили себя великолѣпіемъ, ввели поклоненіе себѣ до земли и цѣлованіе своихъ ногъ или туфель, также ношеніе себя на раменахъ въ церковь; требовали повиновенія себѣ отъ Государей и въ случаѣ неповиновенія отлучали отъ Церкви, проклинали, освобождали ихъ подданныхъ отъ клятвы въ вѣрности и возбуждали къ бунтамъ; по своему произволу вводили въ церковныя учрежденія новизны, противныя апостольскому и соборному ученію, такъ на примѣръ: въ противность ясныхъ словъ Господа: «Духъ истины, который отъ Отца исходитъ», одобрили ученіе челоѣческаго мудрованія, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, и дерзнули, не взирая на строгія прещенія Вселенскихъ Соборовъ, сдѣлать прибавленіе о семъ въ Символъ Вѣры. Въ нарушеніе заповѣди Господней: «пійте отъ нея вси», запретили приобщать вѣрующихъ отъ Чаши Крови Господней, предоставивъ таковое приобщеніе одному священству; въ противность апостольскому преданію Церкви въ таинствѣ Евхаристіи замѣнили хлѣбъ опрѣсноками; для болѣе обильныхъ сборовъ на папскую роскошь ввели отпущеніе грѣховъ за деньги посредствомъ индульгенцій, т. е. папскихъ грамотъ.

А чтобы укрѣпить такую необычайную власть за собою навсегда, папы, подобно Магомету и его преемникамъ, прибѣгали къ разнообразнымъ средствамъ, чтобы народы оставались въ невѣжествѣ и лучъ просвѣщенія не касался ихъ.

Такъ они строго требовали, чтобы никто не смѣлъ разсуждать о вѣрѣ, тѣмъ менѣе входить въ разслѣдованіе правильности или законности папскихъ повелѣній, и чтобы слѣпо вѣровали тому, чему учить папское духовенство. Для наблюденія за симъ учрежденъ былъ тайный судъ, инквизиція, который по доносамъ и по подозрѣнію въ нарушеніи кѣмъ либо этого правила производилъ допросъ, пытки, заключалъ въ смрадныя темницы, казнилъ — обыкновенно сожженіемъ. А чтобы никто изъ духовенства не могъ и думать противиться папамъ, всѣ духовные были изъяты отъ властей гражданскихъ и подчинены единственно папѣ. Для того чтобы это подчиненіе было полное и мірскія связи не нарушали его, священникамъ воспрещено было вступать въ бракъ. Затѣмъ введено было повсюду Римское богослуженіе на латинскомъ, непонятномъ для новыхъ христіанъ, языкѣ, съ запрещеніемъ не только богослуженія на отечественномъ языкѣ, но даже переводовъ св. Писанія на какой либо языкъ, кромѣ Римскаго-латинскаго; и не только перевода, даже чтенія Библіи и на Латинскомъ языкѣ.

Все это дѣйствительно произвело то, что народы Запада долгое время оставались во мракѣ невѣжества, а власть папъ достигла до чудовищнаго могущества: сами владыки народовъ трепетали предъ ними, и даже одинъ могущественный Германскій императоръ, осмѣлившійся противустать этой власти, доведенъ былъ до того принятыми со стороны папы мѣрами, что для испрошенія у него прощенія, долженъ былъ согласиться на самыя унизительныя условія: онъ нѣсколько дней, въ одной рубашкѣ, босикомъ, долженъ былъ стоять у дворца папскаго и потомъ повергнуться предъ нимъ ницъ и цѣловать его ноги, а папа при этомъ, наступя ногой на его выю, осмѣлился произнести псаломскія слова: «на аспіда и василіска наступиши и попереши льва и змія».

Мало того: по ихъ слову вооружились цѣлыя народы, составлялись огромныя воинства и устремлялись то освобождать гробъ Господень изъ подъ власти магометанъ, то покорять и обращать мечемъ въ христіанство языческія страны, то предавать казни области, объявленныя папою еретическими. Эти походы извѣстны подъ именемъ крестовыхъ.

XLIII.

Демонъ властолюбія, овладѣвшій папами, не довольствовался всѣмъ симъ: онъ возбуждалъ ихъ къ большому — къ подчиненію себѣ всей Церкви Христовой, къ обладанію всѣмъ міромъ. И вотъ они стали требовать повиновенія себѣ отъ патріарховъ восточныхъ Церквей.

Восточная Римская имперія находилась тогда въ самомъ бѣдственномъ положеніи: самая большая часть ея областей восточныхъ отторгнута была магометанами, а сѣверныя ея владѣнія наводнены были идолопоклонническими племенами Славянъ и Мадырь. Внутри ея возникали безпрестанныя смуты отъ властолюбцевъ, домогавшихся императорской короны; императоры безпрестанно смѣняли одинъ другаго, а при этомъ и патріархи то были возводимы, то низводимы съ своихъ кафедръ. Науки и образованность упали и гражданъ занимали то словопрѣнія о догматахъ, то заговоры противъ властителей, то домогательства почестей и богатства.

Не смотря на все это, властолюбіе Папъ въ восточныхъ Патріархахъ встрѣтило сильный отпоръ. Отвѣтомъ было обличеніе Папъ въ неподобающей христіанскимъ епископамъ гордости и честолюбія, съ превышенія власти, въ самовольныхъ нововведеніяхъ, противныхъ ученію Апостоловъ, преданію Церкви и постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ.

Раздраженная такимъ обличеніемъ гордость папъ разразилась громами проклятій; но какъ сіи громы не устрашили ни пастырей восточныхъ церквей, ни пасомыхъ ими, то папы вовсе прекратили общеніе съ восточными церквами, и такимъ образомъ произошелъ, къ сожалѣнію, расколъ: Церкви восточныя, состоящія въ патріаршествахъ Константинопольскомъ, Антиохійскомъ, Іерусалимскомъ и Александрійскомъ, отдѣлились отъ церквей западныхъ, состоящихъ въ патріаршествѣ Римскомъ, и ненависть и злоба папъ на восточныхъ патріарховъ породила въ душахъ западныхъ христіанъ ненависть и злобу къ восточнымъ христіанамъ. Съ тѣхъ поръ западные христіане сдѣлались врагами и гонителями восточныхъ — еще злѣйшими, чѣмъ сами магометане.

Въ этой злобѣ одно изъ воинствъ западныхъ христіанъ, на крестовомъ походѣ, предпринятомъ для освобожденія Гроба

Господня изъ подъ власти магометанъ, предательски овладѣвъ однажды Константинополемъ, предалось тамъ всѣмъ неистовствамъ, грабежу и убійствамъ: истребило и расхило драгоценнѣйшіе памятники древняго просвѣщенія и святыни христіанъ восточныхъ. А у насъ на Руси эта злоба оставила память въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, гдѣ Поляки, во время своего тамъ владычества, употребляли всѣ средства угнетенія, чтобы обратить Православныхъ въ Папешцовъ, такъ, что даже самыя церкви ихъ отдавали въ аренду жидамъ.

XLIV.

Такимъ образомъ тѣ именно христіане, которые остались вѣрными единой, Святой, Соборной, Апостольской церкви и сохранили всю чистоту вѣры Христовой, сдѣлались цѣлю адской злобы съ одной стороны послѣдователей Магомета, съ другой — чтителей Римскихъ Папъ. Въ началѣ они находили еще охрану и защиту въ Восточной Римской Имперіи, но и та въ борьбѣ съ возставшими отвсюду на нее врагами, все болѣе и болѣе ослабѣвала, наконецъ пала, и всѣ области ея, вмѣстѣ съ Царьградомъ, сдѣлались достояніемъ Турецкой имперіи. Истинная церковь Христова лишилась послѣдней человѣческой помощи, осталась рѣшительно безъ всякаго земнаго покрова и блеска, въ бѣдности, въ угнетеніи, и въ самой смиренной долѣ, съ одними внутренними богатствами правды, чистоты и святости, съ обиліемъ пищи духовной и благодатныхъ даровъ Св. Духа. Но не смотря на Свою безпомощность и всю безпощадность, отвсюду тѣснившихъ её враговъ, она осталась непоколебимою въ своемъ апостольскомъ соборномъ устройствѣ, какъ несокрушимая скала среди напора волнъ океана, и сохранила отъ потопленія въ объявшемъ весь міръ мракѣ невѣжества преданныя ей святая истины жизни, подобно тому какъ Ноевъ ковчегъ спасъ зачатки жизни во дни всемірнаго потопа. Дѣти ея, поруганные, ограбленные, поработанные и повсюду безпощадно избиваемые нечестивыми, остались вѣрными ей. Что эта приверженность къ Церкви не была подобна фанатической ревности, возбужденной чрезъ разженіе страстей Магометомъ и папами въ своихъ послѣдователяхъ, но была искренняя лю-

бовь чадъ къ своей матери Церкви, зародившаяся отъ сознанія ея доброты и благодатнаго вліянія ея на души ихъ, это чада ея, постоянно, въ теченіи многихъ вѣковъ, свидѣтельствовали ревностнымъ храненіемъ ея уставовъ, мужественнымъ терпѣніемъ въ перенесеніи за вѣрность къ ней нищеты, униженія, угнетенія, ежечасныхъ обидъ, истязаній и всякой несправедливости. И мать-церковь не оставалась безмолвною-безучастною къ страждущимъ за нее: въ ея оградѣ они находили внутреннее успокоеніе и утѣшеніе въ скорбяхъ, а въ ея благодатныхъ дарахъ новыя силы на новыя подвиги самоотверженія.

Вотъ и для православныхъ христіанъ померкло мерцаніе наукъ, закрыты были источники человѣческихъ знаній и прекращены пути къ просвѣщенію, но князь тьмы безсиленъ былъ погасить въ нихъ свѣтъ Христовъ и закрыть для нихъ источникъ тѣхъ знаній, которыя одни на потребу людямъ. Въ средѣ ихъ непрерывно находились мужи, основательно изучившіе Священное Писаніе, соборныя постановленія, творенія Св. Отцовъ, Исторію Церкви, недремно бдящіе и неусыпно наблюдающіе за чистотою вѣры чадъ Церкви, сильные словомъ и могущіе доказать правоту св. вѣры и опровергнуть всѣ сплетенныя на нее клеветы; всегда были святые подвижники, сіявшіе высокими христіанскими добродѣтелями и чистотою жизни и укрѣпившіе своихъ собратій въ вѣрѣ явленіемъ чудодѣйственныхъ силъ живущей въ нихъ благодати Христовой; часто являлись витіи, живымъ, исполненнымъ убѣдительности словомъ привлекавшіе ко Христу сердца людей, — богословы въ твореніяхъ своихъ въ систематическомъ порядкѣ и послѣдовательности излагавшіе ученіе Церкви, — истинные духовѣдцы, изобразившіе въ своихъ книгахъ благодатную жизнь духа и ступени, по какимъ восходить къ совершенству возрожденная благодатію Христовою душа, — чудные пѣвцы, слагавшіе чудныя пѣсни, которыми вызывали вѣрныхъ и въ надгробныхъ рыданіяхъ взывать: Аллилуя! — славные Апостолы, перелагавшіе священное писаніе на языки варварскихъ народовъ и цѣлныя ихъ государства обращавшіе ко Христу.

Такъ святые братья Кирилль и Меодій перевели Священные книги на Славянскій языкъ и обратили ко Христу многочисленные Славянскіе народы. Тщетно Римскіе папы прибѣгали ко всякимъ ухищреніямъ и возбуждали могучія

силы подвластных имъ царствъ, чтобы исхитить изъ лона Православной Церкви это ея достояніе и обратить Славянъ въ своихъ сподручниковъ, только нѣкоторые племена ихъ (Поляковъ, Моравовъ и Чеховъ) успѣли они отторгнуть, прочія же, въ томъ числѣ и Руссы, прилѣпясь къ Св. Церкви любовію, какъ дѣти къ нѣжной матери, остались, благодареніе Богу! въ лонѣ ея твердыми ея поборниками.

Если угнетеніе поработителей лишало православныхъ христіанъ возможности заниматься науками и усовершенствоваться въ искусствахъ и ремеслахъ, то все-таки никому другому, а имъ обязанъ міръ сохраненіемъ отъ всеограждающаго варварства добытыхъ въ прошлые вѣка умомъ и опытомъ знаній, такъ какъ они сберегли творенія древнихъ великихъ мыслителей, поэтовъ, законодателей, историковъ и землеописателей, и они же, трудясь въ потѣ лица, питали своихъ гонителей, незнавшихъ кромѣ воинскаго искусства ничего, плодами земледѣлія, и доставляли имъ все необходимое для жизни, продолжая заниматься ремеслами, торговлею, мореходствомъ, постройками и искусствами.

Напротивъ послѣдователи Магомета, исполняя заповѣдь его: не знать ничего кромѣ Корана, оставались и нынѣ остаются совершенными невѣждами, не смотря на множество открытыхъ у нихъ повсюду школъ, и не произвели ничего полезнаго для человѣчества, а только губили и разрушали.

XLV.

Подобными же варварами были воинственные народы, населившіе Западную Европу и принявшіе христіанство отъ Римскихъ папъ. Хотя папы изъ властолюбивыхъ видовъ старались держать ихъ въ прежнемъ невѣжествѣ, но духъ ученія Христова, коснувшись ихъ, произвелъ свое благотворительное дѣйствіе. Мало-по-малу духъ челолюбія укрощалъ воинственные страсти и направлялъ ихъ къ болѣе благороднымъ цѣлямъ. Мало-по-малу вкоренялось убѣжденіе, что плоды труда честнѣе и лучше добычъ хищничества и насилія. Чтобы обезпечить ихъ отъ хищниковъ въ эти времена безначалія, трудолюбивые люди стали соединяться въ общины, строить города, заводить порядокъ и изыскивать средства къ ограж-

денію своей безопасности и своихъ правъ. Для большаго огражденія себя отъ жадныхъ къ корысти властителей: рыцарей, князей и герцоговъ, между которыми раздѣлены были земли тамошнихъ государствъ, и для укрощенія которыхъ часто бессильны были государи, города стали соединяться въ союзы и поддерживать своими силами власть послѣднихъ. Такимъ образомъ законная власть государей болѣе и болѣе возвышалось, самоволіе властителей укрощалось, государства устроивались и порядокъ управленія учреждался.

Между тѣмъ воинственные походы и благочестивыя странствія ко Гробу Господню знакомили эти народы съ отдаленными странами, тамошними обывателями, ихъ жизнію и въ особенности съ Царегородомъ и сохранившеюся тамъ древнею образованностію Грековъ и Римлянъ. Возбудилась во многихъ любознательность, наблюдательность и стремленіе къ усовершенствованію своихъ производствъ и къ занятію науками. Ремесленники, заимствуя замѣченные ими приемы и усовершенствованія своего дѣла, стали ревновать другъ предъ другомъ, какъ бы довести свои издѣлія до возможнаго совершенства; торговцы старались вести торгъ на разумныхъ расчетахъ, распространять свои рынки и заводить торговлю съ отдаленными странами, для сего пускались въ дальнія путешествія, собирали свѣдѣнія о невѣдомыхъ странахъ, заводили правильныя сношенія съ разными землями, учились мореходству и стали строить корабли. Между тѣмъ тѣ и другіе трезвою жизнію, бережливостію и порядкомъ въ хозяйствѣ скопляли богатства и вводили разныя удобства жизни. Люди, полюбившіе науки, собирали творенія древнихъ авторовъ, и, изучая греческій и римскій языки, въ чтеніи тѣхъ твореній находили высокое наслажденіе, и, разпалаясь желаніемъ распространить свои знанія, предавались изученію разныхъ наукъ: одни наблюдали теченіе небесныхъ свѣтилъ и изслѣдовали законы, по которымъ это совершается; другіе приводили въ извѣстность богатства земныхъ произведеній и живущихъ на землѣ тварей, и старались постичь законы явленій природы, отъ чего напримѣръ, происходитъ громъ, молнія, дождь, вѣтры и пр.; иные изучали устройство тѣла челоубка, душевныя его силы, болѣзни и немощи его; изыскивали и испытывали средства къ возстановленію здоровья; иные изслѣдовали законы челоубческаго слова и старались

изяснять, въ чемъ заключается правильность, красота и поэтичность рѣчи; иные изыскивали методы счисленія величинъ и измѣренія пространствъ и силъ. Нѣкоторые же предались искусствамъ: живописи, ваянію, музыкѣ.

Многіе Государи, полюбя науки и искусства, стали покровительствовать труженникамъ, посвятившимъ имъ свою жизнь, свои труды и свои силы; давали имъ средства производить свои изслѣдованія, поощряли ихъ наградами, заводили училища, университеты и академіи. Науки росли болѣе и болѣе и принесли обильные плоды: такъ открыто множество предметовъ въ царствахъ природы очень полезныхъ, которые дотолѣ или вовсе были людямъ неизвѣстны, или оставались безъ употребленія по неимѣнію понятія о ихъ полезности или по неумѣнію употреблять ихъ въ пользу; изысканы легчайшіе способы отыскивать, добывать, умножать и обрабатывать богатства земныя, какъ, напримѣръ, узнавать гдѣ находятся металлы, какъ ихъ доставать, обращать въ издѣлія, какъ воздѣлывать землю для обильнаго и лучшаго произрастенія на ней травъ, злаковъ, плодовыхъ деревьевъ, фабричныхъ растений и проч.; также открыты дотолѣ невѣдомыя страны, изобильныя всѣми дарами природы, какъ наприм.; Америка, Австралія и множество острововъ на океанѣ; изслѣдованы законы дѣйствующихъ въ природѣ силъ: тяготѣнія, теплоты, свѣта, пара, воды и пр.; открыты въ числѣ ихъ такія силы, о существованіи которыхъ дотолѣ и не подозрѣвали, какъ наприм. электричество; найдены способы исчислять скорость и величину дѣйствія этихъ силъ и на основаніи сихъ знаній изобрѣтено множество машинъ, составляющихъ силы природы работать для человѣка, и чрезъ то облегченъ тяжкій трудъ его, умножено производство нужныхъ для него издѣлій, удешевлена цѣнность ихъ, облегчено, ускорено и удешевлено какъ передвиженіе людей и тяжестей (пароходы, паровозы), такъ и сношеніе между людьми (телеграфъ); изобрѣтены компасъ, книгопечатаніе, фотографія, порохъ и еще многое другое, такъ что исчислить все нѣтъ даже возможности.

Вслѣдствіе всего этого у западныхъ народовъ скопились огромные капиталы, просвѣщеніе распространилось повсюду, произведеніями своихъ ремеселъ, мануфактуръ и искусствъ они стали снабжать всѣ страны свѣта, и въ замѣнъ того отвсюду

добывать для обработки сырья произведенія земли; завели торговлю со всѣми населяющими землю народами; построили огромные флоты; корабли и пароходы ихъ стали владычествовать на океанахъ и моряхъ; съ изобрѣтеніемъ пороха, луки и стрѣлы замѣнены были у нихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и войска устроены такъ, что стройные ихъ ряды и колоны производили всѣ требуемыя движенія и дѣйствія по одному мановенію своихъ полководцевъ, и потому сдѣлались непобѣдимыми и страшными для всѣхъ необразованныхъ народовъ.

XLVI.

Между тѣмъ сильно возбужденная любознательность побудила нѣкоторыхъ изъ нихъ изучать Богословіе и Исторію Церкви не по однимъ только учебникамъ, изданнымъ подъ цензурою Папъ, но по самымъ источникамъ ихъ — священнымъ книгамъ и твореніямъ св. Отцовъ. Тогда они увидѣли, что въ Римской Церкви многое введено въ противность духу ученія Христа по произволу Папъ, и самая ихъ власть, какъ Государей и Намѣстниковъ Христа, основана на подлогахъ. Открывъ это, они потеряли довѣріе къ авторитету — руководству своей Церкви и стали сами по своимъ понятіямъ измышлять, въ чемъ именно состоитъ истинная христіанская религія. Какъ при этомъ страсти, привычки и грѣховныя наклонности давали ложное направленіе ихъ умствованіямъ, то они приходили къ ложнымъ убѣжденіямъ, и начали распространять свои ученія, болѣе или менѣе противныя ученію истинной Церкви. Вначалѣ, по повелѣнію Папъ и по суду инквизиціи такіе мыслители были сожигаемы на кострахъ, а города и цѣлыя области, принимавшіе ихъ ученіе, были опустошаемы и избиваемы. Но новыя мысли распространялись болѣе и болѣе между народами, волновали умы и подтачивали могущество Папъ.

Наконецъ изъ среды самыхъ защитниковъ папства явился самый смѣлый, рѣзкій и безпощадный обличитель папскихъ неправдъ — это монахъ Мартынъ Лютеръ. Онъ нашелъ себѣ покровителей въ могущественныхъ Государяхъ. Проповѣди и сочиненія его взволновали цѣлыя народы. Потомъ весь Западъ раздѣлился на два лагера: Сѣверныя державы (Швеція,

Данія, Пруссія и многія германскія государства) отпали отъ папъ и объявили себя на сторонѣ Лютерова ученія, южныя державы (Испанія, Франція, Австрія, властители Италіи и нѣкоторыя Германскія государства) вооружились противъ поборниковъ новаго ученія. Запылала война и началось преслѣдованіе Лютеранъ. Она длилась тридцать лѣтъ съ страшнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и кончились только истощеніемъ силъ воюющихъ и враждовавшихъ. Лютеране достигли освобожденія отъ Римскихъ цѣпей и учредили свою новую Церковь—*Лютеранскую*.

XLVII.

Лютеръ и его послѣдователи правильно сознали, что Церковь Римская не есть истинная Христова Церковь, но Церковь *Папская*, во многомъ измѣнившая чистоту Церкви Христовой. Но если бы они были истинно вѣрующими во Христа и слѣдовательно искренно признавали Его за едиnorodнаго Сына Божія, то должны были-бы вѣровать и въ непреложность Его словъ: «созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ее,» а слѣдовательно также вѣровать, что истинная Церковь Христова не переставала существовать, и съ этою вѣрою искать ее, смиренно моля ея Зиждителя разумить и открыть истину. Но они почли ее погибшею еще съ первыхъ вѣковъ христіанства и возмечтали себя востановителями и строителями ея, и создали *свою* Церковь.

Истинная Церковь Христова не оставалась безгласною: она кротко, благовременно возвѣстила имъ о себѣ, съ любовію распростирая къ нимъ свои матернія объятія. Но вышняя, скромная обстановка Церкви, нищета и порабощенность ея членовъ, отсталость ихъ въ мірской образованности произвели на обличителей Папской суетности тоже суетное впечатлѣніе, какое смиренный видъ Сына Человѣческаго произвелъ на суетныхъ Іудеевъ. Какъ тѣ говорили: «отъ Галилеи Пророкъ не приходитъ... что можетъ быть добраго изъ Назарета», такъ и теперь Лютеръ съ своими послѣдователями, гордые своею мірскою образованностію и богатствомъ своихъ странъ, не могли сознать, что высшею духовною образованностію, настоящимъ духовнымъ богатствомъ, истинною —

дѣйствительною свободою —свободою духа, обладаютъ презираемые ими обитатели востока. Къ тому же Восточная Церковь зиждется на Апостольскихъ и Соборныхъ правилахъ, а тѣ правила устанавливаютъ, между прочимъ, посты и богослужебные обряды, утверждаютъ чествованіе святыхъ и иконъ, одобряютъ добровольные обѣты иночества и обязываютъ къ ихъ исполненію; а нововводители въ жару возгорѣвшейся у нихъ вражды къ Папамъ и Римской Церкви все это уже отвергли и первые все это нарушали, признавъ за ненужное, потому будто, что все это есть излишнее человѣческое установленіе, и такую поблажку чувственности привлекли большинство своихъ послѣдователей. А потому возстановлять сіи учрежденія Церкви для нихъ было не удобно, тягостно и противно ихъ интересамъ чувственнымъ и политическимъ.

Если Римская Церковь, боясь просвѣщенія своихъ членовъ, требовала отъ нихъ слѣпаго повиновенія своимъ предписаніямъ, не заботилась о внушеніи имъ духа религіи и сущность оной ограничивала только исполненіемъ обрядовъ и наружнымъ поклоненіемъ священнымъ изображеніямъ и тѣмъ низводила святѣйшую вѣру до подобія языческихъ суевѣрій, то обличители ея вдалились въ противоположную крайность: они отхѣтая всѣ преданія Церкви и всякій авторитетъ (руководительство) Вселенскихъ Соборовъ и св. Отцевъ, оставили вѣрующихъ въ безпомощномъ положеніи при возникающихъ недоумѣніяхъ и предоставили каждому основываться единственно на собственномъ пониманіи Священнаго Писанія. Такимъ образомъ лишивъ вѣрующихъ основаній къ правильному пониманію догматовъ и требованій вѣры, они открыли имъ путь объяснять Св. Писаніе сообразно наклонностямъ ихъ сердца и влеченію страстей; слѣдовательно открыли путь къ разномыслію и раздѣленію; вмѣстѣ съ тѣмъ возгорали мыслию, что они одни будто бы постигли духъ религіи, стали считать одну вѣру основаніемъ спасенія и съ презрѣніемъ отвергли все, въ чемъ истинная вѣра должна обнаруживаться и чѣмъ она воспитывала человѣка къ жизни вѣчной, и тѣмъ сняли узду съ сластолюбія и прочихъ страстей человѣческихъ. Между тѣмъ какъ истинная Церковь Христова, указывая источники къ правильному пониманію Св. Писанія и къ разрѣшенію возникающихъ въ умѣ чловѣка недоразумѣній, тѣмъ самымъ приводитъ всѣхъ къ едино-

мыслию и единению, и внушая самый дух религии, требуетъ проявленія этого духа въ исполненіи предписанныхъ ею дѣлъ и въ чествованіи и въ благоговѣйномъ поклоненіи самымъ священнымъ изображеніямъ; требуя же таковыхъ дѣлъ и поклоненія, тѣмъ самымъ въдряетъ и самый духъ религии, такъ наприкладъ: при самомъ началѣ поста она во время богослуженія учитъ: «Братіе, постясь тѣлесно, станемъ поститься и духовно: развяжемъ всякій узелъ неправды, всякое писаніе несправедливое раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищихъ безкровныхъ введемъ въ дома, да приметь отъ Христа Бога велию милость.» Еще: «О душа моя, постигающаяся отъ брашенъ, а отъ страстей не очистившаяся, напрасно радуешься неяденію; если оно не послужитъ тебѣ виною къ исправленію, какъ лживая будешь ты возненавидѣна Богомъ, и уподобишься злымъ демонамъ, никогда неядущимъ. И такъ не сдѣлай тщетнымъ посты, продолжая грѣшить, но будь неколебима стремленіемъ порочнымъ, мысленно предстои распятому Спасу и, сраспинаясь распятому ради тебя, взывай къ Нему: помини мя, Господи, егда приидиши во царствіи Твоемъ!» Такъ и во всемъ Церковь учитъ насъ.

Если самозванные строители Церкви и считали собственно для себя не нужными учрежденія Церкви объ обрядахъ, постахъ, иконахъ, иночествѣ и призваніи въ молитвахъ Святыхъ Угодниковъ, то не должны были разорять ихъ уже потому, что эти учрежденія сами по себѣ, по своей сущности и цѣли, были добрыя, направленныя къ выполненію правды Божіей и для всѣхъ полезныя. Такъ: посты установлены для укрощенія страстей и для воспитанія воли въ покорности Богу и Церкви, чтобы обучить ее какъ побуждать чувствительныя вождельнія. Самая первая заповѣдь, данная Богомъ прародителямъ въ раю, по сущности своей была постъ, и первымъ учрежденіемъ Самаго Зиждителя Церкви новозавѣтной былъ постъ же, самымъ Его примѣромъ заповѣданный. Обряды, иконы и священные изображенія введены въ Церковь для напоминовенія о благодѣтельныхъ для насъ событіяхъ, о священныхъ истинахъ и о великихъ примѣрахъ благочестія, чтобы возбуждать чувство благоговѣнія, поучать истинной вѣрѣ и побуждать къ христіанской жизни. Преклоняясь предъ иконами и священными изображеніями, и цѣлуя ихъ, мы поклоняемся не веществу ихъ, но изображае-

мымъ ими Владыкѣ Христу, Его пречистой Матери и прославленнымъ Имъ Святыхъ: Христу какъ Богу — Святыхъ, какъ другимъ Его, молитвенникамъ нашимъ предъ Нимъ, потому что вѣруемъ, что они живы предъ Нимъ, такъ какъ Онъ Самъ, назвавъ Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, сказалъ Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, и еще: «всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ.» Если же Святые живы, то и слышатъ наши призванія и всегда готовы молиться за насъ. Призываемъ же ихъ молиться за насъ, потому, что мы, отягченные и развлеченные мірскими заботами, чувствуемъ, что мы слишкомъ плотны и молитва наша по большей части тяжела — неспособна и недостойна вознестись къ престолу Всевышняго, и знаемъ, что *много можетъ молитва Праведнаго* (Іак. 5, 16), и при томъ тѣмъ самымъ являемъ духъ смиренія и сознаніе величія Того, Кому хотимъ молиться. Иночество же Церковь благословила и устроила, потому что не могла же она ни отвергнуть, ни оставить безъ своего особеннаго попеченія и благословенія тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые, оставивъ изъ высокой любви ко Христу міръ и всѣ блага его, посвящали себя Богу и желали всецѣло предаться благомыслию, молитвѣ и славословію.

Господу Іисусу Христу не было необходимости въ крещеніи Іоанновомъ, но Онъ повелѣваетъ Іоанну совершить надъ Нимъ крещеніе, говоря: «Такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду». Ему не было нужды въ постѣ, но Онъ постится. Не слѣдовало ли Лютеру руководствоваться симъ примѣромъ? Если же люди злоупотребляли самыми благодѣтельными учрежденіями Церкви, то это еще не давало основательнаго повода къ отверженію ихъ. Чѣмъ не злоупотребляется человѣкъ?

XLVIII.

По слѣдамъ Лютера пошли многіе, явились новыя самозванные *учители* и *отцы*, которые произведенныя Лютеромъ реформы въ церкви считали недостаточнымъ, и устроили свои церкви съ искаженіемъ самыхъ основныхъ догматовъ вѣры; явились Государи, которые воспользуясь волненіемъ умовъ по случаю новыхъ ученій, произвели своеобразныя преобра-

зованія въ мѣстныхъ церквахъ изъ политическихъ видовъ, чтобы освободиться отъ власти Папъ и стать самимъ въ главѣ церкви; явились лжепророки и даже лжехристы, прельщавшіе невѣжественный народъ разными обманами и увлекавшіе его возвыщеніемъ открывшагося будто бы уже во славу царствія Божія. Такимъ образомъ возникло на Западѣ безчисленное множество церквей и сектъ различныхъ наименованій, враждебныхъ другъ другу: (Протестанты, Евангелики, Ангелики, Пресвитеріане, Квакеры, Цвинглисты, Кальвинисты, Анабаптисты, Соціане, Піетисты и множество другихъ). Нѣкоторые изъ нихъ сохранивъ главные основные догматы вѣры, приняли только часть лютеранскихъ нововведеній, другіе же, извративъ догматы вѣры, исказили совершенно христіанскую религію.

Кромѣ того явилось еще много мыслителей — философовъ, послѣднихъ имя христіанъ, но потерявшихъ окончательно вѣру во Христа, и усиливавшихся по стихіямъ міра постигнуть своимъ умомъ начало существующаго и объяснить происхожденіи видимаго міра и человѣка, и всѣ явленія, не только физическаго; но и нравственнаго міра. Каждый изъ нихъ сталъ объяснять все это посвоему, и отъ этого народилось множество разнообразныхъ философскихъ системъ: одни утверждаютъ, что вещество такъ же предвѣчно какъ Богъ, и что Богъ изъ вещества только образовалъ міръ; другіе говорятъ, что міръ есть только проявленіе Божества и потому Богъ и міръ со всѣми разнообразными тварями одно и тоже; третьи и вовсе отвергаютъ бытіе Бога и суесловятъ, что отначала были только вещественныя стихіи, а міръ произошелъ отъ случайныхъ сочетаній тѣхъ стихій, а всѣ растенія и живыя твари отъ зародившейся сама собою органической кѣлочки, разнообразясь и усовершенствуясь въ видахъ и родахъ посредствомъ борьбы за жизнь и полового подбора болѣе подобныхъ одни къ другимъ, и что родоначальникомъ человѣка долженъ быть какой нибудь звѣрь, похожій на обезьяну. Они не видятъ ничего разумнаго-цѣлесообразнаго въ устройствѣ міра. Но есть еще иные мыслители; которые, сознавая, что во вселенной и дѣйствующихъ въ ней законахъ есть высочайшая разумность и цѣлесообразность, вмѣстѣ съ тѣмъ почитаютъ вселенную за необъятную мертвую машину, которая сама собою образовавшись, дѣйствуетъ, никѣмъ неупра-

вляемая, по установленнымъ въ ней непреложнымъ законамъ. Наконецъ одинъ самый новѣйшій и по тому теперь модный философъ домыслился до того, что по его разсужденію вначалѣ не было ничего — ни Бога, ни вещества, а находились, и то въ небытіи, воля и разумъ, они какъ-то соединились и чрезъ такое соединеніе произошло существо по данному этимъ философамъ имени, безсознательное, и стало, по какой-то необходимости, безсознательно и безцѣльно, осуществляя свое бытіе въ разныхъ идеяхъ, и изъ сочитаніе этихъ идей сотворило міръ и всѣхъ тварей, наконецъ изъ совокупленія всѣхъ идей произвело вѣнецъ творенія — человѣка; но этою дѣятельностію оно себя только мучитъ и созданныхъ тварей производитъ на страданіе, и что самое бы лучшее, по мнѣнію этого философа, было то, если бы всѣ люди, предварительно сговорясь, въ назначенное мгновеніе прекратили свое бытіе самоубійствомъ, послѣ этого, по его убѣжденію, прекратилось бы бытіе всего міра и даже самаго творца его.

Такъ обуи Богъ премудрость міра! (Кор. 1. 20) и стало ясно, до какого безумства доходитъ умъ человѣческій, въ увѣренности на свои силы дерзнувшій отвергнуть путеводный свѣтъ Христовъ. Теперь казалось бы онъ самъ долженъ сознать, что зашелъ за предѣлы здравомыслія и обратился въ безуміе и что далѣе идти ему нѣтъ возможности... Не подобны-ли всѣ эти мыслители тѣмъ людямъ, зрѣніе которыхъ испорчено и не можетъ выносить солнечнаго свѣта, и они заключаеь въ темнотѣ и блуждая тамъ, начинаютъ гоняться, перегоняя одинъ другаго, за призраками и блуждающими огоньками, и наконецъ съ разбѣгу натыкаются на скрытую во тьмѣ стѣну — и съ разбитою головою падаютъ на землю. Если боль отъ ушиба и не заставитъ самихъ ихъ обратиться назадъ къ свѣту, то, по крайней мѣрѣ, нужно бы ожидать что паденіе и ушибъ ихъ предостережетъ другихъ, за ними слѣдовавшихъ, и они уже не пойдутъ по ихъ слѣдамъ.

XLIX.

Всѣ сіи разномысленные, другъ друга опровергающіе и враждующіе между собою философы и ихъ послѣдователи въ одномъ согласны: въ ненависти ко Христу. Они напрягаютъ

всѣ усилія ума своего къ опроверженію христіанской религіи, и какъ всѣ ихъ умствованія и опроверженія разбиваются объ оплотъ апостольскихъ свидѣтельствъ, то въ послѣднее время они начали опровергать несомнѣнную, очевидную истину: подлинность Евангелій и Апостольскихъ Посланій, и не взирая на то, что въ теченіи 18 столѣтій всѣми церквами и даже еретическими сіи святыя книги всегда постоянно признавались за творенія Апостольскія и никто изъ многочисленныхъ враговъ Христіанской религіи не осмѣлился даже сомнѣваться въ этомъ, настоящіе враги Христа не постыдились, прикрываясь мракомъ прошедшихъ 18 столѣтій, доказывать со всѣми изворотами лжи и хитросплетеній диалектики, будтобы Евангелія и Посланія Апостольскія написаны не самими Апостолами, но много времени спустя послѣ ихъ смерти будтобы составлены, неизвѣстно кѣмъ, когда и гдѣ, изъ разныхъ легендъ — вымысловъ. Новость и дерзость такихъ мыслей, слава объ учености ихъ родителей, красота ихъ слова и умѣнье придавать особую занимательность своимъ сочиненіямъ дѣлаютъ то, что творенія сихъ новыхъ враговъ Христа расходятся по всему міру въ милліонахъ экземпляровъ и невѣріе, какъ зараза, распространяется болѣе и болѣе.

Но въ то же время какъ враги Христа затмѣваютъ истину и распространяютъ ложь, тамъ же на Западѣ изъ мужей науки являются и Поборники Христа: тѣ тщательно изучаютъ Св. Писаніе и исторію христіанства, собираютъ всѣ памятники и достопримѣчательности по сему предмету, приводятъ все въ систематическій порядокъ, на научномъ основаніи изслѣдываютъ все это, оцѣниваютъ степень достоверности и въ твореніяхъ своихъ обличаютъ неправды и хитросплетенія лжи новыхъ философовъ, и свѣтомъ науки разсвѣщаютъ наводимый ими мракъ. Изъ числа сихъ замѣчательныхъ мужей даже нашлись такіе, которые сознавъ несостоятельность западныхъ церквей и что ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана истинною Церковью Христовою, принимали на себя трудъ изслѣдовать на мѣстѣ Восточную Церковь и убѣдясь, что здѣсь сохранилась истинная Церковь Христа во всей своей чистотѣ, вошли въ лоно ея и теперь изыскиваютъ средства къ склоненію западныхъ церквей на искренное соединеніе съ истинною Православною церковію.

L.

Но не одной заразой невѣрія страждетъ западъ, — тамъ гнѣздятся и многія другія нравственныя извы. Богатства и знанія тамъ достояніе далеко не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ; большинство же людей не имѣетъ ни осѣдлости, ни крова, ни насущнаго хлѣба и существуетъ только поденнымъ трудомъ. Роскошь и довольство богатыхъ зараждаютъ въ бѣдныхъ зависть и желаніе достичь того же; это распаляетъ ихъ страсти и распространяетъ недовольство своимъ бытомъ, общественнымъ и государственнымъ устройствомъ, и даже установленными отвѣка супружескими и семейными отношеніями. Пользуясь симъ, явилось много самозванныхъ мудрецовъ, измышляющихъ разнообразныя преобразованія какъ въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, такъ и въ самой супружеской и семейной жизни. Вслѣдствіе сего образовалось множество партій, помогающихъ такихъ преобразованій по своимъ измышленіямъ. Однѣ хотятъ ограниченія власти Государей въ разныхъ видахъ представителями народа, другія уничтоженія власти Государей и учрежденія республиканскаго правленія, т. е. правленія посредствомъ избранныхъ народомъ правителей, но то же каждая партія по своему плану; третьи требуютъ уничтоженія всякой власти, всякаго права собственности, уравниванія всѣхъ людей во всемъ, предоставленія земли и всякаго имущества въ общественное пользованіе; устройства общинъ, уничтоженія браковъ и даже власти отеческой. А потому тамъ часто происходятъ смуты, бунты, ниспроверженіе правительствъ, государственные перевороты; правительство въ постоянной борьбѣ съ своими врагами, и граждане въ ежечасной тревогѣ въ ожиданіи смутъ и правительственныхъ переменъ. Тамъ нѣтъ того, что возжеленіе всего для человѣка — мира, и быть не можетъ. Избави Богъ насъ Русскихъ отъ такого дьявольскаго навожденія!

LI.

Когда черная туча разразится надъ гористой страной проливнымъ дождемъ, то дождевыя воды, сбѣгая по склонамъ горъ въ ложбины, рывины и разсѣлины, образуютъ тамъ

множество потоковъ, которые, стремясь въ разныхъ направлѣніяхъ и безпрестанно увеличиваясь, мутятся, рекутъ, клубятся пѣною, катятъ съ собою камни, подмываютъ и подтачиваютъ самыя скалы; одни изъ такихъ потоковъ съ грохотомъ свергаются съ стремнинъ въ безны и туманомъ своихъ брызгъ и испареній темнятъ окрестности; другіе, встречаясь другъ съ другомъ, вступаютъ въ борьбу, брызжутъ пѣною, сокрушаютъ въ щепу поваленныя ими деревья, стираютъ въ песокъ камни, а наконецъ вливаясь въ какую нибудь рѣчку, соединяютъ здѣсь свои воды, и та, переполненная ихъ мутными водами, выходитъ изъ береговъ, разливается по окрестностямъ, затопляетъ плодородныя долины, пескомъ, иломъ и камнями загромождастъ луга и поля, уничтожаетъ сады, рушитъ дома, пожираетъ стада, губитъ людей и опустошаетъ деревни и города.

Подобно сему тлетворныя ученія западныхъ еретиковъ и философовъ, зародясь и вылившись изъ мрачной тучи невѣрія, сначала тайно пробирались извилистыми своими путями между народами, стараясь внести въ мысли людей свои нечистыя сомнѣнія объ истинахъ религіи и тѣмъ замутить здравый ихъ смыслъ, потомъ съ большею и большею дерзостію стали возвышать свой голосъ противъ всякаго начальства и власти, противъ всѣхъ учрежденій церкви и наконецъ нагло хвалиться своею срамотою, своимъ отступничествомъ отъ Христа и нечестіемъ, и тѣмъ являясь предъ легкомысленными и недалекими людьми чѣмъ-то великимъ, умнымъ и сильнымъ, увлекали ихъ своимъ обаяніемъ и начали употреблять всѣ усилія, чтобы подточить основанія вѣры, уничтожить учрежденія церкви, и, враждуя за свои идеи другъ съ другомъ, соединились въ одно скопище въ ненависти ко Христу, наводнили міръ своими книгами и устремились съ яростію на Его церковь, грозясь въ конецъ разрушить ее. Грозная эта рѣка, затопивъ западъ, достигла уже и Россіи, захватила въ свои волны многихъ — теперь стремится затопить и нашу Православную церковь, но видя свое безсиліе, мечетъ на нее свою скверную пѣну — клеветы и хулы.

За нашу Церковь опасаться нечего: она стоитъ на крѣпкомъ, высокомъ фундаментѣ. Мутныя воды лжеученій не достигнутъ ея, не сдѣлаютъ ей никакого вреда и пронесутся

безвредно для нея — конецъ ихъ близокъ. Безвредны онѣ и для всѣхъ тѣхъ изъ насъ, кто съ полною вѣрою въ ея несокрушимость, пріютился подъ ея кровъ. Опасность состоитъ для тѣхъ, кто удалился отъ ней, кто понадѣялся на безопасность своего дома, кто прельстился журчаніемъ горной рѣчки — рѣчку самонадѣяннаго гордаго сомнѣнія въ истинахъ вѣры, провелъ отъ ней къ своему дому протоки — далъ влиться сомнѣнію въ свою душу. О! для тѣхъ опасность велика! Тѣмъ необходимо, крайне необходимо, скорѣй, немедленно завалить или заградить плотинами протоки, а не то воды потоковъ невѣрія хлынутъ, снесутъ домъ, потопятъ хозяина и его домочадцевъ.

II.

Самый крѣпкій и надежный оплотъ противъ водъ невѣрія — это убѣжденіе въ томъ, что проповѣдуемая христіанскою религіею истины есть Божественное откровеніе людямъ и что Церковь Христова есть дѣйствительно Божественное учрежденіе. Что это такъ, всякій человѣкъ, искренно ищущій истины, можетъ легко убѣдиться: во 1-хъ чуднымъ согласіемъ Ветхаго Завѣта съ Новымъ и еще болѣе чуднымъ разрѣшеніемъ ветхозавѣтныхъ преобразованій и пророчествъ въ лицѣ Христа; во 2-хъ поразительнымъ величіемъ совершенныхъ сперва Пророками, потомъ Христосъ и наконецъ Апостолами чудесъ и точнымъ исполненіемъ ихъ предсказаній; въ 3-хъ проявленіемъ въ ученіи и жизни Иисуса Христа истинной святости и Божественной премудрости; въ 4-хъ необыкновенно быстрымъ распространеніемъ христіанства и побѣдою его надъ язычествомъ посредствомъ одной только проповѣди простыхъ рыбаковъ безъ всякаго человѣческаго содѣйствія; въ 5-хъ несокрушимостію Церкви Христовой при всѣхъ буряхъ, воздвигнутыхъ суетумдріемъ еретиковъ, властолюбіемъ Папъ и воинственныхъ фанатизмомъ магометанъ; въ 6-хъ высотой жизни истинныхъ христіанъ, такъ привлекательной для насъ образцами добродѣтели, и чудотворною силою обитавшей въ нихъ благодати, и наконецъ въ 7-хъ тѣмъ, что открытыя христіанствомъ истины, сообщая намъ свѣдѣнія о такихъ предметахъ, познаніе которыхъ совершенно

недоступно нашему уму, разрѣшаютъ вполне удовлетвори-тельно всѣ наши недоумѣнія: о виновникѣ всякаго бытія, о началѣ міра, о происхожденіи твари и человѣка, о перво-бытномъ состояніи послѣдняго, о началахъ и условіяхъ бла-женной жизни, о причинѣ поражающихъ родъ человѣческій бѣдствій, о значеніи смерти, о томъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ и какой конецъ всему видимому.

Догадки Коперника о вращательномъ движеніи земли около своей оси и вокругъ солнца и Ньютона о притягательной силѣ всѣ признаютъ за открытія истины, потому что на основаніи ихъ удовлетворительно разрѣшается множество яв-леній физическаго — видимаго міра, хотя никто не можетъ удостовѣриться опытомъ, что земля дѣйствительно вращается около себя и вокругъ солнца и что такое сила притяженія. На этомъ же основаніи всякій долженъ сознать точными ис-тинами истины, открытія христіанскою религіею, такъ какъ они при совершенномъ согласіи одна съ другою, въ совокупности представляютъ такую гармонию и такую систему созерцанія міра духовнаго, на основаніи которой вполне удовлетво-рительно разрѣшаются всѣ наши вопросы и недоумѣнія от-носительно сего міра и жизни духа.

Когда человѣкъ убѣдится, что Христова вѣра дѣйстви-тельно основана на Божественномъ откровеніи и Церковь Христа есть Божественное учрежденіе, тогда онъ легко по-корится этой вѣрѣ и подчинитъ ей свой пытливый умъ и такимъ образомъ обрѣтетъ покой духа, превышающій всякій умъ; затѣмъ уже съ благоговѣніемъ приступитъ къ предла-гаемымъ церковію таинствамъ, какъ къ спасительнымъ сред-ствамъ очищенія отъ грѣховной скверны и сподобленія благо-датныхъ даровъ Св. Духа; послѣ сего почуветъ въ себѣ то вѣяніе Духа, о которомъ говорилъ Христосъ съ Никодимомъ, и пойметъ что значить родиться вновь и какъ Богъ — лю-бовь является смертнымъ и съ ними бесѣдуетъ; ощутитъ внутри себя ту сладость любви Божіей, подобіе которой мы ощущали въ дѣтствѣ при ласкахъ матери, ту радость души, которая есть предвкушеніе, блаженства вѣчной жизни и ко-торую Ап. Павелъ называлъ приобрѣтеніемъ Христа и для которой онъ все въ мірѣ вмѣнялъ въ уметы, и для сохра-ненія которой въ себѣ св. Отцы, оставляя все въ мірѣ, за-ключались въ пустынныхъ кельяхъ и пещерахъ и подвергали

себя всѣмъ лишеніямъ, и о которой нѣкоторые изъ нихъ, на основаніи своего опыта засвидѣтельствовали въ своихъ тво-реніяхъ, изложивъ въ нихъ драгоцѣннѣйшія психическія свои наблюденія надъ совершающимися въ этомъ блаженномъ со-стояніи движеніями души. Тогда человѣкъ, имѣя уже въ самомъ себѣ свидѣтельство истины, спокойно будетъ смотрѣть на всѣ бушующія вокругъ Церкви бури и стремящіяся на нее потоки невѣрія.

Но кратковременно это возжелѣнное вѣяніе Духа. Это отчасти потому, что бренность нашего естества неспособна совмѣщать въ себѣ Бога, частію же потому что многообраз-ныя мірскія заботы, соприкосновенія въ міромъ и неразлуч-ныя съ симъ развлеченія разсѣиваютъ насъ и, такъ сказать, вытѣсняють изъ насъ дары благодати. Кромѣ того, только души простые, обладающія вполне сокровищемъ смиренія, мо-гутъ пользоваться ими болѣе продолжительно и чаще, про-чія же умѣютъ и самую благодать употреблять во зло себѣ: Такъ многіе, испытавъ сладость ея, впали въ духовную гор-дость: возмнили себя святыми — пророками свыше вдохно-венными, сдѣлались еретиками; погубили себя и многихъ легковѣрныхъ увлекли съ собою въ пагубу. Потому-то всегда должно помнить, что благодатные дары мы получаемъ не по заслугамъ своимъ, а по милости Божіей, единственно по ми-лости, и что даже тамъ, гдѣ умножается грѣхъ, прензоби-луетъ благодать, какъ это кратко представилъ Господь въ причтѣ о блудномъ сынѣ: отецъ спѣшитъ навстрѣчу ему, обнимаетъ, цалуетъ его, велитъ принести для него лучшую одежду и обувь, надѣтъ перстень на его руку, заколотъ от-кормленнаго тельца и учреждаетъ пирь. Такъ Господь бо-гатствомъ Своей любви хочетъ привлечь къ себѣ грѣшника. Потому-то человѣкъ, почувствовавъ благодать Св. Духа, еще болѣе долженъ смириться и съ благодарнымъ сердцемъ благо-говѣнно повергнуться въ прахъ предъ Всемиловитымъ.

Но какъ ни кратковременны благодатныя минуты, онѣ для насъ чрезвычайно знаменательны: это — снисхожденіе Все-вышняго къ намъ дольнымъ, — посѣщеніе Царемъ царей и и Господомъ господей неключимыхъ рабовъ, бесѣда Прему-дрости съ невѣждами, ласка Небеснаго чадолюбиваго Отца строптивымъ дѣтямъ. Это залогъ свидѣтельства истины въ насъ самихъ. Потому-то мы постоянно должны содержать тѣ

блаженные минуты въ своей памяти, подобно тому, какъ мореплаватель не упускаетъ съ глазъ путеводныхъ звѣздъ, и тѣмъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ вѣрѣ подъ кровомъ Церкви, подобно тому, какъ въ безопасной пристани, стоя на якорѣ, спасается корабль отъ бушующей на морѣ бури.

LIII.

Такъ утвердись на камени вѣры, христіанинъ легко можетъ избѣжать ловитвы враговъ Христа и какъ паутину разорвать сѣти ихъ. Сѣти же, которыми они стараются запутать насъ, сплетены главнѣе всего изъ слѣдующихъ возраженій на Христіанскую религію. Они говорятъ: «понятія о единствѣ и троичности Бога несомнѣстимы, какъ же вѣрить, что Богъ единъ въ трехъ лицахъ? Нельзя себѣ представить, чтобы можно было сдѣлать что либо изъ ничего; какъ же Богъ создалъ вещество, изъ котораго состоитъ міръ? Геологическія изслѣдованія уеостовѣряютъ, что образованіе земли произошло въ теченіе тысячелѣтій; какъ же вѣрить, что міръ созданъ въ шесть дней? Богъ, по христіанскому ученію въ высшей степени правосуденъ и благъ; какъ же вѣрить, что за одно только вкушеніе первыми людьми запрещеннаго плода Богъ подвергъ такой страшной казни, какъ болѣзни и смерть, — не только первыхъ людей, но и все ихъ потомство? Зачѣмъ было для спасенія людей отъ этой казни воплощаться Сыну Божію и приносить Себя въ жертву? Развѣ Богъ не былъ во власти такъ помирловать? Мы видимъ, что человѣкъ и цѣлыя народы изъ низкаго, невѣжественнаго, скотообразнаго состоянія, чрезъ цивилизацію и науки достигаютъ болѣе и болѣе совершенства и умственнаго развитія, по чему не естественно ли полагать, что не съ высоты совершенства впалъ въ невѣжественное и скотообразное состояніе человѣкъ, а изъ звѣрообразнаго животнаго постепенно достигъ настоящаго высокаго положенія?»

На все это утвержденный въ вѣрѣ можетъ спокойно отвѣчать: по ограниченности нашего ума и по множеству предметовъ, остающихся все еще недоступными для научнаго изслѣдованія, я многого не могу понимать, но я знаю, что истины, возвѣщенные намъ религіею, возвѣщены Богомъ —

Самою Истиною, а потому твердо вѣрую въ непреложность ихъ и сомнѣваться въ нихъ не смѣю, тѣмъ болѣе, что на основаніи сихъ истинъ, единство можетъ быть разумно устроена жизнь моя какъ въ частности, такъ и въ обществѣ, только на этихъ началахъ человѣкъ можетъ достигнуть покая души и нравственнаго совершенства и только въ нихъ можно найти руководную нить къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ о моемъ бытіи, всѣ же ваши многочисленныя системы бытія вами же самими опровергнуты и втоптаны въ грязь, и сколько ни было опытовъ устройства жизни по вашимъ измышленіямъ, всѣ они оказались приводящими не къ благу, а къ однимъ бѣдствіямъ, а потому всѣ ваши новыя учрежденія разрушались сами собою, да при томъ всегда обнаруживалось, что вы проповѣдники свободы, дѣлались первыми, самыми жестокими гонителями и притѣснителями всѣхъ тѣхъ, которые не соглашались съ вашими идеями, и что вы, прельщая освобожденіемъ отъ тягости законовъ и властей подлѣжащихъ, обращались сами съ своими подручниками въ самыхъ жестокихъ деспотовъ, грабителей, поджигателей и кровопийцевъ; а что вы заражены невѣріемъ, это потому, что не знаете св. писаній, ни силы Божіей.

LIV.

Намъ открыто, что имя Бога нашего, на нашемъ человѣческомъ языкѣ есть: Отецъ и Сынъ и Духъ Святой, Троица единосущная и нераздѣльная; что Сынъ рождается отъ безначальнаго Отца предвѣчно и есть одно съ Нимъ. Сынъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ. Сынъ еще, на человѣческомъ языкѣ, называется предвѣчнымъ Словомъ, Премудростію Отчею. Духъ Святой предвѣчно исходитъ отъ Отца, животворить и ниспосылается Сыномъ. Всѣ три одна Любовь, а потому хотя каждый изъ Трехъ имѣетъ свою волю, но она у Нихъ одна; хотя каждый имѣетъ свое бытіе, но соединены въ едино, хотя всѣ Они составляютъ едино, но не слиты въ тождество.

Постигнуть этого мы не можемъ, потому что это есть тайна существа Божія; между тѣмъ сущность и самаго вещества намъ неизвѣстны. Затѣмъ утверждать, что единство

Существа и троичность лицъ въ Божествѣ несомѣстимы, и на семь основаніи отвергать возвѣщенную самимъ Богомъ истину о троичности въ Богѣ—крайняя дерзость и безуміе, тѣмъ болѣе, что подобную троичность мы при внимательномъ вниманіи легко замѣтимъ въ собственной своей душѣ, которую Богъ создалъ по своему образу и подобию и потому это подобіе и образъ должны отражаться въ ней такъ же, какъ подобіе солнца отражается въ каплѣ воды.

Что такое душа? Не разумѣемъ ли мы подъ душею умъ, способный сознать себя, т. е. свое бытіе и свое внутреннее, духовное положеніе, составлять понятія объ окружающахъ насъ предметахъ, соображать отношенія ихъ между собою и нами, заключать о предметахъ и слѣдствіяхъ, по этому судить что хорошо, что худо, избирать цѣль дѣятельности и средства для достиженія цѣли?

Но кто же представляетъ уму, знакомитъ его съ внѣшнимъ міромъ? Не мысль ли представляетъ ему въ соотвѣстныхъ сочетаніяхъ словъ всѣ понимаемые умомъ предметы и ихъ отношенія? Не мысль ли обтекаетъ всѣ предѣлы міра, чтобы сообразно указанной умомъ цѣли избрать пригодные предметы и, изыскавъ средства, приспособить ихъ къ желаемой цѣли? Не мысль ли творила все въ дѣлахъ человѣческихъ, начиная съ простаго топора до самыхъ искусныхъ машинъ, начиная съ самаго убогаго шалаша до великолѣпныхъ дворцовъ и храмовъ, начиная съ простонародныхъ пословицъ до мудрыхъ поученій, изящѣйшихъ поэмъ и остроумныхъ философскихъ системъ? Но мысль — тоже слово, ибо когда мы мыслимъ, то хотя и не говоримъ, но тогда же облачаемъ мысль словомъ.

Мысль или слово не рождается ли отъ ума? Не въ словѣ ли умъ и не въ умѣ ли слово? Умъ и слово не одно ли? Однако какъ же умъ судить слово или мысль? И какъ же мысль, осужденная умомъ, часто овладѣваетъ нами, и мы предаемся ей, не смотря на осужденіе ея умомъ, и даже самый умъ заставляемъ работать для осуществленія той же мысли? Не ясно ли отсюда, что мысль нераздѣльна отъ ума, но и не слита съ нимъ?

Но можно составлять своею мыслию великолѣпнѣйшіе планы и они могутъ быть одобрены умомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться только въ умѣ, а въ дѣйствіе не приведены. Для

того, чтобы осуществиться мысли, необходима особая сила — сила воли. Воля исходитъ отъ ума: когда умъ рѣшаетъ осуществить мысль, и воля подвигаетъ всѣ силы наши дѣйствовать согласно начертаніямъ ума, — то она повелѣваетъ не только органами тѣлесными, но направляетъ самую мысль и умъ къ дѣйствію.

Волю нашу никакъ нельзя отдѣлить отъ ума. Но вотъ овладѣваетъ нами страстное желаніе, умъ осуждаетъ его, но мы не слушаемъ осужденія ума и стремимся къ достиженію желаемого: воля наша направляетъ къ тому и умъ и мысль. Слѣдовательно воля не только не отдѣльна отъ ума, но и не слитна съ нимъ, даже можетъ подчинить себѣ умъ и мысль.

Не очевидна ли тутъ троичность нашего духа — единого въ существѣ? и не оправдывается ли здѣсь откровеніе: «и сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобию Нашему». «И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ». (Быт. 1, 26, 27).

Если мы отвергнемъ троичность, а признаемъ только единство Бога, то какъ поймемъ, что Онъ *любы есть* (1 Иоан. 4, 8)? Къ кому могла быть обращена Его любовь прежде созданія разумныхъ тварей? А безъ любви возможно ли представить блаженство Бога? Скажутъ: блаженство Его состояло въ сознаніи своихъ совершенствъ. Но такое самоуслаженіе совершенствами безъ любви, очевидно, не можетъ составлять совершеннаго блаженства. А представленіе Бога безъ любви и блаженства составитъ самое жалкое понятіе о высочайшемъ существѣ. Если же Богъ троиченъ, то намъ понятно, что Онъ любовь и блаженъ любовію, ибо «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ былъ Слово» и «Отецъ любить Сына». (Иоан. I. 1, 5, 20).

Вторая Упостась Св. Троицы именуется, на человѣческомъ языкѣ, Сыномъ Божіимъ, Премудростію Божіею, Словомъ Божіимъ, безъ сомнѣнія, по уподобленію къ человѣческимъ понятіямъ, соединяемымъ съ сими словами. Такъ: со словомъ *сынъ* мы соединяемъ понятіе о рожденіи т. е. происхожденіи одного лица отъ другаго той же сущности, и вторая Упостась — Сынъ рождается, т. е. имѣетъ предвѣчное начало отъ первой Упостаси — Отца, Ему единосущна-

го. Со словом *премудрость* мы соединяемъ понятіе о мысли, всегда присущей уму и составляющей съ нимъ одно, и вторая, *Упостась*—Сынъ—во Отцѣ и съ Нимъ одно. Со словомъ: *слово* соединяемъ понятіе о мысли, выраженной нами чрезъ сочетаніе звуковъ или знаковъ, и явленіе премудрости Бога — въ твореніи Его.

LV.

Почитая несбыточнымъ, чтобы Богъ могъ создать міръ изъ ничего словомъ своимъ и потому отвергая сказаніе св. Писанія, нѣкоторые мыслители предпочитаютъ вѣрить, что вещество совѣчно съ Богомъ и что Богъ изъ него устроилъ міръ.

Но намъ открыто, что одинъ Богъ имѣетъ бытіе предвѣчное, а міръ созданъ Его словомъ. Онъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и явился свѣтъ. Что значитъ: сказалъ? Не то ли, что и повелѣлъ? Что значитъ: повелѣлъ? Не то ли, что установилъ законы, по которымъ произошло такое сочетаніе явленій, что чрезъ нихъ премудрость Божія и законы жизни духа стали явны для разумныхъ тварей.

И человѣческое слово не ничто, но имѣетъ свое бытіе. Какъ оно долговѣчно и дѣйственно, мы знаемъ по опыту, и произведенія человѣческаго слова называемъ твореніемъ. Но и для этого слова и его твореній нѣтъ надобности въ веществѣ. Тѣмъ болѣе для Слова Божія и Его творенія вещества не нужно.

Другіе мыслители мнятъ, что міръ есть проявленіе Бога и слѣдовательно міръ и Богъ одно и то же, и такимъ образомъ возстановляютъ сущность древняго самаго грубаго идолопоклонства, обоготворявшаго солнце и луну, крокодила и кошку, лукъ и чеснокъ, человѣка и всѣ его страсти и пороки. Ибо, если все Богъ и его проявленіе, то и человѣкъ Богъ, и злоба и страсти человѣка — проявленіе Божества!

Казалось бы здѣсь край безумія, но есть еще такіе мыслители, которые вовсе отвергая бытіе Бога, почитаютъ міръ за самосоздавшуюся машину, которая по случайно установившимся законамъ производитъ всѣхъ тварей и самаго человѣка безцѣльно, бессознательно, по чему не признаютъ, чтобы

въ мірѣ и человѣкѣ было что либо духовное: умъ, воля, нравственные законы.

Такимъ образомъ они сами себя признаютъ безумными и въ безумцовъ хотятъ записать весь родъ человѣческій! Что это за явленіе? Дѣйствительно ли эти несчастные лишились вовсе того высокаго дара, которымъ Всевышній Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ земныхъ животныхъ, и сдѣлалъ подобными Себѣ? — Нѣтъ! Они говорятъ, и даже пишутъ въ доказательство своихъ безумныхъ идей остроумныя сочиненія, слѣдовательно имѣютъ даръ слова, приличный только существу, имѣющему умъ. Какъ же это объяснить?

Это объясняетъ пророкъ Давидъ, говоря: «безумецъ сказалъ въ *сердцѣ своемъ*: нѣтъ Бога; развратны они, гнусны дѣла ихъ, нѣтъ творящаго добра». (Псал. 13, 1).

И такъ, безумецъ сказалъ это не въ умѣ своемъ, а въ *сердцѣ*, потому что желанія сердца его побуждали его къ разврату и гнуснымъ дѣламъ, а заповѣдь Божія запрещала это и требовала творить добро. А если мы предадимся преступнымъ желаніямъ сердца и рѣшимся слѣдовать имъ, тогда и самый умъ, или лучше сказать, мыслящую свою способность употребляемъ на оправданіе своихъ путей, и какъ при вѣрѣ въ Бога оправдать ихъ нельзя, то заставляемъ свою мыслящую способность, противъ самого здраваго смысла, доказывать, что нѣтъ Бога. И вотъ, умъ трудится для безумія!

Только этимъ можно объяснить ихъ противурѣчія самимъ себѣ. Такъ: они найдя въ какойнибудь пещерѣ или въ нѣдрахъ земли каменный топоръ или ножъ, говорятъ: здѣсь были люди — это несомнѣнный слѣдъ человѣка, и такимъ образомъ творцемъ самого простаго орудія признаютъ существо живое, обладающее умомъ; а считая міръ за машину, правильно и постоянно дѣйствующую при многихъ, казалось, бы противуборствующихъ одна другой силахъ, не признаютъ, чтобы она была дѣломъ живаго, умнаго существа.

Кто хочетъ слѣдовать ихъ ученію, пусть объяснитъ: какъ эта мертвая неразумная и безумная машина или слѣпой случай производитъ, на примѣръ, то, что деревьямъ, которыхъ тѣло, для питанія и произрастенія, нуждается только въ водѣ съ растворенными въ ней землистыми веществами, даны органами питанія корневые мочки и ничего болѣе, а для человѣка, тѣло котораго нуждается въ пищѣ азотистаго

свойства земли производить разнообразныя травы, овощи, злаки, плоды и пр. и онъ надѣленъ во 1-хъ руками, чтобы могъ ими доставать себѣ эти предметы; во 2-хъ ртомъ съ раскрывающими его губами, чтобы могъ принимать въ себя ту пищу; въ 3-хъ зубами, чтобы онъ могъ откусывать, размельчать ее; въ 4-хъ языкомъ, чтобы онъ могъ имъ поворачивать и подкладывать пищу подъ зубы и чувствовать вкусъ ея; въ 5-хъ слюну-точащими железами, чтобы разжеванная пища смачивалась слюною и такимъ образомъ дѣлалась способною по слизости къ глотанію и удобосваримую для желудка; въ 6-хъ маленькимъ языкомъ въ глоткѣ, чтобы имъ, какъ клапономъ разрывать дыхательное горло когда глотаемъ пищу и тѣмъ не допустить ее въ то горло, въ 7-хъ глоткой, чтобы чрезъ нее проходила и прогонялась пища въ желудокъ; въ 8-хъ желудкомъ и печенью, чтобы посредствомъ выработанныхъ ими желудочнаго сока и желчи переработать въ желудкѣ пищу, какъ бы въ химической лабораторіи, въ такой видъ кашицы, соки которыхъ могли бы войти въ составъ крови; и въ 9-хъ кишками съ сосочками, однородными съ корневыми мочками деревьевъ; чтобы этими сосочками, когда заготовленная желудкомъ каша вступитъ въ кишки, извлекался изъ нея нужный для крови сокъ. Видишь ли: тому и другому дано столько, сколько требовала ихъ природа; у одного нѣтъ ничего лишняго, ненужнаго ему, у другаго нѣтъ ни въ чемъ недостатка; все предусмотрѣно, все соображено, все размѣрено и все размѣщено въ должномъ порядкѣ, чинно, уютно. Гдѣ мы все это замѣчаемъ, говоримъ: это умно, слѣдовательно сознаемъ, что есть умъ. А возможно ли умъ представить безъ жизни? или умъ и жизнь безъ соединенія ихъ въ живомъ существѣ? Если міръ мертвая и неразумная машина, какъ же она могла производить умное? Если же эта машина мудро устроена, то будучи мертвою и неразумною, какъ могла сама собою мудро устроиться. Есть ли возможность представить какую бы то ни было машину безъ устроителя?

LVI.

Естествоиспытатели, возгордѣвъ новыми открытіями наукъ, заподозрили истину Моисеева сказанія о началѣ міра и на-

прягли всѣ усилія своихъ умовъ, чтобы самимъ открыть тайну міросозданія. Многие много положили на это трудовъ: одинъ созидаль, другой разрушалъ его трудъ и созидаль свой міръ. За нимъ дѣлалъ тоже третій и такъ далѣе. И такъ создано было ими множество міровъ, и всѣ оказались нигуда негодными и повалились въ бездну забвенія. Чѣмъ подражать баснословному мученику Сизифу въ бесплодномъ трудѣ, не лучше ли бы эти труженики сдѣлали, если бы, представивъ себѣ, какую ничтожную часть составляютъ открытія тайны природы въ сравненіи съ неоткрытыми и неподдающимися никакимъ изслѣдованіямъ науки, прислушались къ тому же голосу Творца, какой слышалъ Іовъ изъ бури, и благоговѣнно преклонивъ предъ Нимъ свой умъ, держались крѣпче за поданную Имъ чрезъ Моисея нить, и свои труды и открываемыя свѣдѣнія употребили на объясненіе того, что должно разумѣть: подъ землею безвидною и пустою, тьмою надъ бездною, водою, надъ которой носился Духъ Божій, свѣтомъ, возсіявшимъ прежде солнца, днемъ, которымъ названъ свѣтъ, ночью, которою названа тьма, твердью, которою раздѣлилъ Богъ воды и воды, водою, которая надъ твердію, и водою, которая подъ твердію и т. д. Можно съ увѣренностію сказать, что этотъ трудъ не былъ бы бесплоденъ и уяснилъ бы, хотя, въ началѣ отчасти, тайну міросозданія.

LVII.

Новые мыслители глумятся надъ сказаніемъ Моисея о паденіи первыхъ людей, какъ надъ нехитро сложенною сказкою, тогда какъ надобно удивляться, что въ столь немногихъ его словахъ могли быть такъ полно, такъ доступно для самаго простаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ удовлетворительно для самого пытливаго ума раскрыты высокія истины о первобытномъ состояніи человѣка и о причинѣ настоящаго его положенія.

Моисей, чтобы изобразить, что человѣкъ созданъ не такъ какъ прочія твари, представляютъ Бога, по совершеніи творенія міра и тварей, какъ бы совѣщающимся въ своей Троичности и говорящимъ: «сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобію Нашему, и да владычествуетъ онъ надъ рыбами

морскими, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями и надъ скотомъ, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ».

Потомъ Моисей говоритъ: и создалъ Господь Богъ чело-
вѣка, взявъ персть отъ земли, и вдунулъ въ лицо его ды-
ханіе жизни и сталъ челоѣкъ душою живою. И насадилъ
Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ, тамъ было всякое
дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево
жизни посреде рая, и дерево познанія добра и зла. И взялъ
Господь Богъ челоѣка, и поселилъ его въ саду Едемскомъ,
чтобы воздѣлывать его, и хранить его. И заповѣдалъ Господь
Богъ челоѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты бу-
дешь ѣсть, а отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ
него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смер-
тію умрешь. И привелъ Господь Богъ къ челоѣку всѣхъ
животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, чтобы ви-
дѣть, какъ онъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ чело-
ѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей. И нарекъ
челоѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ и всѣмъ звѣрямъ;
но для челоѣка не нашлось помощника подобнаго ему. И на-
велъ Господь Богъ на челоѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ
уснулъ, взялъ одно изъ ребръ его, и закрылъ то мѣсто пло-
тію. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у челоѣка,
жену, и привелъ ее къ челоѣку. И сказала челоѣкъ: вотъ
это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она
будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа моего. И
благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ: плодитесь и размно-
жайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владыче-
ствуйте надъ рыбами морскими, и надъ звѣрями, и надъ
птицами небесными, и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею
землею, и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по
землѣ. Господь Богъ не посылалъ (тогда) дождя на землю,
но паръ поднимался съ земли, и орошалъ все лице земли.
И были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились. (Быт.
1, 26. 28. 11, 7 — 25).

Изъ этого повѣствованія видно, что тѣло челоѣка обра-
зовано было Богомъ, такъ сказать съ особенною тща-
тельностью, прямо изъ земныхъ стихій, а не изъ какой нибудь
другой живой твари, и одарено тогдаже богоподобною душою:
разумною, мыслящею, свободною; что жена и весь родъ че-

ловѣческой произошли отъ плоти перваго челоѣка; что че-
ловѣкъ тогда же сталъ обладать естественною способностію
мыслящаго существа — словомъ, и въ такомъ совершенствѣ,
что въ состояніи былъ наречь имена всѣмъ тварямъ; что
челоѣкъ въ мѣстѣ своего обитанія не только нашелъ все
необходимое для пріятной и безнужной жизни, но увидѣлъ
себя владыкою всѣхъ живыхъ тварей и обладателемъ земли,
слѣдовательно не подвергался никакой опасности отъ напа-
денія звѣрей; что благораствореніе воздуха было таково, что
земля безъ челоѣческаго труда произращала все въ обилии,
а безмятежность природы была такъ невозмутима, что даже
дождь не нарушалъ ее, но паръ поднимался съ земли и оро-
шалъ все лице ея, по чему и люди не имѣли нужды въ
одеждѣ, и какъ они были невинны, подобно дѣтямъ, то и
будучи наги, не стыдились, благодать же Божія, благосло-
веніе Творца, была съ ними: никакая страсть не возмущала
ихъ сердецъ, а супружеская чистая любовь соединяла ихъ
и вѣнчала ихъ блаженство. Но какъ челоѣкъ былъ неопы-
тенъ, и по этой неопытности или по неосторожности могъ
причинить вредъ своему тѣлесному естеству, то предую-
мительность всеблагаго и премудраго Творца въ числѣ про-
чихъ растений приготовили ему, на мѣстѣ его обитанія, де-
рево жизни, плоды котораго имѣли лѣкарственное свойство
восстанавливать здоровье челоѣка вполне и такимъ образомъ
дѣлать его безсмертнымъ. Какъ же праздность и безпеч-
ность вредно могли вліять на тѣлесныя и душевныя силы
его, то ему Богомъ вмѣнено въ обязанность воздѣлывать и
хранить свою обитель — садъ Едемскій. Такъ первыя люди
блаженствовали; но какъ истинною, блаженною жизнію че-
ловѣкъ могъ пользоваться только при благодати Божіей, бла-
годать же могла, по правдѣ Божіей, пребывать съ нимъ
только до толѣ, пока челоѣкъ оставался въ любви и покор-
ности Богу: то это внушено ему заповѣдью не вкушать плода
отъ дерева познанія добра и зла съ предостереженіемъ, что
въ тотъ день, въ который онъ дерзнетъ выдти изъ повино-
венія своему Творцу и вкусить запрещенный плодъ, узнаетъ
добро, котораго лишенъ, и зло, какое пріобрѣтетъ: отыметъ
отъ него благодать и онъ лишится истинной жизни — умереть.
Такимъ образомъ оказывается, что Творцемъ сдѣлано было
все для челоѣка, чего только, по понятію о Его всемогу-

ществѣ, премудрости и благости, можно было ожидать отъ Него. Сверхъ того, мы видимъ, Богъ явился первымъ людямъ, объявилъ Себя Творцемъ ихъ и всего міра, Владыкою всего, Раздавателемъ всѣхъ благъ, Наставникомъ и милостивымъ Руководителемъ, готовымъ по первому ихъ зову явиться вновь для бесѣды съ ними и ихъ вразумленія.

LVIII.

Всего этого совершенно достаточно было, чтобы человекъ почувствовалъ благодарность къ Богу, полюбилъ Его, какъ своего благодѣтеля, созналъ долгъ свой подчиниться Ему, какъ своему Владыкѣ, и постарался познать Его. Но зародилась ли въ сердцѣ человека благодарность Богу, полюбилъ ли человекъ своего благодѣтеля, подчинился ли Ему духомъ своимъ, постарался ли познать Его? Это тайна души, невѣдомая другому человеку, и Моисей молчитъ объ этомъ. Но Богъ, чтобы въ поученіе рода человѣческаго была явна правда судовъ Его, допускаетъ искушенія и соблазны и такимъ образомъ чрезъ нихъ открываетъ помысленія сердецъ и тайны душъ. И мы видимъ изъ сказанія Моисея, что въ райское жилище первыхъ людей проникъ искушитель.

Моисей умалчиваетъ также о томъ: сколько времени провели прародители въ блаженной райской жизни до искушенія, но понятіе о правдѣ Божіей не позволяетъ и думать, чтобы искушеніе было вскорѣ по сотвореніи — прежде чѣмъ они имѣли возможность утвердиться въ принятомъ ими направленіи мыслей, желаній и наклонностей. Можно думать, что время это продлилось около того, какое протекло въ земной жизни втораго Адама, Иисуса, сына дѣвы Маріи, отъ Его рожденія до искушенія Его діаволомъ, т. е. около 30 лѣтъ.

Искушитель явился въ саду Едемскомъ въ образѣ пресмыкающагося на землѣ змѣя.

Сказаніе Моисея объ этомъ заключается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ. И сказалъ змѣй женѣ: подлинно ли сказалъ Богъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю? И сказала жена змѣю: плоды съ дерева мы можемъ

ѣсть, только плодовъ дерева, которое среди рая, сказалъ Богъ, не ѣшьте ихъ, и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть. И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ не умрете; но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ Боги, знающіе добро и зло. И увидала жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вождельно, потому что даетъ знаніе и взяла плодовъ его, и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сдѣлали себѣ опоясанія. И услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю во время прохлады дня, и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями рая».

Такъ согрѣшили наши прародители, и за то лишены были благодати Божіей.

Лишеніе благодати Божіей и есть истинная смерть. Она послѣдовала, согласно слову Божію, именно въ тотъ день, какъ прародители вкусили запрещенный плодъ, — оставалось жалкое мучительное бытіе и оно, при содѣйствіи древа жизни, могло продолжаться вѣчно, но само правосудіе Божіе нашло еще въ виновности преступниковъ смягчающія самую вину обстоятельства, а премудрость изыскала средства возстановить падшихъ не только въ прежнее состояніе, но еще при этомъ явить всю бездну своей благости и любви, и вотъ доступъ къ древу жизни прегражденъ и человеку присуждено возвратиться въ землю, изъ которой онъ и взятъ, чтобы онъ имѣлъ предъ глазами смерть тѣлесную образомъ смерти духовной, чтобы онъ, видя себя странникомъ на землѣ, временнымъ только ея обитателемъ, не прилѣплялся любовью къ ней и ея благамъ, чтобы съ покорностію принимая изъ рукъ своего Творца и вкушая этотъ горькій плодъ познанія добра и зла, вѣнчалъ свою земную жизнь свидѣтельствомъ на сколько онъ подчинилъ себя волѣ Его и чтобы, наконецъ, изъ останковъ поврежденнаго грѣхомъ тѣла въ концѣ временъ, какъ изъ сѣмени, возсоздать новое духовное тѣло.

LIX.

Что сказанія Моисея и прочихъ пророковъ истекаютъ изъ свѣта Божественной истины, явно изъ того, что они

просты, ясны, понятны даже для дѣтей и самыхъ необразованныхъ людей; а что хитросплетенія мудрецовъ исходятъ изъ тьмы лживаго ада, видно уже изъ того, что ихъ творенія переполнены темноты и сплетенія новыхъ изобрѣтенныхъ ими словъ безъ всякаго смысла, что и обнаруживаетъ, что они сами ходятъ во тьмѣ.

Божественное откровеніе намъ возвѣщаетъ, что человѣкъ есть непосредственное твореніе высочайшаго и премудраго существа—Бога и явился на землѣ съ совершеннымъ, подобающимъ ему, тѣлеснымъ составомъ и съ разумною, мыслящею и свободною душею, и уже вслѣдствіе привязанности къ земнымъ наслажденіямъ, потери вѣры, предавшись страстямъ, уподобился скотамъ несмысленнымъ. Но человѣческимъ мудрецамъ это кажется несообразнымъ съ началами разума — нераціональнымъ, какъ они говорятъ, и вотъ они напрягаютъ свои умы, чтобы доказать, что первобытный человѣкъ былъ скотообразнымъ животнымъ, въ родѣ обезьяны, и потомъ въ теченіи тысячелѣтій, усовершенствуясь мало-по-малу самъ собою дошелъ до настоящаго совершенства тѣлеснаго и умственнаго. Много объ этомъ написано обширнѣйшихъ сочиненій прославившимися ученостію мужами, но другіе такіе же ученые, и даже имъ единомысленные, критикуя ихъ, доказываютъ, что всѣ эти сочиненія темны, непоследовательны и поневолѣ сознаютъ, что переходъ изъ скотообразнаго животного въ человѣка невозможно ни доказать, ни объяснить. Между тѣмъ немного нужно вниманія къ совершающемуся на нашихъ глазахъ, чтобы видѣть на самомъ опытѣ какъ человѣкъ, потерявшій вѣру въ Бога, переходитъ въ скотообразное животное.

Чѣмъ разнится скотъ отъ человѣка? Не тѣмъ ли, что онъ не имѣетъ понятія ни о Богѣ, ни о прекрасномъ, ни о возвышенномъ, ни о нравственномъ долгѣ, ни о собственности, ни о бракѣ? Не тѣмъ ли, что вся его жизнь заключена въ одномъ земномъ бытіи, все благо—въ насыщеніи чрева, вся дѣятельность—въ прискиваніи пищи? Не тѣмъ ли, что онъ несмысленъ, жаденъ, безжалостливъ? Не тѣмъ ли, что подчиняется только влеченію потребностей чувственной природы или страху боли?

Всѣ эти скотскія свойства легко замѣтить у всѣхъ людей, зараженныхъ невѣріемъ, въ особенности же они ярко

отразились на французскихъ революціонерахъ и коммунистахъ, да и на нашихъ нигилистахъ и нечаевцахъ, которые тщеславились тѣмъ, что самое понятіе о Богѣ несомнѣнно съ ихъ умомъ, что они не видятъ никакой красоты и цѣлесообразности въ явленіяхъ природы, что они въ твореніяхъ поэзіи, зодчества, ваянія, живописи, музыки, даже въ самоотверженіи добродѣтели не видятъ ничего прекраснаго, возвышеннаго, и все это считаютъ за пустыни, что въ ихъ глазахъ одно только то имѣетъ значеніе, что служитъ къ удовлетворенію потребностей чувственной природы человѣка, что они не признаютъ ни безсмертія души, ни свободы воли, ни нравственнаго долга, ни существованія чего-либо духовнаго, что собственность они считаютъ воровствомъ, бракъ — выдумкою невѣжества, власти и законы — измышленіемъ сильныхъ и богатыхъ къ угнетенію немощныхъ и бѣдныхъ. Безсмысліе ихъ доходило до того, что они разумъ человѣческій провозглашали божествомъ, созидали ему кумиры, чествовали его празднествами и особыми религіозными обрядами, провозглашали, что со смертію прекращается бытіе человѣка и онъ обращается въ ничто и что потому все блаженство человѣка въ удовлетвореніи чувственныхъ пожеланій. Эти самыя хулители закона и власти, проповѣдники всеобщаго равенства, всячески силою и хитростію старались достигнуть владычества, и когда достигали, то съ яростію кровавадныхъ звѣрей губили и терзали всѣхъ тѣхъ, которые казались имъ опасны или неодномысленны съ ними.

Если безбожникъ изъ невѣжественнаго класса людей, то онъ и наружнымъ видомъ похожъ на звѣря: онъ неопрятенъ, мраченъ, дикъ, грубъ, кровожаденъ. Но если онъ изъ класса людей образованныхъ, то правда по своей наружности онъ не имѣетъ сходства съ звѣремъ: эти люди опрятны, изящно одѣты, вѣжливы и сладкорѣчивы. За то какъ поразительно сходны они съ обольстителемъ Евы — говорящимъ змѣемъ.

Извѣстно, что змѣй въ жаркій солнечный день любитъ выходить изъ своей норы на такое мѣсто, гдѣ болѣе печетъ солнце; здѣсь онъ, наслаждаясь солнечною теплотою, впииваетъ въ себя растворившіеся въ воздухѣ ядовитыя испаренія, и завидѣвъ приближающагося къ нему человѣка, бросается на него, и уязвивъ, выпускаетъ въ язву ядъ свой.

Вотъ и проповѣдники безбожія любятъ свѣтъ наукъ, изу-

чают ихъ, обогащаются знаніемъ, но при этомъ какъ бы вбиваютъ въ себя всё высказанныя кѣмъ бы то ни было богохульные мысли, недоумѣнія и сомнѣнія, проникаются какимъ-то пристрастіемъ къ нимъ, поставляютъ себѣ задачею поддерживать ихъ, опровергать истины религіи, съ такимъ пристрастнымъ взглядомъ они замѣчаютъ всякій фактъ, который по ихъ мнѣнію можетъ служить для этого и отбрасываютъ съ презрѣніемъ все прочее, что съ очевидностію противурѣчитъ предвзятому ими взгляду; желаніе выказаться, блеснуть своимъ остроуміемъ и знаніемъ и своими рѣзкими мнѣніями, увлечъ своимъ краснорѣчіемъ, прослыть учеными и умными, приобрѣсть чрезъ то болѣе почитателей и поклонниковъ, овладѣваетъ ими; всякій успѣхъ въ этомъ увеличиваетъ ихъ самонадѣянность и гордость и они всю жизнь свою посвящаютъ на то, чтобы распространить свое ученіе, какъ можно болѣе людей заразить своимъ ядомъ. Какъ змѣи они блестятъ лоскомъ образованности; какъ змѣи пресмыкаются они по землѣ, прилѣпляясь къ одному чувственному и отбрасывая все духовное; какъ змѣи безножнны они безъ основныхъ началъ всякаго вѣдѣнія — безъ вѣры въ Бога и въ безсмертіе души, однимъ своимъ умомъ хотятъ достигъ высоты знанія и изъ одного вещества объяснить и происхождение міра, и жизнь, и самое проявленіе духовныхъ силъ въ жизни; какъ змѣи тихо, незамѣтно, вкрадчиво подступаютъ они къ намъ и въ наши души вливаютъ ядъ своего ученія; хитрымъ, змѣинымъ извитіемъ рѣчи они то искусно обходятъ предметы обличающіе ихъ ложь, то безмысленнымъ сплетеніемъ придуманныхъ ими словъ, какъ бы какою-то мудростію затмѣваютъ нашъ умъ; то уцѣпившись за какойнибудь особо выдающійся фактъ христіанской жизни, самъ собою столь же ничтожной, какъ сухой сукъ на деревѣ, начинаютъ выказывать все свое искусство въ витійствѣ слова и въ остроумныхъ догадкахъ, то умышленною ложью и безстыднымъ извращеніемъ словъ и сказаній св. писанія и искаженіемъ историческихъ событій представляютъ тѣ предметы въ превратномъ — для ихъ ученія полезномъ видѣ; гдѣ же ни того, ни другаго сдѣлать нельзя, они дѣлаютъ искусный скачекъ и перепрыгиваютъ его, т. е. или вовсе молчатъ о томъ предметѣ, или говорятъ, что это такъ ничтожно, что объ этомъ и говорить не стоитъ. Когда же такіа уловки не

удаются, то они подходятъ къ такой преградѣ съ видомъ дружелюбія, начинаютъ расточать свои хвалы и какъ бы съ любовію обнимаютъ, но въ тоже время, какъ удавъ обвиваются около своей жертвы и усиливаются сжать, сокрушить и поглотить ее.

LX.

Да, да, вы дѣйствительно мудрѣйшіе изъ звѣрей — порожденія схины, сыны того самаго искуителя, который погубилъ первыхъ людей! Чрезъ васъ древній драконъ какъ бы изъ своей пасти извергнулъ рѣку ядовитыхъ водъ, чтобы погубить Христову Церковь — ту чудную апокалипсическую жену съ вѣнцомъ изъ 12 звѣздъ, съ луною подъ ногами, которая спасаясь отъ него съ новорожденнымъ младенцемъ, скрылась въ пустынь. Но она, какъ четырьмя неприступными стѣнами, ограждена четвероевангеліемъ. Нельзя вамъ ни обойти этого оплота, ни перескочить его, и вотъ вы съ дружелюбнымъ видомъ, съ льстивыми похвалами Домавладыкъ подошли къ этому оплоту, какъ бы широко, широко распростертыми для объятія руками — твореніями Штрауса и Ренана (жизнь Іисуса), схватились за него, обвили какъ гигантскій удавъ и уже думаете и тщеславитесь, что сокрушили его и что остается только взять бросить Церковь въ пасть вашего отца діавола. Но ошибаетесь — ограда евангельская стоитъ неповрежденною и за нею Церковь въ безопасности. Воды ваши истопили только легкомысленныхъ, удалившихся отъ этой ограды, а сохранившіе здравый смыслъ не боятся ихъ, они спасаются и будутъ спасаться надежно за симъ оплотомъ. Пусть истинные мужи науки обличаютъ васъ въ умышленной лжи и разрѣшая хитросплетенія вашего витійства, рвутъ разставленные вами для уловленія легковѣрныхъ сѣти и возвращаютъ на ваши же лица ту грязь клеветъ, которою вы хотѣли запятнать Богочеловѣка и Его друзей; для насъ же довольно здраваго смысла, чтобы понять жалкое безуміе всѣхъ вашихъ ухищреній. Вы утверждаете, что Св. Евангеліе написано не самовидцами и свидѣтелями воплотившагося Слова, не Апостолами, а составлено по истеченіи уже нѣсколькихъ вѣковъ изъ сложившихся въ невѣжественномъ народѣ разныхъ легендъ — басенъ. Если такъ, то укажите же намъ когда, гдѣ

и кѣмъ именно сдѣлано это? Вы откопали развалины Египетскихъ Оивъ, Ниневіи, Вавилона, открыли секретъ читать и египетскіе іероглифы и симетическія гвоздеобразныя и клинообразныя письма, собрали памятники древней жизни Египтянъ, Вавилонянъ, Ассирійцевъ, Финикянъ, Грековъ, Римлянъ, изучили до мельчайшей подробности всѣ сохранившіяся произведенія ихъ слова и искусства, проникли въ самыя тайники ихъ жизни, какъ же не нашли никакихъ слѣдовъ, чтобы сказать что либо опредѣленное на этотъ вопросъ? Объясните намъ: какъ могло случиться, что никто изъ безчисленнаго полчища враговъ христіанства — самыхъ разнообразныхъ по своимъ побужденіямъ къ враждѣ, по своимъ отношеніямъ къ нему, по своему образованію, по мѣсту жительства и по времени, постоянно въ теченіи 18 столѣтій употреблявшихъ всѣ усилія то ниспровергнуть Церковь, то замутить чистоту ея ученія, во всѣ эти 18-ть вѣковъ не обнаружилъ этого? Объясните намъ: какъ же это произошло, что составленные, по вашимъ словамъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ изъ разнообразныхъ мѣстныхъ сказокъ, неизвѣстно кѣмъ, когда и гдѣ четыре Евангелія подъ опредѣлительными заглавіями: отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна обрѣлись во всѣхъ, основанныхъ Апостолами, Церквахъ вселенной, разлученныхъ другъ отъ друга и морями и пустынями, и варварскими народами на разстояніи многихъ тысячъ верстъ, и въ Ливіи, и въ Скиѳіи, и въ Персидѣ, и въ Испаніи, и вездѣ чтимы были какъ высочайшая святыня, какъ непререкаемая истина, совершенно согласная съ преданіемъ объ Апостольской проповѣди? Объясните такъ же, какимъ образомъ, если было по вашему, собравшіеся со всѣхъ концовъ извѣстнаго тогда міра на вселенскіе Соборы Епископы единогласно признали тѣ только четыре Евангелія истинными Апостольскими твореніями, а всѣ прочія, появившіяся въ разныхъ мѣстностяхъ подъ названіемъ Евангелій отъ Никодима, Іакова, Θомы и проч: отвергли. Какъ ни искусны вы чрезъ свои остроумныя предположенія набрасывать тѣнь на истину и несбыточное представлять возможнымъ, но здѣсь безмолвны. Самымъ главнымъ для здраваго смысла доказательствомъ того, что Евангелія писаны дѣйствительно самовидцами воплощеннаго Слова и что сочинители ихъ были точно Богодухновенными писателями, служить полнота каждаго изъ нихъ въ отношеніи

сущности проповѣдуемаго предмета т. е. ученія, жизни, Божественности и спасительной смерти Иисуса Христа, единство духа, ясность, простота, возвышенность слова и совершенное согласіе всѣхъ ихъ — согласіе въ такой степени, что умолчанная однимъ изъ нихъ черта событія, или упущенное изъ бесѣды Господа реченіе или слово дополняется другимъ такъ, что стоитъ только заимствовать это у него и приставить къ сказанію перваго и сказаніе сего не только не измѣнится, но дополнится и сдѣлается еще болѣе точнымъ и оживленнымъ. Такъ что Четверо-Евангеліе дѣйствительно представляется чудно—гармоническимъ пѣніемъ четырехъ Херувимовъ, дорисованныхъ въ лицѣ Богочеловѣка славу Вседержителя, — пѣніемъ, въ которомъ сначала слышится одинъ голосъ, потомъ сливается съ другимъ, далѣе поютъ вмѣстѣ трое и наконецъ всѣ возглашаютъ славу Тріединому, и это пѣніе раздается во всѣ концы вселенной. Это самое замѣтилъ даже кто-то изъ первыхъ и начальныхъ Французскихъ вольнодумцевъ, когда хотѣлъ писать опроверженія на четвероевангеліе, и бывъ этимъ пораженъ, созналъ, что никакая человѣческая мудрость не могла бы сочинить такой книги, если бы покусилась, по предвзятой мысли, составить что-либо подобное Евангеліямъ. А величайшій скептикъ нашего времени, Лордъ Байронъ, написалъ на своей библіи слѣдующія строки, найденныя по смерти его: «въ этой величественной книгѣ содержится таинство таинствъ. Счастливы тѣ смертныя, которымъ дарована отъ Бога благодать читать, разумѣть, благоговѣть, молитвенно произносить слова сей книги! Счастливы тѣ, которые усиливаются отворить дверь и стремиться по стези! Но лучше бы не родиться тѣмъ, которые читаютъ, чтобы сомнѣваться и презирать».

LXI.

На вопросъ невѣрія: за чѣмъ было для спасенія людей воплощаться Сыну Божію и приносить себя въ жертву? сильный отвѣтъ изложенъ выше въ статьѣ о томъ, какъ совершилось домостроительство спасенія; къ тому можно еще присовокупить, что любовь всегда проявляется въ жертвахъ. Если я кого люблю, дѣлаю ему подарокъ, т. е. жертвую

часть своего имущества, или доставляю ему какое нибудь удобство въ жизни, самъ стѣсняя себя, слѣдовательно жертвую своимъ удобствомъ; или помогаю ему въ нуждѣ и болѣзни, слѣдовательно жертвую своимъ трудомъ и спокойствіемъ, или защищаю его, спасаю его жизнь съ опасностію даже своей жизни, слѣдовательно жертвую своею жизнію. Вездѣ жертва, какъ проявленіе любви! А потому и крестная жертва совершилась во всемъ величій *правды* Божіей, чтобы во всей силѣ явилась любовь Его къ человѣку и привлекла къ Нему любовь человѣка, плѣненную чувственностію и земными благами.

LXII.

Наконецъ отвергающіе вовсе откровеніе и всѣ чудеса говорятъ: «Богъ далъ человѣку умъ, и довольно: своимъ умомъ человѣкъ долженъ и можетъ постигать все и потому ему нѣтъ нужды въ откровеніи. Богъ установилъ законы, по которымъ все въ мірѣ постоянно совершается, и законы сіи никакимъ измѣненіямъ не подлежатъ.

Но они забываютъ, что опыты тысячелѣтій показываютъ безсиліе ума, легко впадающаго въ заблужденія, и что кромѣ законовъ природы, по которымъ все совершается въ мірѣ вещественномъ, есть еще законы правды Божіей въ мірѣ духовно-нравственномъ. Законы Правды Божіей выше законовъ видимой природы, и по тому послѣдніе могутъ и должны измѣняться по требованію первыхъ.

Было ли бы согласно съ правдою Божіею оставлять людей въ заблужденіяхъ ума, которыя дѣлали ихъ неспособными достигать цѣли, для которой они созданы? Такъ людямъ, для достиженія цѣли созданія ихъ, необходимо имѣть правильное понятіе о своемъ Творцѣ; но заблужденія ихъ дошли до того, что они стали боготворить самыя силы природы. Законъ правды Божіей требовалъ явить людямъ, что Богъ выше законовъ природы и что самыя законы природы — суть произведеніе Его премудрости. И вотъ именемъ Божіимъ разступаются воды моря, камень даетъ воду, небо дождитъ манну, вѣтеръ приноситъ стадо перепеловъ, Иорданъ возвращается вспять, огонь не вредитъ. Сынъ Божій, по неизрѣченной любви Своей къ человѣкамъ, снисходитъ на землю

въ образѣ подобострастнаго человѣка, чтобы показать имъ путь спасенія. Правдѣ Божіей подобало сдѣлать яснымъ для людей, что дѣйствительно явился на землѣ Сынъ Божій и вотъ: по благоволенію Его вода превращается въ вино, малое количество хлѣбовъ и рыбъ насыщаетъ тысячи народа; подъ стопами Его твердѣютъ волны моря, по слову Его утихаетъ буря; исцѣляются безнадежно-больные; воскресаютъ мертвые и наконецъ Онъ Самъ возстаетъ изъ мертвыхъ!

Отвергать чудеса и откровеніе Божіе можно было бы только тогда, когда бы они были противны понятію о правдѣ Божіей. Отвергать чудеса значитъ считать Творца подчиненнымъ созданнымъ Имъ законамъ природы и безсильнымъ направить ихъ по высшимъ цѣлямъ Своей правды. Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же прибѣгать къ Творцу съ молитвой? Напротивъ всякій, внимательный къ себѣ, знаетъ, что, при тягости окружающихъ насъ бѣдъ, невольное чувство побуждаетъ насъ взывать къ Творцу, и молитва не остается тщетною, что доказываетъ исторія церкви и опыты благочестивыхъ людей.

LXIII.

Теперь остается обратить вниманіе на дальнѣйшія судьбы Церкви и въ особенности на судьбы нашего отечества.

Нельзя не видѣть особаго промысла Божія въ томъ, что обращеніе Славянъ ко Христу и начало Русскаго государства совпадаютъ именно съ тѣмъ временемъ, когда Папы начали обнаруживать свое властолюбіе и требовать подчиненія себѣ восточныхъ церквей и вслѣдствіе сего начался раздоръ ихъ съ Восточными Патріархами, и вмѣстѣ съ тѣмъ и отпаденіе западныхъ церквей отъ Православной восточной Церкви. Въ той мѣрѣ какъ усиливался этотъ раздоръ и совершалось это отпаденіе, распространялось болѣе и болѣе христіанство между Славянами, и укрѣплялась здѣсь Православная Церковь. Видимо: она нашла тутъ благопріятную почву, чтобы здвигнуть свой свѣточъ съ запада, основаться здѣсь, что бы сначала скрыть себя и новорожденного младенца въ этой пустынѣ отъ ярости дракона, а впослѣдствіи отсюда просіяты во всемъ своемъ величій. (Откр. Іоан. 12. 6).

Согласно съ симъ необычайное явленіе представляет обращеніе Руссовъ въ вѣру христіанскую. Князь ихъ Владиміръ самъ острымъ своимъ умомъ сознаетъ заблужденіе язычества и тщету утѣхъ земныхъ, ищетъ правой вѣры и для сего чрезъ избранныхъ здравомыслящихъ мужей изслѣдуетъ извѣстныя ему религіи; признаетъ за совершенную ту, которую исповѣдуютъ Греки и принимаетъ отъ ихъ святителей крещеніе; при этомъ дѣйствуетъ такъ, чтобы быть совершенно независимымъ въ вѣрѣ отъ всякихъ человѣческихъ вліяній и чтобы вѣра не стѣсняла политическихъ отношеній его государства. Народъ ему подвластный безпрекословно слѣдуетъ примѣру своего мудраго властителя, разрушаетъ капища, истребляетъ идоловъ, подчиняется уставамъ Церкви, разжигается любовію къ ней и, подпадая въ послѣдствіи подъ тяжкое иго съ одной стороны Магометанъ, съ другой Папистовъ, сноситъ его до предопредѣленнаго времени съ покорностію волѣ Провидѣнія, какъ кару за грѣхи, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ непоколебимою твердостію сохраняетъ вѣрность Православію, не смотря на лстивыя и хитрыя обольщенія и жестокое за эту вѣрность преслѣдованіе своихъ враговъ.

Божественный Промыслъ открылся еще и въ томъ, что въ то самое время, какъ палъ Царьградъ подъ мечемъ Магомета и прекратило свое существованіе единственное, оставшееся еще независимымъ, православное государство Греческое (Восточная Римская Имперія), Русскій народъ, доселѣ раздѣленный на мелкія Княжества, и поработенный, соединяется въ одно обширное, могущественное государство подъ властію Московскихъ Князей, дѣлается сперва независимымъ Царствомъ, потомъ возводится въ достоинство Имперіи; побѣжденные враги его разсѣваются какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра; науки и искусства, возродившіяся между тѣмъ на Западѣ, дѣлаются и его достояніемъ; могущество страшныхъ воителей, предъ которыми преклонялись другіе народы, разбивается, какъ скудель, соприкасаясь съ нимъ и Русскіе Императоры дѣлаются освободителями поработенныхъ и угнетенныхъ народовъ, покровителями и надеждою всѣхъ Православныхъ христіанъ, ужасомъ для ихъ гонителей и поработителей, и слава Россіи гремитъ во вселенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ истинная Церковь Христова, доселѣ какъ бы скрытая отъ враговъ міра въ пустынѣ, пренебрегаемая богатыми и

мудрыми міра за свою нищету и простоту по внѣшнему ея виду, начинаетъ проявлять себя міру, облекается въ наружное подобающее ей велелѣпіе и начинаетъ ярче и ярче распространять сіяніе присущаго ей свѣта истины; представители ея — православные храмы начинаютъ воздвигаться во всѣхъ странахъ вселенной; жаждущіе и алкающіе истины находятъ въ ней насыщеніе и она въ чуждавшихся и пренебрегавшихъ ее доселѣ народахъ находитъ усердныхъ читателей.

Между тѣмъ въ той мѣрѣ какъ представительница Православія — Россія восходитъ отъ силы въ силу, а истинная Церковь Христова болѣе и болѣе распространяетъ свое сіяніе, власть и обаяніе Римскихъ Папъ слабѣетъ, могущество магометанскихъ царствъ падаетъ, слава Римской Церкви меркнетъ, и вотъ уже Папы лишились своихъ мірскихъ владѣній, перестали быть независимыми Государями, громы ихъ проклятій никого уже не устрашаютъ, повелѣній ихъ никто не слушаетъ; они ищутъ подпоры въ объявленіи себя непогрѣшимыми, но надъ этимъ смѣются, а поборниковъ ихъ власти — Іезуитовъ отсюду изгоняютъ; въ средѣ Римской Церкви отпаденія увеличиваются и наконецъ послѣ провозглашенія догматъ непогрѣшимости Папъ возникаетъ новое раздѣленіе этой церкви, грозящее ей совершеннымъ паденіемъ. А представительница магометанства Турецкая Имперія окончательно одряхлѣла, никому уже не страшна и носитъ во вселенной прозвище *бомаго человека* и существуетъ только по политическимъ видамъ христіанскихъ державъ, такъ какъ они одни не могутъ еще рѣшить, кому быть обладателемъ Царьграда и прочихъ владѣній этой Имперіи.

LXIV.

Такъ завершается третій актъ борьбы ада съ Церковію Христа. Хотя въ этой борьбѣ властитель ада — красный драконъ успѣлъ хвостомъ своимъ увлечь съ неба третью часть звѣздъ, и страшно разинулъ свой зѣвъ, чтобы пожрать жену, облеченную въ солнце, въ вѣнцѣ изъ 12 звѣздъ, съ луною подъ ногами, но она укрылась въ пустынѣ, осталась невредимою и теперь является въ своей небесной красотѣ и божественномъ величіи.

И въ ярости злобы пустилъ змѣй изъ пасти своей вслѣдъ жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою. (Откр. Иоан. 12, 1—15).

Что это за вода? Не зараза ли это вольнодумства, своеволия и невѣрія, распространяемая пагубными, адскими учителями съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, и дѣйствительно, какъ рѣка, устремляющаяся съ Запада на страны, осѣняемыя Церковію? Но должно исполниться и другое пророчество Откровенія Іоанна: «земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои, и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей. (12—16).

Какъ отрадно думать, что эта земля есть народы Славянскіе, постоянно отличавшіеся здравомысліемъ! О, да отвернется же и теперь ихъ здравый смыслъ, и да поймутъ они и да обличать все безуміе и всю пагубу тѣхъ тлетворныхъ ученій Запада, и какъ разверзнувшаяся земля безслѣдно поглощаетъ рѣку, такъ да безслѣдно исчезнутъ для нихъ и тѣ ученія для блага церкви и отечества, на славу Славянъ! Недаромъ же Провидѣніемъ устроено такъ, что издревле имя ихъ было: Словены и Славы; тщетно враги ихъ старались переимѣнить его въ унизительное прозвище Склады (рабы), и въ продолженіи многихъ вѣковъ измышляли всякія мѣры къ ихъ униженію, обезсиленію и искорененію. Многозначительное имя Словенъ и Славянъ осталось за ними, а угнетенія враговъ послужили только къ уничтоженію преградъ, разъединявшихъ племена ихъ и заставили ихъ вспомнить о ихъ сродствѣ и укрѣпиться въ братскомъ союзѣ. Не знаменіе ли это, что Самимъ Провидѣніемъ возложено на Славянскіе народы: *словомъ* истины сдѣлать *нѣмы* уста лъстивыя, глаголющія на Праведнаго беззаконіе гордынею и уничиженіемъ, и доказать, что науки должны вести не къ тьмѣ невѣрія, но къ свѣту славы Божіей. Славяне! въ этомъ ваша задача и ваша *слава*! Явите же, что не тщетно Владыко нашъ Божіе Слово и сіяніе славы Отчей нарекъ васъ своими соименниками! Хвалите же Его со звукомъ трубнымъ, хвалите Его на псалтири, и гусяхъ, хвалите Его съ тимпаномъ и ликами, хвалите Его на струнахъ и органѣ. Хвалите Его на звучныхъ кимвалахъ, хвалите Его на кимвалахъ громогласныхъ.

LXV.

Да, мы обладаемъ сокровищемъ драгоцѣннѣйшимъ всѣхъ земныхъ благъ во всей ихъ совокупности — Церковію Христовою, истинно Божественнымъ учрежденіемъ на землѣ для просвѣщенія погрязшихъ въ невѣжествѣ и грѣхахъ людей свѣтомъ истины и для возстановленія ихъ на степенъ существъ нравственныхъ, — обладаемъ спешимъ съ неба образомъ, по которому должны быть устроены и всѣ человѣческія общества и государства, имѣющія ту же цѣль привести людей къ нравственному совершенству. Но знаемъ ли мы цѣну такому сокровищу? Къ сожалѣнію должны сознаться: нѣтъ, еще не знаемъ!... Большинство изъ насъ похоже на такихъ дикарей, для которыхъ самое небо — обыкновенное — обыденное явленіе: красота и величіе его не возбуждаетъ ни мысли, ни чувства, и которые поднимаютъ къ нему свои взоры только для того, чтобы посмотреть: нѣтъ ли на немъ облака, грозящаго бурей или градомъ или какъ высоко солнце: не пора-ли обѣдать, или кончать работу. А многіе похожи на малыхъ дѣтей, которые, покоясь на лонѣ матери, хотя любятъ ее, какъ свою кормилицу и охранительницу, но не понимаютъ ни ея красоты, ни умственныхъ, ни нравственныхъ ея совершенствъ, подчиняются ея порядкамъ только или по привычкѣ, или изъ страха наказаній, и если не идутъ къ чужой, зовущей ихъ матери, то изъ неотчетливой только для нихъ самихъ боязни къ чужому, незнакомому. А тѣ изъ насъ, которые считаютъ себя уже не дѣтьми, а порядочными подростками, похожи на школьниковъ, воображающихъ себя учеными мужами: они смотрятъ на установленные матерью порядки какъ на излишніе и напрасно отяготительные, сама мать кажется имъ слишкомъ требовательною и строгою, ея наставленія скучными, и они, считая себя умнѣ своей доброй старушки, пренебрегаютъ ея наставленіями, не слушаютъ приказаній, и дерзко нарушаютъ ея порядки: — другія матери, потащницы своимъ дѣтямъ, кажутся имъ добрѣе и умнѣе, и они не прочь, пожалуй, бѣжать къ нимъ на ихъ зовъ, если бы не разныя обстоятельства удерживали ихъ. А сколько такихъ невѣждъ, которые сущность христіанства полагаютъ въ однихъ только внѣшнихъ обрядахъ и которые, не понимая значенія соедине-

маго съ ними церковію, когда услышать отъ какого нибудь проходимца — подобнаго же имъ невѣжды, — что по древнему будто бы благочестію надобно чествовать крестъ не четырехконечный, а осьмиконечный, не тремя сложенными перстами, а двумя знаменоватъ себя крестнымъ знаменіемъ, и другія нелѣпыя на Церковь клеветы, оставляютъ ее и слѣдуютъ за самозванными отцами и учителями, и дѣлаются лютыми врагами своей матери.

Вотъ потому-то, что мы невнимательны къ нашей матери Церкви, — мы не знаемъ ея совершенствъ, а остаемся въ этомъ невѣждами, не имѣемъ разумаго убѣжденія въ томъ, что она есть истинно Христова, — едина, Апостольская, Соборная. А отъ этого происходитъ то, что съ одной стороны прекрасныя ея уставы не имѣютъ того благодѣтельнаго вліянія, какое они должны произвести вообще на нравственное усовершенствованіе народа и въ частности на устройство и благоденствіе самого государства, а съ другой стороны мы холодны къ ней: не слышно среди насъ теплаго слова не только къ прославленію, но и къ защитѣ ея, и если кто изъ насъ выразитъ въ обществѣ своихъ же единовѣрцевъ убѣжденіе въ правотѣ церкви и горячность къ православію, православныя же назовутъ его фанатикомъ.

А если бы мы читали Церковь свою какъ должно, то чрезъ нее утвердили бы въ себѣ правильное понятіе о Богѣ и нашемъ Спасителѣ, мысль наша чрезъ это просвѣтилась бы и мы сознали бы, что дѣйствительно законъ Господень совершенъ, обращаетъ душу на истинный путь, Откровеніе Господне вѣрно, умудряетъ простыхъ, повелѣнія Господни праведны, веселятъ сердце, заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщаетъ очи, страхъ Господень чистъ, пребываетъ въ вѣкъ, суды Господни истина, всѣ праведны, возжелѣннѣе золота и драгоценныхъ камней, слаще меда и капель сота и что въ соблюденіи ихъ великая награда. Тогда бы мракъ невѣжества насъ оставилъ и мы удивились бы, какъ можно искать блаженства въ пьянствѣ и обжорствѣ, и какъ можно пьянствомъ и обжорствомъ чествовать праздники, установленныя во славу Божию, тогда какъ этимъ мы чествуемъ діавола и ему приносимъ самую любезную для него жертву. Пьянство, обжорство и всякій развратъ сдѣлались бы для насъ омерзительны и у насъ рѣзко запечатлѣлись бы слова преподоб-

наго отца нашего Θεодосія Кіевопечерскаго: «о горе, и еще скажу, о горе, пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду... Бѣсы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволь, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего похотѣнія... И посылаетъ діаволь бѣсовъ, говоря: идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего похотѣнія... Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучали христіанъ отъ пьянства, но не отъ питія: ибо иное пьянство злое, а иное питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божию».

Вотъ и здравый смыслъ говоритъ намъ: вѣдь я хочу быть хорошимъ — добрымъ человекомъ — вѣдь не могу же я сказать: хочу быть дурнымъ — злымъ. А человекъ тогда только хорошъ — добръ, когда живетъ по заповѣдямъ Божиимъ, золь же и дуренъ, когда не покоряется имъ. И такъ: мнѣ необходимо жить по заповѣдямъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ — добрымъ, жить же такъ учить Церковь Божія и она есть самая лучшая въ этомъ учительница; буду же ее слушать, внимать и подчиняться ей. Найдется ли на это возражатель?!!

Но не для однихъ невѣждъ Церковь — руководительница; у ней неисчерпаемая сокровищница для мудрыхъ и сильныхъ земли. Не одна наша частная семейная жизнь должна устраиваться по ея наставленіямъ, но и жизнь самыхъ государствъ. Не даромъ, но для назнаменованія сего, когда возобновлялась государственная жизнь нашего отечества подъ державнымъ скиптромъ юнаго монарха Михаила Θεодоровича Романова, мать Церковь, въ лицѣ своего Патріарха — царева отца, мудраго и добродѣтельнаго Филарета, предстала обокъ царя его совѣтникомъ и руководителемъ.

Вотъ, на примѣръ, урокъ Церкви для мудрыхъ земли: теперь всѣ педагоги сознаютъ, что недостаточно образованъ умъ человека, нужно воспитать его волю. Какъ же воспитать? Объ этомъ написано многое множество книгъ, а во-

прось этотъ остается нерѣшеннымъ и никто изъ ученыхъ мужей не сказалъ окончательнаго слова. А Церковь съ самаго ея основанія уже разрѣшила его: она указала начала, на которыхъ должно созидаться это труднѣйшее дѣло, указала и средства къ достиженію цѣли и примѣнила ихъ на дѣлѣ, и всякій, кто съ разумѣніемъ воспитывалъ себя по ея руководству, знаетъ на опытъ, какъ тѣ начала вѣрны и тѣ средства дѣйствительны. Утверждая умъ въ вѣрномъ пониманіи основныхъ истинъ, просвѣщая мысль въ чистотѣ созерцанія великихъ дѣлъ Божіихъ, она приучаетъ волю нашу съ симъ согласовать свое желаніе, направлять къ указаннымъ ею цѣлямъ дѣятельность, побѣждать безпорядочныя вожделѣнія чувственности и въ ощущаемой при такой побѣдѣ радости находить награду за подвигъ. Такъ она возвышенными молитвами и пѣснями приводитъ нашу душу въ умиленіе, примѣрами высокихъ добродѣтелей св. мужей влечетъ насъ подражать имъ, постами приучаетъ отказываться на время отъ того, къ чему болѣе склоняетъ насъ чувственная природа, зовомъ на раннія, и позднія богослуженія учить побѣждать сонъ и лѣность для исполненія долга. О, какъ прекрасна, какъ добра, какъ премудра наша мать Церковь! Будемъ же любить, уважать ее и подчиняться ей!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И такъ видимый міръ звездъ и неуклонно возвѣщаетъ намъ о премудромъ и всеблагомъ Творцѣ, о началахъ и законахъ истинной, блаженной жизни — о любви все соединяющей и все содержащей. Здравый смыслъ каждому изъ насъ ясно, неопровержимо говорить, что непреложный долгъ нашъ любить своего Творца и покоряться Ему и что въ любви и послушаніи Ему — основаніе истинной блаженной жизни. Опытъ тысячелѣтій свидѣтельствуетъ, что другихъ путей къ блаженству нѣтъ и что нарушеніе святыхъ законовъ любви разрушаетъ основанія жизни и вноситъ порчу въ самую нашу

природу. Мало того. Творецъ изрекъ тѣже законы и указалъ тотъ же путь жизни человѣческимъ словомъ и примѣромъ чрезъ вдухновенныхъ Имъ мужей и чрезъ воплотившагося Единороднаго Сына Своего, и возвѣщаетъ о томъ же неумолчно чрезъ созижденную Имъ Церковь.

Какъ же люди нарушеніемъ законовъ жизни, преслушаніемъ Творцу и удаленіемъ себя отъ Него внесли порчу въ самую природу свою и подверглись осужденію правды Божіей, то благодать Творца въ премудрости Своей изыскала средство спасти отъ вѣчной гибели родъ человѣческій и указала еще новый путь, какъ переимѣнить судъ правды Божіей на милость по той же правдѣ и дать, такъ сказать, поводъ Любви Божіей излиться на насъ въ самыхъ обильныхъ благодѣяніяхъ: возсоздать не только въ первое, потерянное состояніе, но въ однокровныхъ братьевъ Единороднаго Сына Божія — сдѣлать ихъ едино въ Божественной любви съ Нимъ, — какъ вѣтви едино съ лозою, слѣдовательно возвести ихъ въ достоинство чадъ Божіихъ.

Путь этотъ простъ, легокъ и всякому доступенъ: нужно только полюбить возлюбившаго насъ до конца — Сладчайшаго Иисуса и тѣмъ возродить въ себѣ начатокъ, — почку, сѣмя истинной жизни — любовь къ Богу, явившему чрезъ Него всю бездну любви Своей къ намъ и, сознавъ свое паденіе, свою нищету духовную, искать оправданія въ заслугахъ того же Иисуса, который, какъ поставленный отъ Бога Первосвященникъ, можетъ сострадать намъ невѣждующимъ и заблуждающимъ и Который за насъ принесъ Себя въ жертву умиловленія, возсѣлъ одесную престола величія на небесахъ и во вѣкъ пребываетъ. А потому стоитъ только съ истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ, съ искреннимъ желаніемъ жизни по волѣ Божіей, съ святою любовію къ любвеобильному Иисусу, съ крѣпкою вѣрою въ искупительную Его жертву обратиться къ Богу и съ полною довѣренностію прибѣгнуть къ Тайнствамъ и руководительству Церкви, и грѣхи будутъ сняты, совѣсть освобождена отъ мученія, душа получить миръ свыше, мысль прояснится, силы укрѣпятся на подвиги добра и залогъ любви Божіей — радость духа возвеселитъ сердце, — однимъ словомъ: посѣтитъ помазаніе Св. Духа и изліются на тебя, человѣкъ, благодатныя Его дары и ты сдѣлаешься участникомъ царства Божія.

Все готово къ брачному пиру Сына Царева: упитанный телець закланъ, чертоги украшены и освѣщены, пути къ нимъ уровнены, путеводители на всѣхъ перекресткахъ разставлены, всѣхъ насъ зоветъ туда Домовладыка и ждетъ.

Но не спѣшатъ люди на этотъ зовъ. Одни покрыты такою корою невѣжества, суевѣрій, предрасудковъ, заботъ, суетъ, страстей и земныхъ привязанностей, что изъ подъ ней они трудно слышатъ голосъ возвѣстителей истины, худо видятъ пути къ ней ведущія, а лѣность — бездѣйствіе ума обуяла такъ, что они не хотятъ даже поднять руки, чтобы отъ наросшей грязи прочистить уши и протереть глаза. У другихъ уши хорошо слышатъ, глаза видятъ, но имъ какой нибудь лжепророкъ, или самозванные отцы и учителя запретили слушать и смотрѣть, и они затыкаютъ уши, чтобы не слышать, — закрываютъ глаза, чтобы не видѣть, а если случайно и придется услышать или увидѣть, то употребляютъ всѣ усилія, чтобы не уразумѣть. Третьи и слышатъ, и видятъ, и разумѣютъ, да имъ жалко оставить свои грѣховныя привязанности, остановить прибыльные дѣла, и они говорятъ: успѣемъ! еще будетъ время. Четвертые слушаютъ и разсматриваютъ, но напыщенные своимъ знаніемъ и гордые своимъ умомъ съ презрѣніемъ смотрятъ на Божіихъ вѣстниковъ и путеводителей; они кажутся имъ слишкомъ простыми, невѣжественными, и указываемыя ими пути проложенными не по правиламъ науки, и они говорятъ: сами лучше васъ знаютъ, и безъ васъ прямую дорогу проложить умѣемъ. Иные же до того вознеслись гордынею, что истины, возвѣщаемыя религіею, считаютъ за басни, недостойныя вниманія просвѣщенныхъ людей, а легковѣрные ихъ слушатели, почитая ихъ за нѣчто великое, чтобы самимъ показаться образованными, стыдятся не только внимать, но и слышать о тѣхъ истинахъ.

И такъ, одни не слышатъ призыва на брачный пиръ, потому что не хотятъ промыть глазъ и прочистить ушей отъ наросшей грязи невѣжества; другіе не смѣютъ слушать, потому что довѣряютъ болѣе слову лжецовъ, чѣмъ своему разсудку; третьи слушаютъ, но медлятъ идти, потому что временное, суетное предпочитаютъ вѣчному, истинному; четвертые вмѣсто того, чтобы спѣшить идти прямо вмѣстѣ съ другими, тратятъ дорогое время на проложеніе своего пути, потому что ставятъ себя выше посланниковъ Божіихъ; а

пятые вовсе отказываются отъ зова, потому что сами себя ставятъ богами. А между тѣмъ двери брачнаго чертога заворачиваются то для тѣхъ, то для другихъ, и тѣмъ званіямъ остаются внѣ чертога, во мракѣ пустоты, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ, гдѣ червь не умираетъ, гдѣ огонь не угасаетъ!.. О жалость!.. тѣмъ разумныхъ существъ, созданныхъ для блаженства, добровольно сами отрекаются отъ него и избираютъ гибель — вѣчныя муки! Какое легкомысліе, какое безразсудство!

Дѣтushки! побережемся—страшно впасть въ руки Бога живаго! и будемъ взывать вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ:

«Спаси мя, Боже, ибо воды дошли до души моей.

Я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, и не на чемъ стать; вошелъ въ глубину водъ, и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня.

Я изнемогъ отъ вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои отъ ожиданія Бога моего.

Боже! Ты знаешь безуміе мое, и грѣхи мои не сокрыты отъ Тебя.

Да не постыдятся во мнѣ всѣ, надѣющіеся на Тебя, Господи, Боже силъ. Да не посрамятся во мнѣ ищущіе Тебя, Боже Израилевъ.

Я съ молитвою моею къ Тебѣ, Господи; во время благоугодное, Боже, по великой благодати Твоей, услышь меня въ истинѣ спасенія Твоего.

Извлеки меня изъ тины, чтобы не погрязнуть мнѣ; да избавлюсь отъ ненавидящихъ меня и отъ глубокихъ водъ; да не увлечетъ меня стремленіе водъ, да не поглотитъ меня пучина, да не затворитъ надо мною пропасть зѣва своего.

Услышь меня, Господи, ибо блага милость Твоя; по множеству щедротъ Твоихъ призри на меня.

Не скрывай лица Твоего, отъ раба Твоего, ибо я скорблю; скоро услышь меня.

Приблизься къ душѣ моей, избавь её; ради враговъ моихъ спаси меня.

Я бѣденъ и страдаю; помощь Твоя, Господи, да возстановитъ меня.

Я буду славить Бога моего въ пѣсни, буду превозносить Его въ славословіи.

Увидятъ это страждущіе, и возрадуются. И оживетъ сердце ваше, ищущіе Бога. Ибо Господь внемлетъ нищимъ и не пренебрегаетъ узниковъ Своихъ.» (Изъ Псал. 68.).

Укажи мнѣ, Господи, пути Твои, и научи меня стезямъ Твоимъ.

Направь меня на истину Твою, и научи меня стезямъ Твоимъ, ибо Ты Богъ спасенія моего, на Тебя надѣюсь всякій день.

Вспомни щедроты Твои, Господи, и милости Твои, ибо онѣ отъ вѣка.

Грѣховъ юности моей и преступленій моихъ не вспоминай; по милости Твоей вспомни меня Ты, ради благодати Твоей, Господи!

Ради имени Твоего, Господи, прости согрѣшеніе мое; ибо велико оно.

Очи мои всегда къ Господу; ибо Онъ извлекаетъ изъ сѣти ноги мои.

Призри на меня, и помилуй меня; ибо я одинокъ и угнетенъ.

Скорби сердца моего умножились; выведи меня изъ бѣдъ моихъ.

Призри на страданіе мое и на изнеможеніе мое, и прости всѣ грѣхи мои.

Сохрани душу мою и избавь меня, да не постыжусь, что я на Тебя уповаю.

(Изъ Псал. 24).

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ изгладь беззаконія мои.

Многократно омой меня отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти меня.

Ибо беззаконія мои я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною.

Тебѣ, Тебѣ единому согрѣшилъ я, и лукавое предъ очами Твоими сдѣлалъ, такъ что Ты праведенъ въ приговорѣ Твоемъ и чистъ въ судѣ Твоемъ.

Вотъ я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣхъ родила меня мать моя.

Вотъ, Ты возлюбилъ истину въ сердцѣхъ, и внутри меня явилъ мнѣ мудрость Твою.

Окропи меня иссопомъ, и буду чистъ; омой меня, и буду бѣлѣе снѣга.

Дай мнѣ слышать радость и веселіе; и возрадуются кости, Тобою сокрушенныя.

Отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ, и изгладь всѣ беззаконія мои.

Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови внутри меня.

Не отвергни меня отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отними отъ меня.

Возврати мнѣ радость спасенія Твоего, и Духомъ владычественнымъ утверди меня.

Научу беззаконныхъ путямъ Твоимъ, и нечестивые къ Тебѣ обратятся.

Избавь меня отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего, и языкъ мой восхвалитъ правду Твою.

Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою.

Ибо жертвы Ты не желалъ, — я далъ бы еѣ; къ всесоженію не благоволишь.

Жертва Богу духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже.

Облагодѣтельствуй, Господи, по благоволенію Твоему Сіонъ; воздвигни стѣны Іерусалима.

Тогда благоуходны будутъ Тебѣ жертвы правды, возношеніе, и всесоженіе; тогда возложить на алтарь Твой тельцовъ. (Псал. 50).

Господи, Боже спасенія моего! днемъ вопію, и ночью предъ Тобою.

Да внидетъ предъ лице Твое молитва моя; приклони ухо Твое къ моленію моему; Ибо душа моя насытилась бѣдствіями, и жизнь моя приблизилась къ преисподней.

Я сравнялся съ нисходящими въ могилу; я сталъ, какъ челоувѣкъ безъ силы, между мертвыми брошенный, — какъ убитые, лежащіе во гробѣхъ, о которыхъ Ты уже не вспоминаешь, и которые отъ руки Твоей отринуты.

Ты положилъ меня въ ровъ преисподній, во мракъ, въ бездну.

Отяготѣла на мнѣ ярость Твоя, и всѣми волнами Твоими Ты поразилъ меня.

Ты удалилъ отъ меня знакомыхъ моихъ, сдѣлалъ меня отвратительнымъ для нихъ; я заключенъ и не могу выйти.

Око мое истомилось отъ горести; весь день я зывалъ къ Тебѣ, Господи; простиралъ къ Тебѣ руки мои.

Развѣ надъ мертвыми Ты сотворишь чудо? Развѣ мертвые встанутъ и будутъ славить Тебя?

Или во гробѣхъ будетъ возвѣщаема милость Твоя, и истина Твоя въ мѣстѣхъ тлѣніи? Развѣ во мракѣ познають чудеса Твои, и въ землѣ забвенія правду Твою?

Но я къ Тебѣ, Господи, взываю, и рано утромъ молитва моя предваряетъ Тебя.

Для чего, Господи, отрѣиваешь душу мою; скрываешь лице Твое отъ меня?

Я несчастенъ и истоеваю съ юности; несу ужасы Твои и изнемогаю.

Надо мною прошла ярость Твоя; устрашенія Твои сокрушили меня.

Всякій день окружаютъ меня, какъ вода: облегаютъ меня всѣ вмѣстѣ.

Ты удалилъ отъ меня друга и искренняго; знакомыхъ моихъ не видно. (Псал. 87).

Приклони, Господи, ухо Твое, и услышь меня; ибо я бѣденъ и нищъ.

Сохрани душу мою, ибо я благоговѣю предъ Тобою; спаси, Боже мой, раба Твоего, уповающаго на Тебя.

Помилуй меня, Господи, ибо къ Тебѣ взываю каждый день.

Возвесели душу раба Твоего, ибо къ Тебѣ, Господи, возношу душу мою; ибо Ты, Господи, благъ и милосердъ и многомилостивъ ко всѣмъ, призывающимъ Тебя.

Услышь, Господи, молитву мою, и внемли гласу моленія моего.

Въ день скорби моей взываю къ Тебѣ, потому что Ты услышишь меня.

Нѣтъ между богами, какъ Ты, Господи, и нѣтъ дѣлъ, какъ Твои.

Всѣ народы, Тобою сотворенные, придутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, и прославятъ имя Твое.

Ибо Ты великъ, и творишь чудеса; Ты, Боже, единъ Ты.

Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить въ истинѣ Твоей; утверди сердце мое въ страхъ имени Твоего.

Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой, всѣмъ сердцемъ моимъ и славить имя Твое вѣчно, ибо велика милость Твоя ко мнѣ; Ты избавилъ душу мою отъ ада пресподняго.

Боже! гордые возстали на меня, и скопище мятежниковъ ищетъ души моей; не представляютъ они Тебя предъ собою. Но Ты, Господи, Боже щедрый, и благосердный, долготерпѣливый и многомилостивый и истинный, призри на меня и помилуй меня; даруй крѣпость рабу Твоему, и спаси сына рабы Твоей; покажи на мнѣ знаменіе во благо; да видятъ ненавидящіе меня, и устыдятся, потому что Ты, Господи, помогъ мнѣ, и утѣшилъ меня. (Псал. 85).

Поспѣши, Боже, избавить меня, поспѣши, Господи, на помощь мнѣ.

Да постыдятся и посрамятся ищущіе души моей! Да будутъ обращены назадъ и преданы посмѣянью желающіе мнѣ зла!

Да будутъ обращены назадъ за поношеніе меня говорящіе мнѣ: хорошо! хорошо!

Да возрадуются и возвеселятся о Тебѣ всѣ, ищущіе Тебя, и любящіе спасеніе Твое, да говорятъ всепрестанно: великъ Богъ!

Я же бѣденъ и нищъ. Боже поспѣши ко мнѣ! Ты помощь моя и избавитель мой; Господи, не замедли! (Псал. 69).

На Тебя, Господи уповаю; да не постыжуся во вѣкъ.

По правдѣ Твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо Твое ко мнѣ, и спаси меня.

Будь мнѣ твердымъ прибежищемъ, куда я всегда могъ бы укрыться; Ты заповѣдалъ спасти меня, ибо твердость моя и крѣпость моя Ты.

Боже мой! избавь меня изъ руки нечестиваго, изъ руки беззаконника и притѣснителя. Ибо Ты надежда моя, Господи Боже, упованіе мое отъ юности моей.

На Тебѣ утвердился я отъ утробы; Ты извелъ меня изъ чрева матери моей; Тебѣ хвала моя не престанетъ.

Для многихъ я былъ какъ бы дивомъ; но Ты твердая моя надежда.

Да наполнятся уста моя хвалою, чтобы мнѣ воспѣть славу Твою, всякій день великолѣпіе Твое.

Не отвергни меня во время старости; когда будетъ оскудѣвать сила моя, не оставь меня.

Ибо враги мои говорятъ противъ меня, и подстерегающіе душу мою совѣтуются между собою, говоря: Богъ оставилъ его; преслѣдуйте и схватите его; ибо нѣтъ избавляющаго.

Боже! не удайся отъ меня; Боже мой! поспѣши на помощь мнѣ. Да постыдятся, и исчезнутъ враждующіе противъ души моей, да покроются стыдомъ и безчестіемъ ищущіе мнѣ зла!

А я всегда буду уповать на Тебя, и умножать всякую хвалу Твою. Уста мои будутъ возвѣщать правду Твою, всякій день благодаренія Твои, ибо я не знаю имъ числа.

Войду въ размышленіе о силахъ Господа Бога; вспомню правду Твою, единственно Твою.

Боже! Ты наставлялъ меня отъ юности моей, и до нынѣ я возвѣщаю чудеса Твои.

И до старости, и до сѣдины не оставь меня, Боже, доколѣ не возвѣщу силы Твоей роду сему и всѣмъ грядущимъ могущества Твоего.

Правда Твоя, Боже, до превыспреннихъ; великія дѣла содѣлалъ Ты, Боже! кто подобенъ Тебѣ?

Ты послалъ на меня многія и лютыя бѣды, но и опять оживлялъ меня, и изъ безднъ земли опять выводилъ меня.

Ты возвышалъ меня и утѣшалъ меня и изъ безднъ земли выводилъ меня.

И я буду славить на псалтырѣ, Твою истину, Боже мой; буду воспѣвать Тебя на гусляхъ, Святый Израилевъ!

Радуются уста мои, когда я пою Тебѣ, и душа моя, которую Ты избавилъ.

И языкъ мой всякій день будетъ возвѣщать правду Твою; ибо постыжены и посрамлены ищущіе мнѣ зла. (Псал. 70).

Изъ глубины взываю къ тебѣ, Господи, Господи! услышь голосъ мой. Да будутъ уши Твои внимательны къ голосу моленій моихъ.

Если Ты, Господи, будешь замѣчать беззаконія; Господи! кто устоитъ? Но у Тебя прощеніе; да благоговѣютъ предъ Тобою.

Надѣюсь на Господа, надѣется душа моя; на слово Его уповаю.

Душа моя ожидаетъ Господа болѣе, нежели стражи утра, болѣе, нежели стражи утра.

Да уповаешь Израиль на Господа; ибо у Господа милость и многое у Него избавленіе. И онъ избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его. Псал. 129.

Къ Тебѣ возвожу очи мои, Живущій на небесахъ!

Вотъ, какъ очи рабовъ обращены на руку господъ ихъ, какъ очи рабы—на руку госпожи ея; такъ очи наши къ Господу, Богу нашему, доколѣ Онъ помилуетъ насъ.

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ; ибо довольно мы насыщены презрѣніемъ. Довольно насыщена душа наша поношеніемъ отъ надменныхъ и уничиженіемъ отъ гордыхъ. Псал. 122.

Аллилуія!

Пойте, Богу нашему пойте, пойте Цареву нашему пойте!

Аллилуія, Аллилуія, Аллилуія!

Я радуюсь, что Господь услышалъ голосъ мой, моленіе мое; приклонилъ ко мнѣ ухо свое, и потому буду призывать Его во всѣ дни мои.

Объяли меня болѣзни смертныя, муки адскія постигли меня; я встрѣтилъ тѣсноту и скорбь. Тогда призвалъ я имя Господне: Господи! избавь душу мою. Милостивъ Господь и праведенъ, и милосердъ Богъ нашъ. Хранить Господь простодушныхъ: я изнемогъ, и Онъ помогъ мнѣ.

Возвратись, душа моя, въ покой твой, ибо Господь облагодѣтельствовалъ тебя.

Ты избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ноги мои отъ преткновенія. Буду ходить предъ лицемъ Господнимъ на землѣ живыхъ. (Псал. 114).

Къ Господу возвалъ я въ скорби моей, и Онъ услышалъ меня.

Господи! Избавь душу мою отъ устъ живыхъ, отъ языка лукаваго.

Что дастъ тебѣ и что прибавитъ тебѣ языкъ лукавый? Изощренныя стрѣлы сильнаго, съ горящими углями дроковыми.

Горе мнѣ, что я пребываю у Мосоха, живу въ шатрахъ Кидарскихъ. Долго жила душа моя съ ненавидящими миръ. Я миренъ: но только заговорю, они къ войнѣ. (Псал. 119).

Возвожу очи мои къ горамъ, откуда прійдетъ помощь моя.

Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю.

Не дастъ онъ поколебаться ногѣ твоей, не воздремлетъ хранящій тебя.

Не дремлетъ и не спитъ хранящій Израиля.

Господь хранитель твой; Господь сѣнь Твоя съ правой руки твоей.

Днемъ солнце не поразитъ тебя, ни луна ношю. Господь сохранилъ тебя отъ всякаго зла; сохранилъ душу твою Господь.

Господь будетъ охранять выходженіе твое и вхожденіе твое отнынѣ и вовеѣ. (Псал. 120).

Воспойте Господу пѣснь новую; воспойте Господу вся земля.

Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣствуйте со дня на день спасеніе Его.

Возвѣщайте въ народахъ славу Его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его. Ибо великъ Господь и достохваленъ, страшенъ Онъ паче всѣхъ боговъ. Ибо всѣ боги народовъ идола, а Господь небеса сотворилъ.

Слава и величіе предъ лицемъ Его, сила и великолѣпіе во святищѣ Его.

Воздайте Господу, племена народовъ, воздайте Господу славу и честь.

Воздайте Господу славу имени Его, несите дары, и идите во дворы Его.

Поклонитесь Господу во благолѣпнѣи святыни. Трепещи предъ лицемъ Его вся земля!

Скажите народамъ: Господь царствуетъ! потому тверда вселенная, не поколеблится. Онъ будетъ судить народы по правдѣ.

Да веселятся небеса, и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его. Да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ деревья дубравныя предъ лицемъ Господа, ибо идетъ, ибо идетъ судить землю. Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ, и народы по истинѣ Своей. (Пс. 95.)

Господь царствуетъ: да радуется земля; да веселятся многочисленные острова.

Облако и мракъ окрестъ Его; правда и судъ основаніе престола Его.

Предъ Нимъ идетъ огонь, и вокругъ попадаетъ враговъ Его.

Молніи Его освѣщаютъ вселенную; земля видитъ и трепещетъ.

Горы, какъ воскъ, таютъ отъ лица Господа, отъ лица Господа всей земли.

Небеса возвѣщаютъ правду Его, и всѣ народы видятъ славу Его.

Да постыдятся всѣ, служащіе истуканамъ, хвалящіеся идолами. Поклонитесь предъ Нимъ всѣ боги.

Слышитъ Сіонъ и радуется, и веселятся тщери Іудины ради судовъ Твоихъ, Господи. Ибо Ты, Господи, высокъ надъ всею землею, превознесенъ надъ всѣми богами.

Любящіе Господа, ненавидѣте зло. Онъ хранитъ души святыхъ Своихъ; изъ руки нечестивыхъ избавляетъ ихъ.

Свѣтъ сіяетъ на праведника и на правыхъ сердцемъ веселіе. Радуйтесь, праведные, о Господѣ, и славьте память святыни Его. (Пс. 96.)

Воспойте Господу новую пѣснь: ибо Онъ сотворилъ чудеса. Его десница и святая мышца Его доставили Ему побѣду.

Явилъ Господь спасеніе Свое, открылъ предъ очами народовъ правду свою.

Вспомнилъ Онъ милость Свою къ Іакову, и вѣрность Свою

къ дому Израилеву. Всѣ концы земли увидѣли спасеніе Бога нашего.

Воскликайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте.

Пойте Господу съ гуслями, съ гуслями и съ гласомъ псалмѣннѣи.

При звукѣ трубъ и рога торжествуйте предъ царемъ Господомъ.

Да шумитъ море, и что наполняетъ его, вселенная и живущіе въ ней; да рукоплещутъ рѣки; да ликуютъ вмѣстѣ горы предъ лицемъ Господа; ибо Онъ идетъ судить землю. Онъ будетъ судить вселенную праведно и народы вѣрно. (Пс. 97.)

Господь царствуетъ: да трепещутъ народы; Онъ возсѣдаетъ на Херувимахъ: да трясется земля!

Господь на Сіонѣ великъ, и высокъ Онъ надъ всѣми народами.

Да славятъ великое и страшное имя Твое; свято Оно!

И могущество царя любить судъ. Ты утвердилъ справедливость; судъ и правду Ты совершилъ въ Іаковѣ.

Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножію Его; свято оно!

Моисей и Ааронъ между священниками и Самуилъ между призывающими имя Его зывали къ Господу, и Онъ внималъ имъ.

Въ столпѣ облачномъ говорилъ Онъ къ нимъ; они хранили Его заповѣди и уставъ, который Онъ далъ имъ.

Господи, Боже нашъ! Ты внималъ имъ; Ты былъ для нихъ Богомъ прощающимъ и наказывающимъ за дѣла ихъ.

Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь на святой горѣ Его: ибо святъ Господь, Богъ нашъ. (Пс. 98.)

Воскликните Господу, вся земля!

Служите Господу съ веселіемъ; идите предъ лице Его съ восклицаніемъ!

Познайте, что Господь есть Богъ, что Онъ сотворилъ насъ, и мы Его, Его народъ и овцы паствы Его.

Входите во врата Его съ славословіемъ, во дворы Его съ хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его. Ибо блакъ Господь: милость Его во вѣки, и истина Его въ родъ и родъ. (Пс. 99.)

Милость и судъ буду пѣть; Тебѣ, Господи, буду пѣть.
Буду размышлять о пути непорочномъ: когда Ты придешь ко мнѣ? буду ходить въ непорочности моего сердца посреди дома моего.

Не положу предъ очами моими вещи непотребной; дѣло преступное я ненавижу; не прилѣпится оно ко мнѣ.

Сердце развращенное будетъ удалено отъ меня; злаго я не буду знать.

Тайно клеветещуго на ближняго своего изгону; гордаго очами и надменнаго сердцемъ не потерплю.

Глаза мои на вѣрныхъ земли, чтобы они пребывали при мнѣ; кто ходитъ путемъ непорочности, тотъ будетъ служить мнѣ.

Не будетъ жить въ домѣ моемъ поступающій коварно; говорящій ложь не останется предъ глазами моими. (Псал. 100.)

Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его.

Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всѣхъ благодѣяній Его.

Онъ прощаетъ всѣ беззаконія твои, исцѣляетъ всѣ недуги твои; избавляетъ отъ могилы жизнь твою, вѣнчаетъ тебя милостію и щедротами; насыщаетъ благами желаніе твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя.

Господь творитъ правду и судъ всѣмъ обиженнымъ.

Онъ показалъ пути Свой Моисею, сынамъ Израилевымъ дѣла Свой.

Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Не до конца гнѣвается и не во вѣкъ негодуешь.

Не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, и не по грѣхамъ нашимъ воздалъ намъ.

Ибо какъ высоко небо надъ землею, такъ велика милость Господа къ боящимся Его.

Какъ далекъ востокъ отъ запада, такъ удалилъ Онъ отъ насъ беззаконія наши.

Какъ отецъ милуетъ сыновъ, такъ милуетъ Господь боящихся Его. Ибо онъ знаетъ составъ нашъ, помнитъ, что мы — персть.

Дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и вѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его.

Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его, и правда Его на сынахъ сыновъ, хранящихъ заветъ Его и помнящихъ заповѣди Его, чтобы исполнять ихъ.

Господь на небесахъ поставилъ престолъ Свой, и царство Его всѣмъ обладаетъ.

Благословите Господа всѣ Ангелы Его, крѣпкіе силою, исполняющіе слово Его, повинуваясь гласу слова Его.

Благословите Господа всѣ воинства Его, служители Его, исполняющіе волю Его.

Благословите Господа всѣ дѣла Его, во всѣхъ мѣстахъ владычества Его. Благослови, душа моя, Господа! (Пс. 102.)

Славьте Господа, ибо Онъ благъ; ибо во вѣкъ милость Его.

Кто изречетъ могущество Господа, возвѣститъ всѣ хвалы Его?

Блаженны хранящіе судъ и творящіе правду во всякое время!

Вспомни о мнѣ, Господи, въ благоволеніи къ народу Твоему; посѣти меня спасеніемъ Твоимъ, дабы мнѣ видѣть благоденствіе избранныхъ Твоихъ, веселиться веселіемъ народа Твоего, хвалиться съ наследіемъ Твоимъ.

Согрѣшили мы съ отцами нашими, совершили беззаконіе, содѣлали неправду.

Отцы наши въ Египтѣ не уразумѣли чудесъ Твоихъ, не помнили множества милостей Твоихъ, и возмутились у моря, у Чермнаго моря.

Но Онъ спасъ ихъ ради имени Своего, дабы показать могущество Свое.

Грозно рекъ морю Черному, и оно изсохло; и провелъ ихъ по безднью, какъ по сушѣ; и спасъ ихъ отъ руки ненавидящаго, и избавилъ ихъ отъ руки врага.

Воды покрыли враговъ ихъ, ни одного изъ нихъ не осталось. И повѣрили они словамъ Его, и воспѣли хвалу Ему.

Но скоро забыли дѣла Его, не дождались Его изволенія; увлеклись похотѣніемъ въ пустынь, и искусили Бога въ необитаемой.

И Онъ исполнилъ прошеніе ихъ, но послалъ язву на души ихъ.

И позавидовали въ станѣ Моисею и Аарону, святому Господню.

Разверзлась земля, и поглотила Даана, и покрыла скопище Авирама. И возгорѣлся огонь въ скопищѣ ихъ, пламень попалилъ нечестивыхъ.

Сдѣлали тельца у Хорива, и поклонились истукану; и промѣняли славу свою на изображеніе вола, ядущаго траву.

Забыли Бога, Спасителя своего, совершившаго великое въ Египтѣ, дивное въ землѣ Хамовой, страшное у Чермнаго моря.

И хотѣлъ истребить ихъ, если бы Моисей, избранный Его, не сталъ предъ нимъ въ разсѣлинѣ, чтобы отвратить ярость Его, да не погубить ихъ.

И презрѣли они землю желанную, не вѣрили слову Его. И роптали въ шатрахъ своихъ, не слушались гласа Господня.

И поднялъ Онъ руку Свою на нихъ, чтобы низложить ихъ въ пустынѣ, низложить племя ихъ въ народахъ, и разсѣять ихъ по землямъ.

Они прилѣпились къ Ваалфегору, и ѣли жертвы бездушнымъ. И раздражили Бога дѣлами своими, и вторглась къ нимъ язва.

И возсталъ Финеесъ, и произвелъ судъ, — и остановилась язва. И это вмѣнено ему въ праведность въ роды и роды во вѣки.

И прогнѣвали Бога у водъ Меривы, и Моисей потерпѣлъ за нихъ. Ибо они огорчили духъ его, и онъ погрѣшилъ устами своими.

Не истребили народовъ, о которыхъ сказалъ имъ Господь; но смѣшались съ язычниками, и научились дѣламъ ихъ. Служили истуканамъ ихъ, которые были для нихъ сѣтью. И приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ, которыхъ приносили въ жертву идоламъ Ханаанскимъ, — и осквернилась земля кровью. Оскверняли себя дѣлами своими, блудодѣйствовали поступками своими.

И воспылалъ гнѣвъ Господа на народъ Его, и вознужался Онъ наслѣдіемъ своимъ. И предалъ ихъ въ руки язычниковъ, и ненавидящіе ихъ стали обладать ими.

Враги ихъ утѣсняли ихъ, и они смирились подъ рукою ихъ.

Много разъ Онъ избавлялъ ихъ; они же раздражали Его упорствомъ своимъ, и были унижаемы за беззаконіе свое.

Но Онъ призиралъ на скорбь ихъ, когда слышалъ вопль ихъ. И воспоминалъ завѣтъ Свой съ ними, и раскаявался по множеству милости Своей; и возбуждалъ къ нимъ состраданіе во всѣхъ, плѣнявшихъ ихъ.

Спаси насъ, Господи, Боже нашъ, и собери насъ отъ народовъ, дабы славить святое имя Твое, хвалиться Твоею славою.

Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ, отъ вѣка и до вѣка! И да скажетъ весь народъ: аминь! Аллилуія! (Псал. 105.)

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо вѣкъ милость Его!

Такъ да скажутъ избавленные Господомъ, которыхъ избавилъ Онъ отъ руки врага, и собралъ отъ странъ, отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря.

Они блуждали въ пустынѣ по безлюдному пути, и не находили населеннаго города; терпѣли голодъ и жажду, душа ихъ иставала въ нихъ.

Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій ихъ.

И повелъ ихъ прямымъ путемъ, чтобы они шли къ населенному городу.

Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ! Ибо Онъ насытилъ душу жаждущую и душу алчущую исполнилъ благами.

Они сидѣли во тмѣ и тѣни смертной, окованные скорбію и желѣзомъ; ибо не покорялись словамъ Божиимъ, и небрегли о волѣ Всевышняго.

Онъ смирилъ сердце ихъ работами; они преткнулись, и не было помогающаго.

Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ; вывелъ ихъ изъ тмы и тѣни смертной, и расторгнулъ узъ ихъ.

Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ! Ибо Онъ сокрушилъ врата мѣдныя, и веревъ желѣзныя сломилъ.

Безразсудные страдали за беззаконные пути свои и за неправды свои; отъ всякой пищи отвращалась душа ихъ, и они приближались ко вратамъ смерти.

Но воззвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ; послалъ слово Свое, и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ могилъ ихъ.

Да славятъ господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ!

Да приносятъ Ему жертву хвалы, и да возвѣщаютъ о дѣлахъ Его съ пѣніемъ!

Отправляющіеся на корабляхъ въ море, производящіе дѣла на большихъ водахъ, видятъ дѣла Господа и чудеса Его въ пучинѣ: Онъ речетъ, — и возстаетъ бурный вѣтеръ, и высоко подымаетъ волны его. Восходятъ до небесъ, нисходятъ до бездны; душа ихъ

истаеваются въ бѣдствіи. Они кружатся и шатаются, какъ пьяные, и вся мудрость ихъ исчезаетъ.

Но возвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ вывелъ ихъ изъ бѣдствія ихъ. Онъ превращаетъ бурю въ тишину, и волны умолкаютъ. И веселятся, что онѣ утихли, и Онъ приводитъ ихъ къ желаемой пристани.

Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ сыновъ человѣческихъ! Да превозносятъ Его въ собраніи народномъ, и даславятъ Его въ сонмѣ старѣйшинъ!

Онъ превращаетъ рѣки въ пустыню и источники водъ—въ сушу, землю плодородную—въ солончатую, за нечестіе живущихъ на ней.

Онъ превращаетъ пустыню въ озеро, и землю изсохшую въ источникъ водъ; и поселяетъ тамъ алчущихъ, и они строятъ городъ для обитанія; засѣваютъ поля, насаждаютъ виноградники, которые приносятъ имъ обильные плоды. Онъ благословляетъ ихъ, и они весьма размножаются, и скота ихъ не умаляютъ.

Уменьшились они, и упали отъ угнетенія, бѣдствія и скорби; Онъ изливаетъ безчестіе на князей, и оставляетъ ихъ блуждать въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ путей.

Бѣднаго же извлекаетъ изъ бѣдствія, и умножаетъ родъ его, какъ стада овецъ.

Праведники видятъ сіе, и радуются, а всякое нечестіе заграждаетъ уста свои.

Кто мудръ, тотъ замѣтитъ сіе, и уразумѣетъ милость Господа. (Псал. 106.)

Слаблю Тебя, Господа, всѣмъ сердцемъ моимъ въ совѣтѣ праведныхъ и въ собраніи.

Велики дѣла Господни, вожделѣнны для всѣхъ, любящихъ оныя.

Дѣло Его—слава и красота, и правда Его пребываетъ вѣкъ.

Памятными содѣлалъ Онъ чудеса Свои; милостивъ и щедръ Господь.

Пищу даетъ боящимся Его; вѣчно помнить завѣтъ Свой.

Силу дѣлъ Своихъ явилъ Онъ народу Своему, чтобы дать ему наслѣдіе изычниковъ.

Дѣла рукъ Его истина и судъ; всѣ заповѣди Его вѣрны, тверды на вѣки и вѣки, основаны на истинѣ и правотѣ.

Избавленіе послалъ Онъ народу Своему; заповѣдать на вѣки завѣтъ Свой. Свято и страшно имя Его!

Начало мудрости страхъ Господень; разумъ вѣрный у всѣхъ исполняющихъ заповѣди Его. Хвала Ему пребудетъ вѣкъ. (Псал. 110.)

Блаженъ мужъ, боящійся Господа и крѣпко любящій заповѣди Его.

Сильно будетъ на землѣ сѣмя его; родъ правыхъ благословится. Обиліе и богатство въ домъ его, и правда его пребываетъ вѣкъ.

Въ тьмѣ восходитъ свѣтъ правымъ; благодать онъ и милосердіе и праведенъ.

Добрый человѣкъ милуетъ и взаимно даетъ; онъ дастъ твердость словамъ своимъ на судъ. Онъ вѣкъ не поколеблется; въ вѣчной памяти будетъ праведникъ.

Не убоится худой молвы; сердце его твердо, уповаю на Господа. Утверждено сердце его; онъ не убоится, когда посмотритъ на враговъ своихъ.

Онъ расточилъ, раздалъ нищимъ; правда его пребываетъ во вѣки; рогъ его вознесется во славу.

Нечестивый увидитъ это, и будетъ досадовать, заскрежечетъ зубами своими, и истаеетъ. Желаніе нечестивыхъ погибнетъ. (Псал. 111.)

Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне.

Да будетъ имя Господне благословенно отнынь и вѣкъ.

Отъ восхода солнца до запада да будетъ прославляемо имя Господне.

Высокъ надъ всѣми народами Господь; надъ небесами слава Его.

Кто, какъ Господь, Богъ нашъ, который, обитая на высотѣ, приклоняется, чтобы призирать на небо и землю; изъ праха подымаетъ бѣднаго, изъ брѣня возвышаетъ нищаго, чтобы посадить его съ князьями, съ князьями народа его; неплодную вселяетъ въ домъ матерью, радующеюся о дѣтихъ? Аллилуія! (Пс. 112.)

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его.
Да скажетъ нынѣ домъ Израилевъ: Онъ благъ, ибо вѣкъ милость Его.

Да скажетъ нынѣ домъ Аароновъ: Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его.

Да скажутъ нынѣ боящіеся Господа: Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его.

Изъ тѣсноты воззвалъ я къ Господу, и услышалъ меня, и на просторное мѣсто вывелъ меня Господь.

Господь за меня, не усташу: что сдѣлаетъ мнѣ человекъ?

Господь мнѣ помощникъ: буду смотрѣть на враговъ моихъ.

Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человека.

Лучше уповать на Господа нежели надѣяться на князей.

Всѣ народы окружили меня; но именемъ Господнимъ я низложилъ ихъ.

Обступили меня, окружили меня; но именемъ Господнимъ я низложилъ ихъ.

Окружили меня, какъ пчелы сотъ, и угасли, какъ огонь въ тернѣ; именемъ Господнимъ я низложилъ ихъ.

Сильно толкнули меня, чтобы я упалъ; но Господь поддержалъ меня.

Господь сила моя и пѣснь; Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ.

Гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ: десница Господня творить силу!

Не умру, но буду жить и возвѣщать дѣла Господни.

Строго наказалъ меня Господь; но смерти не предать меня.

Отворите мнѣ врата правды; войду въ нихъ, прославлю Господа. Вотъ врата Господа; праведные войдутъ въ нихъ.

Славлю Тебя, что Ты услышалъ меня, и содѣлался моимъ спасеніемъ.

Камень, который отвергли строители, содѣлался главою угла.

Это отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ.

Сей день сотворилъ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оный!

О, Господи, спаси же! О, Господи, споспѣшествуй же!

Благословенъ грядущій во имя Господне! Благославляемъ васъ изъ дома Господня.

Богъ — Господь, и осіялъ насъ; вяжите вервами жертву, ведите къ рогамъ жертвенника.

Ты Богъ мой: буду славить Тебя; Ты Богъ мой: буду превоз-

носить Тебя; буду славить Тебя, ибо Ты услышалъ меня и содѣлался моимъ спасеніемъ.

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо вѣкъ милость Его.
(Псал. 117.)

Блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законѣ Господнемъ.
Блаженны хранящіе откровенія Его, всѣмъ сердцемъ ищущіе Его.

Они не дѣлаютъ беззаконія, ходятъ путями Его.

Ты заповѣдалъ повелѣнія Твои хранить твердо. О, если бы направились пути мои къ соблюденію уставовъ Твоихъ! Тогда я не постыдился бы, взирая на всѣ заповѣди Твои; я славилъ бы Тебя въ правотѣ сердца, поучаясь судамъ правды Твоей.

Буду хранить уставы Твои; не оставляй меня совсѣмъ.

Какъ юношѣ содержать въ чистотѣ путь свой? Храненіемъ себя по слову Твоему.

Всѣмъ сердцемъ моимъ ищу Тебя; не дай мнѣ уклониться отъ заповѣдей Твоихъ.

Въ сердцѣ моемъ сокрылъ я слово Твое, чтобы не грѣшить предъ Тобою.

Благословенъ Ты, Господи! научи меня уставамъ Твоимъ.

Устами моими возвѣщалъ я всѣ суды устъ Твоихъ.

На пути откровеній Твоихъ я радуюсь, какъ во всякомъ богатствѣ.

О заповѣдяхъ Твоихъ размышляю, и взираю на пути Твои.

Устами Твоими утѣшаюсь: не забываю слова Твоего.

Яви милость рабу Твоему, и буду жить и хранить слово Твое.

Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего.

Странникъ я на землѣ; не скрывай отъ меня заповѣдей Твоихъ.

Истомилась душа моя желаніемъ судовъ Твоихъ во всякое время.

Ты укротилъ гордыхъ, проклятыхъ, уклоняющихся отъ заповѣдей Твоихъ.

Сними съ меня поношеніе и посрамленіе, ибо я храню откровенія Твои.

Князья сидятъ и стовариваются противъ меня; а рабъ Твой размышляетъ объ уставахъ Твоихъ.

Откровенія Твои — утѣшеніе мое, и уставы Твои — совѣтники мои.

Душа моя повержена въ прахъ; оживи меня по слову Твоему.

Объявилъ я пути мои, и Ты услышалъ меня; научи меня уставамъ Твоимъ.

Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ, и буду размышлять о чудесахъ Твоихъ.

Душа моя истаетъ отъ скорби: укрѣпи меня по слову Твоему. Удали отъ меня путь лжи, и законъ Твой даруй мнѣ.

Я избралъ путь истины, поставилъ предъ собою суды Твои.

Я прилѣпился къ откровеніямъ Твоимъ, Господи; непостыди меня.

Потеку путемъ заповѣдей Твоихъ, когда Ты расширишь сердце мое.

Укажи мнѣ, Господи, путь уставовъ Твоихъ, и я буду держаться его до конца.

Вразуми меня, и буду соблюдать законъ Твой, и хранить его всѣмъ сердцемъ.

Поставь меня на стезю заповѣдей Твоихъ, ибо я возжелалъ ея.

Приклони сердце мое къ откровеніямъ Твоимъ, а не къ корысти.

Отврати очи мои, чтобы не видѣть суеты; животвори меня на пути Твоемъ.

Утверди слово Твое рабу Твоему, ради благоговѣнія предъ Тобою.

Отврати поношеніе мое, котораго я боюсь; ибо суды Твои благи.

Вотъ, я возжелалъ повелѣній Твоихъ; животвори меня правдою Твоею.

Да придутъ ко мнѣ милости Твои, Господи, спасеніе Твое по слову Твоему.

И я дамъ отвѣтъ поносящему меня: ибо уповаю на слово Твое.

Не отнимай совѣтъ отъ устъ моихъ слова истины; ибо я уповаю на суды Твои; и буду хранить законъ Твой всегда, во вѣки и вѣки.

Буду ходить свободно; ибо я взыскалъ повелѣній Твоихъ.

Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями, и не постыжусь.

Буду утѣшаться заповѣдями Твоими, которыя возлюбилъ.

Руки мои буду простирать къ заповѣдямъ Твоимъ, которыя возлюбилъ, и размышлять объ уставахъ Твоихъ.

Вспомни слово къ рабу Твоему, на которое Ты велѣлъ мнѣ уповать. Это утѣшеніе въ бѣдствіи моемъ, что слово Твое оживляетъ меня.

Гордые крайне ругались надо мною; но я не уклонился отъ закона Твоего. Вспоминалъ суды Твои, Господи, отъ вѣка, и утѣшался.

Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой.

Уставы Твои были пѣснями моими на мѣстѣ странствованій моихъ.

Ночью воспоминалъ я имя Твое, Господи, и хранилъ законъ Твой. Онъ сталъ моимъ, ибо повелѣнія Твои храню.

Удѣлъ мой, Господи; сказалъ я, соблюдать слова Твои.

Молился я Тебѣ всѣмъ сердцемъ: помилуй меня по слову Твоему.

Размышлялъ о путяхъ моихъ, и обращалъ стопы мои къ откровеніямъ Твоимъ.

Спѣшилъ и не медлилъ соблюдать заповѣди Твои.

Сѣти нечестивыхъ окружили меня; но я не забывалъ закона Твоего.

Въ полночь вставалъ славословить Тебя за праведные суды Твои.

Общникъ я всѣмъ боящимся Тебя и хранящимъ повеленія Твои.

Милости Твоей, Господи, полна земля; научи меня уставамъ Твоимъ.

Благо сотворилъ Ты рабу Твоему, Господи, по слову Твоему.

Доброму разумѣнію и вѣдѣнію научи меня; ибо заповѣдямъ Твоимъ я вѣрую.

Прежде страданія моего я заблуждалъ; а нынѣ слово Твое храню.

Благи и благодѣтели Ты, Господи; научи меня уставамъ Твоимъ.

Гордые сплетаютъ на меня ложь; я же всѣмъ сердцемъ буду хранить повелѣнія Твои.

Ожирѣло сердце ихъ, какъ тукъ; я же закономъ Твоимъ утѣшаюсь.

Благо мнѣ, что я пострадалъ, дабы научиться уставамъ Твоимъ.

Законъ устъ Твоихъ для меня лучше тысячъ золота и серебра.

Руки Твои сотворили меня и устроили меня; вразуми меня, и научусь заповѣдямъ Твоимъ.

Боящіеся Тебя увидятъ меня, и возрадуются, что я уповаю на слово Твое.

Знаю, Господи, что суды Твои праведны, и по справедливости Ты наказалъ меня.

Да будетъ же милость Твоя утѣшеніемъ моимъ, по слову Твоему къ рабу Твоему.

Да придетъ ко мнѣ милосердіе твое, и я буду жить: ибо законъ Твой утѣшеніе мое.

Да будутъ постыжены гордые, ибо безвинно угнетаютъ меня; я размышляю о повелѣніяхъ Твоихъ.

Да обратятся ко мнѣ боящіеся Тебя и знающіе откровенія Твои.

Да будетъ сердце мое непорочно въ уставахъ Твоихъ, чтобы я не посрамился.

Истаеваютъ душа моя о спасеніи Твоемъ; уповаю на слово Твое.

Истаеваютъ очи мои о словѣ Твоемъ; я говорю: когда Ты утѣшишь меня?

Я сталъ, какъ мѣхъ въ дыму: по уставовъ Твоихъ не забылъ.

Сколько дней раба Твоего? Когда произведешь судъ надъ гонителями моими?

Яму вырыли мнѣ гордые, вопреки закону Твоему.

Всѣ заповѣди Твои—истина; не справедливо преслѣдуютъ меня; помоги мнѣ.

Едва не погубили меня на землѣ, но я не оставилъ повелѣній Твоихъ.

По милости Твоей оживляй меня, и буду хранить откровенія устъ Твоихъ.

На вѣки, Господи, слово Твое утверждено на небесахъ; истина Твоя въ родъ и родъ. Ты поставилъ землю, и она стоитъ.

По опредѣленіямъ Твоимъ—все стоитъ до нынѣ; ибо все служить Тебѣ.

Еслибы не законъ Твой былъ утѣшеніемъ моимъ, погибъ бы я въ бѣдствіи моемъ.

Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо ими Ты оживляешь меня.

Твой я, спаси меня; ибо я разыскалъ повелѣній Твоихъ.

Нечестивые подстерегаютъ меня, чтобы погубить: а я углубляюсь въ откровенія Твои.

Я видѣлъ предѣлъ всякаго совершенства; но Твоя заповѣдь безмѣрно обширна.

Какъ люблю я законъ Твой! Весь день размышляю о немъ.

Заповѣдію Твоею Ты содѣлалъ меня мудрѣе враговъ моихъ; ибо она всегда со мною.

Я сталъ разумнѣе всѣхъ учителей моихъ; ибо размышляю объ откровеніяхъ Твоихъ.

Я свѣдущъ болѣе старцевъ; ибо повелѣнія Твои храню.

Ото всякаго злаго пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое.

Отъ судовъ Твоихъ не уклоняюсь, ибо Ты научаешь меня.

Какъ сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устамъ моимъ.

Повѣленіями Твоими я вразумленъ; потому ненавижу всякій путь лжи.

Слово Твое свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣй моей.

Я клялся хранить праведные суды Твои, и исполню.

Сильно угнетенъ я, Господи; оживи меня по слову Твоему.

Благоволи же, Господи, принять добровольную жертву устъ моихъ, и судамъ Твоимъ научи меня.

Душа моя непрестанно въ рукѣй моей; но закона Твоего не забываю.

Нечестивые поставили для меня сѣть; но я не уклонился отъ повелѣній Твоихъ.

Откровенія Твои я принялъ, какъ наслѣдіе на вѣки; ибо они веселіе сердца моего.

Я приклонилъ сердце мое къ исполненію уставовъ Твоихъ на вѣкъ до конца.

Вымысловъ человѣческихъ ненавижу, а законъ Твой люблю.

Ты покровъ мой и щитъ мой; на слово Твое уповаю.

Удалитесь отъ меня, беззаконные; и буду хранить заповѣди Бога моего.

Укрѣпи меня по слову Твоему, и буду жить; не посрами меня въ надеждѣй моей.

Поддержи меня, и спасусь, и въ уставы Твои буду вникать непрестанно.

Всѣхъ, отступающихъ отъ уставовъ Твоихъ, Ты низлагаешь; ибо ухищренія ихъ—ложь.

Какъ изгарь, отмечаешь Ты всѣхъ нечестивыхъ земли; потому я возлюбилъ откровенія Твои.

Трепещетъ отъ страха Твоего плоть моя, и судовъ Твоихъ я боюсь.

Я совершалъ судъ и правду; не предай меня гонителямъ моимъ.

Заступи раба Твоего ко благу его, чтобы не угнетали меня гордые.

Истаеваютъ очи мои, ожидая спасенія Твоего и слова правды Твоей.

Сотвори съ рабомъ Твоимъ по милости Твоей, и уставамъ Твоимъ научи меня.

Я рабъ Твой: вразуми меня, и познаю откровенія Твои.
 Время Господу дѣйствовать: законъ Твой разорили.
 А я люблю заповѣди Твои болѣе золота, и золота чистаго.
 Всѣ повелѣнія Твои, всѣ признаю справедливыми; всякій путь
 лжи ненавижу.
 Дивны откровенія Твои; потому хранить ихъ душа моя.
 Откровеніе словъ Твоихъ просвѣщаетъ, вразумляетъ простыхъ.
 Открываю уста мои, и вздыхаю; ибо заповѣдей Твоихъ жажду.
 Призри на меня и помилуй меня, какъ поступаешь съ любя-
 щими имя Твое.
 Утверди стопы мои въ словѣ Твоемъ, и не дай овладѣть мною
 никакому беззаконію.
 Избавь меня отъ угнетенія человѣческаго, и буду хранить по-
 велѣнія Твои.
 Осіяй раба Твоего свѣтомъ лица Твоего, и научи меня уста-
 вамъ Твоимъ.
 Изъ глазъ моихъ текутъ потоки водъ отъ того, что не хранятъ
 закона Твоего.
 Праведенъ Ты, Господи, и справедливы суды Твои.
 Откровенія Твои, которыя Ты заповѣдалъ, правда и совершен-
 ная истина.
 Ревность моя свѣдаетъ меня, потому что мои враги забыли
 слова Твои.
 Слово Твое весьма чисто, и рабъ Твой возлюбилъ его.
 Малъ я и презрѣнъ; но повелѣній Твоихъ не забываю.
 Правда Твоя—правда вѣчная, и законъ Твой—истина.
 Скорбь и горестъ постигли меня; заповѣди Твои утѣшеніе мое.
 Правда откровеній Твоихъ вѣчна: вразуми меня и буду жить.
 Взываю всѣмъ сердцемъ моимъ: услышь меня, Господи; и со-
 храню уставы Твои.
 Призываю Тебя; спаси меня, и буду хранить откровенія Твои.
 Предваряю разсвѣтъ, и взываю; на слово Твое уповаю.
 Очи мои предваряютъ утреннюю стражу, чтобы мнѣ углубляться
 въ слово Твое.
 Услышь гласъ мой по милости Твоей, Господи; по суду Твоему
 оживи меня.
 Приблизились замышляющіе лукавство; далеки они отъ закона
 Твоего.
 Близокъ Ты, Господи, и всѣ заповѣди Твои истина.

Издавна узналъ я объ откровеніяхъ Твоихъ, что Ты утвердилъ
 ихъ на вѣки.
 Воззри на бѣдствіе мое, и избавь меня; ибо я не забываю за-
 конъ Твоего.
 Вступись въ дѣло мое, и защити меня; по слову Твоему оживи
 меня.
 Далеко отъ нечестивыхъ спасеніе; ибо они уставовъ Твоихъ не
 ищутъ.
 Много щедротъ Твоихъ, Господи; по суду Твоему оживи меня.
 Много у меня гонителей и враговъ; но отъ откровеній Твоихъ
 я не удаляюсь.
 Вижу отступниковъ, и сокрушаюсь, ибо они не хранятъ слова
 Твоего.
 Зри, какъ я люблю повелѣнія Твои; по милости Твоей, Господи,
 оживи меня.
 Основаніе слова Твоего истинно, и вѣченъ всякій судъ правды
 Твоей.
 Князья гонятъ меня безвинно; но сердце мое боится слова
 Твоего.
 Радуюсь я слову Твоему, какъ получившій великую прибыль.
 Ненавижу ложь и гнушаюсь ею; законъ же Твой люблю.
 Седмикратно въ день прославляю Тебя за суды правды Твоей.
 Великъ миръ у любящихъ законъ Твой, и нѣтъ имъ преткно-
 венія.
 Уповаю на спасеніе Твое, Господи, и заповѣди Твои исполняю.
 Душа моя хранитъ откровенія Твои, и я люблю ихъ крѣпко.
 Храню повелѣнія Твои и откровенія Твои; ибо всѣ пути мои
 предъ Тобою.
 Да приблизится вопль мой предъ лице Твое, Господи; по слову
 Твоему вразуми меня.
 Да прійдетъ моленіе мое предъ лице Твое; по слову Твоему из-
 бавь меня.
 Уста мои произнесутъ хвалу, когда Ты научишь меня уста-
 вамъ Твоимъ.
 Языкъ мой возгласитъ слово Твое; ибо всѣ заповѣди Твои пра-
 ведны.
 Да будетъ рука Твоя въ помощь мнѣ; ибо я повелѣнія Твои
 избралъ.
 Жажду спасенія Твоего, Господи, и законъ Твой утѣшеніе мое.

Да живеть душа моя, и славить Тебя, и суды Твои да помогутъ мнѣ.

Я заблудился, какъ овца потерянная: взыщи раба Твоего; ибо я заповѣдей Твоихъ не забылъ. (Псал. 118).

Господи! къ Тебѣ взываю; послѣвши ко мнѣ, внемли голосу мольбы моего, когда взываю къ Тебѣ.

Да направится молитва моя, какъ еиміамъ, предъ лице Твое, воздѣланіе рукъ моихъ, какъ жертва вечерняя.

Положи, Господи, охрану устамъ моимъ; и огради двери устъ моихъ; не дай уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ вмѣстѣ съ людьми, дѣлающими беззаконіе, и да не вкушу я отъ сластей ихъ.

Пусть наказываетъ меня праведникъ, это милость; пусть обличаетъ меня, это лучший елей, который не повредитъ головѣ моей; но мольбы мои противъ злодѣйствъ ихъ.

Къ Тебѣ, Господи, Господи, очи мои; на Тебя уповаю, не отринь души моей!

Сохрани меня отъ силковъ, поставленныхъ для меня, отъ тенетъ беззаконниковъ.

Падутъ нечестивые въ сѣти свои, а я перейду. (Псал. 140).

Много тѣснили меня отъ юности моей, да скажетъ Израиль; много тѣснили меня отъ юности моей, но не одолѣли меня.

На хребтѣ моемъ орали оратаи, проводили длинныя борозды свои.

Но Господь праведенъ; Онъ разсѣкъ узы нечестивыхъ.

Да постыдятся и обратятся назадъ всѣ, ненавидящіе Сіонъ.

Да будутъ, какъ трава на кровляхъ, которая прежде, нежели будетъ исторгнута, засыхаетъ, второю жнець не наполнить руки своей, и вяжущій снопы—горсти своей; и проходящіе мимо не скажутъ: благословеніе Господне на васъ; благославляемъ васъ именемъ Господнимъ! (Псал. 128).

Если бы не Господь былъ съ нами, да скажетъ Израиль.—Если бы не Господь былъ съ нами, когда возстали на насъ люди, то живыхъ они поглотили бы насъ, когда возгорѣлась ярость ихъ

на насъ; воды потопили бы насъ; потокъ прошелъ бы надъ душею нашею; прошли бы надъ душею нашею воды бурныя.

Благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ!

Душа наша избавилась, какъ птица, изъ сѣти ловящихъ; сѣть расторгнута, и мы избавились.

Помощь наша отъ имени Господа, сотворшаго небо и землю. (Псал. 123).

Когда возвращалъ Господь плѣнъ Сіона, мы были какъ бы видящіе во снѣ.

Тогда уста наши были полны веселія, и языкъ нашъ—пѣнія; тогда между народами говорили: великое сотворилъ Господь надъ ними!

Великое сотворилъ Господь надъ нами: мы радовались.

Возврати, Господи, плѣнниковъ нашихъ, какъ потоки на полдень.

Сѣявшіе со слезами, будутъ пожинать съ радостію.

Съ плачемъ несущій сѣмена, возвратится съ радостію, неся снопы свои. (Псал. 125).

Надѣющійся на Господа, какъ гора Сіонъ, не подвижется, пребываетъ во вѣкъ.

Горы окрестъ Іерусалима, а Господь окрестъ народа Своего отнынѣ и во вѣкъ.

Ибо не оставитъ Господь жезла нечестивыхъ надъ жребіемъ праведныхъ, дабы праведные не простерли рукъ своихъ къ беззаконію.

Благотвори Господи, добрымъ и правымъ въ сердцахъ своихъ.

А совращающихся на кривые пути свои да оставитъ Господь ходить съ дѣлающими беззаконіе. Миръ на Израиль! (Псал. 124).

Если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строящіе его; если Господь не охраняетъ города, напрасно бодрствуетъ стража.

Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, ядите хлѣбъ печали, тогда какъ возлюбленному Своему Онъ даетъ сонъ.

Вотъ наслѣдіе отъ Господа: дѣти; награда отъ Него — плодъ чрева.

Что стрѣлы въ рукѣ сильнаго, то сыновья молодые.

Блаженъ человекъ, который наполнилъ ими колчанъ свой! Не останутся они въ стыдѣ, когда будутъ говорить съ врагами въ вѣрохъ. (Псал. 126).

Блаженъ всякій боящійся Господа, ходящій путями Его.

Ты будешь ѣсть отъ трудовъ рукъ твоихъ; блаженъ ты, и благо тебѣ!

Жена твоя, какъ плодовая лоза, въ домѣ твоёмъ; сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей.

Такъ благословится человѣкъ, боящійся Господа!

Благословить тебя Господь съ Сіона, и увидишь благоденствіе Іерусалима во всѣ дни жизни твоей.

Увидишь сыновей у сыновей твоихъ. Миръ на Израилѣ! (Псал. 127).

Благословенъ Господь, твердыня моя, обучающій руки мои битвѣ и персты мои брани, милость моя и огражденіе мое, приближище мое и избавитель мой, щитъ мой, — и я на Него уповаю; Онъ подчиняетъ мнѣ народъ мой.

Господи! что есть человѣкъ, что ты знаешь о немъ, и сынъ человѣческій, что Ты обращаешь на него вниманіе?

Человѣкъ подобенъ дуновенію; дни его, какъ уклоняющаяся тѣнь.

Господи! Приклони небеса Твои, и сойди; коснись горъ, и воздымаются.

Блесни молніею, и разсѣй ихъ; пусти стрѣлы Твои, и разстрой ихъ.

Простри съ высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня отъ водъ многихъ, отъ руки сыновъ иноплеменныхъ, которыхъ уста говорятъ суетное, и которыхъ десница — десница лжи.

Боже! новую пѣснь воспой Тебѣ, на десятиструнной псалтири воспой Тебѣ, дарующему спасеніе царямъ и избавляющему Давида, раба Своего, отъ лютаго меча.

Избавь меня и спаси меня отъ руки сыновъ иноплеменныхъ, которыхъ уста говорятъ суетное, и которыхъ десница — десница лжи.

Да будутъ сыновья наши, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости; дочери наши, какъ искусно изваянные столпы въ чертогахъ.

Да будутъ житницы наши полны, обильны всякимъ хлѣбомъ; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитяхъ нашихъ; да будутъ волы наши тучны; да не будетъ ни расхищенія, ни пропажи, ни воплей на улицахъ нашихъ.

Блаженъ народъ, у котораго это есть. Блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ. (Псал. 143).

Не надѣйтесь на князей, ни сына человѣческаго, въ которомъ нѣтъ спасенія.

Выходитъ духъ его, и онъ возвращается въ землю свою; въ тотъ день исчезаютъ всѣ помысленія его.

Блаженъ, кому помощникъ Богъ Іаковлевъ, у кого надежда на Господа Бога его, сотворившаго небо и землю, море и все что въ нихъ, вѣчно хранящаго вѣрность, творящаго судъ обиженнымъ, дающаго хлѣбъ алчущимъ.

Господь разрѣшаетъ узниковъ; Господь отверзаетъ очи слѣпыхъ, Господь возставляетъ согбенныхъ; Господь любитъ праведныхъ.

Господь хранитъ пришельцевъ, поддерживаетъ сироту и вдову; а путь нечестивыхъ извращаетъ.

Господь будетъ царствовать во вѣки, Богъ твой, Сіонъ, въ родъ и родъ. Аллилуія! (Псал. 145).

Аллилуія, Аллилуія, Аллилуія!

Слава Тебѣ Боже!

Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Обращеніе къ дѣтямъ	I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О томъ, что проповѣдуетъ намъ вселенная.

I. Вселенная — книга, перстомъ Божиимъ начертанная	I
II. Какъ представляется нашимъ чувствамъ небо и небесныя свѣтила, псаломъ 18.	
III. Что открыли люди своими учеными изслѣдованіями о землѣ, небѣ и небесныхъ свѣтилахъ	5
IV. Чему поучаетъ насъ это; псаломъ 135	10
V. Земля, ея наружный составъ и что внутри земли; псал. 144	13
VI. Вода, Іова гл. 38 и псал. 148.	19
VII. Зима и лѣто, псалмы 1 и 94	27
VIII. Царство прозябаемыхъ, псал. 138.	34
IX. Рыбы	38
X. Птицы, псал. 83	39
XI. Звѣри и скоты	45
XII. Насѣкомыя	50
XIII. Змѣй, жаба, паукъ	54
XIV. Псалмы 28 и 103, и ода: Богъ	55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О томъ, что намъ говоритъ здравый смыслъ, возвѣщаютъ св. пророки и свѣдѣтельствуютъ опыты и исторія древняго міра.

I. Тѣлесное устройство человѣка	60
II. Душа человѣка, пс. 8 и 150.	63
III. Что воздастъ Господи о всѣхъ, яже воздаде ми	67

IV. Паденіе челоѣка	73
V. Родъ челоѣческій до явленія Спасителя	75
VI. Патріархи	79
VII. Знаменія и чудеса, явленныя посланниками Божиими. Псал. 134 и 135.	—
VIII. Заповѣди Божіи и законодательство Моисея	81
IX. Пророчества и прообразованія о Мессіи	85
X. Время предъ явленіемъ Мессіи	88

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О томъ, чему учить Христосъ.

I. Рождество Христово	90
II. Преподобная Марія и праведный Іосифъ. Псал. 90	91
III. О томъ же и пс. 44	94
IV. Жизнь І. Христа до крещенія и крещеніе.	95
V. Постъ и искушеніе	97
VI. Іоаннъ Креститель и Предтеча и начало проповѣди І. Христа	100
VII. Проповѣдь І. Христа: — а) о покаяніи	101
VIII. — б) о смиреніи и сокрушеніи о грѣхахъ и о милосердіи Божіемъ.	102
IX. — в) о безуміи тѣхъ, которые откладываютъ покаяніе и надѣются на свое богатство	104
X. — г) о томъ, что и въ концѣ жизни покаявшіеся получаютъ отъ премилосердаго Отца одинаковую награду съ благовременно покаявшимися	105
XI. — д) о милосердіи	106
XII. — е) о кротости, миролюбіи, чистотѣ сердца, правдолюбіи и упованіи на Бога	107
XIII. — ж) о царствіи Божіемъ	108
XIV. — з) о любви	110
XV. — и) о поклоненіи Богу духомъ	111
XVI. — і) о молитвѣ, о неосужденіи другихъ и общемъ правилѣ жизни въ обществѣ людей	112
XVII. — к) о слушаніи слова Божія	113
XVIII. Благодѣянія І. Христа народу и ненависть къ Нему старѣйшихъ	114
XIX. Чудеса І. Христа	116
XX. Невѣріе книжниковъ, исповѣданіе Апостоловъ. Господь являетъ Себя пастыремъ добрымъ, хлѣбомъ животнымъ и свѣтомъ міра	120
XXI. Преображеніе Господа	123
XXII. Путешествіе І. Христа въ Іерусалимъ	124
XXIII. Притча о минахъ	130
XXIV. Воскресеніе Лазаря	132
XXV. Рѣшеніе Синадріона убить І. Христа	134
XXVI. Вечери въ домѣ Симона прокаженнаго	135

XXVII. Торжественный входъ въ Іерусалимъ	136
XXVIII. Проклятіе смоковницы	140
XXIX. Господь очищаетъ храмъ отъ торжниковъ	141
XXX. Посланные отъ синадріона спрашиваютъ: какою властію Онъ это дѣлаетъ?	143
XXXI. Фарисеи и Саддукеи искушаютъ І. Христа	149
XXXII. І. Христосъ обличаетъ лицеѣровъ	152
XXXIII. Господь смотритъ не на лица и цѣнность даровъ, а на сердца приносящихъ дары	154
XXXIV. Гласъ съ неба при храмѣ	155
XXXV. Бесѣда Господа съ учениками на Елеонской горѣ	157
XXXVI. Продолженіе тойже бесѣды	160
XXXVII. Тоже	161
• XXXVIII. Тоже	163
XXXIX. Совѣщаніе старѣйшихъ іудейскихъ убить І. Христа и предательство Іуды	164
XL. Предатель Іуда Искаріотскій	166
XLI. Умовеніе Господомъ ногъ апостоламъ	170
XLII. Тайная вечера	171
XLIII. Прощальная бесѣда Господа съ апостолами	173
XLIV. Предсказаніе І. Христа объ отреченіи Петра	174
XLV. Гевсиманскій подвигъ І. Христа	178
XLVI. Самопреданіе Господа	180
XLVII. І. Христосъ у первосвященника Анны	181
XLVIII. Отреченіе Петра и его покаяніе	—
XLIX. Первый смертный приговоръ Синадріона	182
L. Поношеніе І. Христа отъ слугъ и стражей	183
LI. Второй смертный приговоръ Синадріона	184
LII. Расканіе и самоубійство Іуды	—
LIII. І. Христосъ на судѣ Пилата	188
LIV. І. Христосъ на судѣ Ирода	190
LV. І. Христосъ осуждается Пилатомъ на бичеваніе	192
LVI. Бичеваніе и поруганіе І. Христа воинами	193
LVII. Пилатъ осуждаетъ І. Христа на смерть	197
LVIII. Крестный путь	198
LIX. Распятіе І. Христа	200
LX. Надпись на крестѣ І. Христа	201
LXI. Раздѣлъ одежды, насаѣшки надъ распятымъ Господомъ и покаянная молитва распятаго разбойника	202
LXII. Помраченіе солнца и усыновленіе Іоанна Богоматери	203
LXIII. Смерть І. Христа	205
LXIV. Знаменія, возѣстившія смерть Богочелоѣка	207
LXV. Погребеніе І. Христа	208
LXVI. Время дѣйствовать Богу	210
LXVII. Воскресеніе Господа и явленіе Его миропосяцамъ	212
LXVIII. Явленіе Его апостоламъ и вознесеніе на небо	215
LXIX. Домостроительство нашего спасенія	216
LXX. Увѣщаніе апостола Павла изъ посланія къ Римлянамъ	226

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что возвѣщаютъ намъ судьбы Церкви Христовой и народовъ.

I. Сомѣстіе Св. Духа на апостоловъ	230
II. Явленіе I. Христа Савлу	231
III. Невѣрующіе! это вамъ въ лицѣ Савла явился Христосъ	234
IV. Но они и теперь въ свидѣтельству Савла относятся такъ же, какъ относились при его жизни	236
V. Проповѣдь апостоловъ и устройство ими церквей	238
VI. О томъ же	241
VII. О томъ же	—
VIII. О томъ же	242
IX. О томъ же	—
X. Посланіе апостола Іакова	243
XI. Посланіе ап. Петра	244
XII. Посланіе ап. Іоанна	246
XIII. Посланіе ап. Іуды	248
XIV. Посланіе ап. Павла къ Коринѣянамъ	249
XV. Посланіе его къ Евреямъ	250
XVI. Гоненіе христіанъ отъ іудеевъ и язычниковъ	255
XVII. Последнее гоненіе при императорахъ Діоклитіанѣ и Галеріи	257
XVIII. Св. мученики: дѣяконъ Стефанъ и апостолы	259
XIX. Игнатій Богоносецъ	260
XX. Епископъ Поликарпъ	261
XXI. Потамя	262
XXII. Дѣяконъ Лаврентій	263
XXIII. Волхвы, философы и еретики	264
XXIV. Побѣда Церкви надъ язычествомъ	265
XXV. Судьбы Іудеевъ и Іерусалима	266
XXVI. Продолженіе того же	268
XXVII. Усиліе Іуліана возстановить храмъ Іерусалимскій	269
XXVIII. Ересь Арія	—
XXIX. Первый Вселенскій Соборъ	271
XXX. Гоненіе Константія	272
XXXI. Гоненіе Іуліана	273
XXXII. Гоненіе Валента	—
XXXIII. Новыя ереси	274
XXXIV. Церковь явилась столпомъ и утвержденіемъ истины	275
XXXV. Что сдѣлало Церковь непреодолимой	277
XXXVI. Пустынники	279
XXXVII. Василій Великій	282
XXXVIII. Объ еретикахъ	288
XXXIX. Варварскіе народы разрушаютъ Западную Римскую имперію и присоединяются къ Церкви	289
XL. Магометъ	290
XLI. Образованіе магометанскихъ государствъ: сперва Арабскаго — Сараценскаго, а потомъ Турецкаго	292

XLII. Властолюбіе Римскихъ Папъ	294
XLIII. Римскій расколъ	297
XLIV. Тѣснота истинной Церкви Христовой и ея твердость	298
XLV. Образованность западныхъ народовъ	300
XLVI. Мартинъ Лютеръ	303
XLVII. Лютеранская церковь не есть церковь Христова-Соборная-Апостольская	304
XLVIII. Ереси и лже-мудрованія, возникшія послѣ Лютера на западѣ	307
XLIX. Вражда лжеименной мудрости противъ Христа	309
L. Другія нравственные извы запада	311
LI. Тлетворныя ученія запада проникаютъ въ наше отечество и устремляются на Церковь Христову	—
LII. Оплоть противъ невѣрія	313
LIII. Сѣти враговъ Христа для уловленія вѣрующихъ	316
LIV. О триничности Божества	317
LV. Богъ — Творецъ міра	320
LVI. Тайны міроздаія	322
LVII. Прародители въ раю	323
LVIII. Испытаніе и паденіе прародителей	326
LIX. Мы на самомъ опытѣ можемъ видѣть, какъ потерявшій вѣру въ Бога человѣкъ дѣлается ското- или змѣеобразнымъ животнымъ	327
LX. Четверо-Евангеліе какъ неприступныя стѣны ограждаютъ церковь	331
LXI. Любовь проявляется въ жертвахъ	333
LXII. Откровеніе и чудеса не противурѣчаютъ понятію о правдѣ Божіей	334
LXIII. Промыслъ Божій въ судьбахъ Русскаго народа	335
LXIV. Славяне! вотъ въ чемъ ваша слава!	337
LXV. Понимаемъ ли мы: какимъ сокровищемъ обладаемъ?	339
Заключеніе	346

Псалмы покаянные: 68, 24, 50, 87, 85, 69, 70, 129 и 122.

Псалмы хвалебныя: 114, 119, 120, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 105, 106, 110, 111, 112, 117.

Бесѣда вѣрующаго съ Богомъ: ис. 118.

Пѣснь восхожденія: ис. 140, 123, 128, 125, 124, 126, 127, 145.